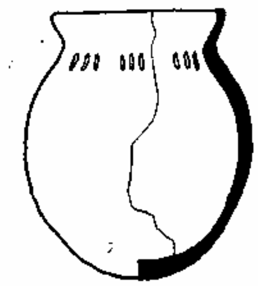
Академия наук СССР
Институт археологии

О. Н. Мельниковская

Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке

Издательство «Наука»
Москва 1967

Ответственный редактор
Ю.В.КУХАРЕНКО

1-6-2
64-67

От автора

Работы советских археологов в Верхнем и Среднем Поднепровье, особенно успешно развернувшиеся в послевоенные годы, направлены в первую очередь на решение важнейшей проблемы — происхождение и развитие культуры восточнославянских народов. Центральное место в этих работах заняло исследование памятников раннего железного века — эпохи, непосредственно предшествующей первым письменным источникам о славянах. Существенное значение имеет изучение отдельных археологических культур этого периода в Поднепровье, а также попытки связать их с некоторыми конкретными племенами, сведения о которых сохранились в древних письменных источниках. Без таких исследований невозможно ответить на вопрос, были ли автохтонными или когда появились на нашей территории предки славян, а также научно осветить более поздние этапы формирования древнерусской народности.

В нашей стране исследовались почти все основные группы памятников раннего железного века в Верхнем и Среднем Поднепровье (рис. 1). В Верхнем Поднепровье — среднедеснинские городища юхновской культуры, городища так называемой зольничной культуры Посеймья, городища Верхней Оки, городища со штрихованной керамикой Средней Белоруссии, южнобелорусские городища милоградской культуры, древнейшие городища Смоленщины. В Среднем Поднепровье — памятники скифского времени правобережной и левобережной лесостепи и предшествующие им памятники белогрудовского и чернолесского типа. В меньшей степени, к сожалению, изучались связанные с милоградской культурой Южной Белоруссии памятники подгорцевского типа, занимающие северные участки Среднего Поднепровья.

Наибольшее значение с точки зрения проблемы происхождения славян имеет исследование культур Среднего Поднепровья и бассейна Припяти, так как эта территория на основании гидронимических и других данных учеными — археологами и лингвистами — рассматривается непосредственно как прародина или часть территории прародины славян. На самом деле, очень вероятна связь населения, оставившего здесь памятники раннего железного века (прежде всего культуры скифского времени лесостепи и милоградской), через последующие этапы с древними славянами. В древности территория, занятая этими группами памятников, входила в огромный, можно думать этнически единообразный, массив племен, на основе которого в конце раннего железного века появились близкие между собой культуры полей погребальных урн. Территория милоградской культуры и скифского времени лесостепи в этот период была занята памятниками культуры полей погребений зарубинецкого типа, которая большинством исследователей признается за древнюю славянскую.

Вопрос о происхождении зарубинецкой культуры пока не решен. Существование гипотезы об ее сложении на основе местных памятников раннего железного века еще более определяет необходимость изучения памятников этой поры.

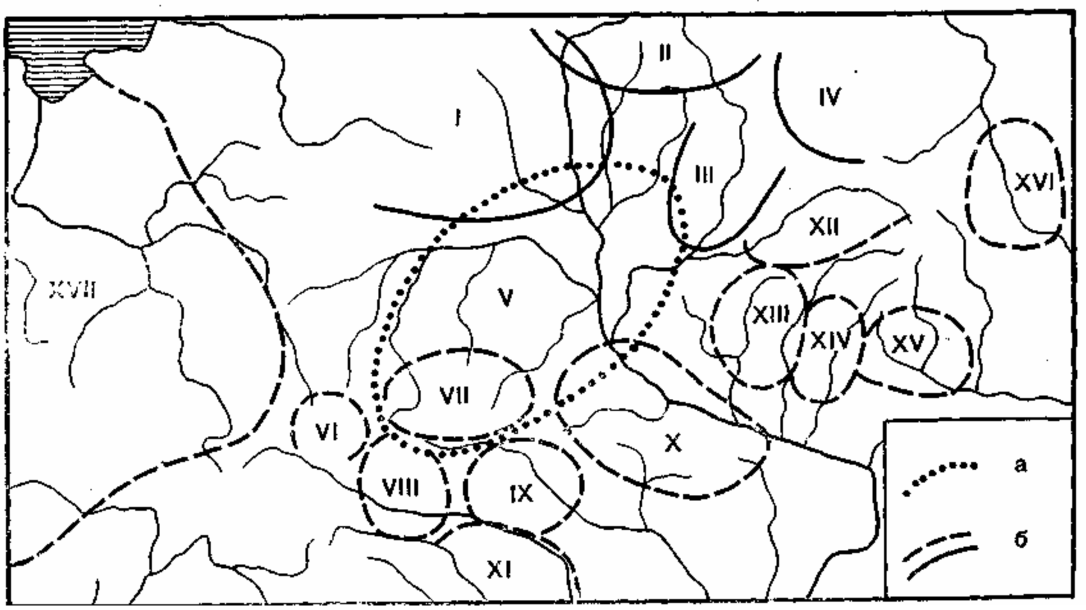

Рис. 1. Верхнее и Среднее Поднепровье и смежные области в раннем железном веке

а — схематическая граница милсградской культуры; *б* — схематические границы других археологических культур; I — *IV* — культуры лесной полосы Поднепровья; *I* — городища штрихованной керамики; *II* —днепро-двинская культура; *III* — юхновская культура; *IV* — верхнеоксше городища; v — ьилоградская культура; VI—XVI — культурные группы лесостепной полосы Среднего Поднепровья и смежных территорий со скифской или скифообразной культурой (по А. И. Тереножкину): VI — высоцкая, VII _ волынская, VIII — запвднопояольская, *IX* — восточноподольская; *X*— киево-черкасская, *XI* — молдавская, *XII* — сейминская, XIII — посульская, XIV — ворсклинская, *XV* — северодонецкая, XVI —воронежская; XVII — лужицкая культура

До последнего времени о культурах на территории Полесья мы знали очень мало. Несмотря на значительный интерес, который представляет эта терригория для решения вопроса о происхождении славянства, она долгое время оставалась в археологическом отношении неисследованной. Цель данного труда—осветить милоградскую культуру Южной Белоруссии, выделенную в последнее десятилетие и названную по одному из первых изучавшихся памятников — городищу у пос. Милоград Речицкого района Гомельской области. В книге автор дает характеристику полученных при раскопках материалов, пытается подвести итоги этим исследованиям. В целях более полной характеристики культуры, кроме материалов Славянской (Верхне-Днепровской) экспедиции, в составе которой работал автор, привлечены некоторые данные из довоенных печатных работ, архивы и фонды Института истории АН БССР, Ленинградского отделения Института археологии, Института археологии Украины, Киевского исторического музея и ряда других, а также коллекции по археологическим культурам смежных территорий*.

Юго-восточные районы Белоруссии (Гомельщина), где нами проводилось исследование милоградских памятников, являются лишь частью территории милоградской культуры, занимающей обширные пространства Украинского Полесья. Но они изучены еще слабо. Накопленные материалы привлекаются для сопоставлений и характеристики общих вопросов.

История милоградских племен только еще начала разрабатываться, поэтому была бы преждевременной сейчас попытка окончательного решения проблем, связанных с истоками милоградской культуры, ее этническим обликом и судьбой. Некоторые высказанные в данной работе общие положения требуют дополнительной аргументации и дальнейшей проверки исследованием.

* Автор благодарит всех исследователей, позволивших упомянуть в этой работе их неопубликованные материалы.

Введение

Исследование археологических памятников Южной Белоруссии началось в последние десятилетия XIX в. Из литературы этого периода укажем «Сведения 1873 г.», опубликованные Д. Я. Самоквасовым и содержащие краткие данные не менее чем о 100 городищах Гомельщины и Могилевщины, в том числе и о некоторых милоградских городищах.

Среди исследователей конца XIX — начала XX в. следует назвать в первую очередь Б. Р. Романова и В. З. Завитневича.

В. З. Завитневич впервые обследовал территорию бывшего Речицкого уезда — основного участка, на котором позже развернулись работы Славянской экспедиции, однако памятники раннего железного века им выделены не были [1]. Более детальные сведения опубликовал Е. Р. Романов в нескольких статьях, главным образом в сводке-перечне городищ Гомельщины [a], где он впервые попытался распределить городища по типам и дал, хотя и со значительной ошибкой, хронологическое определение. По мнению Е. Р. Романова, городища возникли только в V—VI вв., н. э.

Систематические исследования археологических памятников в Белоруссии начались после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1921 г. в Минске был организован Институт белорусской культуры (Инбелкульт), который и возглавил эти работы (позже — Академия наук БССР). В течение 20—30-х годов проводились широкие археологические разведки[3].

С юго-восточными областями Белоруссии связаны работы К. М. Поликарповича по обследованию отдельных участков Днепра, Сожа, Ипути и Беседи, А. Н. Лявданского, А. Д. Ковалени и С. А. Дубинского — по Днепру, Сожу, Случи, Припяти, А. Рынейского — до Птичи, И. Х. Ющенко— по Днепру и Брагинке, в районе устья Припяти[4] и др. Исследователи не всегда ограничивались

[1] В. З. З а в иІ т н е в и ч. Из археологической экскурсии в Припятское Полесье. «Чтения в обществе Нестора Летописца», кн. IV, Киев, 1890, стр. 1—29; Он же. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье. «Чтения в обществе Нестора Летописца», кн. VI. Киев, 1892, стр. 11—72; О н ж е. Археологические разыскания в бассейне Березины. ОАК за 1892 г. СПб., 1894, стр. 124—159.

[2] Е. Р. Р о м а н о в. Археологический очерк Гомельского уезда. «Записки Северо-Западного отделения РГО», кн. I. Вильно, 1910, стр. 97—128.

[3] А. Г. М и т р о ф а н о в. К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа. Л., 1955, стр. 5, 6. Автореф. канд. дисс.; С. А. Д у б і н с к і. Археологічная праца на БССР ў 1928—1929 акад. годзе. Працы II, стр. 503, 504.

[4] К. М. П а л і к а р п о в і ч. Досьледы культур каменнага і бронзавага пэрыядаў ў усходняй Беларусі Працы I, стр. 263—274; О н ж е. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга і Нижняга Сажа (па досьледах 1926 г.). Працы I, стр. 123—252; Он же. Дагистарычныя стаянкі Сяреднягa Сажа. Матарьялы абследованьня 1927 г. Працы II, стр. 383—478; Он же. Раскопки в районе рр. Ипути и Судости. Архив ЛОИА, ф. 2, д. 146, 1930, и др. работы; А. Н. Л я в д а н с к и й. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. Сообщения ГАИМК № 7—8 за 1932 г., стр. 54—61; О н ж е. Археолёгічныя досьледы ў БССР пасьля Кастрычникацкай рэволюцыі. Працы III, стр. 215—

разведочными работами. В различных районах Белоруссии, главным образом в центральной ее полосе, они произвели небольшие раскопки городищ и разведочные раскопки на городищах в Южной Белоруссии, однако сведений об этом в печати почти нет. Из разных источников можно лишь установить, что И. Х. Ющенко провел небольшие раскопки (возможно, шурфовку) на городище у дер. Асаревичи Комаринского района Гомельской области [5], где позже нами исследован могильник милоградской культуры, а А. Н. Лявданский и С. А. Дубинский — раскопки на городищах в г. Рогачеве [6], в дер. Леваши [7] и пос. Луначарск (бывший Бригидов) [8] Речицкого района (памятники эпохи Киевской Руси, нижние слои содержат незначительные материалы раннего железного века). Имеется в печати и упоминание о раскопках у дер. Селище под Слуцком [9] и на трех городищах, в районе Мозыря [10]. Проводились небольшие раскопки, фактически шурфовка, нескольких городищ в Посожье. В отдельных случаях при городищах отмечены селища и следы древних могильников. А. Н. Лявданский и С. А. Дубинский раскапывали городище в г. Чечерске (1926, 1928 гг.?) и у дер. Шопотовичи (1928 г.) Чечерского района Гомельской области[11]. Более значительные работы (несколько траншей) А. Н. Лявданский и А. Д. Коваденя произвели в 1936 г. на городище у дер. Лядцы (теперь Ворновка) Кормянского района Гомельской области [12].

Из довоенных раскопок городищ некоторый интерес представляют раскопки И. Х. Ющенко на городище в дер. Любны в окрестностях Гомеля (правый берег Сожа). Здесь в 1925, 1926 и 1929 гг. вскрыта значительная площадь, обнаружены следы жилищ, культовые ямы и погребения [13]. К сожалению, методика раскопок И. Х. Ющенко несовершенна, о чем наглядно свидетельствует сохранившийся план 1925 г.[14] Вся площадь этого небольшого городища (2000 м^2) изрезана траншеями. На плане нанесено 30 траншей и 5 шурфов, не считая старых раскопок Шендзиковского и Романова. Все это значительно снижает ценность памятника, не позволяет составить четкого представления о характере жилищ, планировке и т. д. Материал раскопок И. Х. Ющенко так же, как и материалы раскопок других исследователей, по возможности использованы нами при характеристике отдельных сторон материальной культуры. Необходимо отметить, что время существования этого типичного для раннего железного века Гомельщины городища — вторая половина I тысячелетия н. э.[15] — определено автором раскопок со значительной ошибкой.

В результате работ, проведенных в Белоруссии еще до Великой Отечественной войны, появилась возможность наметить первую краткую классификацию городищ и стадии их развития, что и было сделано А. Н. Лявданским. В частности, им дана краткая характеристика городищ Южной (Юго-Восточной) Белоруссии и

218; О н ж е. Археолёгічная праца ў БССР за 1930—1931 гг. Працы III, стр. 226; А. Н. Лявданский, А. Д. Коваленя. Дневник работ по Сожу, 1936 г. (Архив ИИ БАН, рукопись); С. А. Д у б і н с к і. Досьледы культур железнага пэрыяду на Вщебщчине, Магілеўшчйне и Меншчыне. Працы I, стр. 275—284; О н ж е. Археолёгічная праца на БССР ў 1928—1929 акад. годзе, стр. 503—504; А. Р ы н е й с к і. Археолёгічныя разведкі на р. Пціч. Працы III, стр. 197—214; I. Х. Ю ш ч а н к а. Археологічныя досьледы ў Гомельскай акрузе. Працы II, стр. 513—515; Он же. Археолёгічныя абсьледованьне р. Брагінкі (вадазбор ніжняй Прыпяці). Працы III, стр. 241, 242. К сожалению, составленная на основании работ белорусских археологов картотека памятников утрачена во время Великой Отечественной войны.

[5] I. Х. Ю ш ч а н к а. Археолёгічныя досьледы ў Гомельскай акрузе, стр. 513, 515; Он же. Археолёгічныя досьледы на Гомелыпчыне. «Звязда». Менск, 1929, № 249; Он же. Археолёгичныя досьледы. «Савецкая Беларусь», 1929, № 252; фонды ИИ БАН, № 962.

[6] А. Н. Л я ў д а н с к і. Кароткае паведомленьне аб досьледах культур эпохі жалеза ў БССР ў 1930—1931 гг. Працы III, стр. 232; Фонды ИИ БАН, № 189.

[7] Фонды ИИ БАН, 1402, 1935 г.

[8] Фонды ИИ БАН, без номера; устные сведения о раскопках в 1928 г. городища и курганного могильника.

[9] А. Г. М и т р о ф а н о в. К истории населения Средней Белоруссии..., стр. 7; Фонды ИИ БАН.

[10] С. А. Д у б і н с к і. Досьледы культур жалезнага пэрыяду на Віцебшчыне...

[11] А. Н. Л я в д а н с к и й. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. «Известия Смоленского государственного университета», т. III, вып. 3. Смоленск, 1926; С. А. Д у б і н с к і. Досьледы культур жалезнага пэрыяду на Віцебшчыне...; фонды ИИ БАН, № 17, 24, сборы А. Д. Ковалени 1936 г., № 1690.

[12] А. Н. Л я в д а н с к и й, А. Д. К о в а л е н я. Дневник работ по Сожу, 1936.

[13] I. Х. Ю ш ч а н к а. Археолёгічныя досьледы ў Гомельской акрузе, стр. 515; О н ж е. Отчет о раскопках Любенского городища в 1925 г. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 175, 1925; Он же. По следам исчезнувшей культуры. «Рабочий досуг». Гомель, 1926, № 2, апрель, стр. 12, 13, рис.; 3ь м. Д а ў г я л а. Новыя раскопкі каля Гомеля. «Гістарычна-археолёгічны зборнік», № 1. Менск, 1927, стр. 363, 364.

[14] И. Х. Ю щ е н к о. Отчет о раскопках Любенского городища в 1925 г. Архив ЛОИА, ф. 2, 1925, оп. 175.

[15] Зьм. Д а ў г я л а. Новыя раскопки каля Гомеля, стр. 364.

определена северная граница их распространения[16].

А. Н. Лявданский говорит об отличии памятников южно-белорусского типа от более северных, отмечая в то же время определенные связи первых с памятниками Украины. Следует учитывать, однако, что материалы древнейших белорусских городищ и зарубинецкой культуры в то время еще не были разграничены, так что понятие южно-белорусский тип у А. Н. Лявданского недостаточно определенное. По Лявданскому, для южно-белорусских городищ характерны гладкостенная керамика, наземные жилища, устройство укрепленных загонов для скота, поля погребений с трупосожжениями в неглубоких ямках (последний вывод сделан на основании открытых погребений зарубинецкого типа). Городище А. Н. Лявданский рассматривает как укрепленный центр родовой общины, он отмечает занятие населения мотыжным земледелием, скотоводством и охотой. По его мнению, недостаточная исследованность городищ не позволяет судить о времени начала железного века в Белоруссии. Возникновение древнейших городищ А. Н. Лявданский условно относит к началу новой эры и к «периодам, предшествующим этому времени»[17].

Ценность данных А. Н. Лявданского снижает их чрезмерная краткость и общий характер, в них не отражена специфика отдельных сторон культуры, неясно, в чем отличие культуры Южной Белоруссии от культур смежных территорий[18]. Великая Отечественная война не только отсрочила изучение памятников, но и принесла с собою гибель архивов и коллекций. Вследствие этого в послевоенные годы археологическое изучение Белоруссии, особенно южных ее районов, пришлось начинать снова.

Для нашей темы некоторый интерес представляют послевоенные раскопки А. Г. Митрофанова на городищах Центральной Белоруссии. Их результаты, а также материалы из довоенных раскопок городищ «культуры штрихованной керамики» были обобщены исследователем в диссертационной работе [19]. Изучая материальную культуру среднебелорусских городищ, А. Г. Митрофанов пришел к выводу, что если западные памятники на этой территории по своему облику повторяют литовские пилькалнисы, то в восточной группе «городищ штрихованной керамики» прослеживаются некоторые черты, близкие памятникам Южной Белоруссии (прежде всего в керамике). Исследователь подчеркивает, однако, отличие многих сторон материальной культуры восточной группы от южнобелорусских городищ, утверждая, что в целом это две самостоятельные культуры [2о]. К рассмотрению взаимосвязей милоградской культуры с восточной группой городищ штрихованной керамики мы вернемся ниже.

С 1951 г. приступает к работе в Южной Белоруссии Славянская экспедиция Института археологии АН СССР, которую возглавил член-корреспондент Академии наук СССР П. Н. Третьяков. После предварительного разведочного маршрута по Днепру и Припяти экспедиция начала раскопки памятников. В 1951—1953 гг. П. Н. Третьяков провел раскопки на Чаплинском и Моховском II городищах на Гомельщине, где имеются милоградские и зарубинецкие слои. В 1952 г. Ю. В. Кухаренко и О. Н. Мельниковская приступили к раскопкам городищ милоградской культуры в деревнях Милоград и Горошков. В 1952—1953 гг. Ю. В. Кухаренко исследовал зарубинецкий могильник при Чаплинском городище, в котором было несколько погребений дозарубинецкого времени. В последующие годы па~мятники раннего железного века Юго-Восточной Белоруссии изучал Гомельский отряд под руководством О. Н. Мельниковской. Отряд произвел раскопки городищ милоградской культуры в деревнях Горошкове, Милограде, Мохове (Моховское I городище), Глыбове, Борхове, Колочине (Колочинское II городище) и других, могильников милоградской культуры в деревнях Горошков, Мохов, Асаревичи, селищ милоградской культуры в деревнях Горошкове и Милограде. Для выяснения взаимосвязи памятников милоградской культуры с последующими зарубинецкими памятниками Гомельский отряд вскрыл небольшие площади на могильнике и селище зарубинецкой куль-

[16] А. Н. Л я ў д а н с к і. Археолёгічныя досьледы ў БССР пасьля Кастрычнікаўскай рэволюцыі, стр. 215—218; Он же. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции, стр. 54—€1; Он же. Археолёгічныя досьледы ў вадазборе рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смоленскай губ. Працы II, стр. 336; Он же. Протоколы. Працы I.

[17] А. Н. Л я ў д а н с к и и. Археолёгічныя досьледы ў БССР пасьля Кастрычнікаўскай рэволюцыі, стр. 216; Он же. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции, стр. 54—61.

[18] О деятельности А. Н. Лявданского см. статью: «Памяти Александра Николаевича Лявданского». СА, 1964, № 1, стр. 120—125, где приведен список печатных работ А. Н. Лявданского.

[19] А. Г. М и т р о ф а н о в. К истории населения Средней Белоруссии ...

[20] Там же, стр. 9.

туры в дер. Горошкове [21]. Одновременно велись разведочные работы на Правобережье и частично Левобережье Днепра, правобережье Припяти, правобережье Сожа, в низовьях Березины, по рекам Птичи, Ипути, Проне и Брагинке. Богатые городищами районы Засожья (реки Покоть, Беседь) пока еще не обследованы нами. По данным И.И.Ляпушкина, в верховьях Снови также встречаются милоградские городища.

К милоградской культуре в Полесье относятся исследованные Ю. В. Кухаренко в 1955 — 1956 гг. курганный могильник у дер. Дубой, в устье Горыни, Моисеевское городище (небольшие раскопки 1953 г.) и несколько других памятников [22].

Кроме Славянской экспедиции, работы в Южной Белоруссии вел сектор археологии Института истории БАН, который продолжил исследование комплекса памятников в Чаплине [23] и осуществил небольшие разведочные маршруты по Днепру и Припяти. Городище послезарубинецкой поры у дер. Колочин Речицкого района (Колочинское I), полностью раскопанное в 1955—1958 гг. Э. А. Сымоновичем, содержит в нижних слоях незначительное количество материалов милоградской и зарубинецкой культур [24].

Характеристике памятников милоградского типа посвящено несколько наших статей [25].

[21] О. Н. Мельниківська. Поселения і могильник зарубінецкоі культури в Південній Білорусії «Археологія», т. XVIII. Киів, 1965, стр. 196—205.

[22] Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, Д1—29, 1961.

[23] Л. Д. Поболь. Поселения и могильник зарубинецкой культуры в Чаплине (к вопросу о ранней восточнославянской культуре в южной части БССР). М., 1960. Автореф. канд. дисс.; Он же. К вопросу о позднеродовом обществе в южной части БССР по раскопкам в Чаплине. «Материалы конференции молодых ученых Академии наук БССР». Минск, 1958, стр. 10—14.

[24] Э. А. Сымонович. Раскопки городища Колочин I в Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 77, 1959; Он же. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, № 108, 1963.

[26] О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 28—39; Она же. Памятники раннего железного века Верхнего Поднепровья. КСИА АН УССР, вып. 7, 1957, стр. 46—48; Она же. Памятники раннего железного века Юго-Восточной Белоруссии (милоградская культура). КСИА, 1963, вып. 94, стр. 9—19; Она же. О взаимосвязи памятников милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии. СА, 1963, № 1, стр. 32—41; Она же. Могильник милоградской культуры в д. Горошков в Южной Белоруссии. СА, 1962, № 1, стр. 163—172; Она же. Клад латенского времени из Юго-Восточной Белоруссии. Сб. «Материалы ло археологии БССР», т. I. Минск, 1957, стр. 149—154.

П. Н. Третьяков опубликовал милоградские материалы с Чаплинского и Моховского II городищ [26]. Им же в печати не раз затрагивались и общие вопросы, связанные с милоградской культурой. Перечень, краткое описание и ряд планов памятников милоградской культуры Левобережья Днепра, а также таблицы типичных находок даны в «Своде археологических источников», посвященном изучению территории междуречья Днепра и Десны [27].

Таким образом, источниковедческая база настоящей работы создана в основном в результате полевых исследований последнего десятилетия. Большинство материалов, полученных для характеристики милоградской культуры Белоруссии, добыто раскопками автора. Ниже мы приводим краткую характеристику основных исследованных нами памятников [28].

Комплекс памятников раннего железного века в дер. Горошков Речицкого района Гомельской области, правый берег Днепра. В него входят пять памятников: городище, селище и могильник милоградской культуры, селище и могильник зарубинецкой культуры [29].

1. Городище в дер. Горошков расположено на невысоком мысу коренного берега Днепра. Среди большинства других родовых укреплений Южной Белоруссии оно выделяется своими значительными размерами. Площадь его с наружной линией укреплений, от которой не сохранилось внешних признаков, составляла не менее 20 тыс. м^2, в то время как размеры многих городищ не выходят за пределы 5—6 тыс. м^2. Внутренний вал делит городище на две неровные части: расположенную на мысу жилую часть и значительно большую по размерам остальную часть поселения. 'Эта, вторая, площадка, заключенная между внешним и внутренним валами, была занята могильником.

Раскопки производились в 1952, 1954—1961 гг., общая вскрытая площадь составила около 5400 м^2, из них на жилой части городища раскопано 2700 м^2, что составляет более половины ее площади. На городище сделаны разрезы обоих валов.

[26] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959, стр. 119—153; Он же. Моховское второе городище. КСИА, вып. 81, 1960, стр. 43—48.

[27] «Древности железного века в междуречье Десны и Днепра». САИ, Д1-12, 1962.

[28] Более подробные данные об отдельных сторонах материальной культуры см. в соответствующих разделах работы.

[29] План Горсшковсксго городища см. в статье: О. Н. Мельниковская. Могильник милоградской культуры в д. Горошков в Южной Белоруссии,стр.164, рис.1.

Культурный слой (средняя мощность 0,6 м) по внутреннему строению однороден, не расчленяется на отдельные слои, не имеет стерильных прослоек. О поздних этапах жизни на городище свидетельствует наличие небольшой примеси зарубинецких материалов, не выделяющихся в самостоятельные комплексы. Это обстоятельство не снижает сколько-нибудь значительно ценности Горошковского городища. Наоборот, оно дает возможность судить о взаимосвязи этих двух групп населения, помогает расчленить материал милоградской культуры во времени. Характер культурного слоя городища, огромное количество прорезающих его ям и других сооружений говорит о длительном и интенсивном использовании площади. Об этом же свидетельствует значительное число найденных отдельных вещей, сосудов, костей животных и т. д., которое выделяет Горошков среди других исследованных нами памятников. На городище найдено четыре клада украшений и орудий труда. Ряд данных показывает своеобразие Горошковского городища, отличие его от других памятников милоградской культуры Белоруссии. Возможно, городище являлось культовым центром рода или племени.

Горошковское городище, судя по найденным там фибулам, предметам импорта и другим вещам, существовало, по-видимому, со второй половины IV по I в. до н. я. или несколько позже.

На раскопанном участке жилой площадки городища обнаружены следы жилищ и большого количества всевозможных подсобных помещений, погребов и ям, сооружения производственного и ритуального характера. Иногда остатки сооружений удается расчленить во времени, особенно при наличии в комплексах зарубинецких включений (если комплексы не нарушены ямами). Определена планировка раскопанной части поселения.

Материалы Горошковского городища составляют значительную часть коллекций по милоградской культуре Южной Белоруссии[30]. Они дают основу для общей классификации, позволяют обрисовать нам экономическую жизнь, быт и культуру древнего населения.

2. Могильник милоградской культуры в дер. Горошков — первый могильник милоградского типа, на котором произведены значительные раскопки (в 1954—1955,1959—1961 гг.), позволившие впервые определить характер и дать краткую характеристику памятникам этого рода [31]. Могильник расположен непосредственно за жилой частью городища, занимая площадку между наружным и внутренним валом и далее за пределами городища на плато. Он представляет собой поле погребений — трупосожжения в круглых и удлиненных ямах. Раскопками вскрыта, как можно предполагать, большая часть могильника, обнаружены следы не менее 100 погребений. Изредка в погребениях встречается бедный инвентарь. Выяснена планировка могильника. Некоторые стратиграфические наблюдения показывают, что на участке, примыкающем с внутренней стороны к наружному валу городища, часть погребений перекрыта полой насыпи милоградского вала (вторая подсыпка), не уходя, однако, под основание вала первых двух периодов его существования (первоначальная насыпь и первая подсыпка). Открытие могильника важно для решения вопроса о взаимосвязи милоградской культуры с зарубинецкой. Материалы зарубинецкой культуры или переходные к зарубинецким типам здесь отсутствуют. Отдельные погребения позволяют более четко определить время основания городища или периоды, непосредственно предшествующие его основанию.

3. Селище милоградской культуры в дер. Горошков располагается к северу от городища, сразу за его валами. Площадь участков, непосредственно примыкающих к наружному валу городища, частично перекрыта милоградским могильником. Далее на север, в глубь плато, как на площадке расположенного здесь могильника зарубинецкой культуры, так и зарубинецкого селища, материалы милоградской культуры встречаются очень редко. Четко выраженного культурного слоя на селище нет. Раскопки показали, что поселение существовало очень недолго. Данные о характере селища получены нами при работах за наружным валом городища в 1954—1955, 1960 гг. (вскрытая площадь 400 м^2). Кроме редких милоградских погребений, здесь были исследованы остатки углубленной в грунт удлиненной постройки, из заполнения которой извлечено большое количество обломков сосудов раннемилоградских форм, отличающихся от материалов городища более архаическим обликом. Древность сооружения доказывается также стратиграфи-

[30] Коллекции из раскопок Горошковского городища, так же, как и из других исследованных нами памятников милоградской культуры, и материалы разведок хранятся в Гомельском областном (материалы 1954—1955 гг.) и Речицком районном (материалы 1956—1960 гг.) краеведческих музеях.

[31] О. Н. Мельниковская. Могильник милоградской культуры в д. Горошков в Южной Белоруссии, стр. 163—172.

ческими наблюдениями: край его был перекрыт милоградским погребением. Присутствие в заполнении этой постройки небольшого количества кальцинированных человеческих костей возможно следует объяснять не только тем, что ее площадь могла быть прорезана другими милоградскими погребениями, но и культовым назначением постройки (судя по аналогиям на городище). В украшении посуды из постройки значительное место занимает «жемчужный» орнамент, характерный для ранних милоградских памятников Белоруссии. В формах сосудов есть черты, не находящие аналогий в белорусских материалах, но представленные в ранних милоградских памятниках на территории Украины.

Другие материалы с селища идентичны по облику описанным выше. Таким образом, селище в Горошкове является пока древнейшим доселением милоградской культуры в Южной Белоруссии. Оно должно быть датировано скорее всего VI в. до н. э.

4. Могильник зарубинецкой культуры в дер. Горошков [32] расположен на невысоком естественном всхолмлении в 100—200 м к северу от городища. В 1958 г. на могильнике была вскрыта площадь 170 м^2, на которой обнаружено пять погребений, аналогичных по обряду и характеру инвентаря погребениям Чаплинского могильника. В одном из них (с зарубинецкой миской) среди костей найден бортик сосуда милоградского типа, возможно попавший сюда из слоя расположенных рядом милоградских раннего селища и могильника. Наибольший интерес представляет погребение № 5 с богатым инвентарем I в. до н. э.

5. Селище зарубинецкой культуры в дер. Горошков находится в 200—300 м к северу от городища, отдельные фрагменты керамики (а также кальцинированные кости) встречаются и далее на север, на расстоянии до 500 м от городища. В 1959 г. на селище заложен раскоп, в предыдущие годы производилась шурфовка. Раскопана площадь 135 м^2. Здесь обнаружено жилище с раннезарубинецким комплексом керамики. В заполнении его имеется несколько мелких милоградских черепков, возможно подавших из слоя, где они изредка встречаются. Однако они не нарушают его типичный в целом зарубинецкий характер.

Городище и селище у пос. Милоград Речицкого района Гомельской области, правый берег Днепра, южнее устья Березины.

1. Городище у пос. Милоград занимает мыс коренного берега Днепра. Как и городище в Горошкове, кроме наружной линии укреплений, оно имеет выделенный валами внутренний участок, служивший собственно местом поселения. Площадь городища 10 тыс. м^2, из них примерно 4 тыс. м^2 заняты жилой частью. Культурного слоя на внешней площадке городища нет; при раскопках на этой части, кроме следов укреплений по краю городища, ничего обнаружить не удалось. Раскопки здесь производились в 1952 г. Ю. В. Кухаренко, в 1955, 1957—1958, 1961 гг. О. Н. Мельниковской. Всего на городище вскрыто 800 м^2. Культурный слой средней мощностью в 0,5 м однороден по строению, не расчленяется на слои и не имеет прослоек, сравнительно насыщен керамикой и отдельными вещами, однако от Горошковского городища его отличает почти полное отсутствие костей животных.

На раскопанной части жилой площадки изучены следы нескольких жилищ и значительного числа хозяйственных сооружений. Определен принцип планировки поселения. На городище, кроме находок «чистых» милоградских, было обнаружено несколько смешанных милоградско-зарубинецких комплексов. Так, в заполнении жилища, раскопанного в 1957 г., находилась милоградская и зарубинецкая керамика и большое количество бронзовых вещей,в том числе фибулы позднелатенской схемы. Милоградское городище дало важные материалы для решения вопроса о характере взаимосвязей милоградского и зарубинецкого населения на Верхнем Днепре [33], способствовавшие также членению культуры на отдельные хронологические этапы. В настоящее время нет твердых оснований для определения нижней даты Милоградского городища, однако, судя по отдельным черепкам с «жемчужным» орнаментом в основании укреплений, можно предполагать, что оно возникло в IV или в III в. до н. э. Поздняя дата городища, бесспорно определяемая по фибулам I—II вв. н. э., совпадает с концом милоградской культуры на территории Белоруссии. Во всяком случае памятников этого типа, относящихся к более поздним периодам, мы пока не знаем.

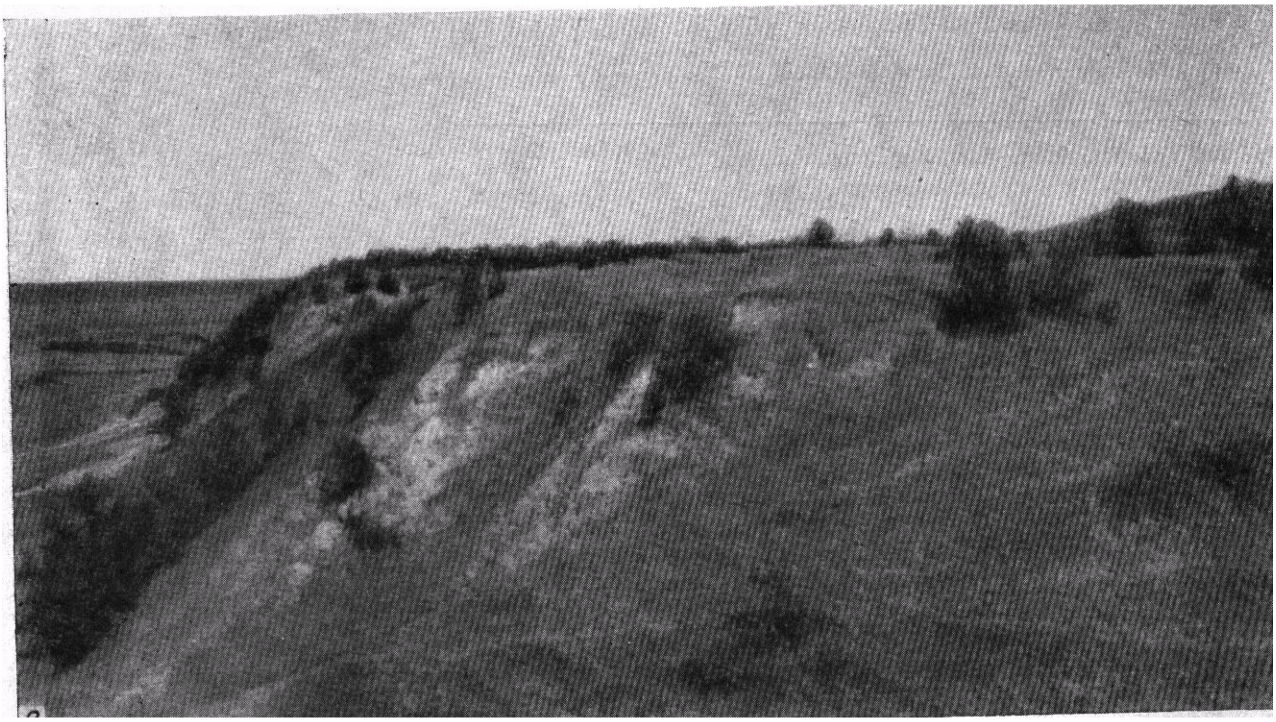
2. Селище милоградской культуры у пос. Милоград расположено за валами городища, к северу от него, на плато. Вскрытая площадь на селище составляет около 300 м^2. Культурный слой слабо выражен, содержит незначительное

[32] О. Н. М е л ь н и к і в с ь к а. Поселения і могильник зарубинецкоі культури в Південній Білорусії, стр. 196—205.

[33] О. Н. М е л ь н и к о в с к а я. О взаимосвязи памятников милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии, стр. 32 —41. План городища см.стр.34, рис.1.

Рис.2. Виды городищ
— Моховское I; *2* — Моховское II

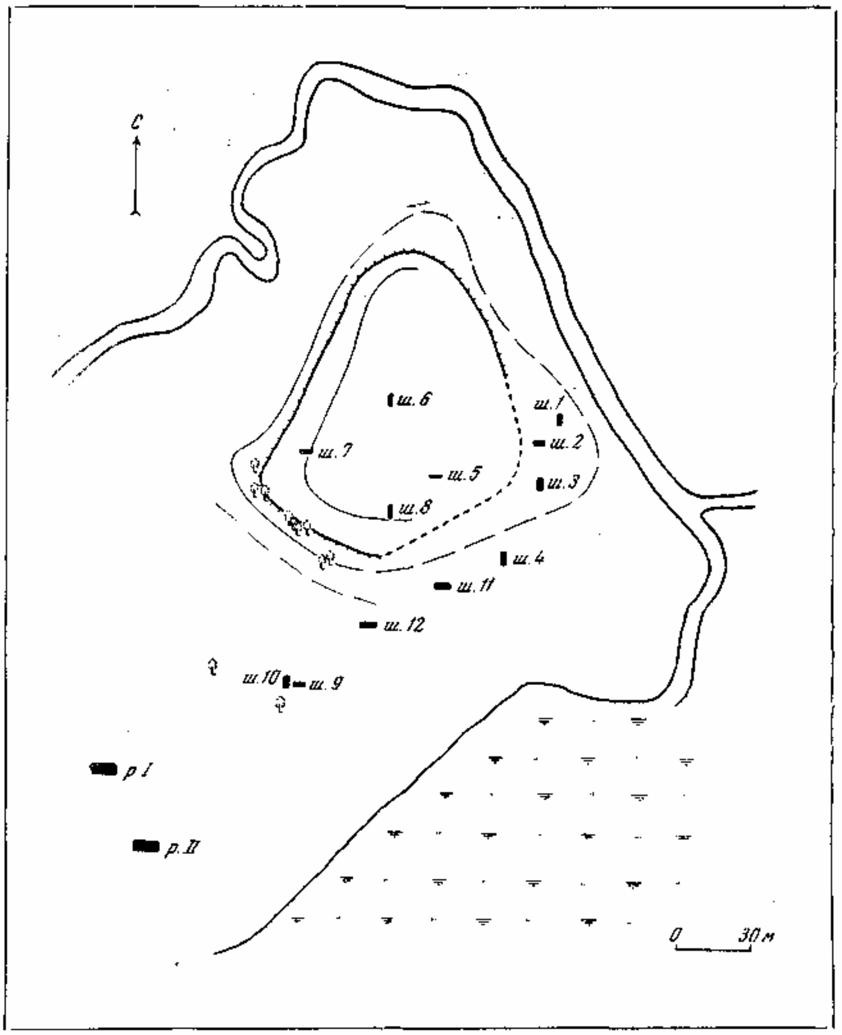

Рис. 3. Схематический план городища Асаревичи (буквой *р* обозначены раскопы; ш — шурфы)

количество милоградской и зарубинецкой керамики. При раскопках 1955 г. были выявлены следы жилища с поздним милоградским комплексом вещей и единичными зарубинецкими черепками.

Городище и могильник у дер. Мохов. (Моховское I городище) Лоевского района Гомельской области. Расположено оно на мысу коренного (правого) берега Днепра, имеет одну площадку, ограниченную со стороны плато валом (рис. 2, 7). Это одно из крупнейших в Южной Белоруссии городищ, превышающее по своим размерам городище в Горошкове. Культурный слой его незначительной мощности (0,3—0,4 м), почти не окрашен, слабо насыщен вещами, почти не содержит костей животных. За валом городища, на плато, встречаются милоградские черепки. Не исключено наличие селища. Раскопки на городище и за его валами производились в 1955—1956, 1961 гг. Общая вскрытая площадь составляет 820 м^2. Все материалы железного века с городища и с площади за его валами относятся к милоградской культуре [34]. Признаки зарубинецкой культуры отсутствуют. На Моховском I городище в 1955—1956 гг. раскопана большая землянка, в которой найден богатый и выразительный керамический комплекс раннего периода милоградской культуры, скорее всего V—IV вв. до н. э. Материалы с этого городища вкупе с материалами селища в Горошкове и другими данными способ-

[34] На месте городища располагается стоянка эпохи бронзы (сосницкая культура).

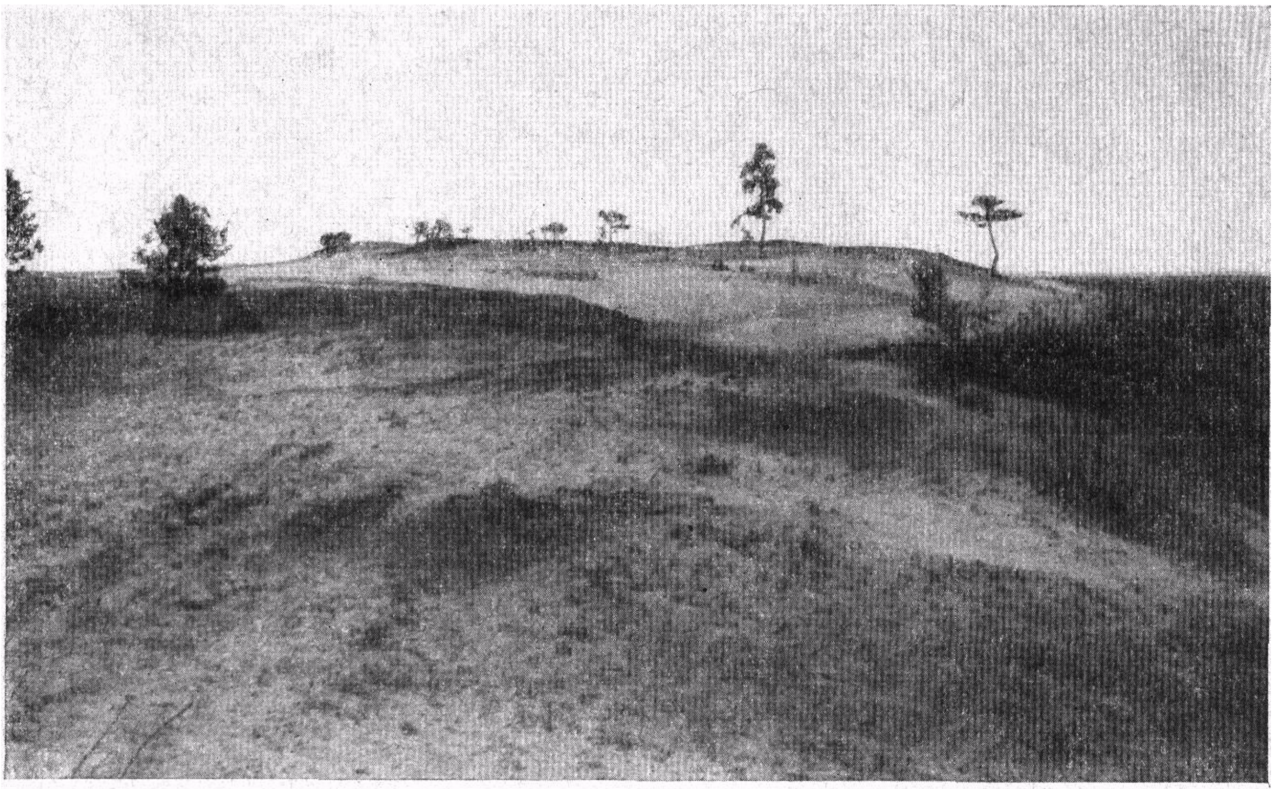

Рис. 4. Вид городища Асаревичи

ствовали выделению раннего этапа на милоградских памятниках Белоруссии. При раскопках 1961 г. на площади городища в непосредственной близости от жилища 1955 — 1956 гг. обнаружены в массовом количестве типичные милоградские погребения, аналогичные погребениям Горошковского могильника. Кроме погребений, на площадке городища при раскопках за валом городища обнаружены три трупосожжения.

Городище и могильник у дер. Асаревичи Комаринского района Гомельской области, правый берег Днепра, севернее устья Припяти.

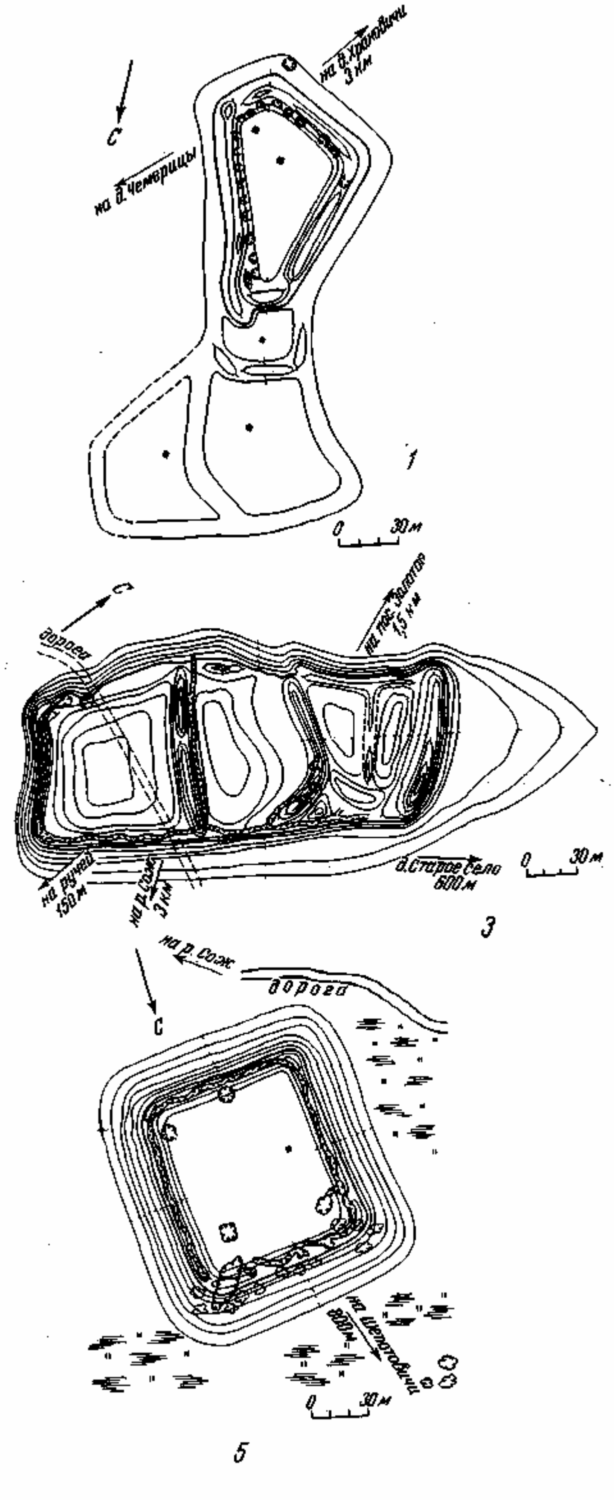
Городище занимает конец длинной дюнной гряды, окруженной с трех сторон р. Лебедевкой, притоком Днепра. Вся поверхность гряды, в том числе и площадка городища, в настоящее время представляет собой сплошные передвижные пески, под которыми с трудом угадываются первоначальные очертания городища (площадка квадратной формы) [35] (рис. 3 и 4). Обследование и шурфовка показали, что площадка городища перекрыта мощным слоем балласта, что делает ее почти непригодной для раскопок. При обследовании участков за валами городища, на песках собрано много милоградской керамики, часто в виде скоплений фрагментов одного сосуда, а также значительное количество металлических вещей, стеклянных бус, пряслиц и других предметов. В заложенных здесь двух раскопах и шурфах, а также при исследовании мест скоплении керамики и других предметов, иногда удавалось обнаружить следы ям с золистым заполнением и кальцинированными костями, в одном случае с зубами жертвенных животных, т. е. типичные погребения милоградской культуры.

Для Асаревичского городища и могильника характерны ранние милоградские формы сосудов, схожие с керамикой из Моховского I городища. Весь вещественный материал с городища и могильника хороню укладывается в рамки, определяемые скифскими наконечниками стрел — конец V начало III в. до н. э. Специфичным для могильника в Асаревичах является, по-видимому, относительное богатство инвентарей погребений по сравнению с

[35] На этой же площади располагается стоянка бронзового века (сосницкая культура).

РИС. 5. Планы некоторых городищ Гомельщины

1 — Новая Гребля; 2 — Щитцы; *3* — Старое Село; *4* — Чикаловичи; *5* — Шепотовичи; 6 — у дер. Городок (на юг от г. Лоева)

могильниками в Горошкове и Мохове. Впрочем, скифские и местные наконечники стрел могут быть с могильником и не связаны. Частые находки их на валах городища,возможно, свидетельствуют о борьбе населения городища с нашествиями лесостепных племен. О проникновении этих племен на территорию Белоруссии свидетельствует расположенный неподалеку от Асаревичского городища скифский курганный могильник у с. Малые Ладыжичи [36].

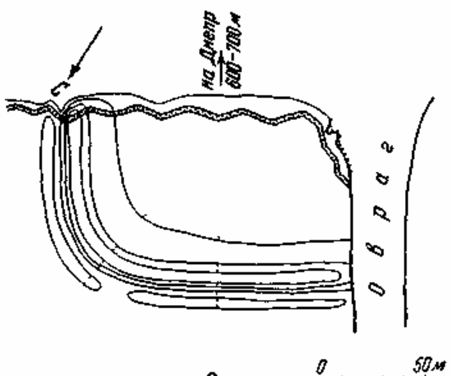
Городище в дер. Глыбов Речицкого района, правый берег Днепра, южнее устья Березины (в 4 км на юг от Милоградского городища).

Занимает участок коренного берега Днепра между двумя оврагами. Площадка городища со стороны плато ограничена валом дугообразной формы. На городище и за его валами произведены раскопки в 1955, 1961 гг. (вскрытая площадь около 200 м^2). Культурный слой мощностью в 0,5 м однородного строения, без прослоек, средней насыщенности. Из исследованных памятников Глыбовское городище по характеру находок и типам сосудов ближе всего Горошковскому, однако жизнь на нем прекратилась раньше. Особенно интересно оно тем, что, не относясь к числу древнейших, в то же время не содержит материалов зарубинецкой культуры. При раскопках городища обнаружены следы жилищ и хозяйственных построек, значительный вещественный материал.

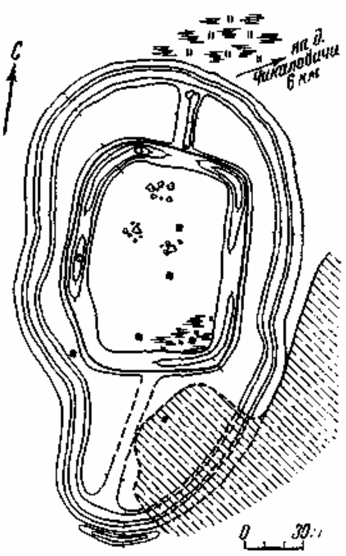
Городище у дер. Борхов Речицкого района Гомельской области, левый берег Днепра.

Типичное для Южной Белоруссии болотное городище. Прямоугольной формы площадка огорожена валом. В 1955 г. здесь производилась шурфовка, а в 1959 г. был заложен небольшой раскоп (35 м^2). Культурный слой средней мощностью в 0,3 м однороден по структуре, содержит значительное количество керамики милоградских типов. Судя по сосудам, близким керамике Горошковского и Глыбовского городищ, а также по найденной булавке с витым стержнем, аналогичной булавке с Басовского городища, Борховское городище датируется III в. до н. э. Отсутствие пока в его материалах ранней милоградской керамики, в частности жемчужного орнамента,

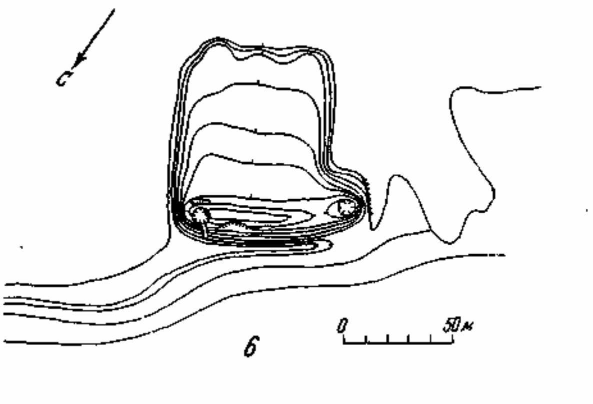
[36] В. Б. А н т о н о в и ч . Древности юго-западного края. Раскопки в стране древлян. МАР, № 11. СПб, 1893, стр. 22.

2

4

6

с одной стороны, и материалов зарубинецкой культуры (как на Глыбовском городище)—с другой, подтверждает отчасти эту дату. На городище обнаружены следы постройки, скорее всего небольшого жилища.

Раскопки на Борковском городище, при всей своей незначительности, отвечают на ряд важных вопросов, на которых мы останавливаемся ниже, при характеристике болотных городищ.

Городище у дер. Колочин (Колочинское II), Речицкого района Гомельской области.

Расположено оно на мысу коренного берега Днепра. Площадка прямоугольной формы отгорожена со стороны плато двумя валами. На городище и за его валами в 1955 и 1961 гг. заложены небольшие раскоп и шурфы (общая площадь 72 м^2). Культурный слой мощностью в 0,3—0,4 м почти не окрашен, насыщенность материалами очень слабая. Глиняная посуда, близкая к обнаруженной на Моховском I городище, свидетельствует о принадлежности Колочинского II городища к ранним милоградским памятникам Белоруссии. На городище был, найден скифский бронзовый наконечник стрелы. Зарубинецких материалов нет. Как и на Моховском I городище, здесь при раскопках обнаружены следы милоградских погребений (трупосожжений).

Кроме перечисленных, небольшие раскопки произведены еще на нескольких памятниках: на городище и селище у пос. Луначарск Речицкого района, правый берег Днепра (городище возникло в милоградское время, основные материалы относятся к эпохе Киевской Руси), на городище у дер. Городок (урочище Грудка) также Речицкого района, правый берег Днепра (милоградская и зарубинецкая культура, при городище есть следы могильника зарубинецкой? культуры), на городище у дер. Черное Гомельского района, левый берег Днепра (милоградская и зарубинецкая культуры), на болотном городище у дер. Василев Гомельского района, левый берег Днепра (рис. 5).

В результате исследований в настоящее время установлено не менее 150 южнобелорусских памятников раннего железного века, принадлежность которых к милоградской культуре не вызывает сомнений. Установлено также, что на этой территории памятники других культур, синхронных милоградской (дозарубинецкого периода), не встречаются. Раннего городища с чистыми отложениями зарубинецкой культуры (без милоградских) пока неизвестно ни одного. На более поздних городищах (Колочин I, городища эпохи Киевской Руси)

в основании слоев, как правило, имеются милоградские материалы. Исключений мы почти не знаем.

Если учесть далеко неполное пока обследование территории, неизученность многих уже открытых памятников, то можно предположить, что истинное количество памятников милоградской культуры в несколько раз больше, чем названо нами[37]. Эти данные помогают правильно осознать значение милоградских памятников и их место в общем круге днепровских культур раннего железного века, иногда до сих пор незаслуженно принижаемые [38].

По мнению украинских археологов, обследовавших милоградские памятники в Южном Полесье, в этом районе можно предполагать густую заселенность в раннем железном веке [39], однако это требует дополнительных подтверждений. В настоящее время отметим незначительное, по сравнению с белорусскими, количество скифских памятников времени расцвета милоградской культуры в смежных районах лесостепи, несмотря на то, что территория эта не раз обследовалась [40].

Число памятников милоградской культуры Белоруссии, на которых производились исследования и шурфовка, превышает 50. Общая вскрытая площадь составляет не менее 12 тыс. $м^2$, из них более И тыс. $м^2$ — раскопки Славянской экспедиции. Все это в настоящее время позволяет считать мил оград скую культуру одной из наиболее исследованных лесных культур Поднепровья. Милоградская культура — единственная из них, при которой открыты и исследовались могильники, что существенно дополняет ее характеристику.

Большие и разнообразные материалы говорят об устойчивом комплексе явлений, характеризующих милоградскую культуру, о своеобразии и оригинальности, отличающих ее по ряду существенных признаков от смежных культур, о единстве культуры на всем протяжении ее во времени и на большой территории. Милоградские памятники Белоруссии не перемежаются, как уже отмечалось, синхронными памятниками других культур. Только на окраинах чувствуется некоторое влияние соседних областей. Однако влияния эти не нарушают своеобразного характера материальной культуры милоградских племен, что убедительно свидетельствует о большой внутренней цельности и единстве всего культурного массива. Накопленные материалы позволяют с относительной полнотой характеризовать экономику, быт и культуру древнего населения Южной Белоруссии.

[37] До войны в Белоруссии было зафиксировано 864 городища, из них более 400 — в южной части республики.

[38] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 240.

[38] Э. В. Махно. Дві памя'тки бронзовоі доби в басейні р. Тетерева. АП УРСР, т. II. Київ, 1949, стр. 205—211.

[40] В. Г. Петренко. Культура племен Правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э. МИА, № 96, 1961, стр. 81. Разведочные работы, проведенные в 1963 г. В. Г. Петренко в бассейне Росп, показали, что памятники IV—III вв. до н. э. здесь единичны. Скифские большие городища относятся в основном к предшествующему периоду.

Г Л А В А
П Е Р В А Я

Распространение культуры. Поселения и могильники.

Территория и предшественники

Разведочные работы в Юго-Восточной Белоруссии, а также работы по изучению смежных археологических культур, позволяют очертить территорию и границы распространения милоградских памятников в Верхнем Поднепровье [1]. Западная граница намечена при работах Ю. В. Кухаренко в Припятском Полесье. По его данным, памятники милоградской культуры встречаются по течению Припяти, на запад, примерно до устья р. Горыни [2]. Раскопки одного из крайних западных пунктов — курганов у дер. Дубой в устье Горыни — показали их принадлежность бесспорно к милоградской культуре. Такой же характер носят и материалы из сборов и небольших раскопок с других памятников на Припяти. Не исключено, что при более обстоятельных разведках границу милоградской культуры на Припяти можно будет несколько отодвинуть на запад; на это косвенно указывают уходящие далеко на запад пределы распространения милоградских памятников южнее Припяти и границы смежных с милоградской культур — лужицкой и поморской [3].

Памятники милоградской культуры зафиксированы нами на р. Птичь, что позволяет судить о северной границе распространения культуры. Так, например, расположенное под Глусском у дер. Холопеничи круглое болотное городище содержит в культурном слое милоградскую керамику, иногда уже имеющую штрихованную поверхность. Северная граница распространения южнобелорусских памятников, которая была установлена белорусскими археологами в 20—30-х годах, проходит южнее городов Слуцка, Бобруйска и Рогачева [4]. Позже она подтверждена работами А. Г. Митрофанова (в качестве южного предела распространения городищ со штрихованной керамикой [5]), а также Славянской экспедицией, встре-

[1] См. карту памятников милоградской культуры в приложении.

[2] Ю. В. К у х а р е н к о . Памятники железного века на территории Полесья. САИ, Д1—29, 1961.

[3] Ю. В. К у х а р е н к о . Памятники железного века..., стр. 13, рис. 4, 5. Отдельные памятники встречаются в Полесье до р. Турьи (см. там же, стр. 9); В. Б. Н и к и т и н а . Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине. СА, 1965, № 1, стр. 198, рис. 1.

[4] А. Н. Л я ў д а н с к і. Археолёгічныя досьледы ў БССР пасьля Кастрычнікаўскай рэволюцыі. Працы III, стр. 216; С. А. Д у б і н с к і. Досьледы культур жалезнага пэрыяду на БССР у 1929 г. Працы II, стр. 511-512.

[8] А. Г. М и т р о ф а н о в . К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа. Л., 1955, стр. 8. Автореф. канд. дисс.

тившей памятники милоградской культуры, *так* сказать в чистом виде, т. е. с незаштрихованной поверхностью сосудов, по Днепру до устья Березины, по Сожу до г. Чечерска, а того же типа, но уже с более часто встречающейся штриховкой поверхности — до городов Жлобина и Рогачева по Днепру и г. Кричева по Сожу [6]. Выделенная А. Г. Митрофановым восточная группа городищ культуры штрихованной керамики, в составе которой также встречаются милоградские элементы (в посуде), в настоящее время изучена недостаточно, однако можно полагать, что нет серьезных оснований для расширения территории милоградской культуры дальше на север. Это не исключает, разумеется, существования единичных памятников и севернее ареала культуры, особенно по течению Днепра.

Восточная граница милоградской культуры определяется разведками Славянской экспедиции по Ипути и работами по изучению памятников юхновской культуры в смежных районах. Городища милоградского типа прослежены нами примерно до г. Новозыбкова. Далее на восток разведка не производилась, но, как об этом свидетельствуют работы В. А. Падина и Ф. М. Заверняева, в Суражском районе Брянской области и далее вверх по Ипути распространены уже памятники юхновской культуры [7].

На юге памятники милоградской культуры уходят за пределы Белоруссии. Здесь они отмечены на обширных пространствах Волынского Полесья, Киевщины и Черниговщины.

Область Белоруссии, занятая в древности милоградскими племенами, представляет собой огромную равнину, прорезанную большим числом рек и их притоков, местами сильно заболоченную. Западная часть милоградской территории занята Полесской низменностью, простирающейся до Западного Буга и охватывающей также в значительной степени территорию милоградских племен на юг от Припяти. Северная граница Полесской низменности совпадает с северной границей распространения милоградских памятников. На востоке Полесская низменность постепенно переходит в Приднепровскую низменность. Пограничным восточным пунктом ее является район г. Новозыбкова [8]. Таким образом, восточная граница милоградской культуры в Белоруссии также совпадает с естественными границами. На юге естественной границей милоградской культуры является рубеж лесной и лесостепной зон.

На площади, занятой в Белоруссии милоградскими племенами (более 40 тыс. км^2), имеющей, как отмечалось, в целом равнинный характер, есть несколько возвышенностей моренного происхождения. На правобережье наиболее высокие участки ее связаны с Мозырской грядой. Продолжением этой гряды на восток является менее значительная Хойникско-Брагинская гряда. Ряд небольших возвышенностей образует нечто вроде полосы, захватывающей оба берега Припяти от г. Турова на западе и упирающейся в высокий коренной правый берег Днепра в пределах Речицкого района. Районы эти, как отмечал еще И. Зеленский, выделяются среди болот своим плодородием, они более приемлемы для существования человека и лучше заселены [8]. Результаты наших работ на Гомельщине показывают, что близкая картина наблюдалась и в древности. С указанными местностями связано большоеколичество древних городищ, в то время как вне ее пределов они встречаются значительнореже (что объясняется отчасти и наличием на возвышенных участках, изрезанных оврагами, более подходящих условий для сооружения городищ).

На левобережье Днепра возвышенных участков больше. В частности, таким участком является правый берег Среднего Сожа (высота речных террас достигает 20 м), где также имеется большое количество милоградских городищ. Участки в низовьях Припяти и Сожа представляют собой сплошное море цесков, перемежающихся с торфяными болотами. Песчаные, покрытые лесом берега рек Березины и Птичи неудобны для поселений. Рельеф Южной Белоруссии характеризуется также многочисленными дюнами, одинокими или образующими гряды, расположенные среди заболоченных пойм рек. С ними обычно связано большое количество памятников других эпох, главным образом бронзового века.

Большая часть городищ милоградской культуры, как и современных деревень, расположена вдоль рек — естественных древних

[6] Гомельский отряд обследовал течение р. Сожа только до Славгорода, выше (по р. Проне) милоградские памятники не зафиксированы. Данные о милоградских памятниках на участке городов Славгород — Кричен взяты из материалов А. Н. Лявданского и А. Д. Ковалени (П. Н. Третьяков. Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, стр. 21).

[7] В. А. Падин. Разведки в бассейнах рек Навли и Ипути. «Брянский краевед», 1961, № 3.

[8] «БССР. Очерки экономической географии». Минск, 1953, стр. 21.

[9] И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России ... Минская губерния, ч. 1. СПб.» 1864, стр. 106, 107.

путей и источников водоснабжения. Однако нередко для Белоруссии расположение городищ болотного типа в местах, ныне совершенно не используемых для заселения, а иногда и недоступных для обследования из-за сильной заболоченности местности (городище у дер. Защобье Василевичского района Гомельской области и ряд других). Абсолютно невозможно использовать городище у дер. Защобье, так как основная площадка и пространство между валами представляют глубокое непроходимое болото (как и подступы к городищу). Можно предположить, что сооружение этого городища относится ко времени, предшествовавшему наступлению климатических перемен, связанных с началом субатлантического периода. Это свидетельствует о большей, по сравнению с современной, сухости климата здесь в раннем железном веке. С наступлением субатлантического периода постепенное увлажнение климата привело к тому, что к зарубинецкому времени, как это подтверждают материалы болотных городищ, жизнь на большинстве из них, по-видимому, прекратилась [10]. Собственно говоря, зарубинецких материалов на болотных городищах мы пока не знаем.

Почвы же Южной Белоруссии в целом мало плодородны. В юго-восточной части республики преобладают дерново-подзолистые почвы как супесчаные, так и суглинистые. Большие пространства заняты болотами и лугами (торфяно-болотные почвы и аллювиально-луговые)[11]. Наиболее плодородные участки имеются на Правобережье Днепра от Речицы до г. Лоева, т. е. там, где наиболее тесно сосредоточены милоградские памятники.

Из природных богатств Южной Белоруссии (не говоря о больших лесах и разнообразной фауне) отметим залежи болотной железной руды и третичных горных пород. На Соже в нескольких местах (в пределах Чечерского и Ветковского районов) есть естественные выходы кремня [12].

Первые следы заселения человеком территории Юго-Восточной Белоруссии относятся к среднему палеолиту[13]. Следующим периодом датируется известная верхнепалеолитическая стоянка у дер. Бердыж Чечерского района Гомельской области, открытая и исследованная К. М. Поликарповичем [14]. Им же в 20-х годах начато изучение неолита и бронзового века Гомельщины[15], позже продолженное другими исследователями. В последние годы изучение этих памятников проводится И. И. Артеменко [16].

Не останавливаясь на характеристике столь далекой от нас эпохи, как неолит, отметим только, что территория, занятая позже милоградской культурой, целиком входит в большой массив неолитических культур, характеризующихся гребенчатой или гребенчато-накольчатой орнаментацией керамики, занимавшей в эту эпоху широкие просторы Верхнего и Среднего Поднепровья, Прибалтики, верховьев Северского Донца и т. д.[17] В частности, неолит Верхнего Поднепровья очень близок неолиту Киевщины и Украинского Полесья (например, памятникам типа поселения Моства на Житомирщине[18]). При работах

[10] Относительно времени перехода от суббореального сухого климата к субатлаятическому сырому и холодному до сих пор нет единой точки зрения. Несущественное, с точки зрения климатологов, расхождение в несколько веков оказывается важным при решении некоторых исторических проблем, например, вопроса о прародине славян (см. статью: J. Friemann. Polesie nie moglo Ьус praojczyznq Sfowian. «Przeglqd Archeologiczny», t. XIII. Wroclaw, 1961). Польский археолог В. Антоневич относит ранний железный век еще к сухому суббореальному климату (по В. Антоневичу, переход длился вплоть до эпохи раннего латена). В. Antoniewicz. Z. problematyki badan osadnictwa wezesnozelaznego na wschodnich Mazurach. «Rocznik Bialostocki». Bialystok, 1961, str. 45.

[11] «БССР. Очерки экономической географии», стр. 41, 42

[12] К. М. Палікарповіч. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга і Ніжняга Сажа (па досьледах 1926 г.). Працы I, стр. 123—252.

[13] К. М. Поликарпович. К вопросу о мустьерской культуре в Верхнем Поднепровье. Сб. «Материалы по археологии БССР», т. I. Минск, 1957, стр. 30—44.

[14] К. М. Палікарповіч. Вынікі археалагічных даследованняў на Беларусі пасля Кастрычніцкай социялистычнай рэволюцыі. «Весці Академіі навук Беларусской ССР», истор. сер., вып. I, 1947.

[16] К. М. Палікарповіч. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга і Нижняга Сажа, стр. 123—252; Он ж е. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга Сажа. Матарьялы даследованьня 1927 г. Працы II, стр. 383—478; Он ж е. Стоянки Среднего Посожья. Сб. «Материалы по археологии БССР», т. I. Минск, 1957, стр. 45—148; и другие работы.

[16] И. И. Артеменко. Культура племен Верхнего и северных районов Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1963. Автореф. канд. дисс. Он ж е. Верхнее Поднепровье в эпоху позднего неолита и бронзы. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г. М., 1963, стр. 42—45; см. также статьи И. И. Артеменко в КСИА и СА.

[17] Д. Я. Телегін. Неолітичні поселения лісостепавого Лівобережжя і Полісся Украінй. «Археологія», т. XI. Київ, 1957, стр. 70—86.

[18] І. Ф. Левицькі. Дослідження стоянки на торфовищі Моства в 1948 г. АП УРСР, т. IV, Київ, 1952, стр. 70—77; И. И. Артеменко. Памятники эпохи неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 34—42.

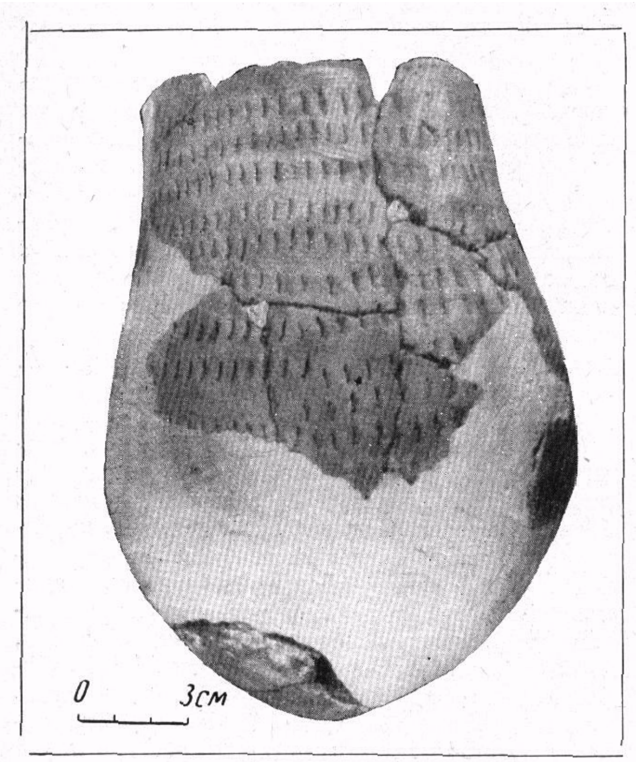

Рис. 6. Неолитический сосуд, найденный на Милоградском городище

Гомельского отряда на Милоградском городище в 1958 г. нами найден сосуд с широким устьем, округлым туловом и округленно-коническим днищем, орнаментированный оттисками гребенки, вероятно относящийся к неолитической эпохе (рис. 6).

Значительный интерес для нас представляют памятники эпохи бронзы, представленные на ранних этапах культурой шнуровой керамики (среднеднепровская культура, III — начало II тысячелетия до н. э.). При сравнении милоградской керамики с сосудами среднеднепровской культуры обращает на себя внимание некоторое сходство в формах сосудов и строении венчиков, а также сходство в орнаментации сосудов среднеднепровской культуры и грузиков милоградской культуры.

Дальнейшим этапом в развитии среднеднепровской культуры в Белоруссии являются памятники сосницкого типа или сосницкой культуры (середина и вторая половина II тысячелетия до н. э.*)*, впервые выделенные С. С. Березанской на более южных материалах [1Э].

[19] С, С. Б е р е з а н ь с к а. Пам'ятки періоду середньої бронзи на Десні та Сеймі. «Археологія», т. XI, Київ, 1957, стр. 92.

В Южной Белоруссии в настоящее время имеется несколько десятков пунктов с материалами сосницкого типа. Поселения обычно располагаются на дюнных останцах или на мысах — на местах, занятых позже милоградскими городищами и могильниками: Горошков, Моховское I, Чаплин, Асаревичи, Проскурни, Леваши — на Днепре, Любны, Ворновка (бывшие Лядцы), Присно, Старое Село — на Сожо. Распространены они также по всей Припяти (например, на Кимборовском городище в г. Мозыре), встречаясь в районах, пограничных с тщцинецкой культурой и на территории подлясско-мазовецкой группы этой культуры[20]. Близость памятников сосницкой и тщцинецкой культур признается всеми исследователями. Западные памятники сосницкого типа некоторые ученые определяют как восточный вариант тшцинецкой культуры. Действительно, их связывают близкие формы сосудов, техника изготовления и некоторые приемы орнаментации. В то же время орнаментация сосудов сосницкого типа богаче и разнообразнее, чем на тшцинецкой керамике; для нанесения орнамента применялись оттиски шнура, что не наблюдается на сосудах тшцинецкой культуры. Именно такой орнамент обнаружен на сосуде, найденном нами при исследовании милоградского селища и могильника в Горошкове (рис. 7, *1)*

При раскопках Моховского I городища нами попутно исследовалось поселение сосницкого типа, перекрытое городищенскими слоями. Обнаружены остатки углубленного в грунт жилища с коридорообразными переходами.

В результате эволюции памятников тшцинецко-сосницкого типа (рис. 8) возникли памятники эпохи поздней бронзы, так называемого лебедовского типа, открытые экспедицией «Большой Киев» в 50-х годах на Украине. Эти памятники по некоторым признакам увязываются с ранними милоградскими[21] (рис. 9).

На территории Белоруссии памятники эпохи поздней бронзы, несмотря на многократные обследования К. М. Поликарповича, И. И. Артеменко, О. Н. Мельниковской и других

[20] И. И. А р т е м е н к о. Памятники эпохи неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья.

[21] В. Н. Д а н и л е н к о. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. Сб. «Доклады VI научной конференции Института археологии». Киев, 1953, стр. 207; В. М. Д а н и л е н к о. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького тйпів на Київщині в 1950 р. АП УРСР, т. VI. Київ, 1956, стр. 5—20; С. С. Б е р е з а н с ь к а. Деякі новідані про епоху бронзи в північній частит Середнього Подніпров'я. «Археологія», т. XII. Київ, 1961, стр. 116—118.

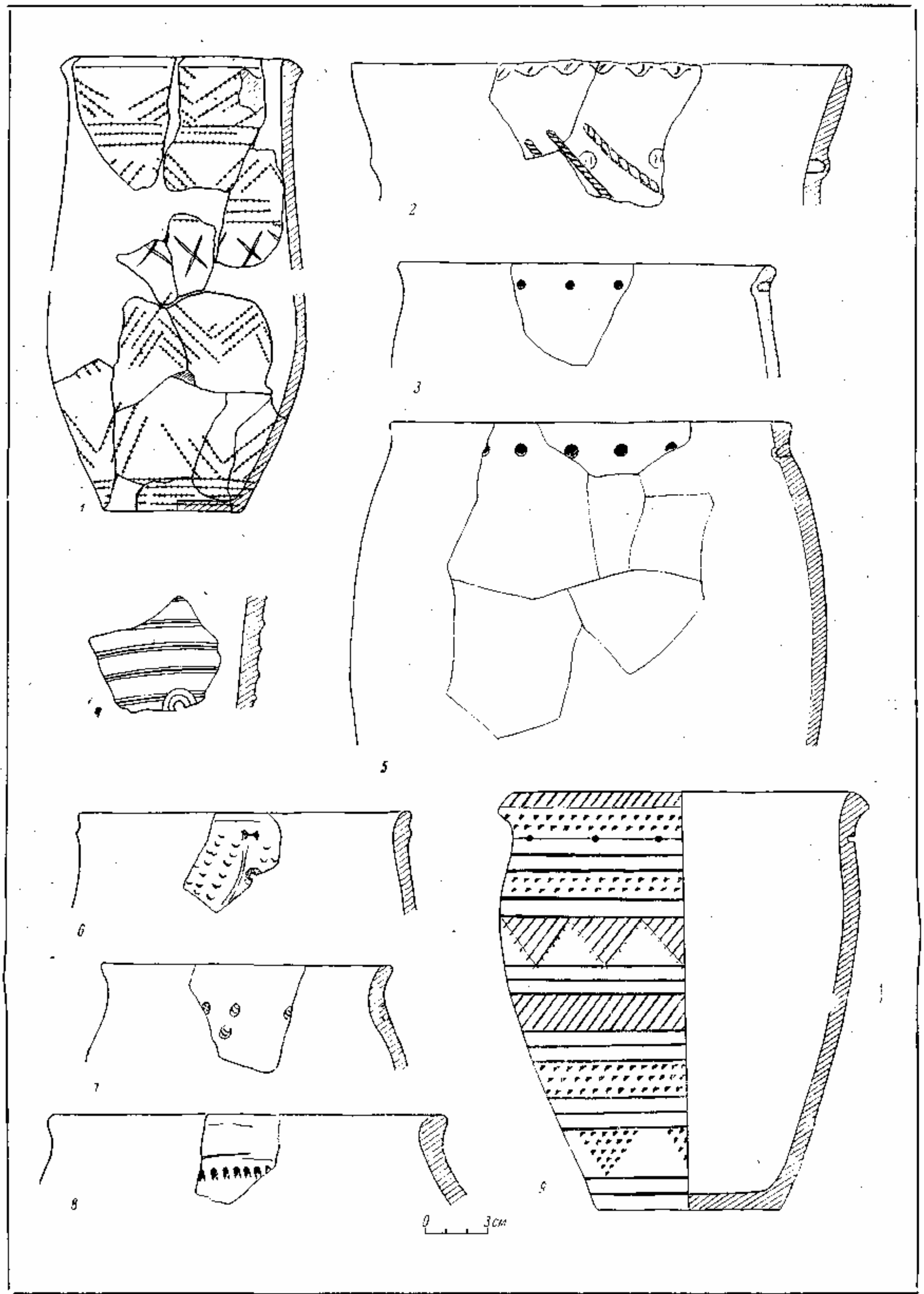

Рис. 7. Сосуды эпохи средней и поздней бронзы из Южной Белоруссии *(1—9)*

археологов, пока совершенно не поддаются выделению. На наш взгляд, решение вопроса о поздней бронзе в Южной Белоруссии возможно потребует передатировки памятников тшцинецкого и сосницкого типов, время конечных этапов которых может оказаться более поздним. Это было бы вполне логично, если учесть, что южнее Припяти памятники родственной тшцинецкой комаровской культуры (отличаются от тшцинецкой сильно выраженными южными влияниями в керамике и металле) существуют местами продолжительное время, сохраняясь до раннего железного века.

Поселения. Оборонительные сооружения. Жилые и хозяйственные постройки

Как отмечалось выше, ранний железный век Юго-Восточной Белоруссии представлен только памятниками милоградской культуры: городищами, неукрепленными поселениями, бескурганными и курганными могильниками. Остановимся кратко на общей характеристике неукрепленных поселений и более детально на характеристике городищ, как основного вида памятников изучаемой культуры.

Неукрепленные поселения

Неукрепленные милоградские поселения представлены: поселениями, непосредственно примыкающими к городищам и, очевидно, составлявшими с ними один хозяйственно-экономический комплекс, и поселениями, существовавшими самостоятельно, независимо от городищ.

Первый тип поселений известен относительно лучше. Они относятся в основном к заключительным этапам на городищах. Примером такого поселения в Южной Белоруссии может служить селище за валами Милоградского городища. В отличие от возникающих вскоре после них или синхронных им зарубинецких поселений, расположенных обычно на некотором расстоянии от городища и имеющих большие размеры, милоградские поселения непосредственно примыкают к площадкам городищ, связь их с последними более ощутима, размеры, как правило, невелики.

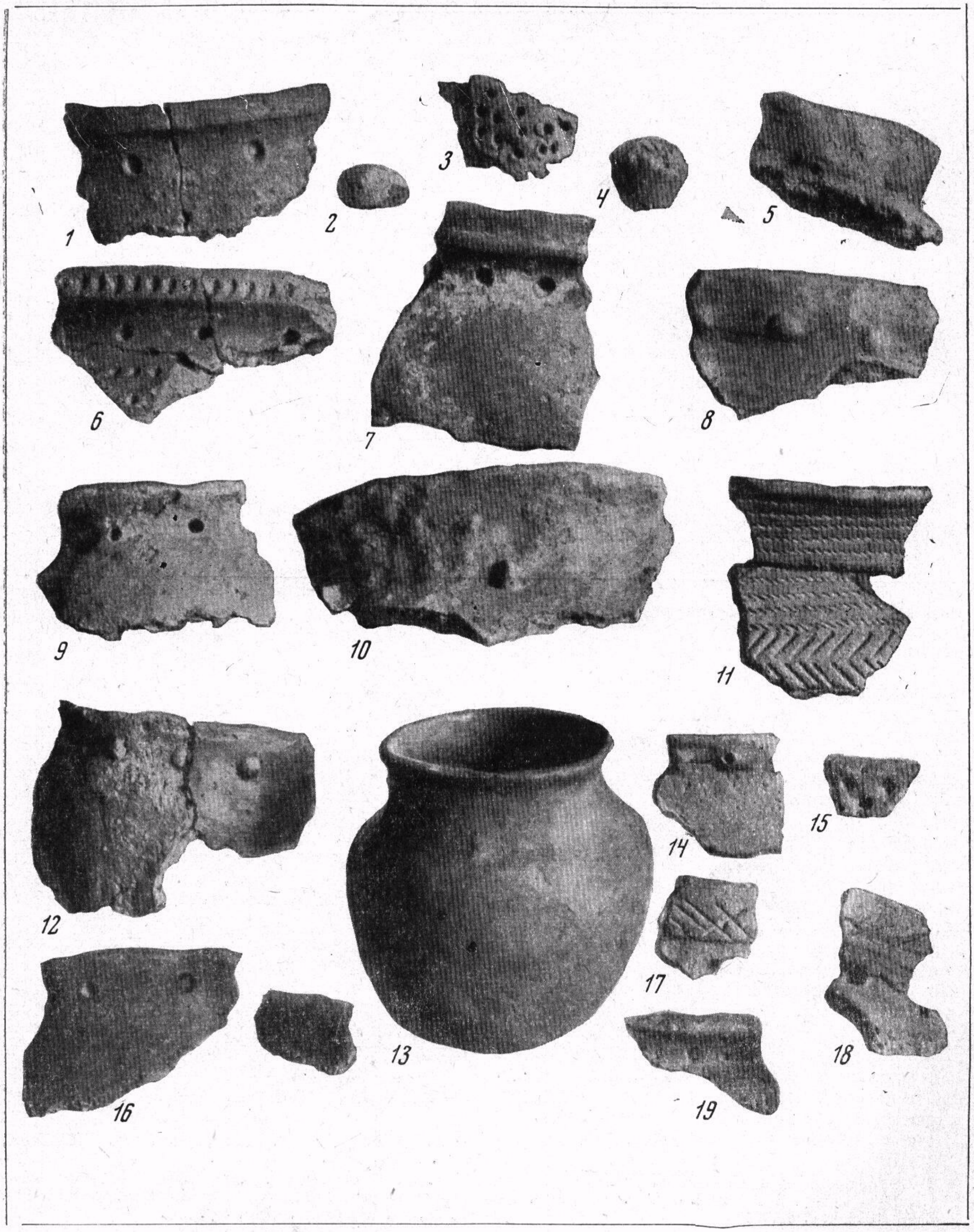
Кроме поселений поздних этапов милоградской культуры, при городищах иногда имеются следы более ранних селищ, относящихся к начальным этапам жизни на городище или ко

Рис. 8. Керамика бронзового века и милоградской культуры, найденная у с. Гапоновичи, южнее устья р. Припяти (по М. К. Якимовичу) *(1—19)* (масштаб приблизительный—1:2).

времени его сооружения. Это были временные места жительства, использовавшиеся на время сооружения укреплений. Незначительность культурных слоев и скромность связанных с этими слоями материалов свидетельствуют о крайне непродолжительном их существовании. Примером такого поселения может служить селище милоградской культуры, расположенное непосредственно за валами Чаплинского городища. Относящиеся к нему следы культурного слоя исследованы П. Н. Третьяковым при разрезе вала городища, позже О. Н. Мельниковской и затем Л. Д. Поболем при раскопках Чаплинского могильника. Обнаруженная здесь керамика относится ко времени основания городища. Нам пока неизвестны при южнобелорусских городищах поселения, относящиеся к средним этапам милоградской культуры. Вероятной причиной этого следует считать недостаточную исследованность памятников, хотя в целом процесс распространения открытых селищ и на смежных территориях относится к поздним этапам [22].

Второй тип неукрепленных поселений,— существовавших независимо от городищ, в Южной Белоруссии совершенно не изучен. Разведочными работами выяснено, что они распространены главным образом в южных и западных районах Гомельщины, по берегам р. Припяти, ее левого притока р. Птичи и в междуречье нижнего течения Припяти и Днепра. Выше по Днепру и Сожу такие поселения встречаются редко, совершенно исчезая у северных границ милоградской территории. Возможной причиной отсутствия таких поселений на севере является соседство чуждого населения, оставившего культуру городищ со штрихованной керамикой, от которого приходилось защищаться укреплениями. О дате таких селищ судить в целом пока трудно. Отметим только, что самые южные в Белоруссии милоградские селища, например в устье Припяти, по предварительным впечатлениям от материала, близки ранним милоградским городищам и имеют много общего с памятниками подгорцевского типа на Киевщине.

[22] А. К. А м б р о з. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА, 1964, № 1, стр. 67.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19

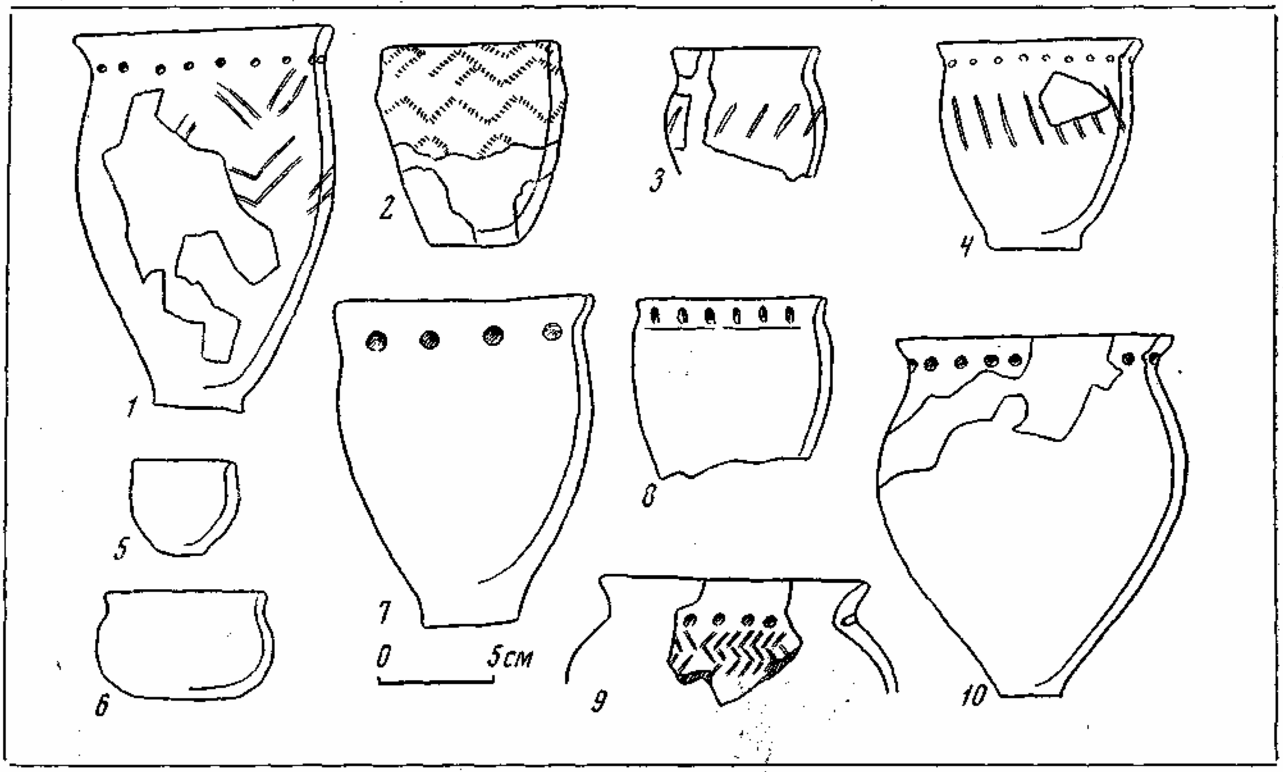

Рис. 9. Посуда позднего бронзового века Киевщины (лебедовский тип) *(1—10)*

Г о р о д и щ а

Большое количество городищ на Гомельщине делает их неотъемлемой частью южнобелорусского ландшафта. Местное население обычно хорошо осведомлено об их существовании и местоположении, называя их в западной Гомельщине «городище» (например, у дер. Холопеничи под Глусском), а на большей части остальной территории — «городок». В восточных районах наряду с названием «городок» встречается название «городец» (например, у дер. Вылево на р. Ипути[23]). Частым указанием на присутствие городища в данной местности является соответствующее обычным наименованиям городища название населенного пункта: деревни Городок, Городище, Городец. При обследовании этих мест всегда удавалось обнаружить древнее укрепленное поселение. В некоторых случаях название городища включает в себя дополнительные определения: «Чертов городок», «Военный городок», а иногда передает форму или характер сооружения: «Тарелка», «Горшок», «Пустая града» и т. д. Нам неизвестны в Южной Белоруссии названия городищ, которые служили бы прямым указанием на их культовый характер, как это встречается, например, на территории Литвы («Горки Перкуна», «Святые холмы») [24].

Городища, как правило, располагаются по берегам крупных рек, однако немало их и на протоках, водоразделах, в лесах и болотах. Наиболее богата городищами восточная часть Гомельщины (поречье Днепра, Сожа и его притоков). В этом отношении показательны, хотя и устаревшие и грешащие некоторой неточностью сведения, приведенные Е. Р. Романовым. Он утверждает, что на реках Соже и Беседи, например, городища встречаются в среднем через 5—6 км [25]. Большая насыщенность Сожа древними памятниками подтверждается и нашими разведками (течение Беседи

[23] П. М. Е р е м е н к о. Обозрение курганов и городищ Новозыбковского у. ЗРАО, нов. сер., т. VIII, вып. 1 — 2. СПб., 1896, стр. 65.

[24] П. Ф. Т а р а с е н к о. Городища Литвы. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 86—91.

[25] Е. Р. Р о м а н о в. Археологический очерк Гомельского уезда. «Записки Северо-Западного отделения РГО», кн. I. Вильно, 1910, стр. 114.

пока не обследовано). Значительно меньше городищ в западной части Гомельской области [26], причину чего следует искать в том, что эти области оставались в стороне от основных речных магистралей, имели хуже почвы и менее благоприятные естественные условия. Иногда в расположении городищ как будто бы прослеживаются некоторые закономерности — по два-три городища в группе, что характерно также и для среднебелорусских городищ и других территорий [27]. Однако, как мы уже отмечали, на расположение городищ влияли прежде всего естественно-географические факторы, особенно в специфических природных условиях Белоруссии. Многие мысовые городища продолжали использовать в зарубинецкий период. По имеющимся пока данным, с появлением зарубинецкого населения никаких существенных переделок и перестроек городищ не производилось. Нет следов выравнивания площадок или строительных прослоек, какие наблюдаются, например, на смоленских [28], юхновских [29] и некоторых других городищах, что может быть связано с иным характером контакта двух разных племенных групп. Использование городищ милоградским населением кончается в Южной Белоруссии примерно в I—II вв. н. э. Позже милоградские городища изредка использовались под укрепления типа Колочинского I городища, а еще позднее на них иногда мы встречаем слои эпохи Киевской Руси. На городище у с. Глубоцкого в Посожье Е. Р. Романов нашел клад саманидских монет 895—910 гг. н. э.[30] В последующие эпохи некоторые городища служили в качестве оборонительных сооружений [31]. Об их использовании свидетельствуют найденные клады польских и других западных монет, глиняных курительных трубок и других предметов [32].

[26] А. З. Каваленя, С. С. Шутаў. Матар'ялы з дагісторыі Тураўшчйны. Працы II. Менск, 1930, стр. 339; Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья, стр. 15.

[27] А. Г. Митрофанов. К истории населения Средней Белоруссии..., стр. 15.

[28] Е. А. Шмидт. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I тысячелетия до н. э. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. IV. Смоленск, 1961, стр. 348.

[29] А. К. Амброз. К истории Верхнего Подесенья..., стр. 56-71.

[30] Е. Р. Романов. Археологический очерк Гомельского уезда, стр. 114, упоминание 119.

[81] Там, же, стр. 105.

[32] На Асаревичском городище и близ Глыбовского найдены клады польских монет начала XVI в.

С городищами у местного населения связан, ряд легенд и преданий, из которых наиболее распространена (в поречье Днепра) легенда о женщине-правительнице (иногда называют царицу Екатерину), разрешившей не преследовать население, укрывшееся во время каких-то волнений в городках. По сведениям, приведенным Е. Р. Романовым, городище у дер. Смычок до реформы 1861 г. служило приютом для беглых крестьян и солдат[33]. Скорее всего эти легенды являются отголосками более древних исторических событий. В настоящее время часть городищ, расположенных на высоких мысах, занята кладбищами. На болотных городищах кладбища нам неизвестны.

Прежде чем перейти к описанию городищ, охарактеризуем в нескольких словах культурные слои на них. Обычно культурный слой на милоградских городищах имеет небольшую мощность, в среднем 0,4—0,6 м, только у подножий валов и на склонах достигая значительно большей толщины. На болотных городищах мощность слоев часто еще меньшая, иногда слой не прослеживается вовсе. Изредка это же наблюдается на мысовых городищах. Незначительная мощность культурных напластований объясняется однослойностью большинства памятников, что резко отличает милоградские городища, например, от юхновских, интенсивно использовавшихся позже как в роменский период, так и в эпоху Киевской Руси. Для милоградских городищ характерно отсутствие стерильных и всевозможных иных прослоек. Однослойность памятников, с одной стороны, затрудняет стратиграфические наблюдения, с другой, имеет ряд преимуществ, так как обеспечивается лучшая сохранность слоя и связанных с ним сооружений. От почвенных условий и условий образования слоя зависит его окраска: от светло-серого, приближающегося к естественному цвету грунта, до темно-бурого или гемно-серого. Обычно в слое содержится много обломков сосудов, пережженного и не обожженного валунного камня, костей животных. Последние встречаются неравномерно на всех памятниках. От смежных культур слои на милоградских памятниках отличаются отсутствием кусков обмазки (юхновские и среднебелорусские городища), глиняных блоков, грузил и «рогатых кирпичей» (юхновские городища). Культурные слои на милоградских памятниках редко содержат значительные включения золы или угля. Как правило, они однородны и не носят явных следов выравниваний

[33] Е. Р. Романов. Археологический очерк Гомельского уезда, стр. 105.

или перемещений. Материалы зарубинецкой культуры не залегают в отдельных напластованиях. Они органически связаны с верхними горизонтами милоградских слоев и за редким исключением не образуют замкнутых, самостоятельных комплексов.

Городища милоградской культуры по устройству разделяются на два основных типа: городища, расположенные на высоких надпойменных террасах, в местах более или менее естественным образом укрепленных (так называемые мысовые), и городища, сооруженные в низинах (болотные). Количественно в Южной Белоруссии значительно преобладает первый тип. По данным Е. Р. Романова, на Левобережье Днепра мысовые городища составляют примерно две трети от общего числа городищ [34]. На Правобережье процент мысовых городищ более высок. В целом преобладание определенного типа связано с характером местности,обусловливающим то или иное устройство укрепленного поселения. Оба наименования — «мысовые» и «болотные» — являются условными и не всегда точно отражают конкретную обстановку, с которой связано городище. На мысовых городищах форма площадки зависит от формы участка, предназначенного под укрепление, и от формы вала, ограничивающего поселение со стороны плато. Площадки городищ бывают треугольной, прямоугольной или квадратной, трапециевидной, полукруглой формы и т. д. (рис. 2, рис. 5, *2, 6*). Таким образом, мысовые городища по своим формам аналогичны городищам на смежных территориях. Попытки классифицировать городища по форме площадки и распределить их во времени по внешним признакам не дали результатов. В нескольких случаях городища расположены на останцах, являющихся остатками разрушенной первой надпойменной террасы, на моренных выступах, на высоких дюнных холмах или грядах (рис. 5, *3*). При сооружении их выбирались, следовательно, также места, укрепленные естественно, так что по этому признаку указанные городища стоят ближе к мысовым, чем к болотным. Форма их зависит от формы останца или дюнной гряды. Городища на останцах чаще встречаются на р. Соже, что опять-таки объясняется рельефом местности. Болотные городища милоградской культуры по возможности старались сооружать на возвышенных участках. Они часто, но не всегда, связаны с сильно заболоченной местностью. Иногда они расположены на поле или в лесу, и подступы к ним доступны.

[34] Е. Р. Романов. Археологический очерк Гомельского уезда, стр. 114.

Если, как мы отмечали, форма мысовых городищ обычно зависит от естественных очертаний мыса, то в отношении болотных городищ дело обстоит иначе. Во многих случаях при сооружении укреплений на низком месте или на не имеющем четких очертаний всхолмлении форма их не могла диктоваться природными условиями. Различия в формах болотных городищ, имеющих очертания прямоугольника, овала, круга и т. д., связаны, по-видимому, прежде всего с соображениями оборонительного характера (рис. 5, *1, 4, 5*). На болотных городищах всех форм нами зафиксированы материалы милоградской культуры (как правило,— только они). На одной и той же территории, например, на Правобережье Днепра, встречаются как городища прямоугольной, так и овальной формы. Круглые городища встречаются редко — таковы, к примеру, городища у деревень Холопеничи и Большая Слива в Припятском Полесье [35]. Однако распространение их не связано только с западными районами. Как и некоторые другие формы болотных городищ, распространенные на обширных пространствах запада Европейской части СССР, круглые городища встречаются за пределами Белоруссии, например на Смоленщине [36]. Наиболее распространены болотные городища в форме прямоугольника, относительно которых в старой литературе существовало мнение об их позднесредневековом якобы литовском происхождении [37]. Основанием этого возможно послужили изредка встречающиеся на болотных, как и на мысовых городищах, находки, свидетельствующие о кратковременном использовании их в поздние периоды. Есть случаи, когда раннее городище подверглось перестройке в позднее время (например, городище у дер. Савичи Комаринского района). В настоящее время, после проведения на болотных городищах раскопок, шурфовок и обследований, мнение это должно быть окончательно отвергнуто.

Подытоживая сказанное о городищах на Гомельщине, можно отметить, что разделение их на условные типы по внешним признакам не определяется какими-либо различиями в культурно-хронологическом плане. Форма городищ зависит главным образом от природных условий. Пока у нас нет данных для связи

[36] Ю. В. К у х а р е н к о. Памятники железного века..., стр. 59, рис. 1, *26, 1 — 2*.

[36] А. Н. Л я ў д а н с к і. Археалагічны досьледы ў вадазборе рр. Сажа, Дняпра, і Касплі ў Смаленскай губ. Працы II, стр. 269 -333.

[37] Е. Р. Р о м а н о в. Археологический очерк Гомельского уезда, стр. 110, 118.

определенного типа городища с тем или иным периодом или районом. Нет также и убедительных данных о разном функциональном назначении городищ. Все городища как мысовые, так и болотные, являлись прежде всего укрепленными поселениями. Отсутствие четко выраженных культурных слоев на некоторых из них (и мысовых, и болотных) в большинстве случаев должно объясняться недолговременным использованием этих пунктов. Обычно небольшая мощность слоев болотных городищ определяется слабой заселенностью заболоченных местностей, которые, конечно, и в раннем железном веке были менее удобны для обитания, чем возвышенные места. Небольшие раскопки, произведенные нами в 1959 г. на типично болотном городище в урочище Бобров хутор у дер. Борхов Речицкого района, показали, что городище являлось обычным укрепленным поселением милоградской культуры с хорошо выраженным, насыщенным находками культурным слоем. На городище обнаружены следы жилища. Раскопки в Борхове убедительно свидетельствуют о существовании болотных городищ в сравнительно раннее время, показывают их идентичность и синхронность мысовым городищам той же территории, чем снимают вопрос об использовании болотных городищ только в качестве убежищ, хотя в отдельных случаях существование таких убежищ не исключено.

Городища милоградской культуры, мысовые и болотные, довольно часто состоят из нескольких площадок, отделенных одна от другой дополнительными валами и изгородями. Таковы, например, являются мысовые городища у дер. Горошков и Милоград. Оба они с ранних этапов своего существования были разделены на две площадки. На Горошковском городище об этом свидетельствуют разрезы валов и раскопки на прилежащих к наружному валу участках могильника, характер культурного слоя и т. д. При раскопках на плато, в 10—15 м от наружного вала была обнаружена параллельная ему канава. Связанные с нею сооружения (может быть невысокие изгороди типа надолбов) служили первой преградой на подступах к валам городища. Эта канава бесспорно относится к ранним этапам жизни на городище, что подтверждают исключительно милоградские материалы в заполнении, в том числе милоградские погребения с трупосожжениями. Сначала на Горошковском городище был насыпан большой (наружный) вал и почти одновременно с ним — малый (внутренний) вал. Первая насыпь наружного вала, насыпанная на чистом материковом грунте, не перекрывает никаких милоградских материалов, в то время как под первоначальной насыпью внутреннего вала имеется незначительная темная прослойка, с которой связана ямка с милоградской керамикой и кальцинированными костями в заполнении. Вместе с тем относить сооружение внутреннего вала к более поздним этапам жизни на городище не позволяет резко выраженная разница в характере культурного слоя и использовании наружной и внутренней площадок городища. На Милоградском городище картина близка той, которую мы наблюдаем в Горошкове. По составу находок очевидно, что первоначально были сооружены укрепления, отгораживавшие мыс от плато, а немного позже — более мощные валы, огородившие часть внутри этой площадки и образовавшие П-образное укрепление. Только с этим участком связан интенсивно окрашенный и насыщенный находками культурный слой, следы жилищ и т. д. Наружная же часть площадки четко выраженного слоя не имеет. При раскопках здесь найдены отдельные черепки, относящиеся ко времени основания городища. Как и в Горошкове, внутреннее укрепление (собственно поселение) занимает меньшую площадь, чем остальная укрепленная часть мыса (4 тыс. $м^2$ при общей площади городища в 10 тыс. $м^2$).

Кроме мысовых городищ с двумя площадками, среди милоградских памятников встречаются и укрепления, разделенные валами на три площадки. Такое городище было обследовано А. Н. Лявданским и А. Д. Коваленей в 1936 г. у дер. Уза на одноименной речке в центре Гомельщины. Памятник этот нами не был осмотрен, но, по данным А. Н. Лявданского и А. Н. Ковалени, со всеми его площадками связаны находки лепной керамики[38]. Хорошим примером укрепления с дополнительными площадками на останце является городище у дер. Старое Село Веткинского района, Гомельской области, обследованное в свое время Е. Р. Романовым [39], затем А. Н. Лявданским и А. Д. Коваленей [40] и дважды О. Н. Мельниковской. Городище занимает среднюю часть гряды. В центре этой части располагалось поселение. Два смежных боковых участка также были укреплены. Наибольшее количество находок обнаружено на центральной площади,

[38] А. Н. Лявданский, А. Д. Коваленя. Дневник работ по Сожу, 1936. Архив ИИ БАН, рукопись.

[39] Е. Р. Романов. Археологический очерк Гомельского уезда, стр. 109, упоминание, стр. 118.

[40] А. Н. Лявданский, А. Д. Коваленя. Дневник работ по Сожу, 1936.

где культурный слой выражен лучше. На боковых площадках находки редки, а культурный слой, как таковой, отсутствует (рис. 5, *3*).

Характерны укрепления с дополнительными площадками болотных городищ Гомельщины. Одно из них, обнаруженное у дер. Чикаловичи Комаринского района, овальной формы, возведенное на низкой болотистой местности. Кроме вала, ограничивающего укрепление, на его площадке сооружено еще одно, более мощное, укрепление прямоугольной формы. Это укрепление и внешний вал соединены вдоль длинной оси двумя валами-перемычками. Таким образом, все укрепление разделено на три площадки (рис. 5, *4*). Поскольку раскопки на городище не делались, нельзя судить об очередности сооружения различных частей укрепления. Шурфовка позволяет прийти к выводу, что культурный слой и находки лепной керамики связаны в основном с внутренним укреплением. На городище найдена большая костяная стрела или дротик. Никаких поздних материалов на его площади не обнаружено. По характеру укреплений ближе всего к описанному болотные городища у дер. Короватичи и дер. Защобье Василевичского района, также состоящие из двух вписанных одно в другое колец валов, разделенных значительным пространством между ними. Городище Защобье отличается значительными размерами. Чрезвычайно интересна система укреплений городища, расположенного между дер. Храковичи и пос. Новая Гребля Комаринского района. Городище состоит из центрального укрепления в форме неправильного пятиугольника, ограниченного высоким валом, и трех примыкающих к нему с северной стороны дополнительных площадок. Сооружено городище на заболоченном поле, а его центральная часть — на невысоком естественном всхолмлении. Дополнительные площадки ограничены валами меньшей мощности и разной величины (рис. 5, *1*). Как и на других памятниках, культурный слой здесь имеется только на основной, сильно укрепленной площадке. На дополнительных площадках, по данным шурфовки, он либо отсутствует, либо выражен слабо. Кроме милоградской керамики, на этом городище найдена глиняная курительная трубка.

О предназначении дополнительных площадок на милоградских городищах в большинстве случаев нельзя сказать ничего определенного. А. Н. Лявданский рассматривал их как загоны для скота [41]. Однако совершенно очевидно, что служить загонами для скота являлось отнюдь не единственной и не главной функцией этих частей укреплений. Видимо, назначение их было шире и разнообразнее. В частности, абсолютно бесспорен фортификационный момент в устройстве дополнительных укрепленных участков. С ними безусловно была связана и общественная жизнь населения. При раскопках наружной укрепленной площадки на Милоградском городище обнаружено несколько ям и ямок с единичными черепками, что не позволяет судить о конкретных формах использования этой части укрепления, а при аналогичных раскопках на Горошковском городище по краям наружной площадки выявлен могильник, на котором население городища хоронило умерших. На исследованном центральном участке площади не найдено цледов никаких сооружений.

Наличие дополнительных укрепленных площадок на южнобелорусских городищах не является специфическим признаком только милоградской культуры. Как известно, укрепления с двумя или тремя площадками характерны почти для всех археологических культур на смежных территориях как в предшествующие периоды (чернолесские городища [42]), так и синхронных милоградским центральнобелорусских городищах культуры штрихованной керамики [43], городищах Смоленщины [44], городищах скифского времени лесостепи [45] и т. д. Однако имеются и отличия. Так, если в чернолесских городищах центральное укрепление служит обычно местом убежища, а остальная часть городища — местом жизни, то на милоградских памятниках, как видно из изложенного выше, картина как раз противоположная. Внутренняя площадка всегда использовалась более интенсивно, именно с ней связаны основные следы жизни на поселениях. Иной характер носят и укрепленные площади на городищах скифской лесостепи, отличающиеся преж-

[41] А. Н. Ляуданскі. Археолёгічныя досьледы ў БССР пасля Кастрычникаўскай рэволюцыі. Працы III. Менск, 1932, стр. 216.

[42] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 21, рис. 9; стр. 25, рис. 14; стр. 28, рис. 18 и др.

[43] А. Зьм. Каваленя. Археолёгичныя росшукі ў вярхоўях рэк Друці, Усяж-Бук і Лукомкі. Працы НІ, стр. 191, рис. 12; стр. 194, рис. 17.

[44] А. Н. Ляўданскі. Археолёгичныя досьледы ў Смаленшчыне. Працы III, стр. 8, рис.

[45] См., например, план Шарповского городища: І. Фабрициус. Тясьминська експедиція. АП УРСР, т. II, Київ, 1949, стр. 82, рис. 2; В. Іллінська. Розвідки пам'яток скифського часу на Посуллі. АП УРСР, т. II. Київ, 1949, стр. 146; И. И. Ляпушкин. Днепровское Левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, стр. 59, рис. 12; стр. 75, рис. 22; стр, 133, рис. 72 и др.

де всего от южнобелорусских и других северных городищ своими огромными размерами. На юге Белоруссии укрепленные поселения возникли, не имея под собою четко выраженной местной подосновы, что отличает их от смежных лесных культур. Можно полагать, что милоградские поселения возникают почти одновременно с их оборонительными сооружениями в виде валов и рвов. В то же время для других лесных культур Приднепровья характерно долгое существование городищ, укрепленных только деревянными изгородями или плетеными оградами. Особенно это характерно для культуры городищ штрихованной керамики, смоленских и прибалтийских городищ [46]. А. Г. Митрофанов отмечает, что в ранней группе городищ со штрихованной керамикой, граничащих с севера с милоградскими городищами, искусственные укрепления вообще отсутствуют (имея в Виду, очевидно, валы и рвы). Позже они также редки, относясь в основном уже ко времени после I—II вв. н. э.[47]

Внешние следы укреплений на милоградских городищах обычно представляют собою один вал и связанный с ним ров, реже систему из двух или трех чередующихся валов и рвов. Они либо отделяют площадку укрепления от плато, либо опоясывают укрепление со всех сторон, если оно не защищено или слабо защищено естественным образом (болотные городища). Для милоградских памятников типично расположение укреплений — валов и рвов — на уровне площадок, в то время как на прибалтийских городищах, городищах культуры штрихованной керамики валы и рвы расположены, кроме того, ниже уровня площадок, иногда даже у подножий городищ [48]. Такое же расположение укреплений характерно и для некоторых городищ Смоленщины, а также для юхновской культуры [49]. Кроме валов и рвов городища милоградской культуры имели, как показали раскопки, иногда дополнительный деревянный «оплот» перед валом [60], а обычно — деревянные укрепления, опоясывающие городища по периметру. В нескольких случаях раскопки позволили проследить устройство этих дополнительных укреплений. Так, вдоль края Чаплинского городища располагались ямы от массивных столбов диаметром 0,3—0,4 м. Как предполагает П. Н. Третьяков, частокол шел вокруг всего городища и поднимался на гребень вала [и]. Такие же наблюдения сделаны нами и на городище в Горошкове. На его первой площадке, занимающей оконечность мыса, т. е. на участке, где жили, вдоль восточного склона, обращенного к Днепру, обнаружены многочисленные ямы от столбов. Они располагались в 2—3 м от края площадки городища, параллельно ей. Значительный диаметр ям (0,5—0,6 м) свидетельствовал о том, что столбы не забивались в землю, а вкапывались, тем более, что материковый грунт на этих участках очень твердый. Расстояние между столбами различно, но в среднем 0,6—0,8 м. По заполнению, состоящему из единичных черепков, или ничего не содержащему грунту, эти ямы отличаются от обычных хозяйственных ям на том же городище. Местами они расположены в два ряда, параллельно склону и друг другу, с расстоянием между ними примерно в 2м. Так же, как и на Чаплинском городище, между ямами оборонительных устройств и следами жилых и хозяйственных построек проходит широкая полоса почти без находок. Следы деревянной стены на мысу городища и вдоль юго-западного склона зафиксированы в виде прямого ряда столбовых ям, расположенных вдоль края площадки, на расстоянии 1—1,5 м от обрыва. Диаметр столбов 0,2—0,3 м: глубокий песок позволял вбивать их. Следы второй оборонительной линии сохранились в виде параллельной краю городища канавки и линии столбов. Канавка прослежена непосредственно за ямами от столбов, с внутренней стороны городища (рис. 10, *3)*. С западной стороны площадки городища было выявлено искусственное укрепление склона в виде двойной подсыпки из песка. При разрезе малого вала Горошковского городища, со стороны западного склона отмечено также, что склон был укреплен земляной насыпью. Безусловно деревянные укрепления защищали также и участок между внутренним и внешним валами городища. Однако края площадки здесь

[46] А. Г. Митрофанов. К истории населения Средней Белоруссии..., стр. 8; А. Н. Ляўданскі. Археолёгичныя досьледы ў Смаленшчыне..., стр. 38. Разрез укреплений на городище юхновской культуры у с. Кудлаевки Новгород-Северского района (работы автора 1965 г.) показал, что вал был насыпан на культурном слое юхновского поселения.

[47] А. Г. Митрофанов. К истории населения Средней Белоруссии..., стр. 8, 11.

[48] П. Ф. Тарасенко. Городища Литвы, стр. 88; С. А. Дубінскі. Раскопкі Банцараўскага гарадзішча каля Менску ў 1926 г. «Гістарычна-археолёгічна зборнік», № 1. Менск, 1927, стр. 360.

[49] Е. А. Шмидт. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра..., стр. 348. Кудлаёвское, Дегтяревское и другие городища юхновской культуры см. отчет автора за 1965 г.).

[50] Такой прием употреблялся также при устройстве укреплений на городищах чернолесской культуры (А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье, стр. 14).

[51] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959, стр. 123, рис. 3.

почти не исследовались, они сильно повреждены военными окопами.

Небольшие работы в западной части Милоградского городища, возле оврага, позволяют судить об укреплениях этого памятника. Край площадки городища здесь слегка приподнят, по нему проходит небольшая насыпь — след древнего вала. Раскопки показали, что параллельно линии склона пролегали три канавы, в пределах которых находились круглые глубокие ямы диаметрами до 0,8—1,0 м, по-видимому, от вкопанных столбов. Ямы находок не содержали, только в заполнении одной из канавок был обнаружен черепок с жемчужным орнаментом. С западной стороны располагался вход на городище, что отчетливо выявилось при съемке инструментального плана. Имеющемуся здесь небольшому перерыву во внешнем валу городища соответствует естественное всхолмление на очень крутом склоне оврага. Упомянем об устройстве входа на Колочинском I городище, основание которого относится к милоградской эпохе. Вход на это городище был устроен также со стороны крутого склона оврага. Чтобы попасть на городище, нужно было идти под его стенами, подвергаясь опасности нападения со стороны защитников укрепления [52]. Об устройстве входов на других мысовых городищах данных у нас пока нет. Болотные же городища часто имеют в валах два проема, расположенные по длинной оси укрепления один против другого. Встречается и один проем, как у круглого городища близ дер. Холопеничи на р. Птичи.

О конструкции деревянных укреплений на валах позволяют судить материалы нескольких памятников. Разрез большого наружного вала городища в Горошкове показал, что несколько ниже гребня первоначальной насыпи вала, к его внутреннему склону проходила канавка шириной 0,4—0,5 м — след изгороди, очевидно, сложенной из горизонтальных толстых бревен. На песчаном развеянном углу древнего вала городища у дер. Асаревичи были видны остатки деревянных конструкций в виде сходящихся под прямым углом обугленных бревен, возможно представляющих собой часть клети башенного устройства. Очень интересны сведения о следах укрепления вала городища в дер.

Рис. 10. Следы укреплений Горошковского городища

1— устройство рва при малом вале; *2* — разрез большого вала (на переднем плане видны ямы погребений, перекрытые полой вала); *з* — следы оборонительной системы на мысу городища

Заспа Речицкого района, однослойного памятника милоградской культуры с остатками кладок из крупного белого камня-известняка на валу. Местные жители добывали здесь камень для хозяйственных целей. Сведения эти, однако, нуждаются в дополнительной проверке.

А. Н. Лявданский и А. Д. Коваленя в 1936 г. при небольших раскопках на городище у дер. Ворнбвка (бывшие Лядцы) Кормянского района обнаружили следы деревянных укреплений на одном из валов городища в виде ограды из горизонтально лежащих бревен и жердей, за которой изнутри проходил ряд расположенных параллельно ограде колышков от плетня. С внутренней стороны насыпи располагались ямы от столбов и следы укрепления склона хворостом [53]. Таким же образом были укреплены склоны вала Чаплинского городища, о чем свидетельствуют следы нетолстых столбов диаметром 0,2 м в материке и остатки жердей, лежащих по краю вала [54]. При наших раскопках на городищах не однажды отмечены следы укреплений внутренних склонов. Так, на городище у пос. Милоград участки на внутренней площадке, расположенные в непосредственной близости к валам, всегда носят сильные следы действия огня, что указывает на вероятный обжиг внутренних оснований и склонов валов для их укрепления. При песчаных грунтах, характерных для милоградских памятников Белоруссии, это было особенно важным. Нередко внутренние склоны обкладывали с этой же целью камнями — прием, характерный и для смежных археологических культур как на юге [55], так и на севере [56]. Известны, кроме того, небольшие вымостки из черепков. С внутренним подножьем валов связаны следы и

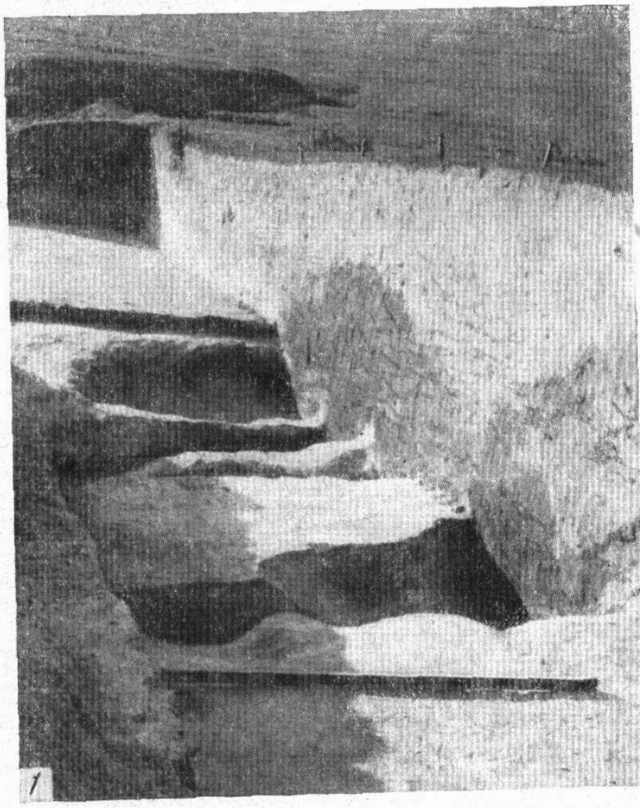
[62] О. Н. Мельниковская. О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии. СА, 1963, № 1, стр. 34, рис. 1; Э. А. Сымонович. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, № 108, 1963, стр. 101, рис. 6. Следует заметить, что городище подверглось существенным перестройкам в середине I тысячелетия н. э., и место древнего входа могло быть изменено.

[53] А. Н. Лявданский и А. Д. Коваленя. Дневник работ по Сожу, 1936.

[54] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 123.

[55] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье, стр. 28.

[56] I. А. Сербаў. Археолёгічныя помнікі Дубравенскага раёну Аршанскай акругі (па матар'ялах сабраных ў 1928 г. Эксpng педыцыяй Цэнтральнага бюро Краязнаўства). Працы II, стр. 55—92; О н ж е. Археолёгічныя раскопкі ў аколіцах Менска ў 1925 г. «Гістарычна-археолёгічны зборнік», № 1, 1927, стр. 193—232.

1

2

3

деревянных конструкций в виде одной (Милоградское городище) или двух (Колочинское II городище) линий столбов, расположенных параллельно линии вала. При этом столбы, расположенные ближе к валу, имеют больший диаметр.

Разрезы валов и рвов сделаны нами на городищах в Горошкове (рис. 10, *1, 2),* П. Н.Третьяковым при исследовании Чаплинского городища и И. Х. Ющенко, по-видимому, частичный разрез вала на городище у дер. Любны. В нескольких случаях разрезы валов хорошо видны на склонах, например на городищах у дер. Старое Село Ветковского района, в дер. Леваши Речицкого района и близ дер. Проскурни Жлобинского района и на других памятниках. В устройстве большого вала на Горошковском городище прослеживается три строительных периода. Древнейший вал из чистого песка имеет высоту 1 м. С ним связаны описанные выше следы древней изгороди. На внутреннем склоне поверхности насыпи прослежены первые признаки культурного слоя, еще весьма невыразительные. Первоначальный вал перекрыт второй насыпью, также песчаной, имеющей высоту 2 м от подножия вала. Культурный слой, относящийся к этому периоду жизни на городище, перекрыт следующей, третьей насыпью, в сооружении которой прослеживается два этапа. Они, по-видимому, не были разделены значительным промежутком "времени. Песчаная насыпь вала дополнительно укреплена и увеличена со стороны плато значительными массами плотного материкового суглинка, укрепленного дерном. Немногочисленный материал, найденный при разрезе вала, представлен исключительно милоградской керамикой. В сооружении малого, внутреннего, вала городища также прослеживается три строительных периода. Близкую картину представляет собой разрез чаплинского вала. В сооружении насыпи, по данным П. Н. Третьякова, можно выделить поздний, зарубинецкий, этап [57].

При описании рвов на городищах милоградской культуры следует отметить особенности в их устройстве, выявленные при работах в Горошкове. Чрезвычайно интересной оказалась конструкция рва при малом (внутреннем) вале городища, совершенно в настоящее время заплывшем и незаметном на поверхности. Выяснилось (рис. 10, *1),* что в основании рва были вырыты три параллельных канавы, между которыми, очевидно, стояли в качестве дополнительных оплотов изгороди типа надолбов [68]. При исследовании площадей за большим (наружным) валом были обнаружены следы сооружений, дополнивших представление об оборонительной системе городища. Между валом и канавой со столбовыми ямами (от оборонительной изгороди) был вскрыт участок древнего рва, от которого на поверхности не сохранилось никаких признаков. Позднее при разрезе большого вала выяснилось, что это не основной ров городища. Последний, расположенный ближе к валу, также заплыл и до раскопок был незаметен. Дополнительный неглубокий ров, вырытый в 2—3 м от внешнего края большого рва и параллельный ему, прослежен на трех разных участках. Никаких следов деревянных укреплений в этом дополнительном рве не обнаружено. Глубина его от уровня древней поверхности всего 0,5 м. Вероятно, оттуда брали землю для насыпи вала. Разрез вала показывает, что темный грунт, соответствующий по цвету земле из малого ровика, располагается в нижних горизонтах вала, хотя и не в его основании. В то же время основная масса земли в верхних горизонтах вала взята непосредственно из прилегающего к нему большого рва, откуда их было легче поднять. Таким образом, в Горошкове при насыпке вала первоначально использовался грунт более далекого участка, переноске с которого не мешало препятствие в виде рва; позже основной ров был значительно углублен при выборке земли для сооружения насыпи. Следовательно, при строительстве вала был применен прием, употреблявшийся в эпоху Киевской Руси при сооружении укреплений на славянских городищах. Использование этого приема относится не к первому строительному периоду, а к последующим этапам существования городищ милоградской культуры, о чем с бесспорностью свидетельствуют стратиграфические наблюдения. При насыпании и дальнейших подсыпках валов часть земли брали с участков, примыкающих к валу со стороны площадки укрепления, что особенно хорошо прослежено при раскопках Милоградскогр городища.

При определении внутренней планировки на укрепленных поселениях милоградской культуры (неукрепленные поселения недостаточно изучены) мы встречаемся с рядом трудностей. Длительная жизнь на тесных площадках, ограниченных укреплениями, связанные с этим многочисленные перестройки различных

[67] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 122, 123.

[68] Сравни: Б. А. Шрамко. Раскопки Люботинского городища. (Архив ИА АН СССР. М., р-з, № 1309. Доклад на секционном заседании Пленума ИА АН СССР 2.V 1964 г. В разрезе рва были ямки от надолбов.

сооружений затрудняют расчленение культурного слоя, имеющего обычно рыхлую песчаную структуру. Это, как правило, не позволяет проследить систему размещения сооружений для каждого отдельного строительного периода. Нам приходится рассматривать картину, зафиксированную раскопками в целом. Несмотря на указанные трудности,все же в какой-то мере удается выяснить планировку. Конечно, не исключены, впрочем редкие, случаи пересечения одного жилища другим и размещения жилищ на местах старых хозяйственных ям, что встречается чаще. Слишком незначительное в ряде случаев расстояние между постройками также иногда заставляет предполагать их разновременность. Данные о размещении построек основываются на раскопках трех наиболее исследованных памятников: городищ в Чаплине, Горошкове и Милограде. На остальных памятниках вскрытые площади недостаточны для суждения о планировке поселений. На Чаплинском городище жилища располагались в центральной и западной частях площадки, хозяйственные ямы несколько в стороне от них. По данным П. Н. Третьякова, на вскрытом им участке городища имеются следы) не менее 12 жилищ (часть их относится к зарубинецкому времени). Всего на городище существовало одновременно 25—30 жилищ [59]. На Горошковском городище жилища также располагались на центральной части площадки кучно, без видимого порядка. На вскрытой половине жилой площадки имеются следы не менее 20 жилищ, однако безусловно не все они относятся к одному времени. Можно предполагать, что число одновременно существовавших жилищ на всей площадке городища должно было быть примерно таким, как определяет П. Н. Третьяков для Чаплина или несколько больше. В отличие от Чаплинского городища хозяйственные постройки в Горошкове группировались в непосредственной близости от жилищ, составляя с ними единые хозяйственные комплексы. Здесь не раз прослежены следы плетневых изгородей, по-видимому разделявших отдельные усадьбы. Жилища или крупные хозяйственные постройки на исследованном нами восточном склоне городища были размещены вдали от обрывистого края, за исключением небольшой двукамерной постройки производственного назначения, имевшей выход на склон городища. Участок, застроенный домами, отделяла от края площадки зона шириной в несколько метров. На ней иногда встречались редко расположенные ямы, почти без материала в заполнении; (Культурный слой здесь беден находками.

Иная планировка поселения была выявлена при раскопках Милоградского городища. Жилища здесь располагались вдоль внутреннего склона валов, подходя местами к их подножью. Рядом находились связанные с жилищами хозяйственные постройки. Таким образом, во внутренней планировке милоградских укрепленных поселений прослеживается два приема: кучное расположение строений в центре площадок и распределение построек [вдоль внутренней линии валов. Не исключено также совмещение этих приемов. Площади, примыкающие к валам в Горошкове и Чаплине, пока не исследованы. Оба указанных приема сводятся к одному принципу, подчинены единой цели — обеспечить как можно лучше защиту строений на случай нападения врага. На Милоградском городище, с его небольшой внутренней площадкой, огороженной высокими валами и защищенной дополнительно укрепленным участком мыса, размещение построек было наиболее рациональным. На низком мысу Горошковского городища, огороженном только деревянными стенами, требовалось иное решение. Примеры применения той и другой планировки дают археологические памятники и на смежных территориях. Так, в предшествующий период в круглых укреплениях чернолесской культуры на Среднем Днепре жилища располагались вдоль валов, центр оставался свободным [60]. То же наблюдается позже в пилькалнисах Восточной Литвы [61]. Примеры кучного расположения жилищ и других построек находим в городищах раннего железного века Смоленщины. Отличной от южнобелорусских является планировка на городищах культуры штрихованной керамики и на юхновских, что связано с особым типом жилых построек на этих поселениях (длинные дома) [62].

Сооружения на поселениях милоградской культуры представлены несколькими категориями: жилыми домами, постройками общественного и культового назначения, подсобными

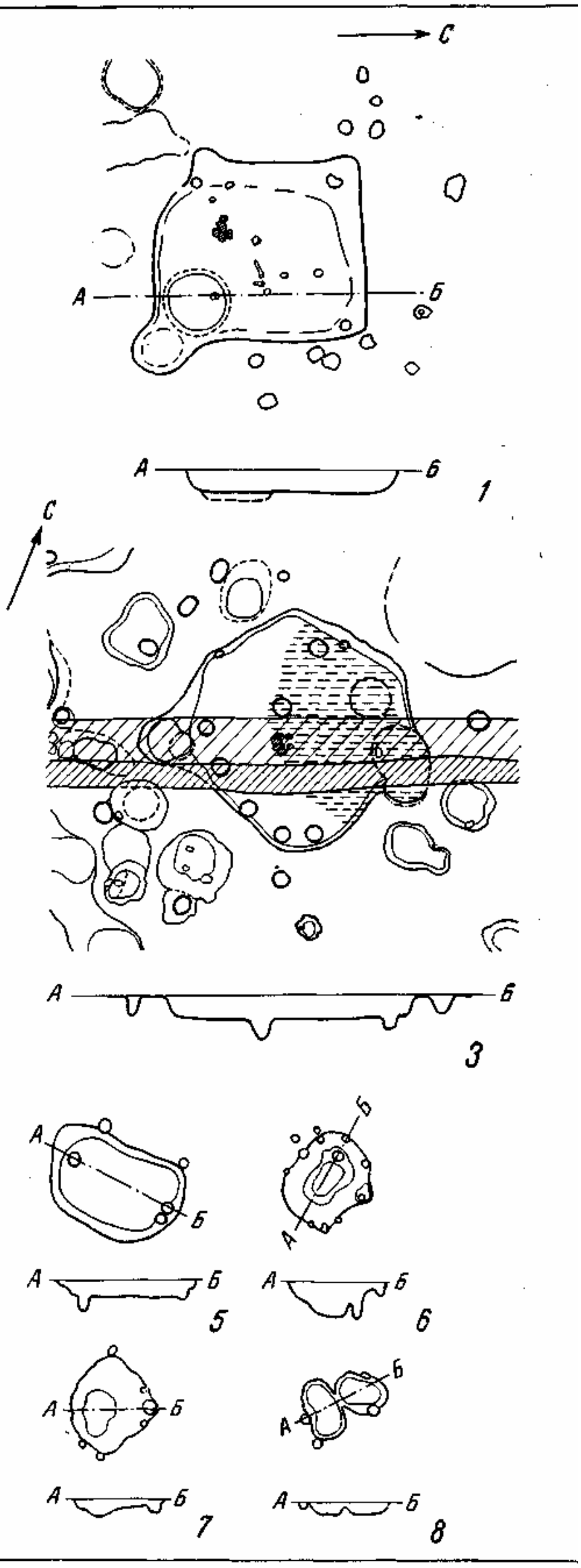
[59] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 152.

[60] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье, стр. 14.

[61] П. Ф. Тарасенко. Городища Литвы, стр. 90.

[62] А. Г. Митрофанов. К истории населения Средней Белоруссии..., стр. 15; О. Н. Мельниковская. Исследование памятников юхновской культуры на Средней Десне. Сб. «Археологические открытия 1965 г.» М., 1966. Она же. Новые раскопки на Десне. Сб. «Археологические открытия 1966 г». М., 1967.

Рис. 11. Планы и разрезы построек на памятниках милоградской культуры Белоруссии *(1—11)*

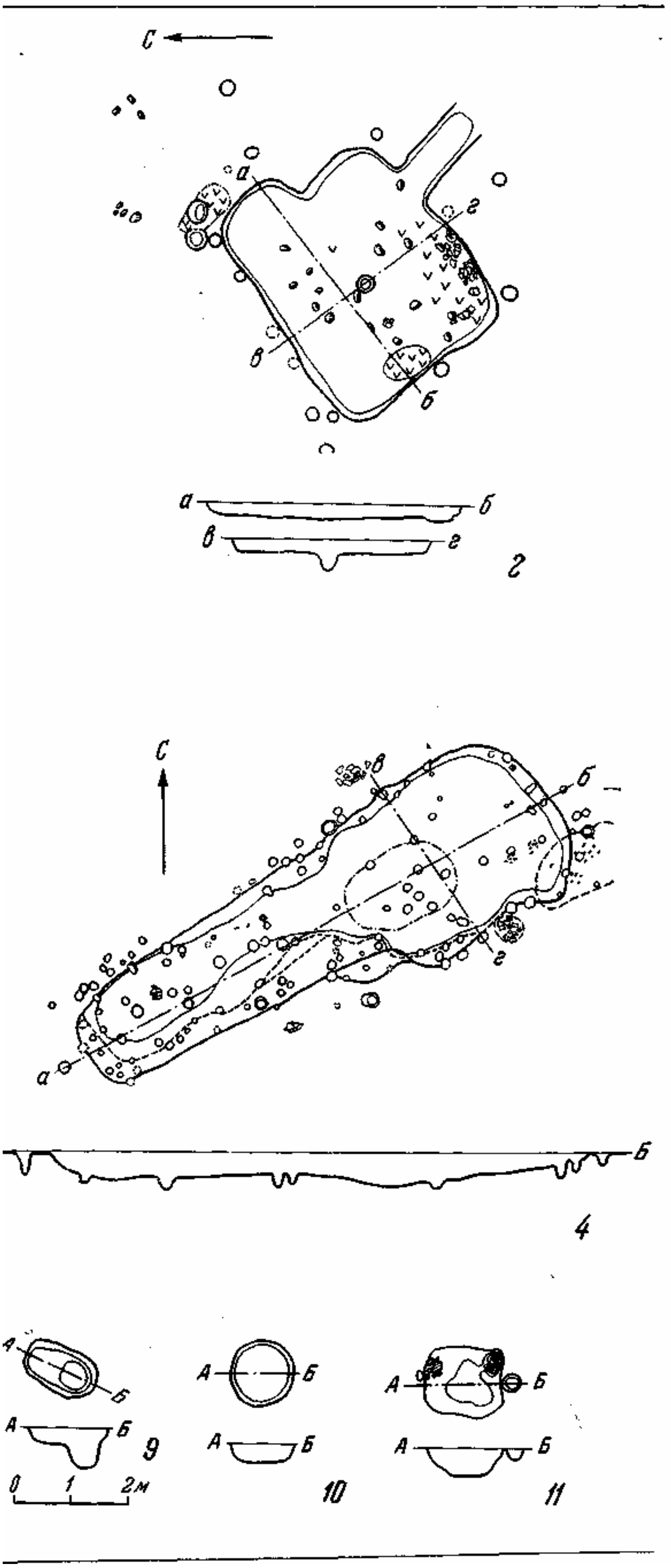
постройками и ямами хозяйственного назначения. О жилых постройках, так же как и о других категориях сооружений на памятниках раннего железного века Южной Белоруссии, до работ Славянской экспедиции ничего не было известно. Несколько строк в статьях А. Н. Лявданского, где он характеризует жилища как «бревенчатые наземные постройки, обмазанные глиной, имевшие вид куреня с ямкообразным или каменным наземным очагом»[63], относятся ко всем южнобелорусским городищам. Время и культурная принадлежность их не определяются. А. Н. Лявданским отмечено, что,кроме наземных жилищ,на Соже встречаются землянки. Уточнено и то, что для городищ на Соже нехарактерна глиняная обмазка[64]. В применении к милоградским жилищам это соответствует истине и характерно также для Днепра. При раскопках на городище у дер. Любны под Гомелем в 1925 г. И. X. Ющенко обнаружил следы типичного для милоградской культуры слегка углубленного в грунт жилища диаметром 3—4 аршина, которое он реконструировал как «шалаш конусообразной формы из жердей, прикрытых ветвями с присыпкой земли» [65]. Материалы эти, как и итоги работ А. Н. Лявданского, остались неопубликованными, планы построек не сохранились. При раскопках Славянской экспедицией исследовано не менее 50 следов жилых построек, обнаруженных на памятниках, подвергнутых более или менее значительному изучению (рис. 11). Некоторые из них опубликованы исследователями[66]. Значительную трудность на милоградских городищах представляет восстановление точных контуров жилых и нежилых построек из-за слабого песчаного грунта,перестроек, незначительной их углубленности в материк. С местами жилищ бывают связаны

[63] А. Н. Л я в д а н с к и й. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. Сообщения ГАИМК, № 7—8, 1932; О н ж е. Археолёгічныя досьледы ў БССР пасьля Кастрычнікаўскай рэволюцыі, стр. 216.

[64] А. Н. Л я в д а н с к и й, А. Д. К о в а л е н я. Дневник работ по Сожу, 1936.

[65] И. X. Ю щ е н к о. Отчет о раскопках Любенского городища в 1925 г. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 175, 1925.

[66] П. Н. Т р е т ь я к о в. Чаплинское городище, стр. 124; О. Н. М е л ь н и к о в с к а я. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК АН СССР,1957, вып. 70, стр. 32, рис. 7; О н а же. О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии. СА, 1963, №' 1, стр. 37, рис. 4.

развалы обожженных камней от очагов, находки большого количества грузиков (пряслиц), сосудов, зернотерок, каменных пестов, предметов из металла и т. д.

Милоградские жилища можно разделить на три типа: землянки или глубокие полуземлянки глубиною 1,2—1,4 мот уровня древней поверхности, наземные жилища, слегка углубленные в грунт на 0,25—0,6 м, и наземные жилища без следов углубления в грунт. Первый тип представлен в наших раскопках пока одним экземпляром — землянкой на раннем Моховском I городище. Второй тип — основной, характерный для всех этапов существования милоградских памятников, от самых ранних до самых поздних. Третий тип на ранних этапах нами не прослежен ни разу. По-видимому, он присущ относительно позднему времени, когда наземные постройки сосуществуют с углубленными жилищами. Иногда нет уверенности в отнесении постройки к этому типу, так как незначительное углубление в грунт не всегда может быть прослежено, особенно если следы жилища обнаружены не в основании культурного слоя. Не исключено, что при дальнейших исследованиях выяснится, что выделять наземные, неуглубленные жилища в качестве самостоятельного типа на милоградских памятниках Белоруссии нецелесообразно. Однако бесспорно общее направление в эволюции жилищ: от землянок к наземным. Это подтверждается не только наземным устройством синхронных с поздними милоградскими зарубинецких жилищ на этой же территории, но и материалами из смежных областей [67].

Милоградские жилища представляют собою рассчитанные на одну семью небольшие постройки, состоящие в своей основе из одного жилого помещения (рис. 11; 12, *1, 2*). Площадь их колеблется в пределах от 9—10 до 50 м^2, чаще всего 12—16 м^2. Форма жилищ разнообразна, но преимущественно не совсем правильного

[67] При работах А. Н. Лявданского и А. Д. Ковалени на городище у дер. Лядцы (Ворновка), имеющем отложения милоградской культуры с примесью зарубинецких материалов в верхних слоях, отмечено, что для нижних горизонтов слоя характерны землянки, а для верхних — наземные жилища (П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр.124; А. К. Амброз. К истории Верхнего Подесенья..., стр. 56—71. В. Г. Петренко. Культура племен Правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э. МИА, № 96, 1961, стр. 62—63).

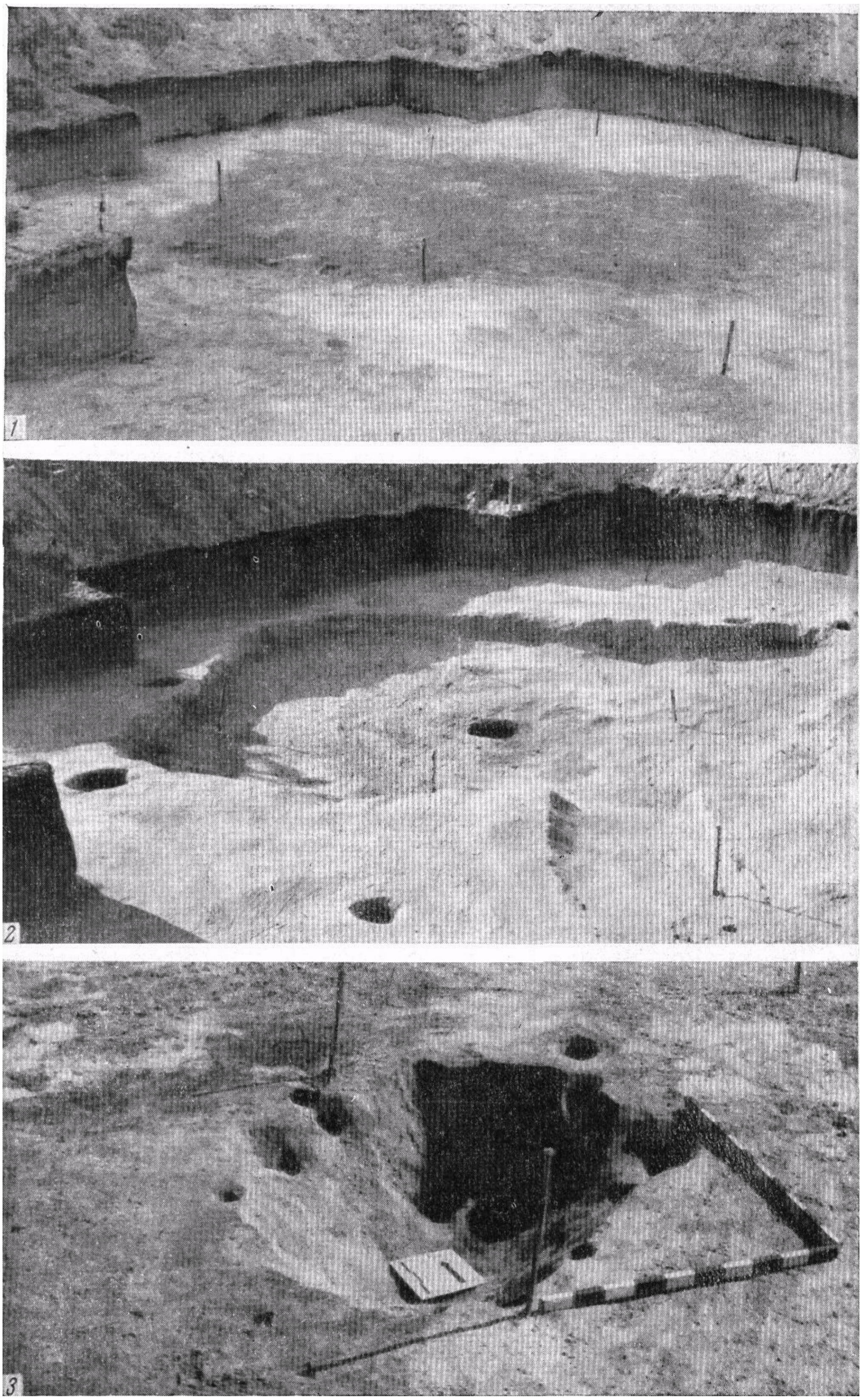

Рис. 12. Следы построек на памятниках мил огра декой культуры Белоруссии

1,2 — жилище на Милоград-. ском селище к северу от городища: 1—зачистка пятна, *2*—после выборки; *3*—яма-погреб на Горошковском городище

квадрата или прямоугольника, реже круга или многогранника [68]. При прямоугольных очертаниях соотношение длины и ширины составляет примерно 4 X 3 м. Таковы же размеры стен квадратных жилищ. Диаметр круглого жилища на Милоградском городище 7 м, размеры землянки на Моховском I городище (многогранник с округленными углами) — 8,5х Хб,5 м (по наружным контурам). Основные формы жилищ, по-видимому, типичны для разных хронологических этапов. Ориентированы постройки по-разному. В форме жилищ на милоградских поселениях имеется один стойкий специфический признак, отличающий их от жилищ других культур на смежных территориях. Во всех случаях, когда контуры жилища хорошо видны, по одной из стен или в углу его имеется характерный выступ прямоугольной, круглой или овальной формы. Выступы в милоградских жилищах настолько характерны, что при наложении планов жилищ на чертежи участков, где жилища плохо прослеживаются, удается в некоторых случаях более четко выявить не только общие их контуры, но и характерные выступы в них. Ориентировка выступа, расположение его по отношению к стенам, очагам и входам различны. В редких случаях жилища имели два выступа — одновременно в противоположных стенах. Эти выступы не связаны с входами (последние не раз удавалось проследить) и с местом очагов, как предполагает П. Н. Третьяков [69]. Уровень пола выступа обычно совпадает с уровнем пола всей постройки, но иногда в нем обнаруживалась яма, в которую в отдельных случаях сгребали золу из очагов. В одном случае (в землянке на Моховском I городище) выступ, четко прослеженный в плане, не был углублен в материк. Он представлял собой наземный придаток к земляночному жилищу. О назначении выступов мы определенно судить не можем. Очевидно, функции их были различны, о чем свидетельствуют разные размеры, формы и другие элементы этой части жилища. Выступ в жилищах характерен не только для памятников с однородным милоградским слоем, но и для памятников с зарубинецкими включениями в слое, со смешанными милоградско-зарубинецкими комплексами. В то же время у зарубинецких жилищ таких выступов не имеется.

О конструкции древних домов нам позволяет судить большое количество данных. Вдоль контуров жилища, с наружной и внутренней стороны, прослеживаются ямы от столбов. В том случае, когда жилище имело квадратные или прямоугольные очертания, видно, что столбы располагались по его углам и один против другого по стенам. Кроме столбовых ям, у стен большинства жилищ располагались многочисленные ямки от кольев. Есть, однако, и постройки без следов колышков. Совершенно очевидно, что при возведении стен употребляли два приема: плетневую конструкцию, когда пространство между столбами забиралось частым плетнем (в таких случаях следы столбов прослеживаются ближе друг к другу), и конструкцию в виде закрепленных между столбами тонких бревен, уложенных горизонтально (расстояние между столбами больше, нет следов кольев). В первом случае на месте стен иногда сохраняются тонкие темные полосы или следы неглубоких канавок, связь которых с жилищами подтверждена при раскопках многократно. От следов стен обычно отличаются следы изгородей между отдельными участками. Последние прослеживаются в виде линий, редко расположенных ямок от кольев. Изгороди-«заметы» или «замьеты», образованные закрепленными на кольях жердями, распространены в Белоруссии и теперь [70].

Для жилищ с обоими типами конструкции стен, широко распространенных в эту эпоху, характерно отсутствие глиняной обмазки, применяемой при домостроительстве в смежных культурах и зарубинецких постройках на этой же территории. Кроме ям и ямок, по контурам жилищ, на расстоянии 1—1,5 м снаружи от них иногда обнаруживаются еще следы ям от каких-то дополнительных оград, также входивших в конструкцию жилища. В некоторых случаях они окружают дом, но чаще прослеживаются только по одной или двум его сторонам. Скорее всего это следы сеней или навесов. Ямы, расположенные против углов постройки, кое-где сохраняют наклон в сторону жилища, что позволяет связывать их с креплением стен и кровли при помощи столбов.

Об устройстве крыши мы можем судить только по расположению ям от столбов. Для милоградских жилищ характерно применение центрального столба в качестве одной из опор

[68] Сооружения, имеющие в плане вид многогранника (пяти-, шести- и восьмиугольника), еще недавно были характерны для хозяйственных построек белорусов (Н. И. Лебедева. Жилища и хозяйственные постройки Белорусской ССР. «Труды Государственного центрального музея краеведения», М., 1928, стр. ,60).

[69] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 130. Ссылка на наши материалы по этому поводу приведена ошибочно.

[70] Н. И. Лебедева. Жилища и хозяйственные постройки..., стр. 41.

перекрытия жилища. Такое устройство имело в древности широкое распространение, в частности в зарубинецких жилищах. При больших размерах постройки ставились два центральных столба, как это было в жилище, раскопанном на Милоградском городище в 1957 г. Не исключено, что с устройством крыши в данном случае были связаны и ямы от столбов, расположенные по кругу на расстоянии 1,5—2 м от центральных столбов и примерно на таком же расстоянии от стен постройки. В строениях удлиненных пропорций, которые описываются ниже, столбы, поддерживавшие кровлю внутри жилища, располагались по продольной оси сооружения. При незначительных размерах жилища кровля держалась без центрального столба.

Реконструировать устройство кровли помогают этнографические параллели. И в наши дни можно встретить хозяйственные постройки белорусов (хлева, повети, гумна), возведенные на «сохах»,в частности в Речицком районе. Применение «сох» — высоких столбов с развилкой на конце — при устройстве надворных построек характерно и для других восточнославянских народов. В некоторых случаях крыша крепится на парных «сохах». При помощи «сох» может быть сделана четырехскатная и двускатная кровля. Особенностью этой конструкции, чрезвычайно важной при столбовом устройстве древних жилищ, часто имевших легкие плетеные стены, является слабая связь крыши со стенами дома, так как основная тяжесть ее лежит на «сохе». Крыша может существовать как бы самостоятельно, независимо от стен. Подобные конструкции не раз описаны в литературе [71]. Можно полагать, что основным типом перекрытия в милоградских жилищах являлась двускатная коньковая кровля. На это указывает обнаружение глубоких столбовых ям, расположенных против центрального столба. В отдельных случаях возможна пирамидальная форма перекрытия, наподобие крыш некоторых полесских куреней [72]. В одном случае с особым характером жилища (землянка на Моховском I городище) связаны, по-видимому, некоторые особенности и в устройстве кровли. Площадь пола здесь была,очевидно, меньше размеров ямы землянки, имевшей наклонные под углом 30—45° к поверхности стенки. Примерно на середине их высоты прослежено восемь ям — упоров для столбов или плах. Ямы, вырытые наклонно, были обращены к центру, где находилась яма от центрального столба.

Полы в жилищах обычно выровнены, утоптаны, иногда они представляют собою твердые обожженные участки с углистыми включениями. Чаще же расположение жилищ на песчаных грунтах обусловливает плохую сохранность полов. Нередко полы в жилищах нарушены ямами, не связанными с жилищами. Впрочем, о характере взаимосвязи построек с расположенными на их площади ямами судить можно не всегда. В некоторых случаях ямы безусловно составляют часть внутреннего оборудования жилого помещения, исполняя в нем хозяйственные функции. В круглых или овальных ямах размещались мелкие очаги, изредка глубина их достигает 0,4—0,5 м. С ними связаны и небольшие предочажные ямы с золистым заполнением, иногда встречающиеся в жилищах. В отдельных случаях очаги представляли собой скопление пережженного камня на уровне пола или просто пережженную часть пола. Никаких специальных очажных сооружений, как это наблюдается, например, на городищах культуры штрихованной керамики [73], на милоградских памятниках нет. Еще в XIX в., отмечает К. Мошинский, в Мозырском и Речицком уездах можно было встретить небольшие курные хаты с «огнищем» в центт ральной части постройки [74]. В милоградских жилищах очаг находился обычно на участке между центральным столбом и стенкой. В тех случаях, когда удается определить взаиморасположение очага и входа, видно, что очаг помещали вдали от входа, в разных частях жилища. Вход располагается с восточной или юго-восточной стороны. На Моховском I городище вход в землянку ступенчатый.

На Горошковском городище, кроме жилищ, раскопано несколько построек, по-видимому, культового назначения. В их устройстве нет принципиальных отличий от жилищ. Разница в деталях связана с размерами и иными пропорциями этих сооружений, например несколько столбов по продольной оси для поддержки «сох». Как и жилища, постройки эти имеют выступ по одной из стен. Лучше других сохранились следы такого сооружения за валами Горошковского городища. Длина его 8,5 м, ширина от 1,5 до 3 м. Сооружение было углуб-

[71] Н. И. Л е б е д е в а . Жилища и хозяйственные постройки..., стр. 32, 34, 66, 78—80, рис. 14, 73; K. M o s z y us k i. Polesie wschodnie. Warszawa, 1928, str. 106.

[72] K. M o s z y n s k i. Polesie wschodnie, str. 63, 64.

[73] А. Г. М и т р о ф а н о в. Городище в Вязынке. «Материалы по археологии БССР». Минск, 1957, стр. 158—160.

[74] K. M o s z y n s k i. Polesie wschodnie, str. 63, 64, 114, 118.

лено от уровня древней дневной поверхности на 0,5 м. Ориентирована эта постройка, как и другие близкие ей, на северо-северо-восток — юго-юго-запад (рис. 11, *4).*

Хозяйственные сооружения представлены надворными постройками типа небольших сараев, погребов и ямами разной формы и назначения. Несколько отлична от них обнаруженная в 1954 г. на мысовой части Горошковского городища постройка, представляющая собой углубленное в материк небольшое двукамерное сооружение (размер камер около 2 х 3м), ориентированное с запада на восток. Восточная часть постройки выходит на склон городища. В камерах, соединенных переходом (рис. 13), ямы с углистым заполнением. В стене одной из камер имеется выступ. Особенности в расположении и устройстве, интенсивное углистое заполнение и другие детали позволяют предполагать производственное назначение постройки.

Небольшие надворные постройки типа сараев во многом повторяют по своему устройству милоградские жилища. Для них характерна та же столбовая конструкция стен, незначительное углубление в землю, тот же выступ по одной из стен. Форма их обычно прямоугольная, реже квадратная, размеры 2х1,5; 2,5 Х х2 м и т. д., ориентированы различно. Такую форму имела, например, служебная постройка, в пределах которой в 1954 г. обнаружен клад браслетов (рис. 13, квадраты 50, 55). Центральный столб обычно отсутствует, так как при незначительных размерах построек надобность в нем отпадает. В одном из сооружений следы столбов располагались по продольной оси у краев постройки, которым соответствовали угловые ямы, обнаруженные только по одной длинной стене. Можно предполагать, что постройка была перекрыта односкатной крышей (рис. 11,5; 13,квадрат 45).В отдельных служебных постройках зафиксированы следы небольших очагов в виде углистых углублений или скоплений обожженного камня. Этнографы отмечают и в настоящее время в надворных постройках белорусов очаги «тяплынь», костры, которые разжигают при сушке льна или жита [75].

Характерной чертой поселений является огромное количество всевозможных хозяйственных ям и погребов, прорезающих культурный слой на всей площади, за исключением краев городищ (рис. 14). Многие ямы обусловлены земледельческим бытом обитателей городищ. Кое-где погреба почти вплотную примыкают к стенкам жилища, будучи расположенными, по-видимому, в сенях или под навесом. Погреба представляют собой ямы различных пропорций и очертаний в среднем 1,5 м длиной или диаметром. Глубина их различна, но всегда невелика и редко превышает 0,6 м от уровня материка. В устройстве почти всех погребов прослеживается одна и та же особенность: разный уровень дна ямы, что обеспечивало более удобный спуск в погреб (рис. 11, *9).* В отдельных случаях дно погреба представляло три разных уровня, т. е. имело спуск в виде двойного уступа, как это отмечено П. Н. Третьяковым для ям-погребов Чаплинского городища [76]. По краям погребов часто прослеживаются ямки от столбов и жердей, позволяющие судить о конструкции и внешнем виде этих построек. Наклон ямок в сторону погреба говорит о шалашевидных перекрытиях. Их в ряде случаев поддерживали еще столбы по краям и по продольной оси ямы (рис. 11, б, 7; 12, *3).* Подобное двускатное перекрытие погребов характерно и для современных белорусских хозяйственных построек. В заполнении погребов редко встречаются кости животных и «пряслица», отсутствуют обожженные камни и углистые отложения, обычные во многих ямах. В одном из погребов Горошковского городища был найден обугленный жёлудь.

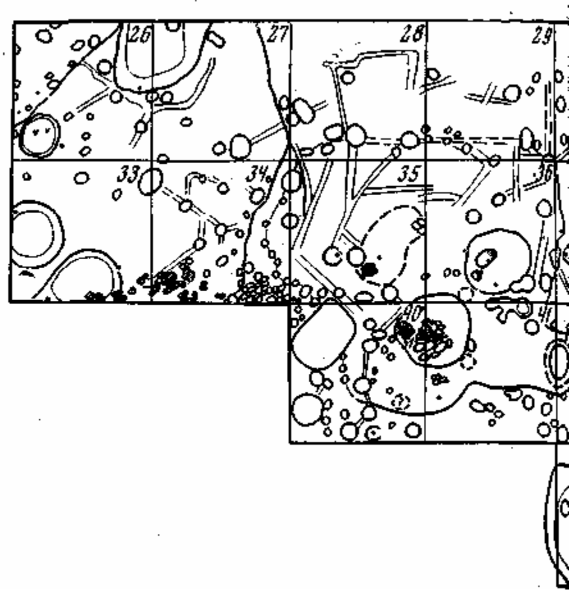
Из огромного количества ям, раскопанных на памятниках милоградской культуры, более половины имело незначительную глубину и бедное заполнение. Как упоминалось, часть ям связана с оборонительными сооружениями, но есть ямы и неясного назначения. Обычно хозяйственные ямы имеют темное заполнение и насыщены находками. Они круглой или овальной формы, но встречаются квадратные и неправильных очертаний. Диаметр или длина ямы колеблется в пределах от 0,5 до 1,5 м, глубина в среднем 0,4—0,5 м, в редких случаях 1 м. Стенки часто отлоги, дно округлено (рис. И, *10).* Форма ям чашевидная. Изредка встречаются цилиндрические ямы с вертикальными стенками и плоским дном, еще реже — ямы со стенками, расширяющимися книзу, так называемой колоколообразной формы, широко распространенной в скифскую эпоху в лесостепной полосе. Большое количество таких ям на Чаплинском городище, где преобладали зарубинецкие материалы, с одной стороны, и редкость их на памятниках только с милоградскими слоями — с другой, как будто говорят об их типичности для зарубинецкой

[75] Н. И. Лебедева. Жилища и хозяйственные постройки..., стр. 49—55.

[76] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 131, рис. 8, *3.*

Рис. 13. План одного вскрытого участка на Горошковском городище

1 —контуры ям; *2* — ямы с подбоем; *з* — столбовые ямы; *4* — следы стен; 5 — скопления керамики; 6 — камни; 7 — зернотерки; *8* — угли; 9 — предполагаемые контуры сооружений; *10* — индивидуальные находки

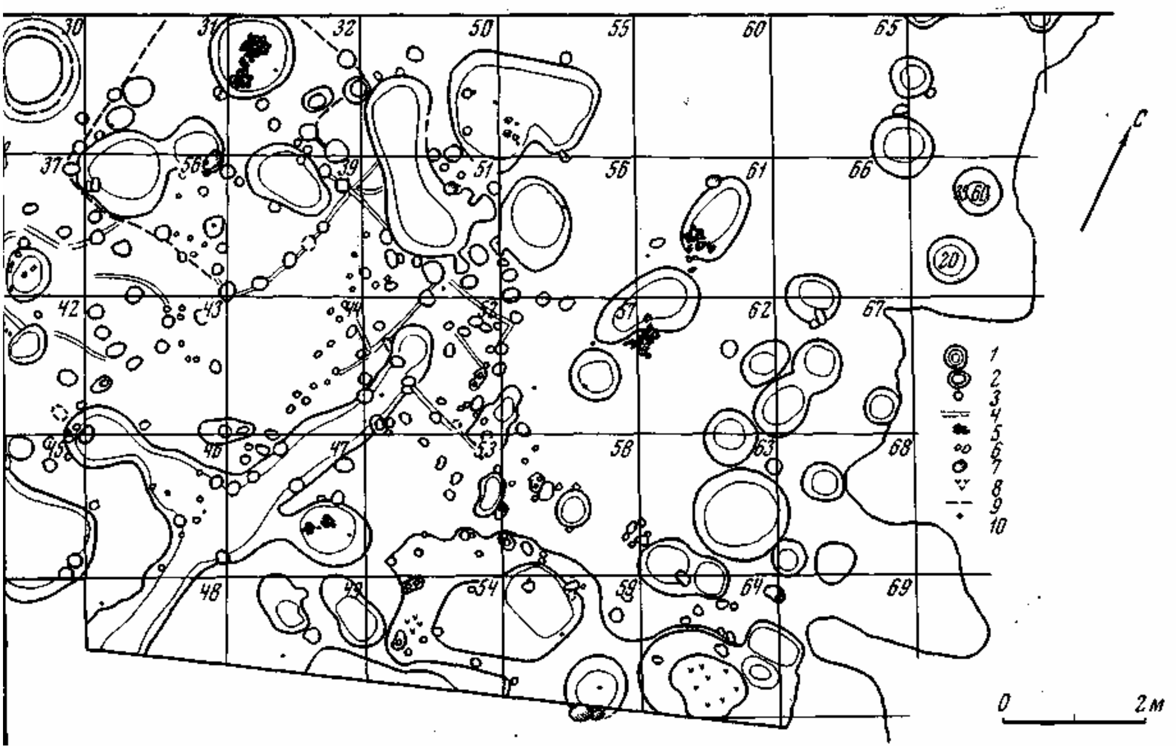
культуры. Как исключение на городищах встречаются ямы с боковым подбоем.

По краям и на некотором расстоянии от них иногда прослеживаются ямки от столбов или жердей, имевшие, как и у погребов, наклон в сторону ямы. Чаще же следов кольев нет, что говорит о легкой конструкции перекрытия, при которой ямки не доходили до материка. Это же подтверждают и следы частых разрушений ям и перекрывание их одна другой, что почти не бывает в основательных сооружениях. Перекрытия хозяйственных ям делали так, чтобы края их оставались свободными и использовались в качестве полок. П. Н. Третьяков отмечает частые находки вещей на краях ям Чаплинского городища[77]. В Горошкове на краях ям был обнаружен клад железных орудий труда, небольшой клад из бус и бронзовых браслетов, отдельные железные серпы, целые сосуды и т. д. В основном ямы служили и кладовыми для хранения запасов, о чем свидетельствуют найденные жёлуди и большое число вещей в их заполнении. В противоположность описанным выше погребам, во многих хозяйственных ямах обнаружены кости животных, часто в обожженном виде. Некоторые ямы, хотя они и не входили в пределы жилых построек, использовались для устройства очагов. В заполнении таких ям обнаруживаются обожженные камни, зола, скопления черепков от разбитых сосудов, целые сосуды. Не подлежит сомнению связь нзкоторых ям, в частности с металлургическим производством. Отдельные из них бесспорно являлись примитивными горнами. Наконец, ряд ям предназначался для культовых отправлений. В их заполнении содержатся кости человека, главным образом части черепа, куски краски, неполные захоронения животных (рис. 11, *11)* и т. д. В Горошкове обнаружена яма с трупоположением, относящимся к милоградской культуре. Часть ям на Моховском I городище служила местом погребения его жителей.

Приведенная выше характеристика жилищ и других построек на памятниках милоградской культуры свидетельствует о применении при возведении их строительных приемов, общих в раннем железном веке для обширных территорий Центральной и Восточной Европы. Специфические отличия в милоградских жилищах и других постройках определяются не особыми строительными приемами при возведении сооружений, а отдельными характерными приемами в устройстве погребов и пр. Пока мы не знаем аналогий оригинальным удлиненным постройкам особого, явно нежилого назначения. Существенным отличием милоградских жилищ от построек на смежных территориях (Средняя Белоруссия, Подесенье и отчасти Смоленщина[78]), является отсутствие характерных для них больших длинных домов, иногда разделенных перегородками на помещения для отдельных семей. Ближе к милоградскйм жилые постройки, обнаруженные в пра-

[77] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 130.

[78] А. Г. Митрофанов. К истории населения Средней Белоруссии..., стр. 14, 15; Он же. Городище в Вязынке, стр. 162, 163; Л. А. Молчанова. К вопросу о развитии белорусского крестьянского жилища. Сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», т. I. Труды ПОКЭ. М., 1959, стр. 544, 545; В. Р. Тарасенко. Раскопки на городище «Барсучья горка». КСИИМК, вып. XV, 1947, стр. 102—105 (по данным А. Г. Митрофанова, на городище есть материалы, предшествующие зарубинецким); Е. К. Горюнова. Городище Торфель. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 148—156; Е. А. Шмидт. Отчет о раскопках 1962 г. в Смоленском районе. Архив ИА АН СССР; О. Н. Мельниковская. Исследование памятников юхновской культуры на Средней Десне; Она же. Новые раскопки на Десне. Сб. «Археологические открытия 1966 г.». М., 1967».

вобережной лесостепной части Днепра[79]. В периоды, предшествовавшие милоградской культуре, жилища в Южной Белоруссии не изучены.

Для памятников сосницкого типа, по украинским материалам, характерны большие землянки овальной формы, углубленные в грунт на 1—1,2 м, несколько напоминающие землянку раннего Моховского I городища. Сходство с некоторыми постройками милоградской поры имеют постройки чернолесской[80], а позже и зарубинецкой культур. Сходство в устройстве сооружений милоградской и зарубинецкой культур может быть отмечено прежде всего в применении общих строительных приемов. Специфика же устройства и планы построек обеих культур во многом различны. Например, зарубинецкие постройки не имеют выступов в стенах, при их сооружении употреблялась глиняная обмазка и т. д. Сравнительно большая близость прослеживается в хозяйственных сооружениях обеих культур, в частности в ямах-погребах[81]. В то же время мы отмечали выше разницу в форме типов хозяйственных ям.

Могильники

Важным в характеристике культуры явилось открытие в 1954 г. в Южной Белоруссии могильников милоградских племен. Милоградская культура пока единственная из культур раннего железного века лесной зоны Приднепровья, при поселениях которой удалось обнаружить могильники.

В настоящее время известно несколько грунтовых могильников на территории Гомельщины. Кроме того, в пределах Брестской области Ю. В. Кухаренко открыл несколько ранних курганных групп, одна из которых частично им исследована[82].

На Гомельщине раскопки производились в нескольких пунктах — в деревнях Горош-

[79] В. А. Б о г у с е в и ч. Канівська археологічна експедиція АН УРСР, т. III. Київ, 1952, стр. 142.

[80] С. С. Б е р е з а н с ь к а. Деякі нові дані про епоху бронзи в північній частині Середнього Подніпров 'я, стр. 113; А. И. Т е р е н о ж к и н. Предскифский период на Днепровском Правобережье, стр. 35, 36, рис. 21—23.

[81] П. Н. Т р е т ь я к о в. Чаплинское городище, стр. 133.

[82] Ю. В. К у х а р е н к о. Памятники железного века..., стр. 21—24.

Рис. 14. Раскопки Чаплинского городища

кове [83], Чаплине [84], Мохове, Асаревичах, Колочине. Неясные остатки погребений дали и старые раскопки И. Х. Ющенко на площадке городища в дер. Любны на Соже [85]. На остальных пунктах, где можно предполагать милоградские могильники: у деревень Проскурни, Нижняя Олба, Присно, Ворнбвка (Лядцы) погребения были отмечены при разведочных работах [86].

Основные работы по исследованию грунтовых могильников производились Гомельским отрядом Славянской экспедиции под руководством автора. Всего в настоящее время вскрыто более 150 погребений.

Грунтовые могильники милоградской культуры Белоруссии располагаются при поселениях, за валами городищ (Чаплин, Асаревичи) или на некотором расстоянии от поселений, на повышенных участках поймы, дюнах (например, могильник у с. Проскурни). Специфической чертой милоградских могильников является также расположение их в некоторых случаях непосредственно в пределах укрепленной части поселений (Горошков, рис. 15, Мохов I, Любны). Могильники в Горошкове и Мохове частично вынесены также и за пределы укреплений. Как мы уже писали, кратко характеризуя раскапывавшиеся памятники, погребения, оставленные жителями Моховского I городища, обнаружены при раскопках участка, примыкающего к склону городища, рядом с милоградским жилищем. Кроме того, несколько погребений вскрыто за валом городища. Могильник в Горошкове занимал внеш-

[83] О, Н. Мельяиковвекая. Могильник милоградской культуры в д. Горошков в Южной Белоруссии. СА, 1962, № 1, стр. 163—172; Она ж е. Памятники раннего железного века Юго-Восточной Белоруссии (милоградская культура). КСИА, 1963, вып. 94, стр. 13.

[84] Ю. В. Кухаренко. Чаплинский могильник. МИА, № 70, 1959, стр. 164; Л. Д. Побаль. Пасяленні і магільнік зарубінецкай культуры ў Чапліне. «Весці Акадэміі навук Беларускай ССР». № 3. Менск, 1959, серыя грамадскіх навук, стр. 76; Л. Д. Поболь. Поселения и могильник зарубинецкой культуры в Чаплине (к вопросу о ранней восточнославянской культуре в южной части БССР). М., 1960, стр. 6. Автореф. канд. дисс.

[85] Зьм. Даўгяла. Новыя раскопкі каля Гомеля. «Гістарычна-археолёгічны зборнік», № 1, Минск, 1927, стр. 363; Архив ЛОИА, ф. № 2, он. 175, 1925, № 110, 1926 г. Раскопки И. Х. Ющенко Любенского городища около г. Гомеля (переписка и отчет с иллюстрациями); Архив ЛОИА, ф, 5, д. 378, 132.

[89] Дер. Проскурни Жлобинского района, дер. Н. Олба Стрешинского района Гомельской области. Разведки Славянской экспедиции 1951, 1955, 1957 гг.; дер. Присно и Ворновка (Лядцы) — Кормянский и Чечерский районы Гомельской области К. М. Палікарповіч. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга і Ніжняга Сажа, стр. 170, 181, 182: Он же. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга Сажа, стр. 463, 464.

яюю площадку городища и участок, примыкающий к валу со стороны плато. Погребения располагались вдоль кромки берега Днепра (рис. 15). По мере отдаления от склона число лх постепенно уменьшалось. То же мы наблюдаем при исследовании противоположного края площадки, образованного оврагом (раскопки 1961 г.). На центральной части внешней площадки городища пока встречены только единичные погребения.

Грунтовые милоградские могильники представляют собой поля погребений с трупосожжениями. Прах после сожжения, производившегося где-то поблизости, высыпали в ямы [87]. По материалам раскопок в Белоруссии нет оснований предполагать урновые захоронения хотя бы потому, что только в одном случае разбитый или раздавленный сосуд из погребения склеился полностью.

Характерной особенностью погребений является небольшое количество в них костных остатков (к тому же хорошо очищенных от следов погребального костра) и незначительный погребальный инвентарь или отсутствие его в могилах. Все это крайне затрудняет выявление погребений. Трудности поисков последних усугубляются обычным расположением могильников на слабых песчаных грунтах. Поэтому для обнаружения мест захоронений мы применили особую методику, позволившую добиться массовой фиксации погребений [88].

По краю ям (вокруг или с одной стороны) на уровне древнего горизонта в некоторых случаях было расположено по нескольку камней. Иногда пятна могильных ям заметны по темному или светлому из-за присутствия золы оттенку грунта. Хорошо прослеживаются ямы погребений, если при их сооружении был прорезан культурный слой (например, у подножий валов), а также в тех немногочисленных случаях, когда с костями в могилу попадали включения из погребального костра (рис. 16, *1).*

Частота расположения ям на разных могильниках и на разных участках одного и того же могильника различна. На некоторых участках могильника в Горошкове наблюдается большая густота погребений, что не позволяет предполагать перекрытие их насыпями значительной величины. В то же время случаи перекрывания одного погребения другим исключительно редки. Иногда ямы соприкасаются краями, образуя в плане восьмеркообразные фигуры. Есть случаи, когда обе ямы перекрыты одним развалом сосуда (рис. 15, квадраты 159, 170) или имеют другие объединяющие их признаки. В таких случаях можно предполагать парные погребения. Ненарушенность одних погребений другими позволяет утверждать, что могилы имели внешние признаки. Это подтверждается и тем, что дно некоторых ям (в центре или сбоку) имеет углубление в виде столбовой ямки, как это встречается и в зарубинецких могилах [89]. Любопытной особенностью милоградских могильников является то, что на их площадях не раз были обнаружены следы сожженных столбов, не совпадающих с могильными ямами (Горошков, Мохов I, Асаревичи). Не исключена синхронность их погребениям и связь их с погребальным обрядом.

Такие же столбовые ямки на площади могильников прослежены и на украинских памятниках милоградского и подгорцевского типов (рис. 17, 7), а также на предшествующих им могильниках лебедовского типа [90].

Ямы погребений на милоградских могильниках имеют разные формы. Наиболее распространены круглые ямы. Диаметр их от 0,4 до 1,6 м. Характерны также ямы в форме широкого или удлиненного овала в рост человека и меньше. На вскрытых участках могильника в Горошкове число круглых ям почти втрое превышает число овальных; преобладают круглые ямы и на других могильниках. Другие формы ям (прямоугольные и подквадратные) встречаются редко. Сочетание двух основных форм ям — круглых и овальных — характерно для всех раскапываемых памятников. Закономерностей во взаиморасположении различных типов ям на могильниках пока не отмечено, не отличаем мы их пока и до составу инвентаря. Как те, так и другие встречаются на ранних и, по-видимому, на поздних этапах милоградской культуры Белоруссии. Большая часть овальных и других удлиненных ям на Горошковском могильнике ориентирована с северо-во-

[87] Точка зрения Л. Д. Поболя о погребении остатков милоградских трупосожжений на поверхности, над уже засыпанными ямами с разбитыми сосудами, необоснованна (Л. Д. П о б о л ь. Поселения и могильник Зарубинецкой культуры в Чаплине, стр. 6).

[88] О. Н. М е л ь н и к о в с к а я. Могильник милоградской культуры в д. Горошков в Южной Белоруссии, стр. 163—165.

[89] Ю. В. К у х а р е н к о. Памятники железного века..., стр. 12.

[90] Е. В. М а х н о. Дві пам'яткі бронзової' доби в бассейне р. Тетерева. АП УРСР, т. II, Київ, 1949, стр. 208, рис. 1, курган № 1; В. І. К а н и в е ц ь. Звіт про розвідкові розкопки біля с. Погребы в 1952 р. Науковий архів институту археологи АН УРСР, ф. екс. 1965; Э. А. С ы м о н о в и ч. Отчет Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР за 1960 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, № 2047.

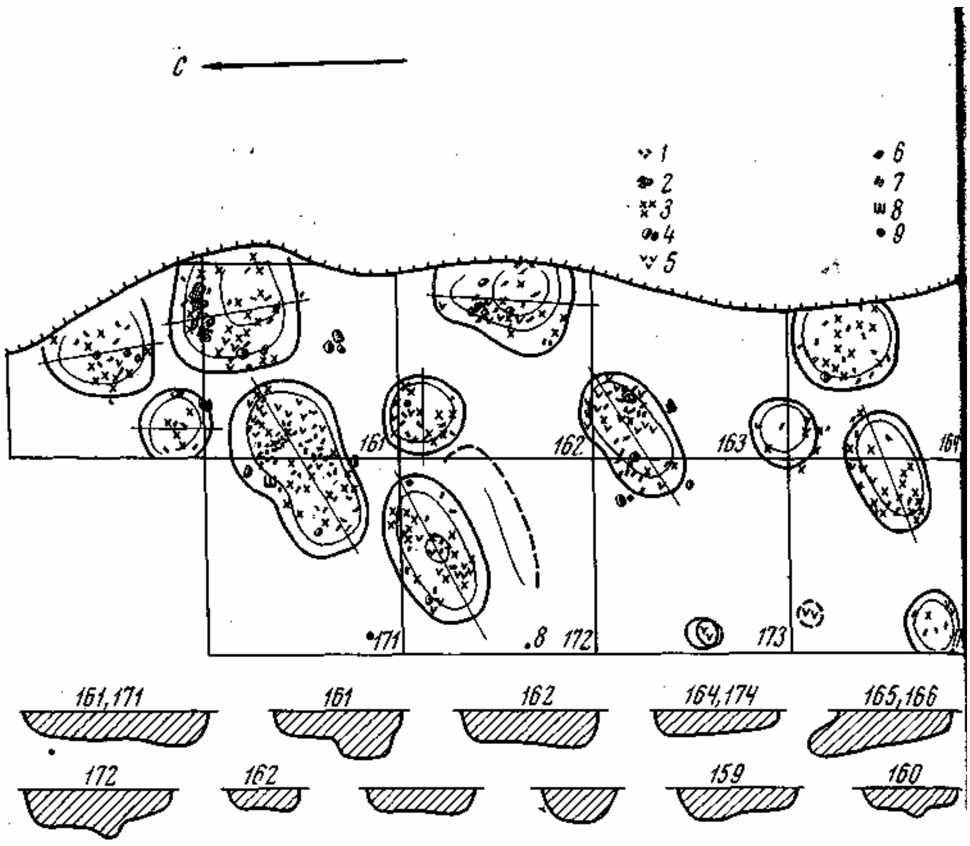

Рис. 15. План одного вскрытого участка могильника милоградской культуры в с. Горошков и разрезы могильных ям

1 — кальцинированные кости; *2* — скопления керамики; *а* — отдельные фрагменты глиняной посуды; *4* — камни; *s* — угли; 6 — куски обожженной глины; *7* — зубы животных; *8* — шлакированное железо; 9 — охра

стока на юго-запад или с северо-востоко-востока на юго-западо-запад. Встречаются и все другие виды ориентировки: запад—восток, северо-запад — юго-восток, север — юг.

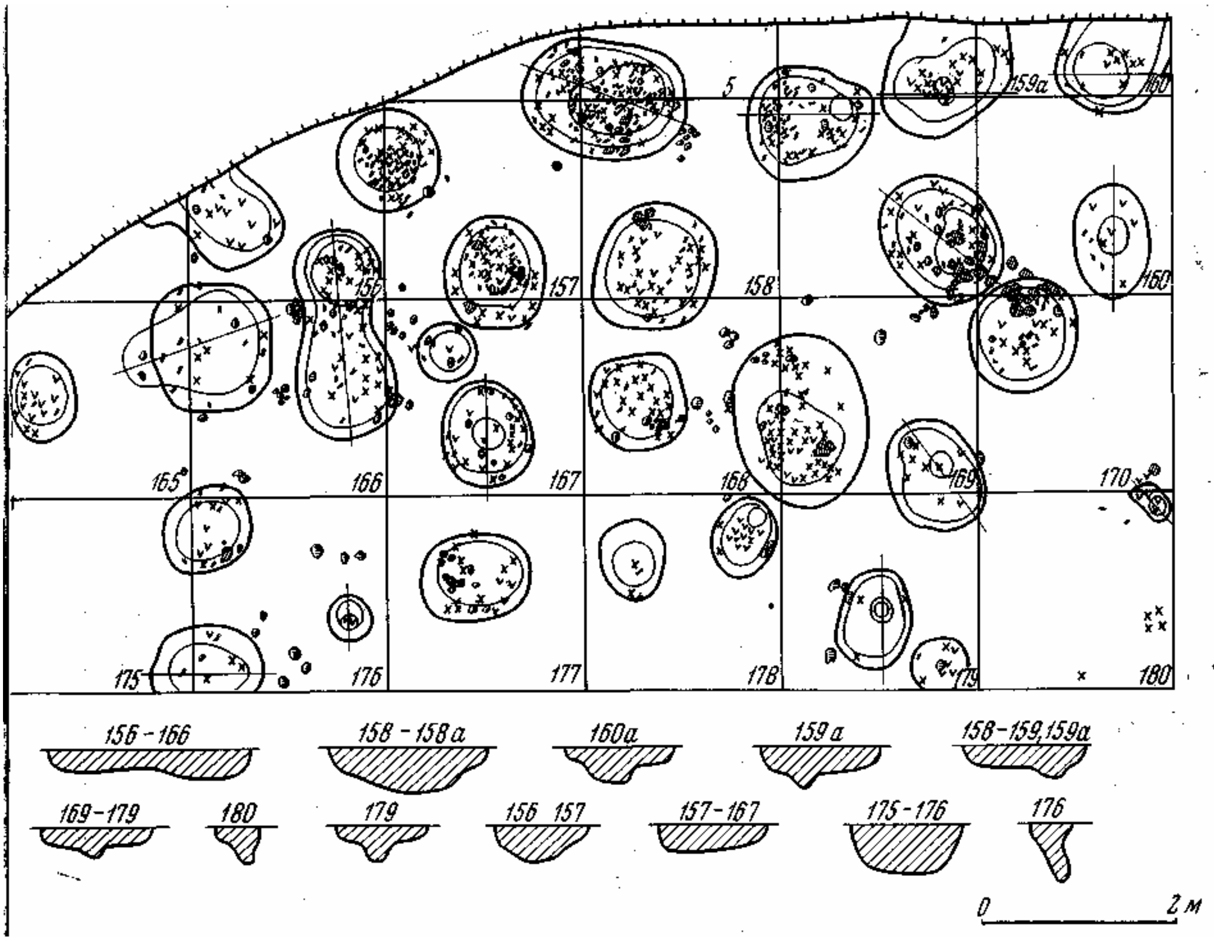
В профилях ям также наблюдается некоторое разнообразие. При преобладающих формах ям с отлогими стенками и округлым или плоским дном встречаются и расширяющиеся книзу, и с небольшими подбоями под одной из стен, а также, по-видимому, ямы с заплечиками в верхней части. В плоское дно отдельных ям врезана ямка с остатками трупосожжения.

Глубина ям колеблется в пределах от 0,5 до 1 м от уровня современной поверхности.

Отдельные погребения совершены в канавках различного назначения. В Горошкове такая канавка входила в состав оборонительных сооружений городища.

Количество костей в ямах, как упоминалось, незначительно. Обычно оно не превышает нескольких десятков мелких обломков, т. е. примерно горсть. Можно предполагать, что в некоторых случаях в яме погребался не весь прах покойного, а часть его. Одно из погребений, раскопанное за валом Моховского I городища, содержало лишь несколько крупных кусков пережженного черепа. Малое количество костей в погребениях трудно объяснять плохой сохранностью их в песчаных грунтах. Пережженные кости сохраняются в песке хорошо, присутствие же в погребениях необожженных зубов жертвенных животных и большое количество костей животных в слое того же Горошковского городища говорят об относительной сохранности необожженных и слабо обожженных костей. То, что погребальные ямы содержали мало костных остатков, подтверждается характером и количеством последних в погребениях, перекрытых полой вала Горошковского городища и, следовательно, в меньшей степени подвергавшихся возможным разрушительным внешним воздействиям.

Небольшое количество костей в погребениях характерно также для милоград-

ских трупосожжений на территории Украины (рис. 17), в Белоруссии же — для некоторых зарубинецких погребений (например, на Чаплинском могильнике).

Незначительность костного материала не позволяет сделать достаточные антропологические заключения. В лучшем случае удается определить отдельные кости скелета человека (обломки черепа, зубы, ульнарные кости и т. д.). Выявлены также отдельные детские погребения [91].

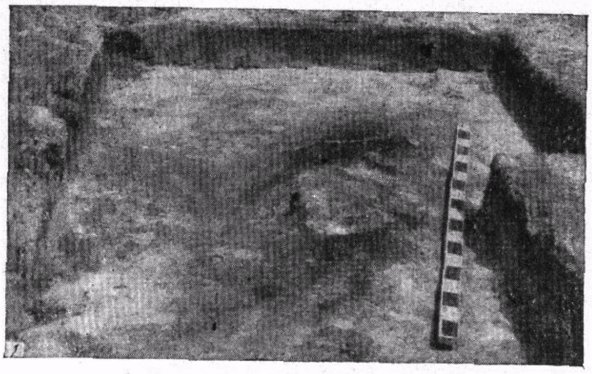
Большая часть погребений сопровождалась небогатым инвентарем, иногда состоявшим из нескольких обломков сосудов. Вся керамика с могильника в Горошкове относится к милоградской культуре, за исключением двух-трех зарубинецких черепков. Об определенной связи последних с отдельными милоградскими погребениями говорить трудно.

Сосуды в погребениях не отличаются по своей выделке и формам от сосудов на поселениях [92]. В одном случае в погребении найден обломок глиняного блюда или сковороды— формы, возможно, специально связанной с погребальным обрядом, так как на поселениях она не встречается. Обломки подобных блюд дважды найдены в погребениях Чаплинского могильника (раскопки Л. Д. Поболя).

Характерной для милоградских памятников особенностью обряда является то, что сосуды никогда не только не ставились в погребение в целом виде, но и в обломках сосуд не собирается полностью (за исключением одного случая). В погребение бросалась только часть сосуда, части двух-трех сосудов или символизирующие их черепки. Обломки их обычно расположены выше костных остатков

[91] Материал обработан И. М. Золотаревой.

[92] О. Н. Мельниковская. Могильник милоградской культуры в д. Горошков в Южной Белоруссии, стр. 167, рис. 3. Возможно, для погребения изготовлялись специальные сосуды, так как на посуде из могильников нет следов копоти или нагара, и они отличаются от найденных на поселении более светлым цветом.

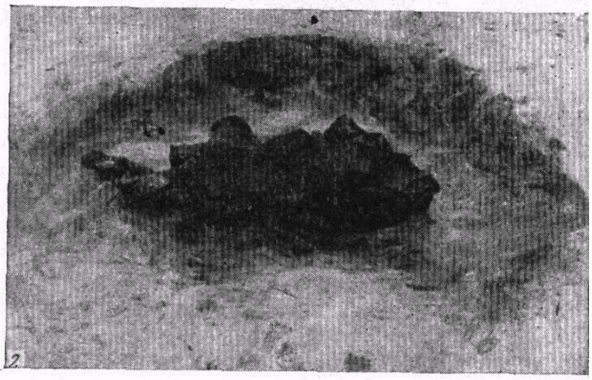

Рис. 16. Погребения милоградской культуры с трупосожжениями

1 — пятно одного из погребений за валом Мохоаского I городища; *2* — трупосожжение с разбитым сосудом на Асаревичском могильнике

или непосредственно на них. Есть случаи, когда значительные развалы керамики перекрывают уже частично или совсем засыпанную яму погребения, что, может быть, свидетельствует о насыпи над погребением [93].

Из других видов глиняных изделий в погребениях встречаются обломки литейных форм, куски сопел (как в погребениях комаровской культуры) и льячек, а также куски сильно пережженной глины, связанные с металлургическим производством. То же наблюдается в милоградских курганах Житомирщины, где в погребения клали иногда куски железной руды. Изредка в могилу бросались целые грузики — «пряслица».

Другие виды находок встречаются в погребениях еще более редко. Много инвентаря дал только могильник в Асаревичах. Большинство погребений его разрушено, и вещи из них находятся на поверхности. Находки на площади этого могильника представлены самыми разнообразными вещами — от скифского акинака до латенской бритвы, однако состояние слоя на могильнике и расположенном здесь и также развеянном городище не позволяет наверняка связывать многие находки с погребениями. Поэтому, говоря о составе погребального инвентаря, мы должны довольствоваться более скудными данными, основанными на документированных материалах. В погребениях обнаружены булавки с петлевидной головкой, оканчивающейся S-видным завитком, наконечники стрел, колечки с выступами, обломки браслетов, пронизки, бусы, бронзовый бисер и т. д. [94] В составе инвентаря отдельных милоградских погребений изредка встречаются кремневые орудия или обломки кремня, что является также характерной чертой зарубинецких погребений[95].

С определенным ритуалом в погребальном обряде связано положение камней во многие погребения, обычно по нескольку штук в одну могилу. Обычай этот прослежен не только на Горошковском, Чаплинском[96], Моховском I и других могильниках, в курганах у дер. Дубой [97], но и в милоградских погребениях на территории Украины, а также в памятниках

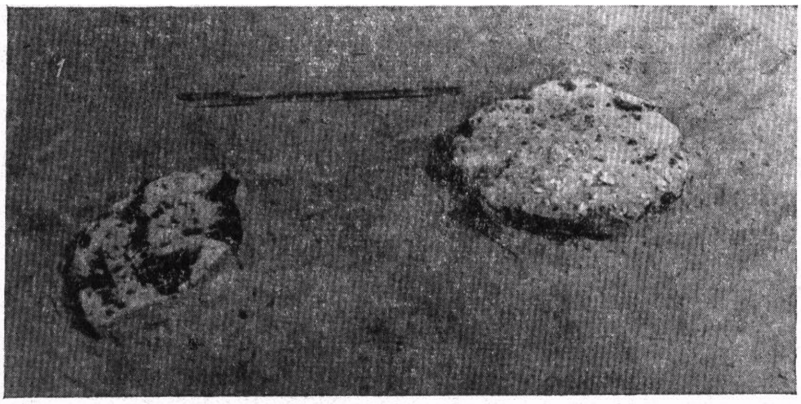
[93] Обычай бить сосуд при погребении и зарывать его в насыпь известен в Белоруссии и по этнографическим данным (С. Ю. Чоловский и. Дневник курганных раскопок, произведенных по поручению нач. Могилевской губернии А. С. Дембовицкого в течение лета 1892 г. в уездах Рогачевском, Быховском, Климовичском. Черниговском и Мстиславском. Могилев, 1893).

[94] О. Н. Мельниковская. Могильник милоградской культуры в д. Горошков в Южной Белоруссии, стр. 169, рис. 5, *1—l*). Вещи, как и сосуды, почти никогда не носят на себе следов действия огня, т. е. не сжигались вместе с покойником. В отличие от сосудов, металлические вещи и бусы никогда не подвергались намеренной ломке, их находят, как правило, в целом, неповрежденном виде.

[95] Ю. В. Кухаренко. Чаплинский могильник, стр. 166, погребение 18; Онже. Памятники железного века..., табл. 19,*12* (кремневый нож из могильника Велемичи I).

[96] Камни встречаются здесь как в милоградских, так и в зарубинецких погребениях, например, в погребении № 6 Чаплинского могильника (Ю. В. Кухаренко. Чаплинский могильник, стр. 164).

[97] Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века..., табл. 2, *7*, *10*.

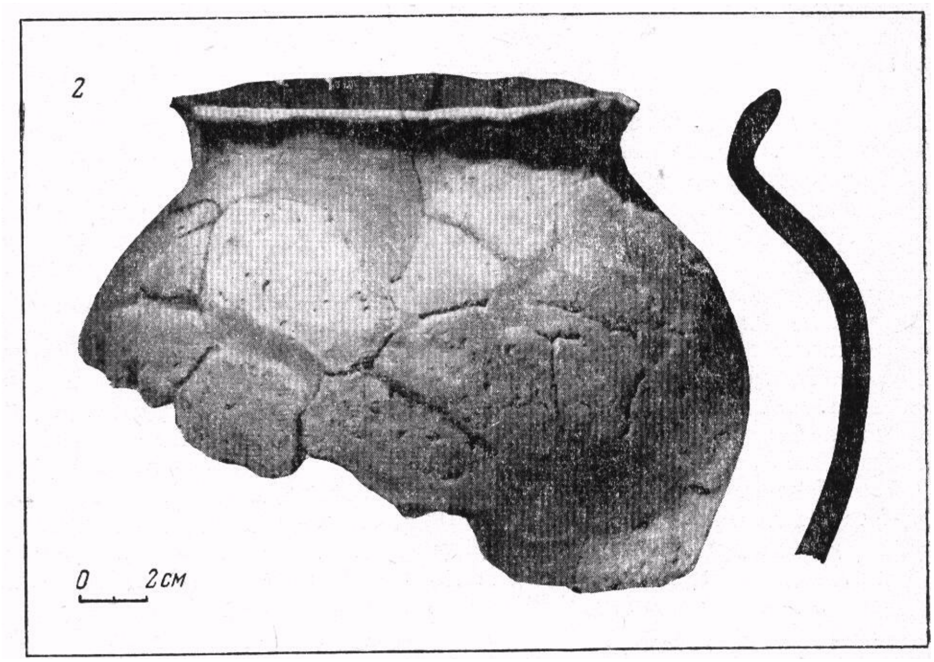

Рис. 17. Могильник у с. Плитовище в устье р. Припяти

1 — погребение с сожжением и следами обугленного столба; 2 — сосуд из того же погребения (материалы Э. А. Сымоновича)

скифского времени лесостепи[98]. В нескольких погребениях встречены небольшие кусочки красной и желтой охры (встречаются они и в милоградских погребениях Украины, и в зарубинецких)[99].

Особый интерес представляет находка в одном из трупосожжений Горошковского могильника большого обломка черепной крышки человека (без следов действия огня).

Во многих погребениях на разных могильниках обнаружены также необожженные зубы животных — обычно по одному зубу на погребение. Почти во всех определимых случаях зубы принадлежат крупному рогатому скоту. Один раз в погребении обнаружена часть необожженной челюсти коровы с несколькими зубами. Встречаются зубы лошади, редко — свиньи и мелкого рогатого скота. В одном случае в погребении найдена кость рыбы. На площади могильника в Горошкове раскопана ямка, содержащая необожженные части скелетов свиньи и поросенка — след тризны или жертвоприношения. Подобные захоронения частей туш животных встречены и на жилой площадке городища в Горошкове (собака, бобр). Следом тризны по погребенным, по-видимому, являются и те ямы с разбитыми сосудами, в которых ири самом тщательном исследовании

[98] В. П. П е т р е н к о. Культура племен Правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э., стр. 72.

[99] Л. Д. П о б о л ь. Поселения и могильник зарубинецкой культуры в Чаплине, стр. 7, погр. 92; стр. 10, погр. 213.

не удалось зафиксировать никаких следов погребений. В одном случае половина сосуда из такой ямы склеилась с другой частью этого же сосуда, находящегося в другой яме, при расстоянии между ямами в несколько метров. Подобные ямы культового характера отмечены и В. Н. Даниленко в сел. Подгорцы на Киевщине [100].

Хронологически материалы могильников соответствуют материалам поселений. Наиболее древними являются два погребения на могильнике в Горошкове, совпадающие, по-видимому, по времени с удлиненной постройкой, обнаруженной за валами городища. В одном из этих погребений обнаружен обломок сосуда с врезанным елочным узором, аналогичным орнаментам на высоцких сосудах, в другом — обломок сосуда, орнаментированного оттисками крупнозубчатого штампа — такого же, какие были найдены в заполнении упомянутой постройки. На могильниках имеются погребения, содержащие обломки сосудов с жемчужным орнаментом (Асаревичи, Мохов I, Горошков).

Много погребений относится к среднему этапу милоградской культуры (Горошков). Поздние погребения выделяются труднее, так как в отличие от поселений, где имеется много смешанных милоградско-зарубинецких комплексов, на могильниках это явление не наблюдается. Можно предполагать, что некоторые из погребений на милоградских могильниках синхронны зарубинецкой культуре.

Надеемся, что будущими исследованиями этот важнейший вопрос будет выяснен.

Следы трупоположений на грунтовых милоградских могильниках Гомельщины, подвергавшихся раскопкам[101], не обнаружены. В Горошкове обнаружено два погребения с трупоположением, но не на могильнике, а на жилой части городища. В одном случае покойник, частично перекрытый более поздней милоградской хозяйственной ямой, лежал в вытянутом положении на спине, в слое чистого песка, в котором контуры ямы проследить не удалось. Принадлежность его к милоградской культуре определяется бортиком сосуда, лежавшем на левой ключице (эта часть скелета не затронута хозяйственной ямой). Ориентировка покойного — головой на северо-восток-восток соответствует ориентировке большинства удлиненных ям с трупосожжениями на милоградских могильниках.

Другое погребение с трупоположением было обнаружено на древней поверхности малого вала, отделяющего жилую часть площади городища от могильника. Как и в первом случае, покойник лежал в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на запад, с небольшим отклонением к югу. Плохая сохранность костей скелета, наличие на них небольшого количества угля (что, как увидим ниже, характерно для милоградских курганных погребений с трупоположением) как будто бы свидетельствуют о древности и этого погребения [102]. На городищах не раз были найдены отдельные кости человеческих скелетов, преимущественно черепов [103], в составе комплексов из культовых сооружений и ям, иногда они лежали вместе с костями животных. В некоторых случаях, как и кости животных, они носят на себе следы огня. Обломки необожженных человеческих костей, наряду с трупосожжениями, найдены также И. Х. Ющенко при исследовании Любенского городища под Гомелем [104].

Важное дополнение к характеристике милоградских могильников Белоруссии позволяют сделать исследования курганов раннего железного века близ западных границ милоградской культурной области в Белоруссии — в устье Горыни, которые провел Ю. В. Кухаренко. Курганы располагаются на песчаных всхолмлениях среди низин и болот. Предположительно к раннему железному веку относятся три группы курганов. Каждая из них насчитывает от 20 до 60 насыпей округлой расплывчатой формы. В одной из групп у дер. Дубой (урочище Задубенье) в Столинском районе Брестской области Ю. В. Кухаренко исследовал 13 курганов [105]. Насыпи курганов обычно содержат керамику того же типа, что

[100] В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры..., стр. 199. Ямы без следов погребений характерны и для могильников лужицкой культуры. Так, на могильнике в Мале Беле в Чехии они составляют 32% к общему числу всех погребений (I. Hralova. Luzicke pohfebiste v Male Bele. «Fontes archeologici pragensis», vol. 5. Pragae, 1962).

[101] В литературе имеются сведения о находке разрушенного погребения с трупоположением, сопровождавшегося милоградскими типами вещей, в дер. Присно Ветковского района Гомельской области в урочище Замостевье, близ городища милоградской культуры. (К. М. Палікарповіч. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга і Ніжняга Сажа, стр. 170, 181, 182).

[102] Оба скелета мужчин средних лет, европеоидные, с долихокранными черепами. Определение Т. С. Кондукторовой и Т. И. Алексеевой.

[103] П. Н. Третьяков. Моховское второе городище. КСИА, вып. 81, 1960, стр. 46.

[104] Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 175 1925. Раскопки И. Х. Ющенко Любенского городища около г. Гомеля.

[105] Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века..., стр. 11, 21—24, 25, рис. 11; стр. 27, рис. 12, табл. 1—4.

и в погребениях, среди них имеются обломки с жемчужным орнаментом. Здесь же найдены кремневые вещи и обломки зернотерок. Погребения совершались на уровне древнего горизонта (где иногда прослеживаются следы сруба, в котором лежал покойник) и в прямоугольных небольших ямах. По-видимому, все погребения совершены по обряду трупоположения. Все ямы и срубы имеют одну и ту же устойчивую ориентировку: юго-восток — северо-запад. Везде покойник лежал в вытянутом положении, на спине, головой на юго-восток. Кроме одиночных, есть и групповые погребения. В обряде играл большую роль огонь, о чем свидетельствуют зола, угли и пережженная почва в погребениях, особенно у голов покойников, а также то, что все срубы были сожжены. В некоторых случаях обожженная почва была перекрыта белой песчаной подсыпкой, обычно имеющей форму круга диаметром в 2 м и больше. В ямных погребениях дно могилы представляло собой вязкую жирную глину, что, по-видимому, также свидетельствует о специальной подстилке или подкладке.

Погребения содержат инвентарь. Керамика представлена сосудами форм, типичных для милоградской культуры как Белоруссии, так и Украины. В двух случаях найдены сосуды грушевидной формы с выступами, характерные для лужицкой и родственных ей культур, а на нашей территории — для памятников высоцкой и ранней скифской культур. Остальной инвентарь: копья, железный нож, серьга с гвоздевидным крючком и другие вещи также указывают на юго-западные связи [106]. В двух курганах при погребенных обнаружены зубы и часть челюсти лошади.

Курганный могильник у дер. Дубой, датированный Ю. В. Кухаренко VI — началом V в. до н. э., дает нам представление о погребальном обряде в древнейших милоградских памятниках на западной окраине их территории [107]. В нем особенно сильно чувствуются связи с обрядом, существовавшим у милоградских племен в это время и на предшествующих этапах на других землях, в первую очередь в Южном Полесье. Мы имеем в виду курганные могильники раннего железного века Житомирщины, исследованные в свое время С. С. Гамченко, а после него И. Ф. Левицким.

[106] Там же, стр. 11.

[107] Наиболее древние милоградские погребения с трупосожжениями на Гомельщине также могут датироваться примерно этим же временем, что указывает в данном случае и на значение локальных отличий при сопоставлении обряда.

К сожалению, крайне важные материалы этих раскопок до сих пор не опубликованы [108]. Небольшие раскопки курганов в сел. Курбатовке (урочище Гремляче, окраина г. Житомира), начатые С. С. Гамченко, были уже в послевоенные годы продолжены Е. В. Махно и опубликованы ею [109].

Для ранних курганных могильников Житомирщины в обряде погребения характерна биритуальность: распространены как трупосожжения, так и трупоположения. Насыпи курганов небольшие, количество их достигает нескольких десятков в одной группе. Размеры могильников и незначительное расстояние между ними позволили Е. В. Махно высказать мысль о густой заселенности этих районов однородным в этническом отношении населением [110].

Под насыпями, обычно содержащими следы тризны, на горизонте или в неглубокой яме лежат пережженные кости или остатки несожженных покойников. Погребения сопровождались очень бедным инвентарем: обломками сосудов, камнями, кремневыми отщепами и пластинками, очень редко — бронзовыми вещами.

Приведем здесь по одному примеру погребений с трупосожжением и трупоположением из раскопок И. Ф. Левицкого у сел. Селец Коростеньского района Житомирской области, поскольку это важно для оценки белорусских материалов [111].

[108] С. С. Гамченко. Пятилетие археологических исследований на Волыни (1919—1923). Научный архив Института археологии АН УССР; ф. 3, р. I, № 24; І. Ф. Левицькии. Археологічні досліди в районі: Народичі — ст. Шарко-Уманці—Булев— Селець — Болотниця Коростенської округи року 1925; см. также и другие его работы: Археологічні досліди на Коростенщині 1925 р., Археологічні досліди в Коростенській і Житомірській округах року 1926 (коротко подання); Археологічні досліди в Коростеяській і Житомірскій округах, 1927; Археологічні досліди в Коростенській и Волинській округах в 1927 р.; Археологічні розшуки на Коростенщині в 1929 р. (рукописи). Хранятся они в Научном архиве ИА АН УССР (Киев) и в архиве Житомирского краеведческого музея № 54—58; Іван Лёвицький. Стація в ур. Піщаному біля Народич. «Антропологія», IV, 1930. Київ, 1931, стр. стр. 191—232. Краткие сведения о раскопках С. С. Гамченко см. в работе: В. П. Петров. Памятники корчакского типа. МИА № 108, 1963, стр. 34, 37.

[109] Э. В. Махно. Дві пам'ятки..., стр. 205—211.

[110] Там же, стр. 209.

[111] І. Ф. Левицький. Археолёгічны досліди в районі: Народичі— ст. Шарко... (Житомирский областной краеведческий музей, № 6617, 6624—6660 и др.).

В курганной группе VI курган № 1 имел насыпь овальной формы. В ней обнаружено 13 скоплений угля и пережженных костей (в некоторых случаях только угли), расположенных вокруг центральной части кургана. Со скоплениями связаны обломки сосудов, кремни и камни. По мнению исследователя, находки в насыпи представляют собой следы тризны. Центральная часть кургана занята большой песчаной подсыпкой так же, как и курган, имевшей овальную форму (8,2х6,7 м), ориентированной восток — запад. Край подсыпки обложен камнями, а в центре ее располагаются сожженные человеческие кости. Здесь же лежат обломки двух сосудов с круглым и яйцевидным дном.

В курганной группе VIII курган № 1 имел под насыпью в центральной части большое огнище, неподалеку от которого лежали кости мелкого и крупного рогатого скота, кремневые орудия (нож, скребок) и отщепы. В восточной части кургана в четырех скоплениях лежали обломки нескольких сосудов, типичных форм милоградской культуры, с каждым из которых связано по два-три небольших камня, а также кремневые скребок, нож, наконечники стрел, грубо сделанная из кремня фигурка и отщепы. В западной части кургана имелось одно скопление керамики, состоящее из обломков трех сосудов милоградского типа, один из которых был плоскодонным. В центре кургана, между огнищем и западным скоплением, прослежены два могильных пятна, ориентированные оба северо-восток-восток—юго-запад-запад, со следами истлевших костяков и действия огня на месте погребения.

Кроме описанных, имеются также захоронения в деревянных колодах, часты погребения в неглубоких овальных ямах, ориентированные запад — восток и северо-восток — юго-запад с отклонениями [112].

В погребениях с трупосожжениями сосуды располагаются, как и в курганах у дер. Дубой, в ногах, по 3—4 сосуда. В погребениях встречается охра, лежат кусочки руды, есть следы меди. Погребения обычно сопровождаются зубами и костями жертвенных животных: крупного и мелкого рогатого скота и свиньи. Вокруг насыпей в нескольких случаях были отмечены остатки каменных кладок. Как видим, ряд важных моментов сближает могильники Житомирщины с южнобелорусскими курганными могильниками, что справедливо отмечено и Ю. В. Кухаренко [113], однако в целом облик житомирских могильников более архаичен, о чем говорят хотя бы безраздельное господство кремневой индустрии в погребальных инвентарях, а также присутствие керамики лебедовского типа в ряде погребений[114]. На несколько десятков исследованных на Житомирщине курганов не найдено, насколько нам известно, ни одной железной вещи. Бронзовые изделия встречены как очень редкое исключение всего несколько раз: булавка, близкая высоцким, обнаруженная при раскопках Е. В. Махно [115], булавка с петлевидной головкой и S-видным завитком, часть кельта, бронзовые спирали (возможно, головки булавок) и булавки с конической головкой из раскопок И. Ф. Левицкого [116].

Еще больше архаичность житомирских курганов ощущается при сравнении их с грунтовыми белорусскими могильниками при городищах Гомельщины. Только единичные погребения на них синхронны погребениям из Житомирских курганов, в массе же своей они относятся к последующим периодам в развитии милоградской культуры. Об этом говорит эволюция и погребального обряда в целом и погребальные инвентари в частности. Архаичность житомирских курганов объясняет ошибку в датировке их у Е. В. Махно (бронзовый век), однако сравнение их с подгорцевскими и милоградскими материалами позволило уточнить эту дату. Принятая в последнее время датировка их VI в. до н. э., данная В. Н. Даниленко[117], в целом, по-видимому, определена правильно, как правильно и то, что памятники этого типа в более позднее время на Житомирщине пока неизвестны [118].

[112] Ів. Левицкий. Стація в ур. Піщаному..., стр. 231.

[113] Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века..., стр. 12.

[114] Ів. Левицький. Стація в ур. Піщаному..., стр. 232 рис. 39.

[115] Э. В. Махно. Дві пам'ятки..., стр. 207, табл. 1, 2.

[116] Ів. Левицький. Стація в ур. Піщаному..., стр. 232, рис. 39; І. Ф. Левицький. Археологічні дослідн в районі: Народичі — ст. Шарко...; см. также: В. Д. Рыбалова. О связях Правобережной лесостепной Украины с Центральной Европой в эпоху бронзы и раннего железа. Сб. «Исследования по археологии СССР в честь проф. М. И. Артамонова». Л., 1961, стр. 85, рис. 3; стр. 87, рис. 6.

[117] В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры..., стр. 207.

[118] Близкие Житомирским, но относящиеся к несколько более позднему времени погребения, получены при исследовании Е. Ф. Лагодовской курганного могильника в верховьях Южного Буга (О. Ф. Лагодовська, Р. І. Виезжев, Ф. Б. Копилов. Курганы скіфського часу в с. Курилівці. АП УРСР, т. VI. Київ, 1956, стр. 17-20).

Упомянем также об исследовании И. К. Свешниковым в последние годы на Западной Волыни грунтовых могильников с трупоположениями, которые сопровождаются кремневой индустрией и милоградскими сосудами древнейших форм с залощеной или хорошо заглаженной поверхностью и примесью кремня в тесте. Изученные погребения характеризуют западная ориентировка покойников и вытянутое на спине положение; имеются и групповые погребения. Этот интереснейший материал (как и материал с поселений), подтверждающий взаимосвязь милоградской культуры с тшцинецко-комаровской средой, в настоящее время продолжает исследовать Ровенская археологическая экспедиция Академии наук УССР под руководством И. К. Свешникова [119]. Развалы ранних милоградских сосудов, также, по-видимому, связанные с погребениями, обнаружены А. И. Тереножкиным на площади могильника комаровской культуры у сел. Деражня (левый берег Горыни) и в других пунктах тех же районов [120].

В отличие от житомирских памятников, смыкающихся хронологически с белорусскими, могильники Западной Волыни, судя по всему, относятся к еще более раннему времени, скорее всего они предшествуют житомирским курганам. Единственным пока относительно поздним памятником здесь является разрушенное трупосожжение, исследованное В. И. Канивцом у дер. Корост (урочище Одринки) в Степаньском районе Ровенской области [121]. Судя по находке в составе инвентаря подгорцевской подвески, можно предполагать, что погребение относится к V—IV вв. до н. э.

На территории же Киевщины и Черниговщины следы могильников и отдельных погребений зафиксированы несколько раз. Отметим значительную близость к белорусским могильникам тех из них, которые территориально соседствуют с Белоруссией: грунтовых могильников с трупосожжениями у деревень Залесье и Гапоновичи в устье Припяти (раскопки М. К. Якимовича [122] и Н. И. Беляшевского [123]), в урочище Яновка или Яновская Поляна у дер. Плитовище (разведки А. П. Савчука [124], Э. А. Сымоновича [125], раскопки С. С. Березанской [126]). Возможно, следы погребений с трупосожжениями следует видеть в раскопанном В. Н. Даниленко комплексе ям в урочище Човнище (сел. Подгорцы Обуховского района Киевской области [127]). На Киевщине отмечены несколько раз следы погребений по обряду трупоположения. Эти погребения обычно разрушены настолько, что о деталях погребального обряда по ним судить трудно. В частности такие погребения известны из сел. Подгорцы [128]. Как предполагает В. Н. Даниленко, принадлежностью погребения с трупоположением являлся известный клад из сел. Подгорцы, найденный в 1915 г. и представляющий собой богатый комплекс женских украшений характерного подгорцевского стиля (рис. 18). Погребение по обряду трупоположения (головой на запад) со столь же типичным подгорцевским инвентарем исследовано А. П. Савчуком на южной окраине интересующей нас культурной области — у сел. Рудяки Ржищевского района Киевской области [129]. Дата этих погребений определена исследователями как V—IV вв. до н. э. Не исключено, что с милоградской культурой связан отличный от подгорцевских погребений Киевщины по обряду и по инвентарю могильник у сел. Долинского на Черниговщине (окрестности г. Сосницы, устье Сейма). Материалы этого могильника, датирующегося примерно VI—IV вв. до н. э., были в свое время опубликованы нами [130]. Впрочем, милоградская принадлежность этого памятника маловероятна.

[119] І. К. С в е ш н і к о в. Пам'ятки милоградської культури в бассейш р. Горинь. «XXXIX наукова конференція, присвячена підсумкам науково-дослідної работы університету за 1964 рік. Тези доповідей». Львів, 1965, стр. 64.

[120] Благодарю А. И Тереножкина за разрешение упомянуть о его работах.

[121] В. И. К а н и в е ц. Отчет Волынской экспедиции за 1952 г. (Научный архив И А АН УССР. 1952/15а, ф. екс. 1619).

[122] М. К. Я к и м о в и ч. Дюнные стоянки неолитической эпохи в Радомысльском уезде Киевской губернии. АЛЮР, № 3—4 за 1903, Киев, 1904, стр. 162—172.

[123] Н. Ф. Б е л я ш е в с к и й. Поле погребальных урн эпохи La Tene в Радомысльском у. «Арх. летопись Южной России», 1904, № 1, стр. 13—18.

[124] А. П. С а в ч у к. Звіт про археологічні розвідки експедйції «Великий Київ» в 1953 г. Науковий архив ИА АН УРСР.

[126] Э. А. С ы м о н о в и ч. Отчет Средне-Днепровской экспедиции Института археологии АН СССР за 1960 г.

[126] Материал не опубликован.

[127] В. Н. Д а н и л е н к о. Памятники ранней поры..., стр. 199; В. М. Д а н и л е н к о. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р. АП УРСР, т. VI. Київ, 1956, стр. 6.

[128] В. М. Д а н и л е н к о. Дослідження пам'яток підгтрського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р., стр. 11.

[129] А. П. С а в ч у к. Бескурганное погребение в сел. Рудяки на Киевщине. КСИА АН УССР, вып. I, 1952, стр. 56—58.

[130] О. Н. М е л ь н и к о в с к а я. Могильник у селе Долинское Черниговской области. КСИИМК, вып. XXXIV, 1951, стр. 70—74.

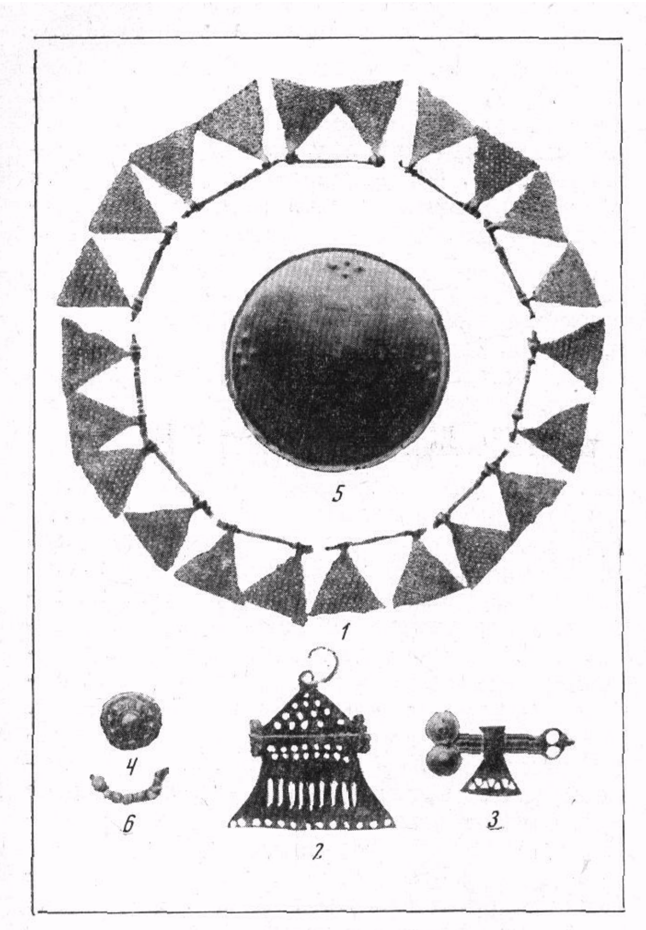

Рис. 18. Клад украшений из с. Подгорцы (по В. Козловской) *(1—6)*

Довод, что близ этого же села располагается селище с ранними милоградскими формами керамики, для решения вопроса о принадлежности могильника недостаточен.

Значительный интерес имеет открытие на Северной Украине следов погребений с материалами лебедовского типа (у сел. Погребы, Гостомель, Бобрица и т. д.)[131]- Любопытной особенностью их является то, что, несмотря на раннюю дату (VIII—VII вв. до п. э. по В. Н. Даниленко, белогрудовское время по А. И. Тереножкину[132]), по обряду они гораздо ближе белорусским грунтовым могильникам, чем синхронные им погребения с трупоположением из селений Подгорцы и Рудяки, в чем еще раз находит выражение некоторая обособленность южных подгорцевских памятников. Впрочем, их слабая исследованность позволяет надеяться на дополнительные открытия в этой области.

Могильники лебедовского типа представляют собой поля погребений с трупосожжениями[133]. Прах покойников высыпался в ямки круглой и овальной форм. На могильнике в сел. Погребы прослежена ориентировка овальной ямы северо-восток — юго-запад [134]. Ямы содержали незначительное количество костных остатков. Погребения сопровождались небогатым инвентарем: обломками сосудов, бронзовыми вещами или их обломками[135]. Керамика на лебедовских могильниках, как и на поселениях, на наш взгляд, стоит в одном генетическом ряду с милоградскими формами сосудов, являясь предшествующим звеном в развитии форм раннего железного века (рис. 9).

Милоградские могильники Украины, в отличие от белорусских, постоянно указывают на прочные связи с эпохой бронзы не только через памятники лебедовского типа на Киевщине, но и в волынских памятниках — как житомирских курганах, так и на Западной Волыни. В частности, житомирские курганы с захоронениями комаровско-войцеховского типа близки по многим элементам обряда к милоградским курганам. Их объединяют не только захоронение трупов на одних и тех же могильниках, парные и групповые погребения, обкладка ям камнями, потребения в колодах или обкладка ям плахами, но и близкий характер погребального инвентаря (по сравнению с волынскими и белорусскими памятниками): кремневые орудия, обломки сопел и литейных форм, своеобразные формы грузиков с несколькими отростками и т. д. Для тех и других характерны жертвенные захоронения одинаковых видов домашних животных или, как пережиток этого явления, бросание в могилу их зубов и т. д. Необходимо более детальное сопоставление милоградских и предшествующих им материалов, чтобы иметь возможность правильно оценить характер их взаимосвя-

[131] В. М. Д а н и л е н к о. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів..,, стр. 14—16; Н. Т. Е в с т р о п о в. Стоянка периода поздней бронзы в районе с. Гостомоль. КСИА АН УССР, вып. 9, 1959, стр. 73—76.

[132] В. Н. Д а н и л е н к о. Памятники ранней поры..., стр. 207; А. И. Т е р е н о ж к и н. Предскифский период на Днепровском Правобережье, стр. 171 и др.

[133] В. М. Д а н и л е н к о. Дрслідження пам'яток підгірського та бобрицького тйпів..., стр. 14—16.

[134] В. І. К а н і в е ц ь. Звіт про розвідкові розкопки біля с. Погреби в 1952 г. (Научный архив ИА АН УССР, ф. екс. 1995).

[136] В. М. Д а н и л е н к о. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів.,., стр. 15, 16, табл. VII, VIII.

зей, что имеет большое значение для решения вопросов генезиса милоградской культуры.

За пределами территории, занятой в раннем железном веке милоградскими племенами, наибольшая близость в области погребального обряда к рассматриваемым памятникам проявляется в могильниках высоцкой культуры. В частности, белорусским могильникам близка группа высоцких трупосожжений — преимущественно безурновых, в овальных ямах, с небольшим количеством сильно перемешанных с грунтом костей, обычно без инвентаря[136]. Интересны традиционные захоронения черепов — обычай, отмеченный не только в милоградской культуре (как и житомирских курганах, так и в Белоруссии), но и в зарубинецких могильниках [137]. Следует отметить близость милоградского погребального обряда к лужицким могильникам [138].

Погребальный обряд в Правобережной лесостепи, как в скифское время, так и в предшествующие эпохи, имеет ряд существенных отличий от милоградского [139], сближаясь с последним отчасти только в памятниках зарубинецкой культуры. В настоящее время мы. к сожалению, лишены возможности сравнивать погребальный обряд милоградской культуры Белоруссии с обрядом в смежных синхронных культурах лесной полосы, так как ни в одной из них могильники пока открыть не удалось. Особенно досадно отсутствие могильников при центрально-белорусских городищах «культуры штрихованной керамики» [140]. К более позднему времени относятся следы погребений, обнаруженных П. Ф. Тарасенко на литовском пилькалнисе у сел. Великушкей, являвшемся, по мнению исследователя, «холмом душ» [141]. На площади городища во рвах и в валах, их разделяющих, в небольших ямах обнаружено значительное количество остатков трупосожжений. Для некоторых погребений специально сооружались площадки из глины или песка. Погребения сопровождались небогатым инвентарем, иногда в могилы клали охру и болотную руду. Обнаружены следы трупосожжений на городище Банцеровщина под Минском и на городище в дер. Кистени на Днепре. Они также намного позже милоградских [142]. Несмотря на отдельные детали в погребальном обряде на литовских и среднебелорусских памятниках, аналогичные деталям в южнобелорусских милоградских могильниках, мы не решаемся сравнивать их как по причине территориальной отдаленности большинства из них, так и из-за хронологического несоответствия.

Как считает А. Г. Митрофанов, отдельные известные в области культуры штрихованной керамики поля погребений нельзя связывать с этой культурой. Проникновение обряда трупосожжения А. Г. Митрофанов объясняет влиянием с юга [143]. Никаких иных данных о погребальном обряде в раннем железном веке в Восточной Прибалтике и Средней Белоруссии у нас пока нет [144].

Крайне важен вопрос о характере взаимосвязей по погребальному обряду между милоградскими и зарубинецкими племенами [145]. Случаи расположения при одних и тех же поселениях отдельных милоградских и зарубинецких могильников, как это наблюдается в Горошкове [146], разный и весьма типичный для той и другой культуры инвентарь, отсутствие смешанных комплексов и переходных форм в сосудах, несовпадающая ориентировка большинства ям — все это говорит о существенных отличиях одной племенной группы от другой.

[136] т. S u l i m i r s k i. Kultura wysocka. Krakow, 1931, str. 149. Все урновые погребения здесь относятся к ранним периодам.

[137] См., например, погребения черепов в полесских могильниках Воронине, Велемичи I (Ю. В. К у х а р е н к о. Памятники железного века..., стр. 12, 16).

[138] См., например, упомянутую выше работу: J. H r a l o v a. Luzicke pohrebiste v Male Bele.

[139] А. И. Т е р е н о ж к и н. Предскифский период на Днепровском Правобережье, стр. 42—46; П. Д. Л и б е р о в. Скифские курганы Киевщины. КСИИМК, вып. 30, 1949, стр. 93—104; В. Г. П е т р е н к о. Культура племен Правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э., стр. 63—83, 86—96, 97; О н а ж е. Могильник скифского времени у с. Грищенцы. МИА, № 113, стр. 142—151.

[140] А. Г. М и т р о ф а н о в. К истории населения Средней Белоруссии... стр. 9, 16.

[141] П. Ф. Т а р а с е н к о. Городища Литвы, стр. 87—88.

[142] Л. Н. Л я ў д а н с к і. Археолёгічныя досьледы ў Смаленшчыне, стр. 40; Е. Р. Р о м а н о в. Археологический очерк Гомельского уезда, стр. 114.

[143] А. Г. М и т р о ф а н о в. К истории населения Средней Белоруссии, стр. 9, 16.

[144] Х. А. М о о р а. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, № 2, стр. 23.

[145] О. Н. М е л ь н и к о в с к а я. О взаимосвязи памятников милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии. СА № 1, 1963, стр. 42; О н а ж е. Могильник милоградской культуры в д. Горошков в Южной Белоруссии, стр. 171; О н а ж е. Памятники раннего железного века Юго-Восточной Белоруссии (милоградская культура). КСИА, вып. 94, М., 1963, стр. 19.

[146] Милоградский и зарубинецкий могильники при Чаплинском городище расположены на одной площади.

Однако в погребальном обряде имеются и черты общего характера, сближающие эти культуры (грунтовые могильники с безурновыми трупосожжениями) и, что особенно важно, частного свойства (сочетание тех же круглых и удлиненных форм могильных ям, наличие безынвентарных погребений [147], обычай бить сосуды, прослеживающийся в ранних зарубинецких погребениях Чаплинского могильника, захоронения черепов, кости жертвенных животных — в зарубинецких могилах крупный рогатый скот, собака, положение в могилы кремня и охры, столбики в дне могильных ям и др.).

Изучение милоградских могильников, в настоящее время только начатое, в дальнейшем даст дополнительные сведения по важной проблеме взаимоотношений милоградской и зарубинецкой культур. Решение этой проблемы, хотя и намечающееся в определенном направлении, все же не может считаться пока достаточно обеспеченным материалами.

[147] Количество безынвентарных погребений на Чаплинском могильнике достигает, по данным Л. Д. Поболя, 10—12%, однако не исключена принадлежность некоторых из них к милоградской культуре. Безынвентарные погребения есть и на могильнике зарубинецкой культуры в Горошкове, не совпадающем по площади с милоградским (О. М. Мельниківська. Поселения і могильник зарубинецькой культури в Південній Білорусії. «Археологія», т. XVIII. Київ, 1965, стр. 199).

Г Л А В А
В Т О Р А Я

Вещевой комплекс

При раскопках памятников милоградской культуры обнаружено много различных вещей, характеристика которых но категориям приводится ниже. Большинство вещей найдено в жилых и других сооружениях, что открывает широкие перспективы дальнейшего изучения их, в частности сопоставления металлических и других вещей с отдельными типами сосудов, формами венчиков, орнаментами, формами грузиков и т. д. На городище в Горошкове найдено четыре небольших клада. В них обнаружены различные категории вещей, например, бронзовые браслеты, определенные типы бус и др., что важно для хронологических определений.

В целом облик милоградских вещей, наряду с общим обликом памятников, сооружениями на них, погребениями и т. д., весьма характерен. В этом отношении выделяется группа изделий из глины: сосуды и грузики («пряслица»). Металлические вещи в целом также существенно отличаются как от синхронных им вещей культуры скифского времени лесостепи, так и от вещей в культурах лесной зоны. Особенно выразительна в милоградской культуре группа подгорцевских бронз, интересно широкое распространение местных железных наконечников стрел. По числу металлических предметов милоградские памятники в настоящее время занимают первое место среди других культур лесной зоны, объяснение чему мы видим как в непосредственном контакте милоградских племен на Волыни с лужицкими, прикарпатскими и другими племенами Средней Европы, широко использовавших цветные металлы, так и в широко развитом местном железоделательном производстве на базе болотных руд. Известны серебряные и золотые изделия на милоградских памятниках.

Уже с первых этапов существования памятников милоградской культуры Белоруссии для них характерно широкое применение металлических, в том числе железных орудий труда и других категорий вещей. Это опять-таки отличает их от смежных северных культур: культуры городищ штрихованной керамики, а также Прибалтики в целом, значительно отстающей в своем развитии от милоградской территории.

В свою очередь, в милоградской культуре датировки и продолжительность существования отдельных вещей отличаются от южного ареала. Некоторые металлические вещи появились в Белоруссии позже, чем на юге, и иногда они были дольше в употреблении. Подобное запаздывание обычно постепенно нарастает по мере продвижения на север. С этим связан

небольшой сдвиг в приведенных в хронологической таблице (см. ниже) датировках вещей, преимущественно южных типов.

Орудия труда

Всего на памятниках милоградской культуры найдено не менее 300 орудий труда (не считая изделий из глины — пряслиц или грузиков, и орудий труда, связанных с металлургическим производством — тиглей, льячек, литейных форм и т. д.). Для удобства характеристики вещи разделены нами на группы по материалу, из которого они выполнены — металлические изделия, изделия из камня, изделия из кости и рога.

Орудия труда из металла

Обнаружено более 70 металлических орудий труда и их значительных обломков. Большинство из них железные. Из бронзы или меди иногда делались швейные иглы. Особое место среди орудий труда из металла занимает клад железных земледельческих орудий, найденный при раскопках городища в дер. Горошков в 1957 г. Клад состоит из трех серпов, топора и мотыжки с боковыми выступами, обернутых железной уздечной цепью (рис. 19—21). Вещи обнаружены на краю большой ямы неправильных очертаний. Возможно, на этом месте было несколько разновременных ям. В заполнении ямы найдены железный нож и железное кольцо

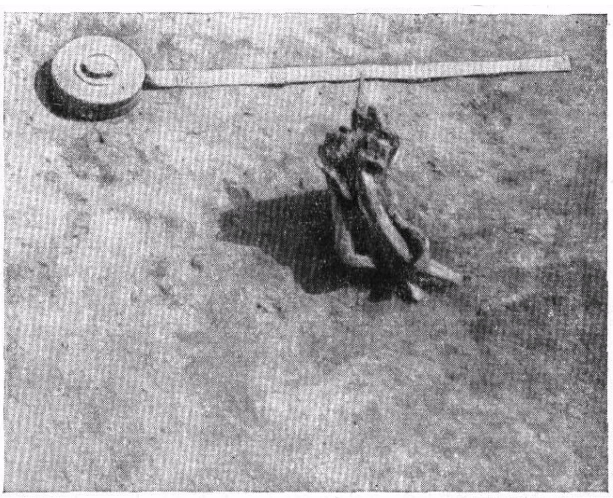

Рис. 19. Расчищенный клад орудий труда па Горошковском городище

восьмеркообразной формы, половины которого располагаются под прямым углом одна к другой. Возможна связь этих вещей, особенно последней из них, с кладом. Описание находок из клада дается при характеристике соответствующих категорий вещей.

На участках, занятых жилищами, найдено 14 железных серпов. Они обнаружены вместе с зернотерками, терочными камнями и другим инвентарем, присущим земледельческому характеру хозяйства жителей городищ. Находки серпов обычны в разновременных комплексах, кроме самых ранних. Все серпы милоградской культуры относятся к одному весьма устойчивому типу, широко распространенному в раннем железном веке (рис. 22). Средняя длина серпа до прямой оси составляет 20 см, длина отдельных экземпляров — 25 см. На Горошковском городище найден маленький серп, длиной всего 10 см. Лезвие непосредственно переходит в черенок, кончик которого (в виде небольшого крючка в 1 — 1,5 см высотой) расположен под прямым углом к плоскости лезвия, всегда направленного в одну сторону, если серп положить на плоскость лезвием к себе, а ручкой направо, то крючок рукоятки всегда будет смотреть вверх. Рукоять серпа закреплялась на крючке, который она зажимала в расщелине так же, как в современных косах-горбушах. Лезвие одного серпа имеет в своей центральной части, в линии наибольшего изгиба, четыре зубца, повернутых вершинами в сторону ручки. Следы врезов на лезвиях других серпов незначительны. Как правило, наибольший изгиб приходится на ближайшую к рукоятке треть лезвия, реже — на центр лезвия или на треть, ближайшую к его концу [1]. Возможно, место изгиба лезвия, как и наличие на нем зубцов, объясняется разным временем появления отдельных серпов.

В распространении типов серпов в Поднепровье и прилегающих к нему областях в раннем железном веке прослеживается интересная закономерность. Для лесостепной зоны и степных районов характерен описанный выше серп с перпендикулярным лезвию крючком (памятники скифского времени Киевщины, Поднестровья, Посеймья и др., Кайенское городище на Нижнем Днепре [2]), существовавший

[1] П. Н. Третьяков. Моховское второе городище. КСИА, вып. 81, 1960, стр. 48, рис. 24, *7*.

[2] А, Е, Алихова. Древние городища Курского Посеймья. МИА, № 113, 1961, стр. 99, рис. 5; Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 141, рис. 14, *1*.

здесь позже [3]. К северу от лесостепи распространены иные типы серпов, как правило, с меньшим изгибом лезвия и прямым черенком вместо крючка (городища культуры штрихованной керамики Средней Белоруссии и пилькалнисы Литвы [4], юхновской культуры Подесенья [5], дьяковской культуры[6] Смоленщины[7] и Верхней Оки [8]). Этот тип серпа также существовал здесь очень долго [9], хотя в третьей четверти I тысячелетия н. э. здесь наряду с местной формой появился и южный тип серпа[10]. Милоградская культура — единственная из культур лесной зоны Поднепровья (если не считать юхновские городища в курской группе — на границе с лесостепью) — имеет серпы южного типа. Это одна из черт, характеризующих чуждый для милоградской среды характер северных культур балтийского круга.

В наших материалах отсутствуют косы. Единственный экземпляр, обнаруженный при хозяйственных работах на городище у дер. Поколюбичи на р. Сож, утрачен. Известна коса, найденная в Новоселковском городище культуры штрихованной керамики, но она относится к более поздним периодам[11].

[8] П. Д. Л и б е р о в. К истории земледелия у скифских племен Подяепровья эпохи раннего железа в VI — II вв. до н. э. МИЗ, т. I. М., 1951, стр. 81, 82; Е. В. М а к с и м о в. Памятники зарубинецкого типа в сел. Субботове. КСИА АН УССР, вып. 9, 1959, стр. 37, рис. 5, *6;* Серп с Пастерского городища см.: В. П. Л е в а ш о в а. Сельское хозяйство. «Труды ГИМ», вып. 32. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956, табл. 16, *16*.

[4] А. Н. Л я в д а н с к и й. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. Сообщения ГАИМК, 1932, № 7—8, стр. 57, рис. 5; С. А. Д у б і н с к і. Раскопкі Банцараўскага гарадзішча каля Менску ў 1926 г. «Гістарычна-археолегічна зборнік», № 1. Менск, 1927, стр. 360—363; P. K u l i k a u s k a s. Lietuvos archeologijos bruozai. Vilnius, 1961, s. 179, рис. III, *5, 6;* стр. 182, рис. 114, *5*.

[5] Е. И. Г о р ю н о в а. Городище Торфелъ. КСИИМК, вып. 31. М., 1950, стр. 32, рис. 54.

[6] П. Н. Т р е т ь я к о в. Восточнославянские племена. М.— Л., 1953, стр. 95, рис. 21.

[7] П. Н. Т р е т ь я к о в. Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, стр. 15, рис. 4.

[8] Т. Н. Н и к о л ь с к а я. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, 1959, стр. 28, рис. 12, *6, 9, 10;* рис. 53.

[9] П. Н. Т р е т ь я к о в. Древние городища Смоленщины, стр. 15, рис. 4; стр. 67, рис. 27, *2* (верхний слой городища Тушемля).

[10] П. Н. Т р е т ь я к о в. Древние городища Смоленщины, стр. 113, рис. 59, *14*.

[11] А. Н. Л я в д а н с к и й. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции, стр. 59, рис. 1.

Мотыжки с боковыми выступами

Орудиями труда, несомненно связанными с земледелием, являются и плоские железные мотыжки с выступами по бокам, найденные на милоградских памятниках дважды: на Моховском I (в хозяйственной яме) и в кладе на Горошковском городище. Оба экземпляра однотипны, хотя и различаются в деталях. Мотыжка с Моховского I городища небольших размеров (высота 14см). Ее боковые выступы, расположенные на двух третях ее высоты, имеют нерезкие, подтреугольные контуры. Верхний конец мотыжки слегка вогнут (рис. 23, 7). Мотыжка из клада в Горошкове гораздо массивнее моховской (ее высота 17 см). Выступы треугольной формы расположены выше середины высоты, нижний рабочий конец значительно шире; слегка загнутый верхний конец образует с плоскостью вещи тупой угол. Видимо, эта часть мотыжки выполняла ту же функцию, что и вогнутая часть на моховской мотыжке.

В целом горошковская мотыжка, судя по типологическим особенностям, принадлежит к более позднему времени, что подтверждается и нахождением ее в более позднем комплексе (рис. 20, *2;* 21, *4;* 23, *8)*.

Двусторонние мотыжки с боковыми выступами чрезвычайно широко распространены и имеют широкий хронологический диапазон: с эпохи бронзы [12] до позднего латена [13]. На нашей территории подобные вещи были обнаружены на городищах Посеймья [14], на Субботовском городище чернолесской культуры [15], в городищах и курганах скифского времени лесостепи и степи[16]. Высказанное В. А. Шрамко

[12] I. K o s t r r e w s k i. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wroclaw, 1955, str. 98, ris, 228; str. 136, ris. 362.

[13] I. F i l i p. Popelnicova pole pocatky zelezne doby v cechach. Praba, 1935—1937, str. 98, ris. 76, *26*, 51, *10;* E. V u l p e. Santierul archeologie Popesti reg. Bucuresti, r. Mihailesti. «Materiell si cercetari archeologice», vol. III, Ac, repköl. Romine, 1957, str. 242, rys. 19, *1*.

[14] А. Е. А л и х о в а. Древние городища Курского Посеймья; «Лесостепные культуры скифского времени». М., 1962, стр. 98 и 100, рис. 6, б.

[16] А. И. Т е р е н о ж к и н. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 160, рис. 107.

[16] С. Н. З а м я т н и н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VIII, 1946 , стр. 31, рис. 16, *2;* А. А. Б о б р и н с к и й. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы, т. II. СПб., 1894, стр. 170, табл. XXV, *8*, стр. 168;

лредположение, что подобные орудия служили наконечниками мотыг для вторичной обработки земли при пахоте, представляется нам вполне убедительным [17]. Мотыжка из клада земледельческих орудий в Горошкове, найденная с серпами и топором, — еще аргумент в пользу этого предположения. Вызывает возражения лишь реконструкция мотыги с наконечником такого типа: при указанном Б. А. Шрамко способе крепления наконечника к рукояти верхний конец мотыги не мог быть употреблен в работе [18].

Судя по нашим экземплярам, верхний конец двусторонней мотыжки служил скорее всего для поддевания корней и извлечения их из земли. Употреблялись мотыжки с выступами и в качестве землеройных орудий [19].

Топоры

Железный проушной топор известен в милоградских памятниках Белоруссии пока в единственном экземпляре, обнаруженном в упоминавшемся кладе в Горошкове. Топор не массивен, размеры его невелики (длина 12 см), имеет низкий, но с большим отверстием обух и неширокое скошенное лезвие (рис. 20, *1;* 21,6; 23, *6)*.

Нахождение топора в комплексе земледельческих орудий определяет в данном случае его характер как орудия труда и назначение—расчистку почвы под пашню. Безусловно, топор являлся и одним из основных деревообрабатывающих инструментов. Проушной железный топор найден также В. Н. Даниленко на поселении в сел. Подгорцы, на Киевщине. От горошковского топора он сильно отличается своими размерами, пропорциями и типом, так как снабжен толстым прямоугольным обухом [20]. Близки топору из Горошкова проушные железные топоры, найденные на

Б. Н. Граков. Новые находки скифского времени в Каменском городище на Днепре. «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 86.

[17] Б. А. Шрамко. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. СА, 1961, № 1, стр. 74, 85; на стр. 89 — перечень мотыжек.

[18] Там же, стр. 87, рис. 11.

[18] Б. Н. Граков. Новые находки скифского времени в Каменском городище на Днепре.

[20] В. А. Іллінська. Скіфські сокири. «Археологія», т. XII. Київ, 1961, стр. 30, рис. 2, *3.* Топор из Горошкова изображен на рис. 2, *7.* Подпись о том, что этот топор найден на городище Торфель, дана В. И. Ильинской ошибочно.

Рис. 20. Вещи из клада орудий труда, найденного на Горошковском городище *(1—6)*

южных памятниках [21] и в лесной зоне (на юхновском городище Торфель под Брянском [22] и на городище Холмец Екимовичского района Смоленской области [23]), а также топор с городища Новые Батеки на Смоленщине [24]. Железные проушные топоры известны и на дьяковских городищах (Троицкое городище) и в Посеймье (городище Александровское) [25]. Характерно, что на ближайших к милоградским памятниках культуры штрихованной керамики Средней Белоруссии были распространены проушные топоры литовского типа, резко отличные по своей форме от описанных выше.

Кроме проушных топоров, милоградское население пользовалось железными кельтами, находки которых в Белоруссии связаны обычно бывают с зарубинецким временем [26]. В Средней Европе кельты были распространены уже в раннем латене [27]. Обломок такого кельта обнаружен А. Н. Лявданским и А. Д. Коваленей в 1936 г. на городище милоградской культуры (где имеются также зарубинецкие находки) у дер. Ворнбвка (Лядцы) на Соже[28], ошибочно определенном Ю. В. Кухаренко как городище культуры штрихованной керамики[29]. Впрочем, такие же кельты встречаются и на типичных городищах этой культуры, например, на городище Малышки (раскопки А. Г. Митрофанова)[30].

[21] В. А. Іллінська. Скіфські сокири, стр. 30.

[22] В. И. Горюнова. Городище Торфель, стр. 32, рис. 54.

[23] П. Н. Третьяков. Древние городища Смоленщины, стр. 132, рис. 69, *9.*

[24] Е. А. Шмидт. Городище у дер. Новые Батеки. Сб. «Древние городища Смоленщины», стр. 169, рис. 14, *17*

[26] А. Е. Алихова. Городища Курского Посеймья, стр. 124, рис. 20, *15.*

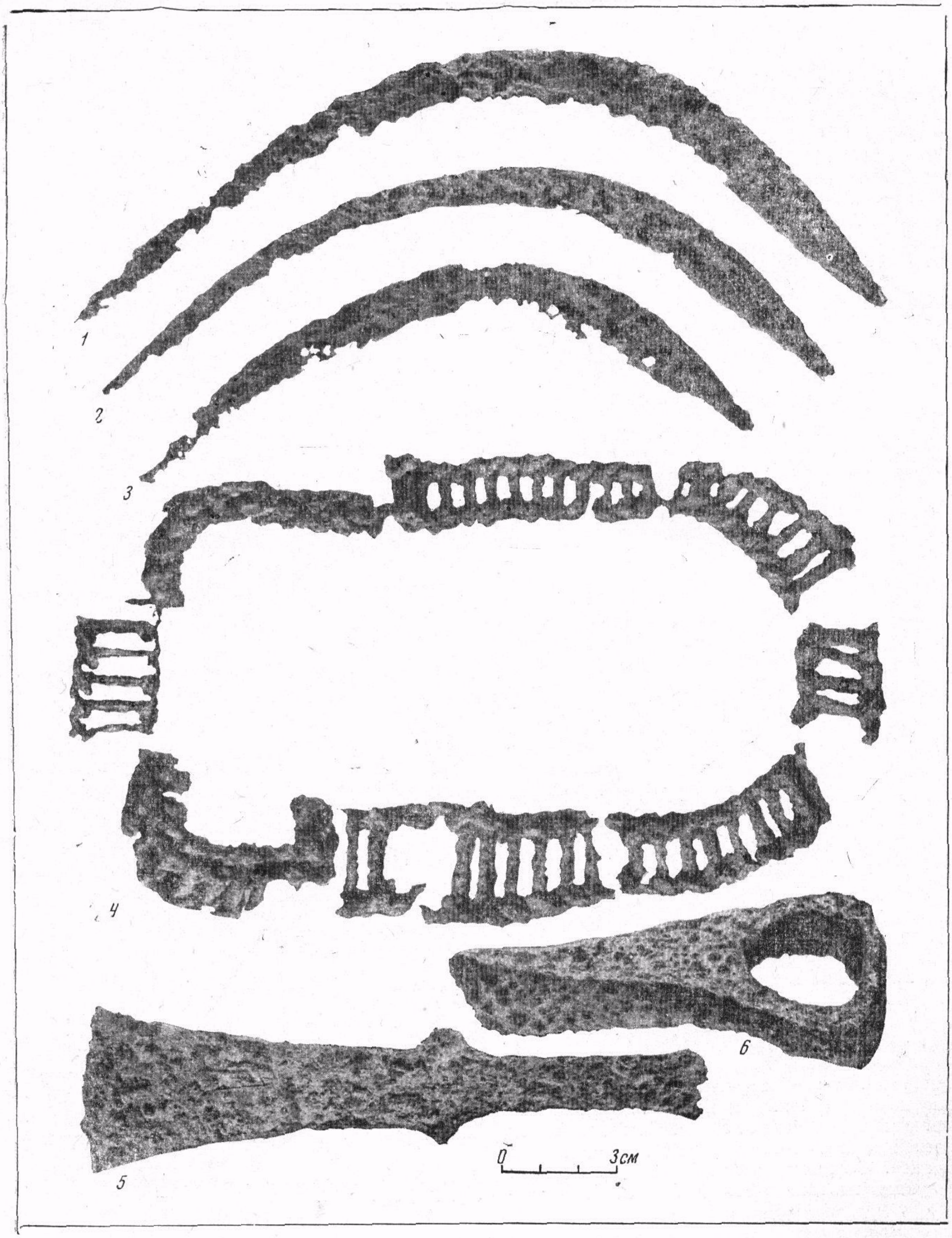
[26] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959, стр. 138, 141, рис. 13, *1, 4.*

[27] J. Filip. Praveke Ceskoslovensko. Praha, 1948, Str. 361, tabl. 28, 5, *8.*

[28] А. Н. Лявданский, А. Д. Коваленя. Дневник работ по Сожу. 1936 г. (Архив ИИ Б АН, рукопись).

[29] Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. СА, 1959, № 1, стр. 47.

[30] А. Г. Митрофанов. Раскопки городища Малышки. Доклад на секции Пленума И А АН СССР 11 апреля 1958 г. (Архив ИА АН СССР, р. 3, № 735).

1
2
3
4
5
6
0
3см

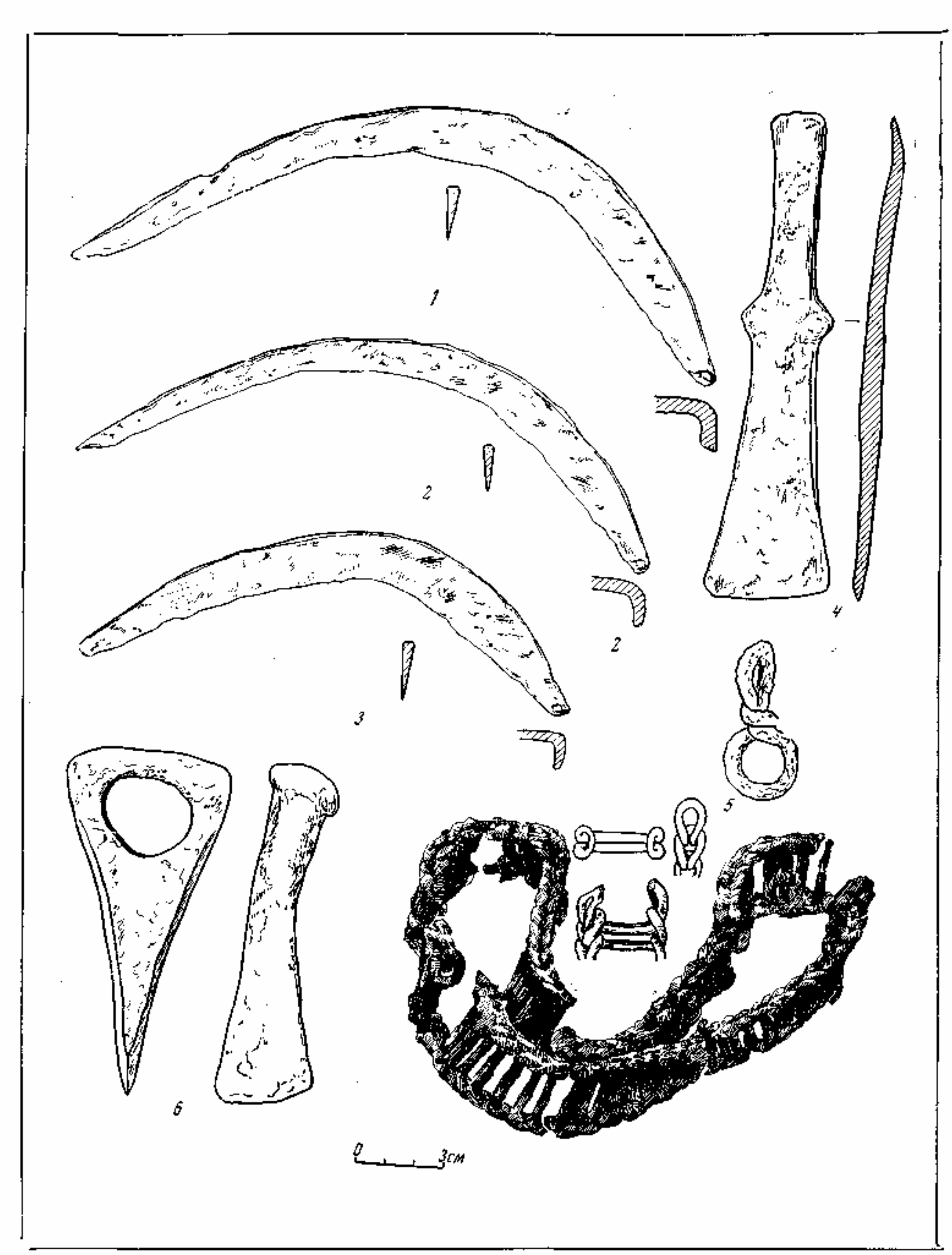

Рис. 21. Вещи из клада орудий труда, найденного на Горошковском городище *(1—7)*

Н о ж и

При раскопках обнаружено 12 целых железных ножей и большое количество их обломков. Размеры ножей от 5 до 20 см, причем от третьей до пятой части длины приходится на черенок. Формы ножей довольно однообразны: выпуклая тыльная часть (так называемая горбатая спинка) и прямая или слегка вогнутая линия лезвия (рис. 23, *1,2,4,5*). Горбатая спинка и черенок обычно представляют собой правильную дугу. Более крутой изгиб редок [31]. Как правило, наибольшая крутизна прихо-

[31] П. Н. Т р е т ь я к о в. Чаплинское городище, стр. 139, стр. 12, *1*.

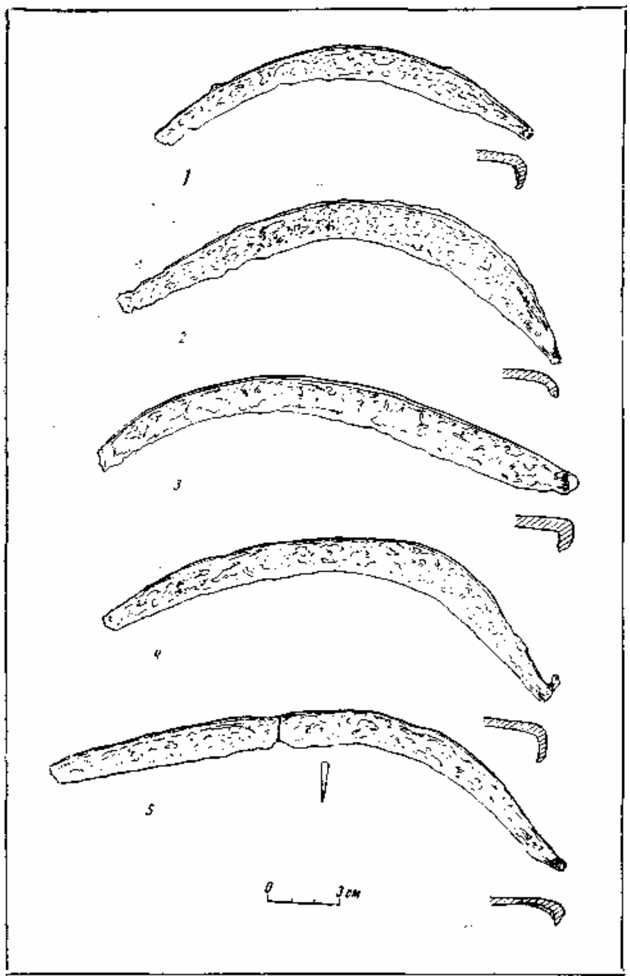
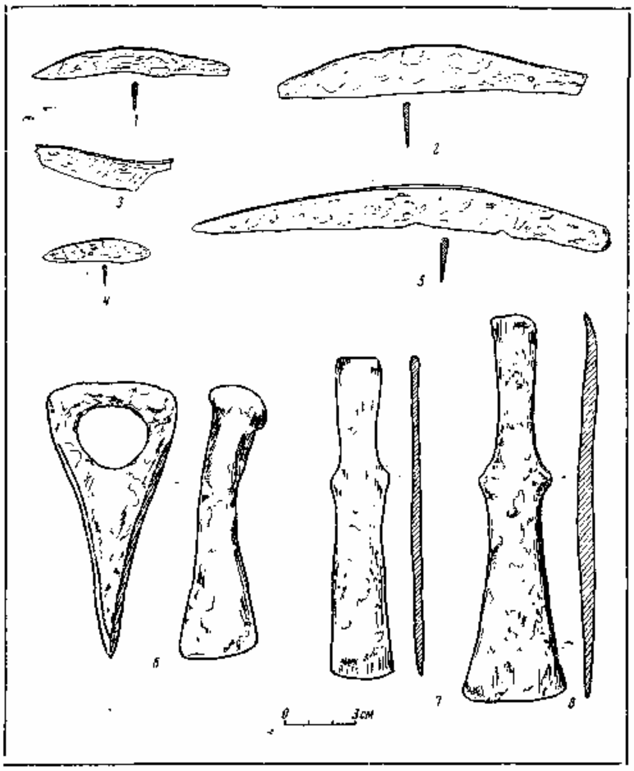

Рис. 22. Железные серпы, найденные на Горошковском *(1—3)* и Милоградском городищах *(4—5)*

Рис. 23. Железные орудия труда милоградских памятников Белоруссии *(1—8)*

дится на середину длины ножа, но есть экземпляры, где она смещена к черенку. Среди них имеется нож из раннего милоградского курганного могильника у дер. Дубой, в устье Горыни [32]. Переход к черенку на части ножей никак не отмечен, в некоторых же случаях черенок отделяется от лезвия незначительным уступом. Иногда на черенке имеется отверстие для крепления рукоятки, костяные орнаментированные экземпляры которых есть в нашей коллекции. Значительное количество ножей дает также подгорцевская группа памятников [33]. Близкие милоградским формы ножей были широко распространены в раннем железном веке как в лесостепи, так и в лесной полосе. Исследователями отмечалась близость милоградских и подгорцевских форм ножей с ножами высоцкой культуры [34]. В зарубинецкой культуре в Белоруссии продолжал бытовать тот же тип ножа [35], наряду с которым получают развитие и новые формы.

В подъемном материале с могильника при Асаревичском городище имеется единственный пока для южнобелорусских милоградских

[32] Ю. В. К у х а р е н к о. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, вып. Д1-29, 1961, стр. 11, tabl . II, *4.*

[33] В. Н. Д а н и л е н к о. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. Доклады VI научной конференции ИА АН УССР. Киев, 1953, стр. 201, рис. 18а; стр. 202; В. М. Д а н і л е н к о. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р. АН УРСР, т. VI. Київ, 1956, стр. 8.

[34] В. Н. Д а н и л е н к о . Памятники ранней поры..., стр. 202; Ю. В. К у х а р е н к о . Памятники железного века..., стр. 11.

[35] П. Н. Т р е т ь я к о в . Чаплинское городище, стр. 139, стр. 12, *4, 6.*

памятников экземпляр бритвы. Она железная. Ручка и конец лезвия отломаны. Размер сохранившейся части 6 см. Спинка вогнута. Параллельно спинке направлена и линия лезвия. Ручка скорее всего была загнута в колечко, как это часто наблюдается на латенских бритвах [36] (рис. 23,5). По своему типу бритва из Асаревичей более всего приближается к раннелатенским образцам [37], что находится в соответствии и с датой городища и могильника в Асаревичах (конец V — начало III вв. до н. э.).

Бритвы латенской эпохи в лесной полосе встречаются редко. Ближайшая и единственная аналогия этой бритве из Белоруссии — экземпляр, обнаруженный в нижнем слое городища Банцеровщина [38]. Более часто бритвы находили на юго-западе лесостепного Поднепровья, при раскопках Е. В. Максимова на городище у сел. Зарубинцы на Киевщине и в пределах Киева на берегу речки Почайны, в комплексе зарубинецкой культуры [39]. Бритва латенского типа обнаружена при раскопках Люботинского городища на Харьковщине Б. А. Шрамко[40], датирующем слой этого городища VI — началом III в. до н. э.

Другие орудия труда из металла

При раскопках милоградских памятников найдено более 20 железных орудий, представляющих собой узкие заостренные массивные пластины или стержни (рис. 24). В то время как стержни безусловно служили шильями, назначение пластин было, очевидно, более разнообразным (среди них встречаются орудия типа долот и зубил). Часть стержней служила пробойниками, применялась при изготовлении ювелирных изделий. Шилья имеют размеры от 5 до 18 см. Оба конца сходят на острие. Сечение стержня различно не только в разных экземплярах, но и на разных участках одних и тех же орудий: чаще оно квадратное или прямоугольное, встречается также ромбическое. Круглое сечение имеют только концы шильев; в четырех случаях один из них согнут под тупым углом к стержню. Отогнутый конец другого из этих орудий расщеплен надвое, что указывает на- иное его применение; возможно, он использовался в качестве штампа при нанесении орнамента (рис. 24, *4).* В коллекции имеется орнаментированная костяная рукоятка от шила, найденная вместе с ним в одной яме.

Орудия в виде массивных железных пластин длиною от 7 до 13 см представлены двумя типами: у одного оба конца сужаются в неширокое лезвие, у другого — только один конец, а второй срезан, образуя ударную площадку. Имеется орудие с массивной, квадратной в сечении верхней частью, переходящей ниже в острие с концом, отогнутым под тупым углом к стержню. Связь этого орудия с ювелирным производством представляется нам бесспорной [41].

Несколько особняком стоит орудие, найденное в одном из жилищ Милоградского городища в комплексе с двумя серпами. Одна половина его имеет вид долота, другая — представляет острие, как у шила. Очевидно, острие было забрано в рукоятку (рис. 24, *9).*

Кроме описанных орудий, отметим также бронзовую иглу длиною 6 см, с удлиненным ушком. Верхняя часть стержня иглы была предварительно раскована в пластину, свернутые края которой отчетливо видны под ушком (рис. 24, б). Такой же способ изготовления игл характерен и для смежных территорий [42]. На памятниках милоградской культуры обнаружены также железные рыболовные (?) крючки,являющиеся чрезвычайно редкими здесь находками. На Асаревичском городище найдена, судя по устному сообщению, бронзовая двухшипная острога. Вещь утрачена. Встречались железные закрепки и кованые гвозди или костыли, принадлежность которых к милоградским слоям не доказана [43].

[36] I. Dechelette. Manuel d'archeologie prëhistorique celtique et gallo-romain, vol. III—IV. Paris, 1927, p. 428, fig. 388, *6;* p. 785, fig. 55, *3, 8* (латен II и III).

[37] Kurt Bittel. Die Kelten in Würtemberg. Berlin und Leipzig, 1934, S. 63, 86, Taf. 6, 10.

[38] А. А. Спицын. Краткие заметки. Банцеровщина. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 5, № 78.

[39] Е. В. Максимов, В. Н. Даниленко. Устные сообщения.

[40] Б. А. Шрамко. Раскопки Люботинского городища. Доклад на секционном заседании Пленума ИА АН СССР 2.V 1964 г. (Архив ИА АН СССР. М., Р-3, № 1309).

[41] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94,1961, стр. 102, рис. 43, *3—5.*

[42] Е. А. Шмидт. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I тысячелетия до н, э. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. IV. Смоленск, 1961, стр. 360, 362, рис. 11; П. Н. Третьяков. Древние городища Смоленщины, стр. 89, рис. 44, *1.*

[43] Подобные находки в слоях скифского времени известны. П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. МИА, № 113, 1962, стр. 41, рис. 9, *9;* рис. 43.

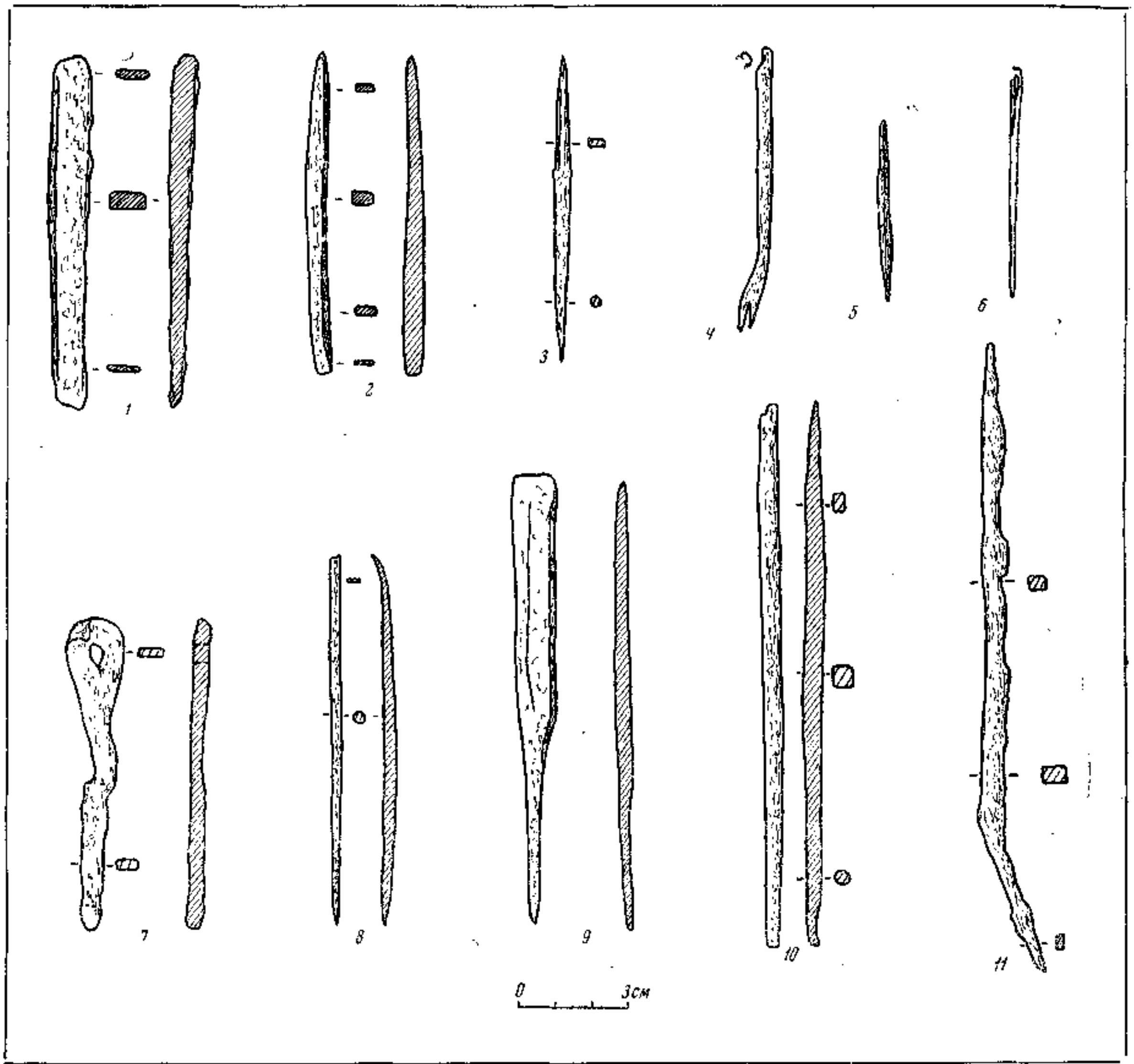

Рис. 24. Орудия труда с милоградских памятников Белоруссии *(1—11)*

Орудия труда из кости и рога

Ничтожно мала и невесома по сравнению с другими культурами лесной полосы в милоградских памятниках роль изделий из кости. В то время как для городищ дьяковской и юхновской культур, древнейших городищ Смоленщины и Верхней Оки, пилькалнисов Литвы характерно обилие костяных орудий [44] (в синхронных милоградским памятниках и в более поздние периоды), на памятниках милоградской культуры они встречаются в единичных экземплярах. Основная причина этого, на наш взгляд, кроется в относительном развитии металлургии железа на местном сырье— болотных рудах, которыми богата Полесская котловина. Этим же объясняется сравнительно небольшое количество изделий из кости и на некоторых городищах Центральной Белоруссии,

[44] См., например: П. Н. Третьяков. Древние городища Смоленщины, стр. 15, рис. 4, стр. 20; В. П. Левенок. Городища юхновской культуры. КСИА АН УССР, вып. 7, 1957, стр. 50, 52, рис. 1; Т, Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э., стр. 71, рис. 6; Л. Кржививцкий. Последние моменты неолитической эпохи в Литве. Сборник в несть 70-летия проф. А. Д. Анучина. М., 1913, стр. 301—310 и др.

где следы примитивной металлургии железа на основе местных богатых рудных месторождений отмечены не раз [45]. Можно полагать, что имеют значение и давние связи милоградского населения с юго-западными богатыми цветным металлом областями. При раскопках И. Х. Ющенко городища у дер. Любны под Гомелем найдены костяное шило и две проколки [46]. Костяная игла обнаружена А. Н. Лявданским и А. Д. Коваленей на городище у дер. Ворнбвка (Лядцы) [47]. Возможно, следует связывать с милоградскими слоями и несколько вещей из кости с Чаплинского городища [48]. Известна случайная находка на городище у дер. Чикаловичи Комаринского района костяного гарпуна, или остроги (вещь утрачена), об ее определенном отношении к милоградской культуре говорить нельзя. При раскопках на Горошковском городище нами обнаружена заготовка из рога лося в виде толстой трапециевидной пластины с одной выпуклой и другой слегка вогнутой поверхностью [49]. Выпуклая поверхность сильно заглажена. Скорее всего поделка употреблялась в качестве лощила. Если так, то ее следует связывать с зарубинецкой культурой. На Моховском I городище нами найден рог оленя с обточенным концом, который, вероятно, употреблялся для орнаментации керамики [50]. Встреченные в единичных экземплярах костяные проколки ничем не отличаются от таких же изделий на смежных территориях. Они выполнены из грифельной кости лошади и других, удобных по форме, костей животных (рис. 25, *1, 2).* В то же время плоские костяные проколки-булавки с круглым или в форме лопаточки навершием, распространенные в Прибалтике, для милоградских памятников не характерны. Упомянутые выше костяные части рукояток шила и ножа, обнаруженные в Горошкове, имеют орнамент: мелкие круглые врезы (рис. 25, *4),* кружки, пояски с пересекающимися штрихами (рис. *25,5).* Рукоятка ножа с Любенского городища покрыта циркульным орнаментом. Интереснейшей находкой является большая костяная пластина с раздвоенным концом, судя по близким аналогиям в Центральной Европе и скифской Лесостепи [51], — ткацкий гребень (рис. 25, 6).

Для памятников зарубинецкой культуры Белоруссии характерна, по-видимому, та же бедность костяными изделиями, хотя здесь найдены новые предметы из этого материала (пряжки, гребни) и т. д. [52]

Орудия труда из камня

Каменных орудий на милоградских памятниках найдено не менее 120. Большинство их связано с земледельческим трудом населения: зернотерки и камни с обточенными поверхностями типа пестов и терочников. Обнаружены также точильные бруски, рубилообразные орудия, клинья, топоры, а также несколько кремневых орудий.

Зернотерки

На милоградских памятниках при наших раскопках найдено 20 зернотерок [53]. Известны также зернотерки из старых раскопок белорусских археологов. Эти орудия обычно связаны с жилищами, лежат они на полу недалеко от очага. В отдельных жилищах имелось по две зернотерки. Изредка зернотерки обнаруживают в хозяйственных ямах. При раскопках курганов у дер. Дубой обломок зернотерки найден среди инвентаря одного из погребений [54]. Зернотерки, как обычно, представляют собой удлиненные плоские камни гранитных и других пород с сильно стертой одной поверхностью, иногда вогнутой от долгого употребления. В одном случае камень имел две стертых поверхности: верхнюю и нижнюю. Размеры камней достигают 0,4—0,5 *м.* Верхними камнями зернотерок, как правило, служили набольшие терочники неправильных очертаний с одной или двумя обточенными поверхностями, размер которых позволял удерживать их

[45] А. Н. Ляўданскі і К. М. Палікарповіч. Да гісторыі жалезнай прамысловасьці на Беларусі па данным археологи. «Савецкая Краіна». Менск, 1932, № 5 (19), стр. 55—85.

[46] Зьм. Даўгяла. Новые раскопки каля Гомеля «Гістарычна-археолёгічны зборник», № 1, Минск, 1927, стр. 364; И. Х. Ющенко. Отчет о раскопках Любенского городища в 1925 г. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 175, 1925.

[47] А. Н. Лявданский, А. Д. Коваленя. Дневник работ по Сожу, 1936 г.

[48] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 139, рис. 12.

[49] О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70. 1957, стр. 35, рис. 9, *19.*

[60] Сравни: П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца, стр. 41, рис.9, *11.*

[51] La Baume. Die Entwicklung des Textilhandwerks in Alteuropa. Bonn, 1955; Б. А. Шрамко. Раскопки Люботинского городища.

[52] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 143, 3, 15.

[53] 12 зернотерок найдено также на Чаплинском городище, часть их относится к милоградскому слою.

[54] Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья, стр. 11.

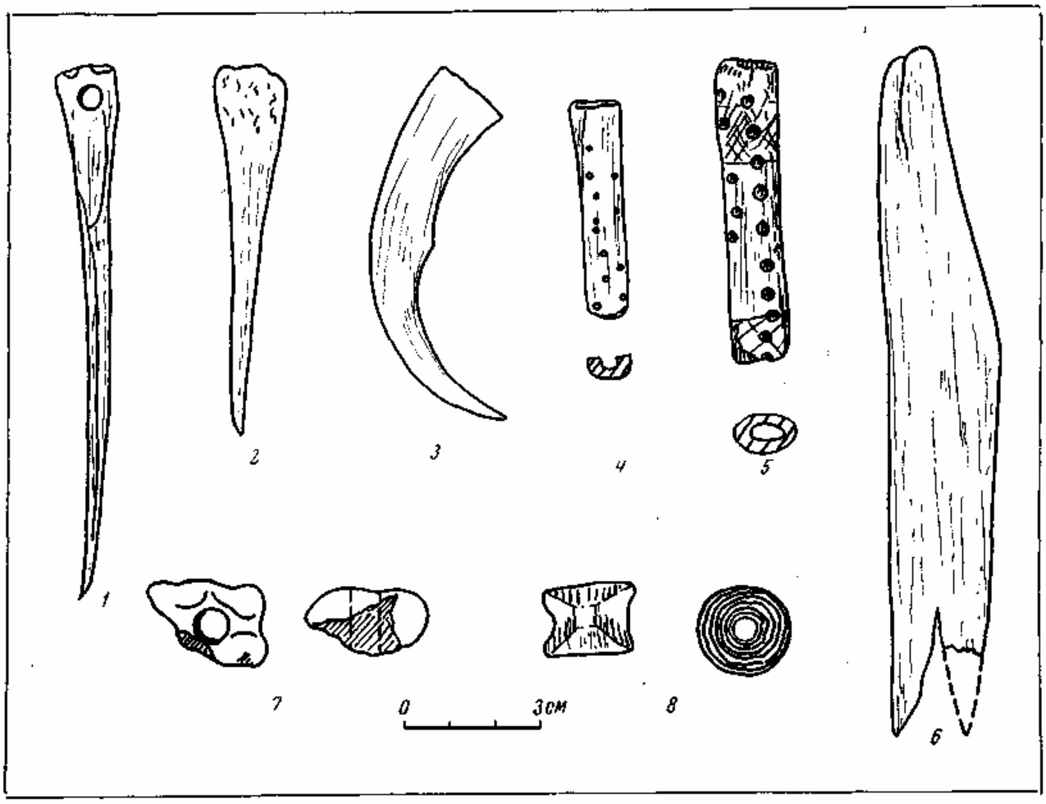

Рис. 25. Изделия из кости с Горошковского городища *(1—8)*

целиком в руке. Как и П. Н. Третьяков, при раскопках Чаплинского городища [55] такие камни не раз мы находили при зернотерках. Употребление мелких терочных камней и пестов в качестве верхних камней зернотерок подтверждается и материалами из других областей [56].

Песты и точильные бруски

Пестов и камней с обточенными поверхностями найдено при наших раскопках более 70, в том числе более 60 с городища в Горошкове. Располагаются эти вещи обычно в жилищах [57], часть из них, как указывалось, связана с зернотерками. Обнаружены песты и в ямах, в частности вместе со шлаками и льячками, что указывает на применение их в металлургическом производстве: для размельчения руды, в качестве наковаленок при ковке изделий и т. д. Один из пестов найден нами в могиле на Моховском I городище; он, видимо, был положен как орудие кузнеца вместе с обломками литейных форм. Восемь обточенных камней-отбойников найдено М. Якимовичем при раскопках «латенского поля погребений» (судя по керамике милоградского могильника) в дер. Залесье, в устье Припяти [68]. Два из них имели грушевидную форму и употреблялись, по мнению указанного автора, для растирания зерен. Обработанные камни не раз также зафиксированы в инвентарях памятников культуры скифского времени степи и лесостепи [69]. Песты и

[55] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 146.

[56] Е. А. Шмидт. Городище у дер. Новые Батеки, стр. 173, рис. 15; Stefan Wesolowski. Gospodarka plemion kultury luzyckiej u ujscia Odry. «Millenium Polonia», N 7—8 (10—11). Szczecin, [б. г.], str. 33—54.

[57] При раскопках И. К. Свешниковым древнейших милоградских поселений на Западной Волыни в жилищах и хозяйственных ямах в комплексах с ранней керамикой найдены также терочники и песты из песчаника шаровидной формы.

[68] М. К. Якимович. Дюнные стоянки неолитической эпохи в Радомысльском уезде Киевской губ. «Археологическая летопись Южной России», № 3—4, 1903 г. Киев, 1904, стр. 166.

[69] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца, стр. 37, рис. 2, *27*, *7*, *24*.

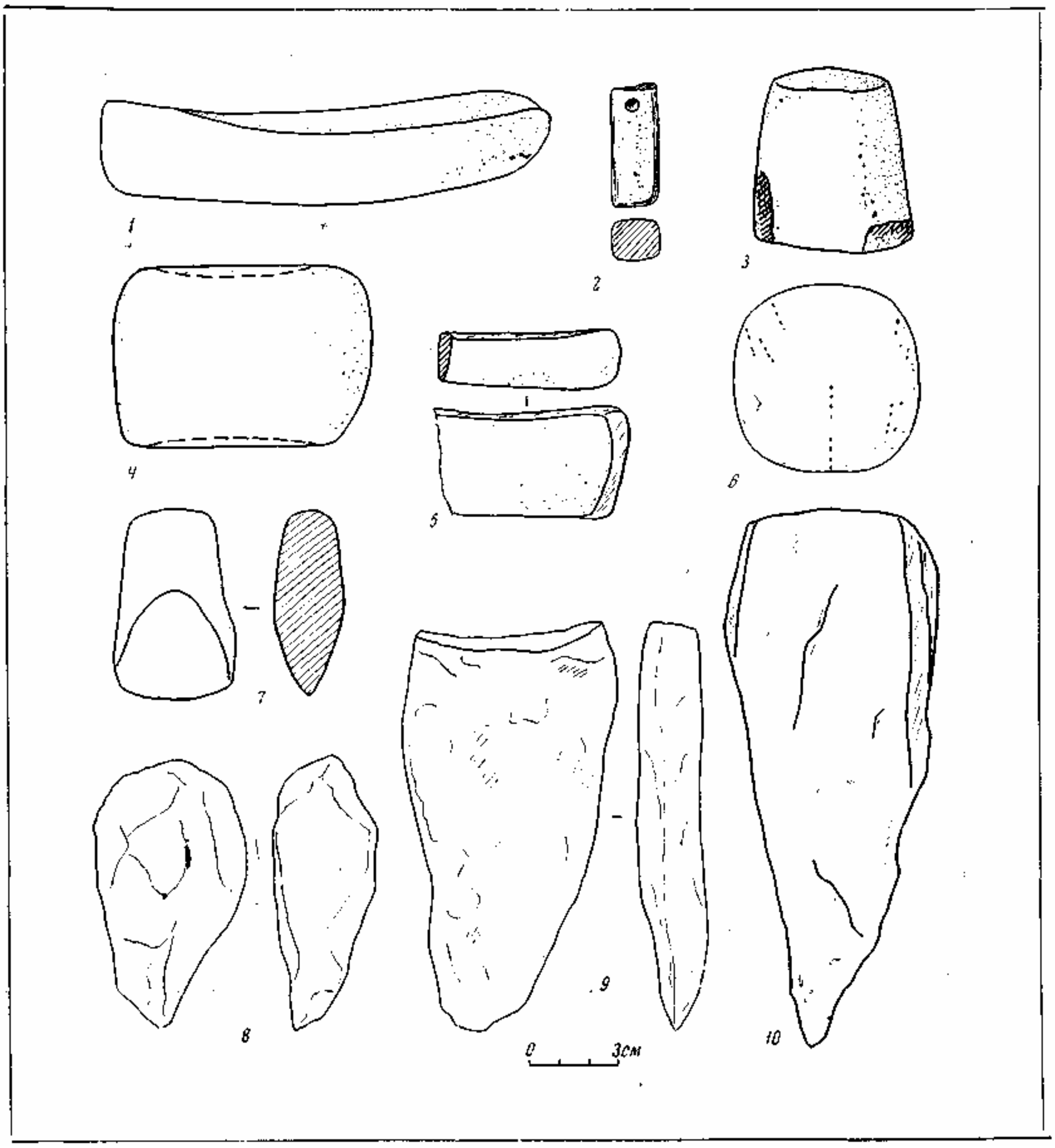

Рис. 26. Изделия из камня, найденные на милоградских памятниках Белоруссии *(1—10)*

терочники изготовлялись из твердых гранитных и иных пород плотной мелкозернистой структуры. Цвет их, как правило, светлый. Размеры камней различны (от 5 до 12—13 см в поперечнике). Формы весьма разнообразные. Чаще всего они представляют собой естественные камни округлых очертаний со следами сработанности на одной или нескольких сторонах. Нередко камням придавалась правильная форма: шара, куба, цилиндра, усеченного конуса и т. д. (рис. 26, *3, 4, 6;* 27). Встречаются каменные орудия грушевидной формы с углубленным поясом в средней части.

Формы и размеры орудий определялись их функциональным назначением. Некоторые большие камни имели в центре вогнутые поверхности, что указывает на использование их в качестве ступок. Поверхность отдельных камней испещрена многочисленными следами ударов, мелкими сколами — свидетельствами употребления их как молотов и отбойников. Регулярные ряды неглубоких точечных вдавлений, встречающиеся иногда на камнях, являются, по-видимому, следом предварительного обкалывания камня перед его обточкой (рис. 26, б). Повсеместное распространение вещей по-

добного типа хорошо известно; изучение их, на наш взгляд, должно идти до пути дифференцирования, выделения отдельных типов орудий, поскольку о способах употребления различных видов этих изделий нет единого мнения. Так, распространенное мнение об употреблении крупных обточенных камней в качестве орудия для пращи [60] нам представляется маловероятным, хотя использование мелких камней для этой цели не исключается.

Точильные бруски — сравнительно редкая находка на памятниках милоградской культуры. Встречаются и маленькие подвесные бруски и большие плитки (рис. 26, *1, 2, 5)*. По-видимому, часто роль брусков выполняли описанные выше камни различной формы с заточенными поверхностями, что являлось еще одной их функцией. Об этом свидетельствуют следы заточки металлических стержней и острий на поверхности некоторых камней.

Каменные рубилообразные орудия и клинья

Любопытной архаической чертой в милоградских памятниках Белоруссии является употребление грубо обтесанных каменных орудий, каменных топоров и кремня. Три орудия в форме рубила найдены при раскопках жилых комплексов и хозяйственных ям. Размеры рубилообразных орудий составляют 11—15 см, они грубо вытесаны из плотных пород камня. Пятка рубил изготовлена с таким расчетом, чтобы его было удобно держать в руке (в одном случае — верх сделан в виде плоской ударной площадки), рабочий конец заострен (рис. 26, 5, *9;* рис. 28). Очевидно, орудия эти применялись для дробления руды и при обработке других каменных изделий. Близко к вышеописанным стоит большой и массивный каменный клин (длина 18 см), найденный в комплексе одного из жилищ на Милоградском городище. На боковой поверхности этого клина видны следы обработки в виде проходящей посредине неровной линии. По своему облику вещь очень напоминает заготовку для топора, чем она, возможно, и является (рис. 26, *10)*.

Каменные топоры и орудия из кремня

Каменные и кремневые топоры на милоградских городищах встречаются часто. В большинстве случаев они могут быть связаны с от-

[60] Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке. СА, 1957, № 1, стр. 184.

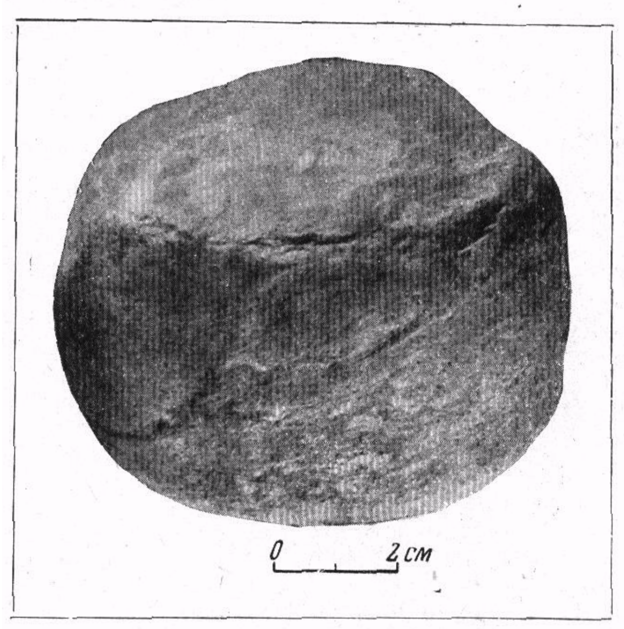

Рис. 27. Каменный пест, найденный на Горошковском городище

ложениями более древних эпох на площадках городищ. Представляют интерес топоры, найденные на однослойных милоградских болотных городищах, в местах, необычных для стоянок, — у дер. Борхов (урочище Бобров хутор) и у дер. Копань Гомельского района. На применение милоградским населением каменных топоров указывают и находки их вместе с типичной милоградской керамикой и другими вещами в комплексах жилых и иных сооружений. Так, например, каменные топоры и их обломки обнаружены в жилище на Глыбовском городище — памятнике, не имеющем ни одной ранней вещи, в землянке милоградской культуры на Моховском I городище, на городище в Горошкове, в одном из жилищ Чаплинского городища. Очевидно, в большинстве случаев топоры находились во вторичном использовании. Об этом свидетельствует и разнотипность топоров (проушные каменные шлифованные, каменные клиновидные без отверстия с намеченными заплечиками, кремневые клиновидные плоские с зашлифованным лезвием). Однако некоторые данные говорят и о возможном их изготовлении в милоградскую эпоху: заготовка [?] с Милоградского городища, находки высверлин от проушпых топоров в слоях городищ. На смежной территории— в Прибалтике, на среднебелорусских городищах культуры штрихованной керамики, Смоленщине и т. д. — каменные топоры встре-

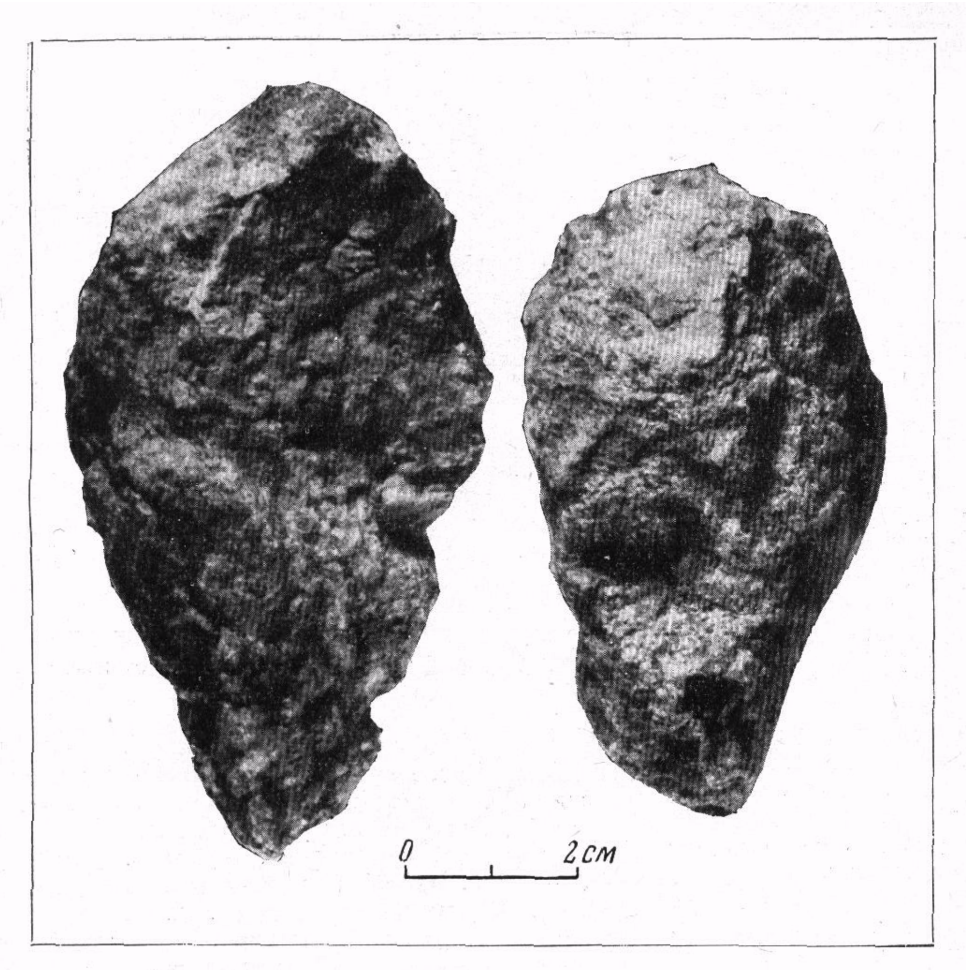

Рис. 28. Рубилообразные каменные орудия Горошковского городища

чаются очень часто в слоях раннего железного века вплоть до первых веков н. э. [61] Так, например, на городище Великушкей, относящемся к середине и концу I тысячелетия до н. э., найдены маленький каменный топорик, обломок другого топора и каменная булава, имевшие в данном случае вотивное назначение[62]. Один из топориков, выполненный из сланца, клиновидный, с суженным обушком и расширенным лезвием, близок по типу топорику с Глыбовского городища (рис. 26, 7), также имевшему небольшие размеры (длина 6,4 см). На более ранних, чем белорусские, памятниках Украины, в частности на Волыни, топоры и другие виды каменных орудий и кремня составляют неотъемлемую особенность милоградских комплексов как на поселениях [63], так и в погребениях [64].

Мелкие кремневые орудия или отщепы на милоградских памятниках Белоруссии в тех случаях, когда они не связаны с более ранними

[61] Я. Я. Г р а у д о н и с. Поздний бронзовый и ранний железный век на территории Латвийской ССР (I тысячелетие до н. э.). Рига, 1961, стр. 18. Автореф. канд. дисс.; Е. А. Ш м и д т, Племена верховьев Днепра и некоторых смеяшых территорий в железном веке (VIII в. до н. э.— III—IV вв. н. э.) М., 1963, стр. 13. Автореф. канд. дисс.

[62] П. Ф. Т а р а с е н к о. Городища Литвы. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 87, 88.

[63] І. К. С в е ш н і к о в. Пам'ятки милоградськоі культуры в бассейні р. Горинь. XXXIX наукова конференція, присвячена підсумкам науководослідноі работы Університету за 1964 рік. Тези доповідей. Львів, 1965, стр. 64.

[64] С. С. Г а м ч е н к о. Раскопки курганной группы в урочище Гремляче. 1924, курган № 3 (Житомирский краеведческий музей), № 2302 и др. комплексы.

напластованиями, а находятся в хозяйственных или погребальных комплексах, равно как и некоторые каменные и кремневые топоры, должны рассматриваться, по нашему мнению, как предметы, связанные с культом. Роль их как орудий труда, если и была, то ничтожной. Подтверждением позднего использования кремневых орудий является присутствие их в погребениях вместе с металлическими вещами, а также широкое применение кремня в погребальном обряде в ранних милоградских памятниках Украины [65], в зарубинецкой культуре [66], в курганных могильниках с керамикой типа Корчак в Южном Полесье [67].

Перечисленными категориями вещей из металла, кости и камня в целом исчерпываются сохранившиеся с раскопанных милоградских памятников орудия труда. Группа изделий из глины, связанных с металлургическим производством, рассматривается ниже, так же как и мелкие глиняные грузики типа пряслиц, относительно назначения которых вопрос в науке еще не решен. К орудиям труда могут быть причислены и обломки нескольких глиняных грузил, не характерных для милоградской культуры.

Вооружение

Стрелы

Вооружение представлено на милоградских памятниках Белоруссии прежде всего большим количеством наконечников стрел (60 экз.). Специфичным, по сравнению со смежными территориями, является то, что население наряду со скифскими наконечниками стрел широко пользовалось местными железными, характерными, насколько пока это известно, только для памятников милоградской культуры, включая и близкие им памятники подгорцевского типа Киевщины [68]. Как отмечает В. Н. Даниленко, сочетание обеих групп наконечников стрел— скифских и местных — является характерной особенностью подгорцевских памятников. То же наблюдается и на милоградских памятниках Белоруссии, ярче всего на материалах Асаревичского городища и могильника, где на развеянных участках найдено много наконечников стрел обоих типов. Такая же картина отмечена М. К. Якимовичем [69] на могильнике в сел. Залесье, в устье Припяти, где на 19 наконечников стрел скифского типа приходится 16 железных местных аналогичных милоградским и подгорцевским.

Почти все железные наконечники стрел в наших материалах (как и в подгорцевских памятниках) относятся к одному типу. Они представляют собой тонкие пластинки разнообразных форм, не имеющих черенка (рис. 29, *10—23, 25, 27—29).* Размеры различны—от 1,8 до 4,3 см. По формам наконечники стрел можно подразделить на треугольные, ромбические и листовидные. Кроме этого, есть трапециевидные наконечники, употреблявшиеся, по-видимому, при охоте на пушных зверей. Пропорции наконечников стрел различны: наряду с удлиненными есть и такие, высота которых равна ширине основания. Обычно грани в треугольных наконечниках представляют собой прямую линию, в некоторых случаях они плавно изогнуты, иногда несколько расширяясь к основанию (рис. 29, *10).* Наконечники нередко имеют форму равностороннего ромба; у некоторых из них выступы, образующие боковые углы ромба, расположены на уровне нижней трети наконечника. В листовидных наконечниках наиболее широкая часть пера приходится на середину его высоты, в отдельных случаях — несколько ниже. Основание наконечников, как правило, срезано прямо. Подгорцевские наконечники изредка имеют внизу небольшой выступ в виде зачатка черенка. О способе закрепления наконечника на древке позволяет судить листовидный наконечник, найденный в одном из погребений на могильнике в Горошкове в 1960 г. [70] В его нижней части на окиси железа отчетливо просматривались следы и границы древка (ширина его концевой части 0,4 см). Наконечник вставлялся в расщепленный конец древка и каким-то способом закреплялся в нем (рис. 29, *25).*

Большинство стрел местного типа с городища и из могильника Асаревичи, датирующихся по скифским стрелам в основном IV в. до

[65] С. С. Г а м ч е н к о. Пятилетие археологических исследований на Волыни (1919—1923 гг.) (Научный архив ИА АН УССР, ф. 3, р. 1, № 24).

[66] Ю. В. К у х а р е н к о. Памятники железного века..., табл. 19, *12;* Он ж е. Чаплинский могильник, стр. 166.

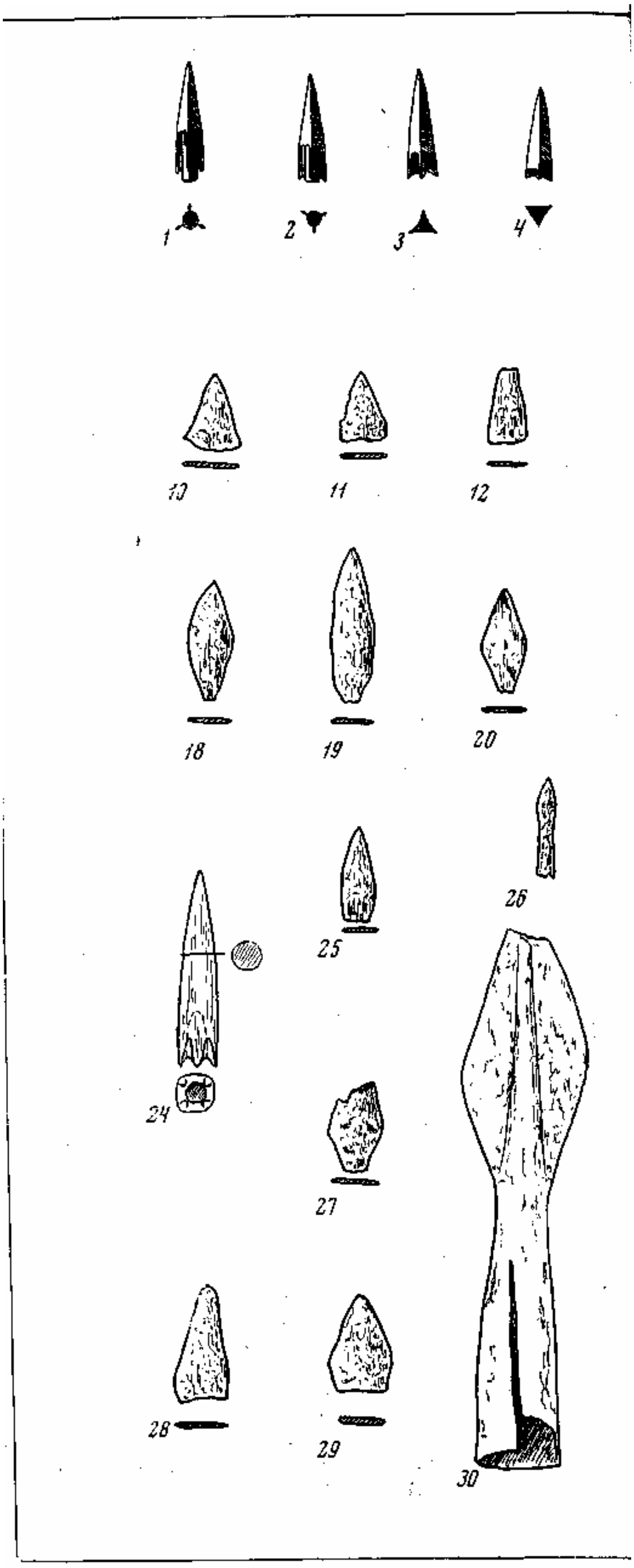
[67] С. С. Г а м ч е н к о. Пятилетие археологических исследований на Волыни.

[68] В. Н. Д а н и л е н к о. Памятники ранней поры..., стр. 201, 203, рис. 15; В. М. Д а н и л е н к о. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р., стр. 10, табл. II, *26—38;* стр. 13, табл. V, *1—10.*

[69] М. К. Я к и м о в и ч. Дюнные стоянки неолитической эпохи..., Стр. 167.

[70] О. Н. М е л ь н и к о в с к а я. Могильник милоградской культуры в дер. Горошков в Южной Белоруссии. СА, 1962, № 1, стр. 169, стр. 5, *3.*

Рис. 29. Наконечники стрел и копий из бронзы *(1—9)*, железа *(10—23, 25—33)* и кости *(24)*

н. э., позволяют включить их в раннемилоградский комплекс. Примерно к тому же и несколько более раннему времени относятся железные наконечники с подгорцевских памятников. Железные наконечники стрел из Залесья обнаружены вместе со скифскими трехгранными наконечниками и с раннелатенскими фибулами.

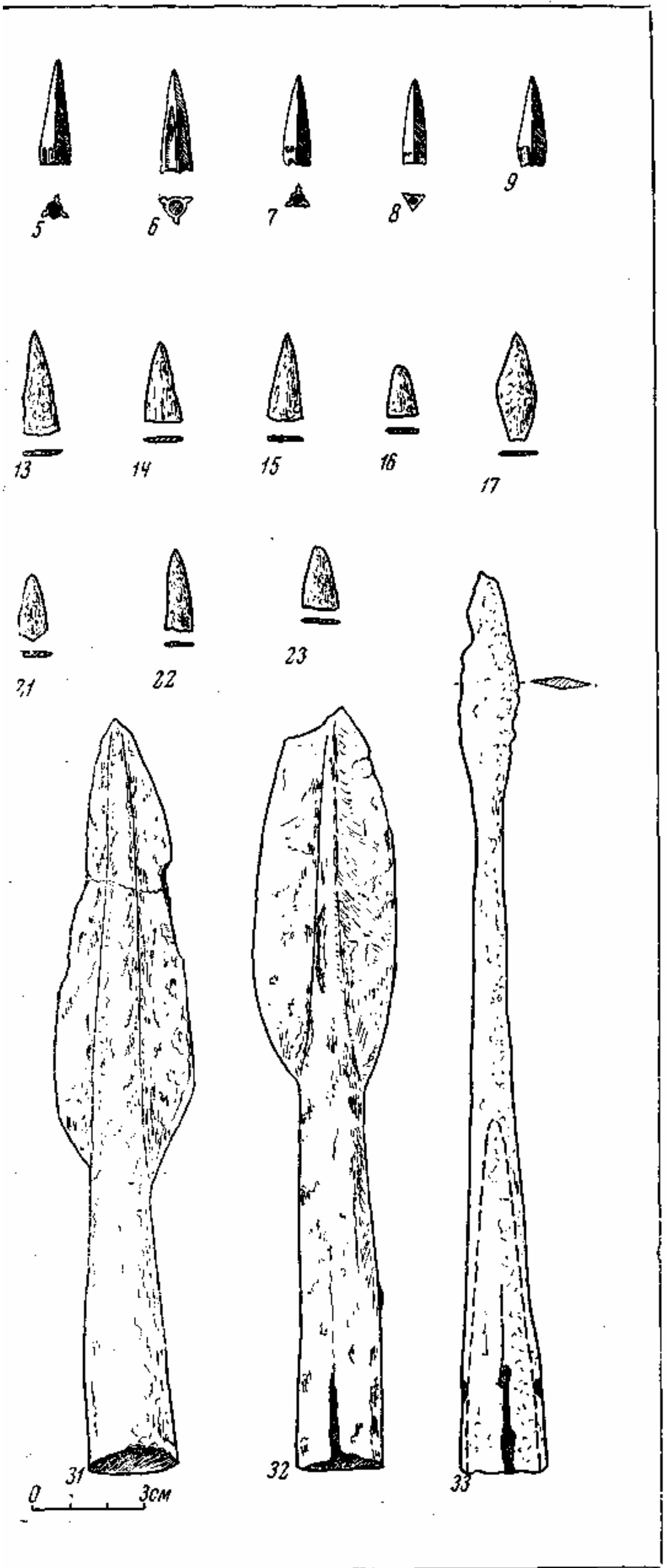
Прототипами милоградских и подгорцевских наконечников местных типов являются бронзовые и железные пластинчатые наконечники, обнаруженные В. Н. Даниленко при исследовании памятников типа Погребы-Бобрица [71]. Кроме таких наконечников, в Асаревичах найден один втульчатый железный наконечник небольшого размера (2,8 см длины) с маленьким листовидным пером при относительно длинной втулке (рис. 29, 26). Втульчатые железные наконечники стрел найдены также на Чаплинском городище (один [72], возможно принадлежавший к милоградскому слою) и на могильнике в Залесье [73]. Первый по типу несколько отличается от асаревичского и имеет большие размеры (около 6 см), маленькое треугольное перо и длинную втулку.

Наконечники стрел скифских типов обнаружены на нескольких памятниках милоградской культуры в Белоруссии: два — на Чаплинском городище, по одному — на городищах в Торошкове, Колочинском II, в дер. Городок Лоевского района (урочище Грудка), остальные (более 20 штук) — на Асаревичском городище и в могильнике. Имеются также сведения о находке их и на других памятниках. Все хранящиеся в нашей коллекции наконечники стрел сделаны из бронзы и часто имеют темный цвет, по-видимому, из-за значительной примеси олова. Большинство стрел трехгранные, но встречаются и трехлопастные, иногда с наружной втулкой, тогда как у всех трехгранных стрел втулка скрытая. Широкая распространенность подобных наконечников стрел на юге избавляет нас от необходимости приводить . их детальное описание. Относятся они

[71] В. М. Даниленко. Дослідження па'мяток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р., стр. 16, табл. VIII, *2, 11*.

[72] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр: 141, рис. 13, *2*.

[73] М. К. Якимович. Дюнные стоянки неолитической эпохи, стр. 167.

(рис. 30, 1—*9)* к поздним скифским типам и по общепринятой классификации датируются IV—III вв. до н. э. (в основном IV в. до н. э.). Несколько более ранним временем (концом V — началом IV вв. до н. э.) следует датировать костяной наконечник стрелы, найденный при раскопках Горошковского городища. Этот наконечник 5,5 см длины, со скрытой втулкой имеет коническую форму в верхней части и квадратную в основании, с четырьмя шипами (рис. 29, *24).* Такая форма гтрел известна в скифской культуре и памятниках скифской поры лесостепи [74]. Возможна принадлежность костяного наконечника стрелы с Чаплинского городища милоградской культуре. Он имеет коническую форму, скрытую втулку и шип в основании [75]. Еще один костяной наконечник стрелы найден на Чаплинском городище Л. Д. Поболем [76]. Однотипные костяные наконечники стрел были распространены в IV—III вв. до н. э. на памятниках юхновской культуры [77].

Для ранних милоградских комплексов на территории Украины характерны кремневые стрелы [78].

Копья и дротики

В Горошкове обнаружен железный дротик, пока единственный на памятниках милоградской культуры. Из 25 см его длины 6 см приходится на узкое листовидное плоское перо. Во втулке имеются отверстия для прикрепления к древку. По типу дротик относится к раннелатенским древностям и должен датироваться IV—III вв. до н. э. [79] (рис. 29; *33).* В областях, смежных с милоградской куль-

[74] А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, вып. 35. СПб., 1910, стр. 114, рис. 19; Коллекции Немировского городища, экспозиция Государственного Эрмитажа; А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья, стр. 104, рис. 10, 14; там же ссылка на близкую по типу находку из раскопок П. Рау.

[75] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 139, рис. 12, 14.

[76] Л. Д. Побаль. Пасяленні і магільнік зарубінецкай культури ў Чапліне. «Весці Акадэмі навўк Беларускай ССР», № 3. Менск, 1959, серыя грамадскіх навук, стр. 81.

[77] В. П. Левенок. Городища юхновской культуры. КСИА АН УССР, вып. 6. Киев, 1956, стр. 53.

[78] Раскопки Н.Ф. Левицкого в дер. Селец 1926 г. Курганная группа VI, курган 4 (Житомирский краеведческий музей, № 685).

[79] P. Vouga. La Tёne Leipzig 1923, tabl. XIV, fig. 9 M. Iahn. Die Kelten in Schlesien. Bd. I. Leipzig 1931, S. 15. Abb. 6, *3; S.* 31.

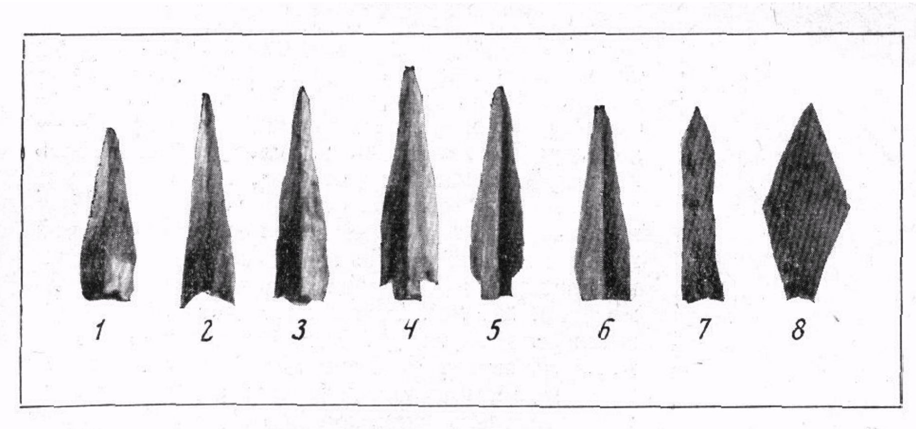

Рис. 30. Наконечники стрел, найденные на милоградских памятниках Белоруссии *(1—8)*

турой, а также на милоградской территории, но на памятниках зарубинецкой культуры были распространены дротики с двушипным пером [80]. О копьях, употреблявшихся милоградским населением, мы можем судить пока только по материалам раскопок раннего милоградского курганного могильника у сел. Дубой, произведенных Ю. В. Кухаренко. Всего имеется пять копий [81]. Они различных размеров — от 16 до 28 см, но однотипны: железные, с листовидным пером, примерно равным длине втулки. Наиболее широкая часть дера приходится, как правило, на его нижнюю часть, линия граней прямая или округленная, в одном случае перо ромбовидной формы (рис. 29, *30—32)*. На основании аналогий из курганов скифского времени в Подолии [82] и других данных Ю. В. Кухаренко датирует копья, как и могильник в целом, VI — началом V в. до н. э. [83]

Из других предметов, связанных с вооружением, укажем на случайные находки на Асаревичском городище и могильнике следующих вещей: железного целого кинжала (судя по описаниям находчика и сделанному им наброску, скифского акинака с загнутыми вверх концами навершия); железного меча с кольцевидным навершием, большого бронзового кинжала или ножа, сведений о форме которого не сохранилось.

С вооружением связано найденное при раскопках Горошковского городища маленькое литое колечко, украшенное четырехлепестковой ложнозерненой розеткой (см. ниже). Подобные колечки, служившие для крепления меча к поясному ремню, встречаются в ранних латенских погребениях Средней Европы. Точной аналогии этому колечку на нашей территории мы не знаем, однако по стилю и орнаментации оно очень близко к некоторым типам браслетов, кольцам от портупеи, предметам конского убора, бляшкам и т. п. вещам, широко распространенным в Поднепровье в IV—III вв. до н. э. [84]

О возможности использования некоторых обточенных камней для метания из пращи мы упоминали выше.

Конское снаряжение

Эта категория вещей в милоградских памятниках представлена мало. В нашей коллекции имеется уздечная цепь и небольшая серия блях с петлями различных форм и размеров на оборотной стороне. К предметам конского снаряжения мы относим бронзовые ворворки или колокольчики и кольца. Известны находки во время кладоискательских раскопок на городище «Змеев курган» близ дер. Романовичи, в устье Ипути, бронзовых колец от удил и

[80] А. Н. Лявданский. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции, стр. 57, табл. I, в; В. Г. Петренко. Культура племен Правобережного Среднего Приднепровья в IV — III вв. до н. э. МИД, № 96, 1961, стр. 71, рис. 4, *4-6;* Л. Д. Побаль. Пасяленні і магільнік зарубінецкай культуры ў Чапліне, стр. 81.

[81] Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века... стр. 11, табл. 1, *2, 2,* 5, 7, табл. 2, *2.*

[82] Т. Sulimirski. Scytowie na zachodniem Podolu. Lwów, 1936, tabl. IV, *26,* V id.; XI, *3-5.*

[83] Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века..., стр. 11.

[84] В. Г. Петренко. Культура племен Правобережного Среднего Приднепровья в IV — III вв. до н. э., стр. 95, рис. 13, *13—14.*

бронзовой вещи, похожей, по описанию обнаружившего ее, на «маленькое коромысло от весов» (очевидно, речь идет о псалии).

Цепь от уздечного набора

Сделанная из железа, такая цепь найдена в Горошкове в 1957 г., где ею были обмотаны другие вещи, входившие в состав клада земледельческих орудий (рис. 19). Длину цепи можно определить лишь примерно (50—60 см), так как она сильно испорчена окислами и при разборке распалась на несколько фрагментов. Цепь имеет сложное плетение. Каждое звено ее представляет собой сложенное пополам кольцо из толстого четырехгранного в сечении прута. Концы его отогнуты под прямым углом и образуют петли, в которые проходит двойной стержень следующего звена. К концам цепь постепенно сужается. Разной шириной звеньев (от 2 до 3 см) достигалась большая гибкость всей цепи (рис. 20, *6;* 21, 7). О принадлежности цепи к уздечному набору мы судим по аналогичной находке в одном из урновых погребений на известном Ниенбургском могильнике в Саксонии [85]. Кроме цепи, здесь сохранились и другие части уздечки: удила и псалии весьма оригинальной и редкой конструкции, материалов для сравнения с которыми на нашей территории мы не знаем. К сожалению, ниенбургская находка не была точно датирована. Цепь от уздечного набора из Горошковского городища, обнаруженную в кладе вместе с проушным топором и другими вещами, можно датировать IV—III вв. до н. э. Не исключено, что с уздечной цепью связано восьмеркообразное железное кольцо с перпендикулярными одна другой половинками, найденное рядом с кладом (рис. 21, *5).* Такие кольца на скифском юге и в лесостепной зоне обычно связаны с конским убором [86].

Бронзовые бляхи с петлями

Принадлежность этой группы вещей к конскому снаряжению определена нами условно, по аналогии с южными материалами. Не исключено и иное их применение [87]. Наибольший интерес представляет большая массивная ажурная бляха с городища у дер. Вылево на Ипути, в районе, пограничном с юхновской культурой. Диаметр этой бляхи, представляющей собой слабо изогнутый диск с округлой выпуклостью в центре, которая с внутренней стороны имеет круглую петлю, равен около 6 см. Вся поверхность ее покрыта мелкими прорезными треугольниками, расположенными на плоскости четырьмя концентрическими окружностями (рис. 31, *2).* Бляхи, близкие по устройству вылевской, характерны для позднего гальштатта. Похожие бляхи встречаются также в лужицких могильниках Польши [88]. На нашей территории близкого типа бляха найдена при раскопках М. И. Артамонова на Южном Буге [89]. Пять блях обнаружено при раскопках в Горошкове, Мил ограде и Асаревичах (рис. 31, *1, 3*—б). Бляхи разных размеров (ог 1,7 до 3,7 см) тонкие, выпуклые, все круглые, кроме одной, имевшей овальную форму. У четырех экземпляров петля расположена на оборотной стороне в центральной части, на маленькой бляхе с Милоградского городища петля соединяет ее края. У овальной бляшки из Асаревичей отверстие петли параллельно длинной оси вещи. Многочисленные аналогии этим типам бляшек широко известны [90]. Возможно, для отливки мелких конических бляшек для конского убора служила одна из литейных форм с Горошковского городища [91]. Трудно сказать что-либо определенное о назначении мелких бляшек с выпуклым центром и рубчатым краем, литейная форма для отливки которых найдена за валами Горошковского городища, на площади селища зарубинецкой культуры, где также встречается и милоградская керамика. Вполне возможно, чтоотливавшиеся в такой форме бляшки являлись и украшениями одежды. Аналогии подобным

[85] К. Tackenberg. Die Urnenfriedhöfe in Niedersachsen. Bd. l, H. 3 und 4. Leipzig, 1934, S. 49, Taf. 10, Abb. 1-3.

[86] Б. Н. Граков. Новые находки скифского времени в Каменском городище на Днепре, стр. 84, рис. 1; П. Д. Либеров. Отчет скифской лесостепной экспедиции за 1963 г. (Архив И А АН СССР, № 2682, табл. XXVI, *16).*

[87] См. статью: Z. Bukowski. Kilka uwag na temat funkcji niektórych ozdób guzikowatych kultury łużyckiej. «Archeologia Polski», t. V, z. 2. 1960. Warszawa, str. 197—244. Автор подразделяет бляшки с петельками и некоторые другие изделия на предметы женского убора и упряжи.

[88] В. Д. Рыбалова. О связи правобережной лесостепной Украины с Центральной Европой в эпоху бронзы и железа. Сборник в честь М. И. Артамонова «Исследования по археологии СССР». Л., 1961, стр. 86.

[89] М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 59, 1953, стр. 11; В. Д. Рыбалова. О связи правобережной лесостепной Украины..., стр. 86, рис. 4.

[90] Marek Ged 1. Cmentarzysko kultury łużyckiej w Dankowie pow. Kłobuck cz. II. «Materiały archeologiczne», III. Kraków, 1961, tabl. V, *19; T.* Sulimirski. Kultura wysocka. Kraków, 1931, tabl. XXV, *40,* tabl. XXVI, *7; li.* Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца, стр. 39, рис. 8, *8, 9* (вместе с удилами) и т. д.

[81] Z. Bukowski. Kilka uwag..., стр. 224, рис. 44.

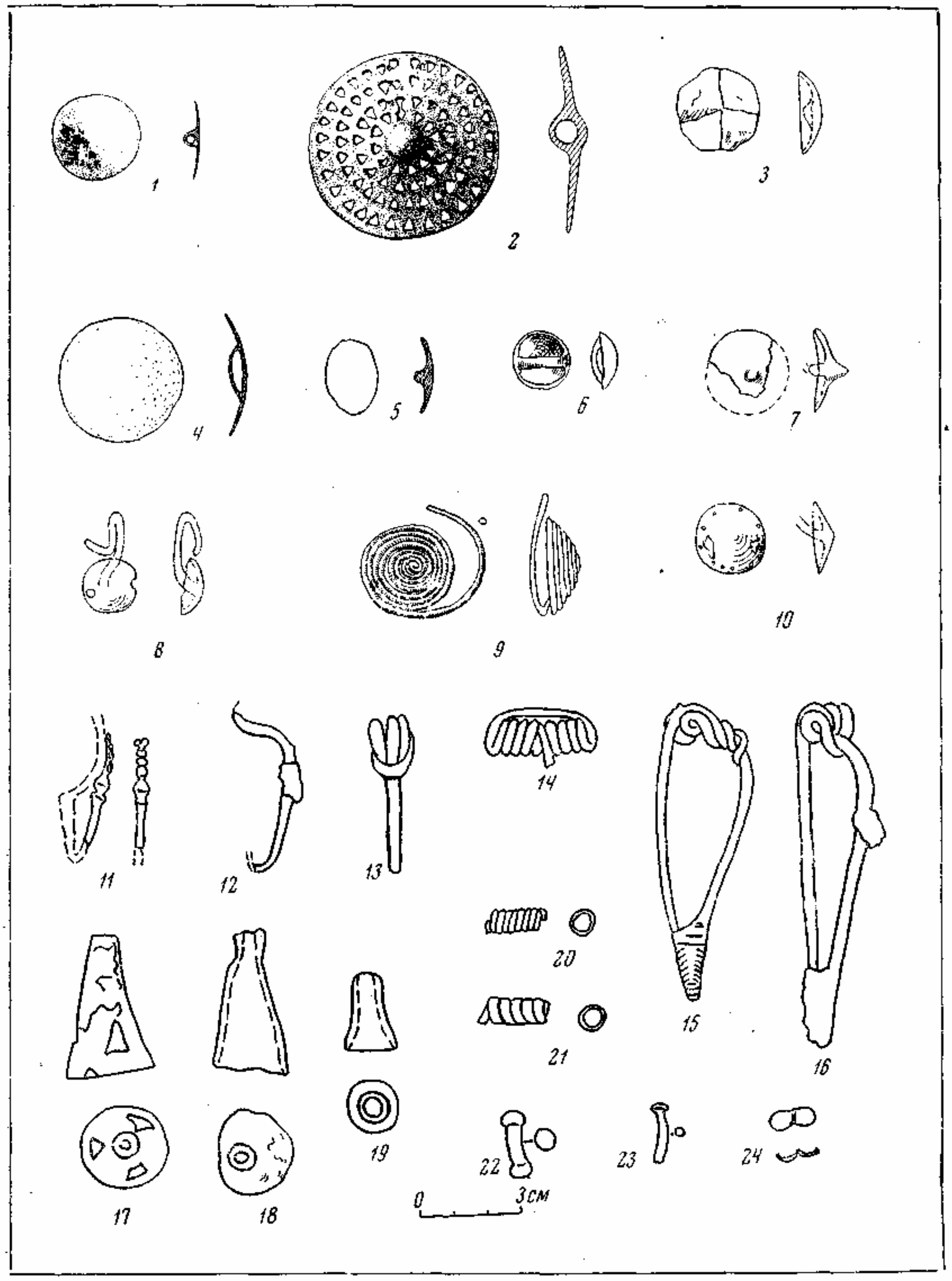

Рис. 31. Предметы конского убора и украшения *(1—24)*

бляшкам известны как с памятников скифской поры [92], так и среди материалов рубежа и первых веков н. э. [93]

Ворворки или колокольчики

Ворворки или колокольчики представлены двумя экземплярами с Милоградского городища, где они связаны с жилищем I в. н. э., имевшем смешанный милоградско-зарубинецкий комплекс керамики. Обе вещи отлиты из бронзы, одинаковых размеров (высота 4,2 см, нижний диаметр 2,5 см), имеют форму открытого с обеих сторон высокого конуса (рис. 31, *17, 18).* В нижней части стенок одной из них расположены три треугольных прорези, на внутренней поверхности у верхнего отверстия обеих вещей заметны следы железа. П. Н. Третьяковым при раскопках Чаплинского городища найдена небольшая колоколовидная литая трубочка [94]. Известны и другие аналогичные изделия в лесной зоне: на зарубинецких памятниках Белоруссии [95] и на городищах Смоленщины[96]. Наличие подобных ворворок в составе подгорцевских инвентарей и в скифских древностях подтверждает также их связь и с ранними комплексами [97].

Железные кольца

Они встречаются довольно часто. Диаметр колец, как правило железных, 2,5—3 см. В трех случаях кольца соединены между собой по три, как звенья цепи. Из трех соединенных колец с Горошковского городища одно бронзовое подтреугольной формы, обернутое бронзовой же обоймой, другое .железное, но также пластинчатое. Кольца с Милоградского и Чаплинского [98] городищ — железные, круглые в сечении. Возможно, с конским убором связан железный дугообразно согнутый стержень с петлями на концах, найденный на Любенском городище[99].

Украшения и детали, связанные с одеждой

Чрезвычайно широко и многообразно представлены на милоградских памятниках всевозможные виды украшений и вещей, связанных с одеждой. Особенно часто при раскопках встречаются браслеты, булавки, бусы, всевозможные подвески и колечки. Значительное количество металлических находок, в том числе почти все без исключения бронзовые и медные вещи, относятся к рассматриваемому разделу. Железо для изготовления украшений использовалось достаточно широко, но относительно реже, чем бронза. Встречаются украшения и из серебра и золота. Кроме многочисленных отдельных вещей, при раскопках городища в Горошкове трижды обнаружены небольшие клады украшений. Нами рассматриваются также всевозможные глиняные, костяные и каменные подвески и амулеты.

Браслеты

Большая часть браслетов изготовлена из бронзы. Представлены они многими типами: сечение стержня плоское или округленное, концы замкнутые и разомкнутые, иногда заходящие один на другой. Различны и размеры браслетов: для запястья диаметром 6—8 см, наплечные или ножные кольца диаметром — 11—12 см. В милоградских памятниках Белоруссии найдено более 40 браслетов и их частей, причем более 30 с Горошковского городища, где большинство их было обнаружено в трех кладах украшений.

Клад браслетов, найденный в 1954 г., состоит из 11 разнотипных браслетов, девять из которых бронзовые и два серебряные. Краткие сведения об этой находке опубликованы нами [100] (рис. 32).

В небольшом кладе или скоплении украшений 1957 г. обнаружено три бронзовых брас-

[92] Г. Т. Ковпаненко. Пам'ятки скіфського часу в басейні р. Ворсклы. «Археологія», т. XIII. Київ, 1961, стр. 77, рис. 5, *12.*

[93] Н. Н. Погребова. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского. МИА, № 96, 1961, стр. 149, рис. 23, *S* и другие.

[94] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 142, 143, рис. 14, *9.*

[95] А. Зьм. Каваленя, С. С. Шутаў. Матар'ялы з дагісторыі Тураўшчыны. Працы II, стр. 343.

[96] П. Н. Третьяков. Древние городища Смоленщины, стр. 15, рис. 4.

[97] В. М. Даниленко. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р., стр. 9, 10, табл. II, *10;* Экспозиция Государственного Эрмитажа, 1961. Журовская курганная группа.

[98] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 143, рис. 14, *7, 11.*

[99] И. Х. Ющенко. Раскопки Любенского городища около г. Гомеля. (Архив ЛОИИМК, ф. 2, оп. 175, 1925).

[100] О. Н. Мельниковская. Клад браслетов в дер. Горошков (южная Белоруссия). ВДИ, 1956, № 1, стр. 173—176; Она же. Клад латенского времени из Юго-Восточной Белоруссии. «Материалы по археологии БССР», т. I. Минск, 1957, стр. 149—154.

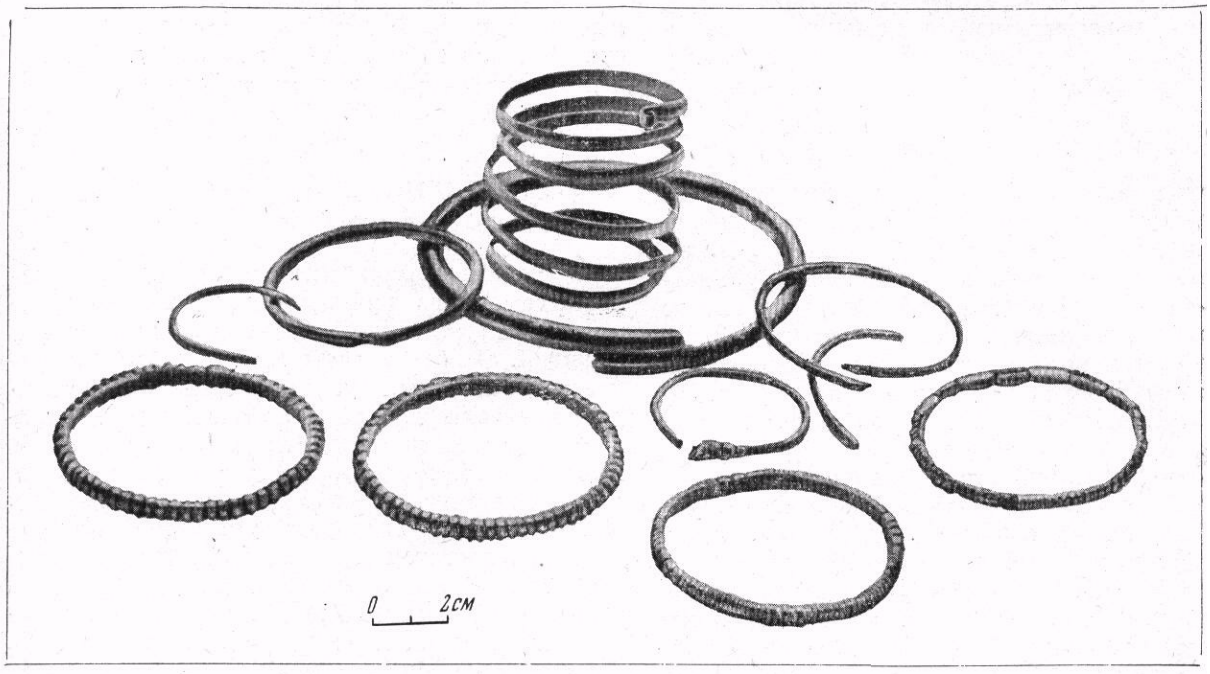

Рис. 32. Клад бронзовых и серебряных браслетов, обнаруженный на Горошковском городище

лета. Особенно важно то, что они находились в комплексе с 17 бусами. Это позволяет датировать разные типы бус, совершенно не изученные в культурах раннего железного века лесной полосы (рис. 33).

Третья группа украшений была обнаружена в 1958 г. Она состояла, по-видимому, из шести или семи железных браслетов. К сожалению, браслеты побывали в пожаре, их поверхности оплыли и потрескались, кольца спеклись друг с другом. Диаметр колец 6—6,5 см, сечение стержней круглое; скорее всего браслеты представляли собой замкнутые кольца. О характере их орнаментации судить трудно. Слиток из нескольких бронзовых браслетов или заготовок для них в виде круглых в сечении разомкнутых колец был также найден И. Х. Ющенко при раскопках Любенского городища[101], не исключена связь этой вещи с одним из обнаруженных там погребений. Возможна принадлежность к милоградской культуре и трех найденных вместе наплечных колец (одно железное и два бронзовых) с Чаплинского городища из раскопок Л. Д. Поболя в 1959 г.

[101] И. Х. Ю щ е н к о. Раскопки Любенского городища около г. Гомеля, ф. 2, он. 175, 1925.

Браслеты с гладким стержнем

Сделаны они из круглого или овального в сечении прута. Их концы либо разомкнуты, либа смыкаются вплотную, либо находят один: на другой. Есть браслеты в виде замкнутых колец. Среди неорнаментированных браслетов имеется два больших наплечных или ножных кольца с Горошковского и Асаревичского городищ (рис. 32; 34, *15)*. Подобные браслеты настолько широко распространены, что нет смысла детально останавливаться на аналогиях к ним[102]. Укажем только на близкие нашим находки наплечных колец и гривен среди древностей позднего гальштатта и латена Центральной Европы и с территории Польши [103].

Как правило, концы браслетов той же толщины, что и все кольцо, но встречаются и браслеты с сужающимися концами [10]* (рис. 34, *14).* В составе клада 1954 г. найден бронзовый

[102] T. S u l i m i r s k i. Kultura wysocka. Kraków, 1931, tabl. XXVI, *10;* XXVIII, *2, 10;* XXXIX, 5, *6.*
[103] I. D e c h e l e 11 e. Manuel d'archeologie prehistorique celtique et galle-romaine, vol. III, p. 322. I. K o s t r z e w s k i. Wielkopolska w czasach predhistorycznych..., tabl. CIII, 1, *2.*
[104] Ср. с браслетами высоцкой культуры: «Нариси стародавньоі історіі Украінськоі PCP". Київ, 1957, стр. 204.

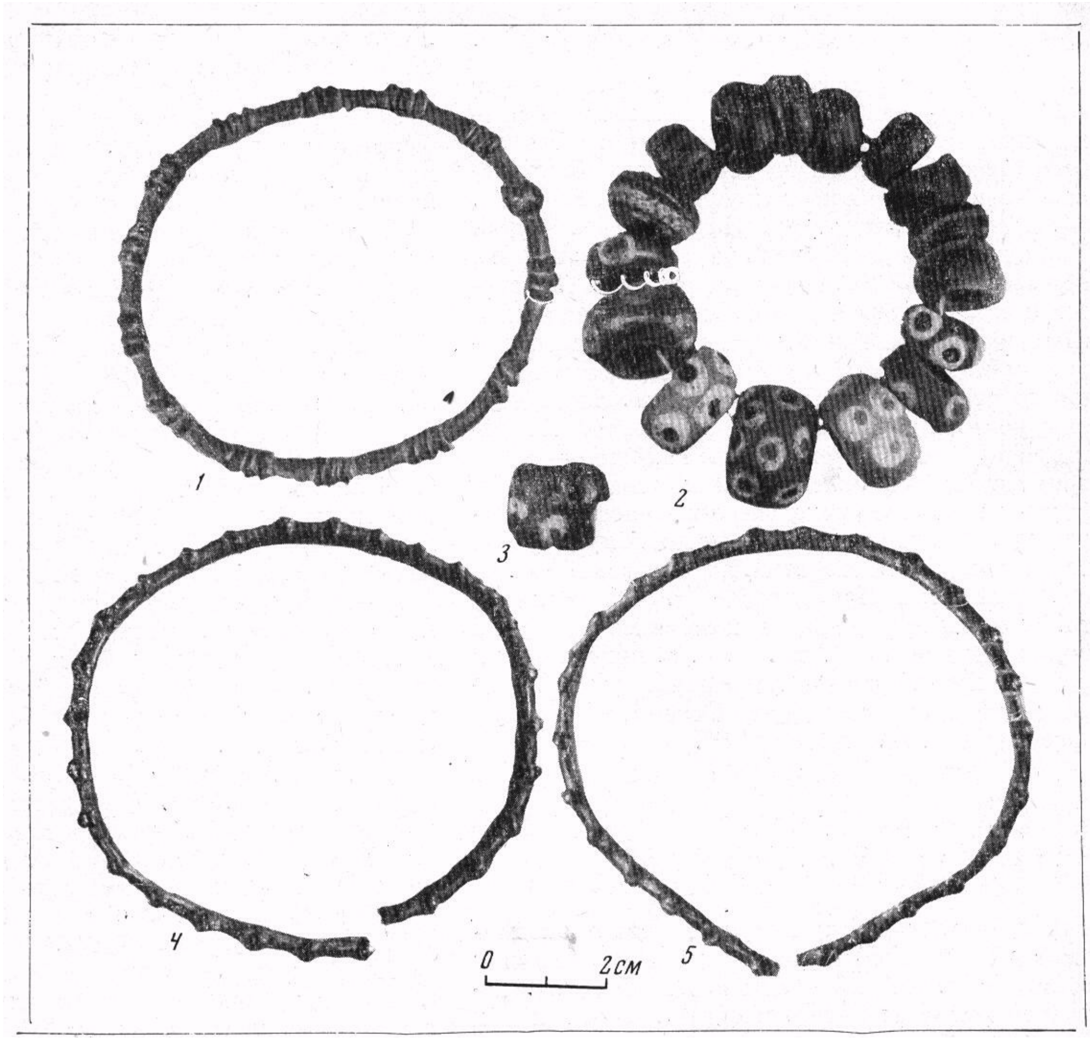

Рис. 33. Маленький клад украшений, найденный на Горошковском городище *(1—5)*

детский браслет, один конец которого обрезан прямо, а другой обмотан бронзовой же полоской (рис. 34, 5). На Чаплинском городище (раскопки Л. Д. Поболя) обнаружена часть бронзового браслета с шишечкой на конце. Браслеты с острыми концами и с шишечками на концах характерны также для памятников подгорцевского типа Украины [105]. Браслеты с шишечкой на конце были найдены и в могильнике у сел. Долинское, на Черниговщине (в комплексе со скифскими наконечниками стрел IV—III вв. до н. э.)[106], в высоцкой культуре[107] и лесостепном (Поднепровье [108]. Конец браслета (или гривны) с Моховского I городища расширялся в пластинку, орнаментированную двойным рядом заштрихованных треугольников, обращенных один к другому вершинами,—прием орнаментации, распространенный повсеместно еще в бронзовом веке [109]. Стержень этого браслета тонкий, овальный в сечении (рис. 34, *18).*

[105] В. Н. Д а н и л е н к о. Памятники ранней поры..., стр. 201, табл. I, рис. 12а; стр. 206.

[106] О. Н. М е л ь н и к о в с к а я. Могильник у сел. Долинское Черниговской области. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 70, 71, рис. 19, *2.*

[107] T. S u l i m i r s k i. Kultura wysocka, tabl. XXV, *42.*

[108] Б. Г. П е т р е н к о. Культура племен Правобережного Среднего Приднепровья в IV — III вв. до н. э., стр. 76, рис. 7, *5.*

[109] Не исключена принадлежность этой находки к слою стоянки бронзового века (I. P a s t e r n a k. Brązowy skarb halsztatski z Kiełczewa. Swiatowit. Warszawa, 1947, t. XVII).

Браслеты свитым стержнем

Выполнены из спирально перевитой вокруг собственной оси бронзовой или железной проволоки (рис. 34, *2, 3).* Обломок такого бронзового браслета найден на городище в Горошкове. Стержень его имеет круглое сечение (рис. 34, *2),* конец закруглен. На городище у дер. Ворновки (Лядцы) на Соже обнаружены два обломка литейных форм для отливки браслетов в виде винта[110]. Куски витых бронзовых и железных стержней найдены также на городищах Моховском I и в Асаревичах, в сечении они дают квадрат и прямоугольник. Возможно, они не являются частями браслетов. Не исключено, что моховская находка — часть гривны. Витые браслеты и гривны имели в раннем железном веке широкое распространение в областях лужицкой и высоцкой культур[111], встречаясь и в памятниках скифской поры в лесостепном Поднепровье [112]. Обломок витой гривны находился в комплексе с другим типичным для V—IV вв. до н. э. инвентарем в раннем милоградском погребении у сел. Корост Степаньского района Ровенской области (раскопки В. И. Канивца) [113].

Браслет из спирально свернутой в несколько оборотов пластины

Такой браслет обнаружен пока в одном экземпляре в кладе 1954 г. (рис. 32; 34, *10).* Свернут он из бронзовой пластины в 5,5 оборотов. Сечение пластины сегментовидное. Один конец браслета обрезан прямо, другой загнут в маленькое колечко. Эти браслеты были распространены в древностях лужицкой и высоцкой [114] культур, а позже—в зарубинецкой культуре Белоруссии.

[110] А. Н. Лявданскии, А. Д. Коваленя. Дневник разведок по Сожу. 1936 г.

[111] T. Sulimirski. Kultura wysocka, t. XXV, *28;* XXVI, *l, 2;* и др.

[112] В. Г. Петренко. Культура племен Правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э., стр. 77.

[113] В. И. Канивец. Отчет Волынской экспедиции за 1952 г.(Архив ИА АН СССР, 1952/15а,ф. экс., № 1619).

[114] I. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach, str. 154, ris. 449, 450; T. Sulimirski. Kultura wysocka, t. XXVI, *17* и др. П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 143, рис. 14, *20.* Ю. В. Кухаренко. Чаплинский могильник, табл. V, в; Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века..., табл. 40, *5, 10, 11.*

Браслеты и гривны с орнаментированным стержнем

В этой группе наиболее распространены бронзовые браслеты с зубчиками на стержне. Известны следующие четыре варианта таких браслетов.

Браслеты в виде замкнутых колец, сплошь украшенных орнаментом из зубчиков, каждый из которых полукругом охватывает наружную поверхность стержня. В коллекции имеется три таких браслета с Горошковского городища (в том числе два из клада 1954 г.; см. рис. 32; 34, 7) диаметром 6,5 — 7 см. В одном из погребений на Моховском I городище найдена в разбитом виде литейная форма для отливки такого браслета диаметром 10—11 см (наплечный или ножной браслет). Обломки форм для отливки орнаментированных браслетов встречались также на Чаплинском городище.

Браслеты, сплошь орнаментированные по краю зубчиками, расположенными в одной плоскости со стержнем браслета (в форме шестеренки). В Горошкове найден один такой целый браслет диаметром 7 см (рис. 34, *18)* и один обломок.

Браслеты с разомкнутыми обрезанными прямо концами, орнаментированные с наружной стороны зубчиками, расположенными на некотором расстоянии один от другого; стержень вещи имеет овальное сечение. Два таких браслета (диаметр 7,5—8 см) найдены в кладе 1957 г. (рис. 33, *1,3;* 34, *17).*

И наконец, браслеты с расположенными через определенные интервалы несколькими группами из трех зубчиков. Два таких браслета в виде замкнутых колец диаметром 7 см обнаружены в кладах 1954 и 1957 гг. на Горошковском городище. При этом на браслете из клада 1954 г. имеется всего четыре группы широких и массивных зубчиков, стержень браслета между группами зубцов орнаментирован мелкими слабо намеченными рельефными рубчиками [116] (рис. 32; 34, *9).* На браслете из клада 1957 г., представляющем овальное в сечении замкнутое кольцо, — 14 равномерно распределенных по окружности групп узких строенных утолщений (рис. 33, *2;* 34, *16).*

В кладе 1954 г. найден также один бронзовый замкнутый браслет, орнаментированный восемью расположенными в три ряда группами

[116] Такой же орнамент на бронзовом изогнутом стержне, возможно, обломке браслета, найденном на городище в Горошкове.

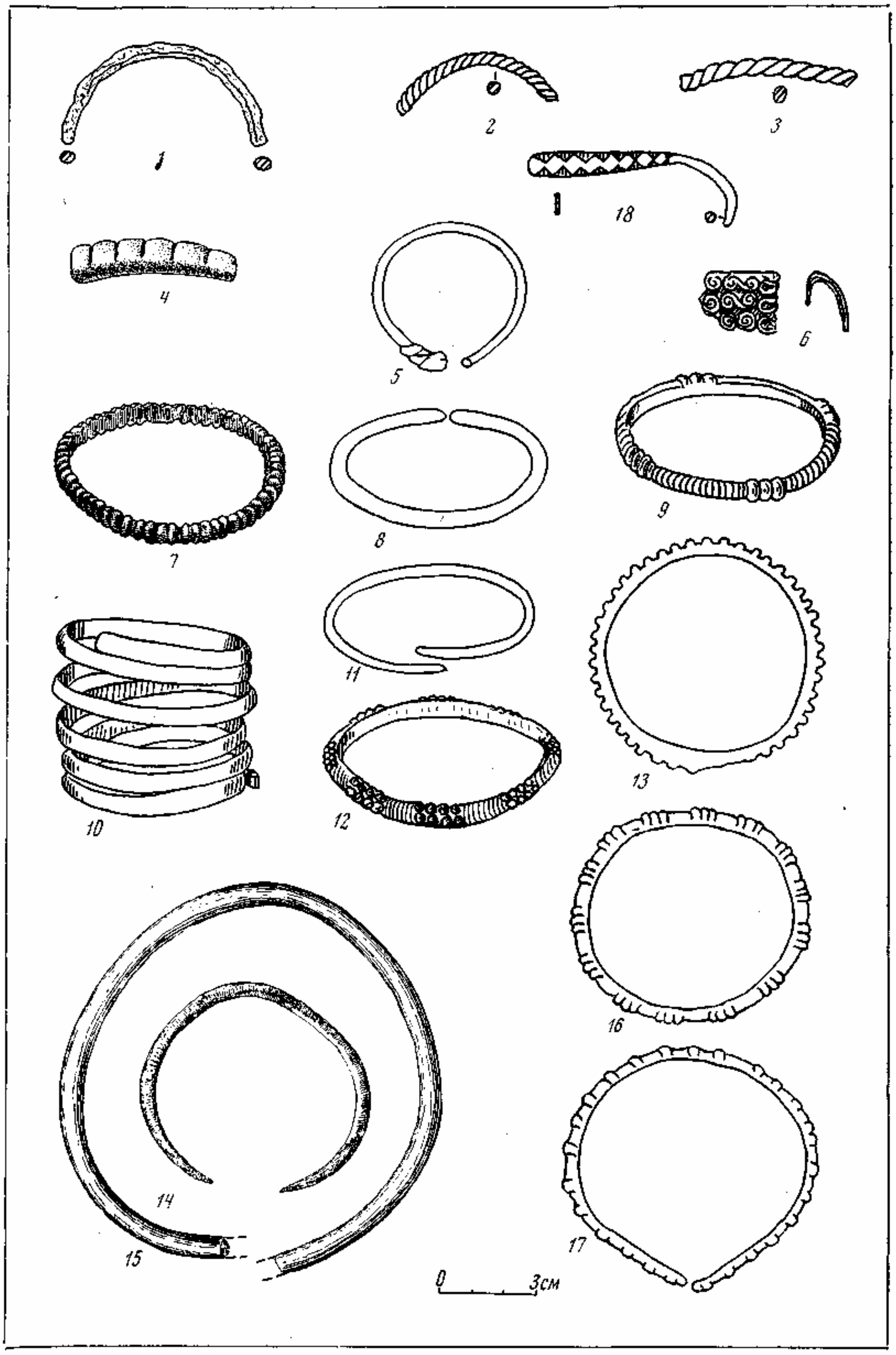

Рис. 34. Браслеты, найденные на милоградских городищах Белоруссии *(1—18)*

шариков ложной зерни. Участки между группами шариков украшены мелкими рубчиками (рис. 32; 34, *12).* На площади могильника в Горошкове обнаружен обломок массивной бронзовой гривны, орнаментированной подквадратными выпуклостями (рис. 34, *4)* типа некоторых браслетов высоцкой культуры [116]. С внутренней стороны на конце гривны имеется маленькое округлое углубление от замочка. Обломок такой же вещи с сужающимся концом найден и на городище в Горошкове. К группе браслетов с орнаментированным стержнем относятся и встреченные на Чаплинском городище обломки бронзовых, круглых в сечении браслетов, украшенных группами прямо и косо нанесенных рубчиков [117]. Найдены также литейные формы для их изготовления [118]. Аналогий к рассмотренной выше группе браслетов можно привести множество. Большинство из них уводят нас в западный круг древностей, где подобные формы и приемы орнаментации распространены еще в позднем гальптатте. В латенский период они получают широчайшее распространение как в Средней Европе [119], так и на нашей территории в Среднем и Верхнем Поднепровье [120], в областях, занятых юхновской культурой, на древнейших городищах Смоленщины и т. д., а также в Прибалтике, где некоторые разновидности этого типа браслетов сохраняются до конца II в. н. э.[121]

Совершенно отличен от всех других типов браслетов обломок одного из бронзовых браслетов, обнаруженных на городище в Горошкове. Это был полый выпуклый широкий браслет, наружная поверхность которого состояла из отдельных соприкасавшихся между собой восьмеркообразных противоположно завернутых спиралей, отлитых на тонкой бронзовой же пластине — основе [122] (рис. 34, *6).* Точные аналогии подобным браслетам на нашей территории мне неизвестны. Близкие экземпляры имеются в латенских древностях Западной Европы [123], где они датируются IV—III вв. до н. э. В то же время мотив противоположно завернутой спирали, как элемента орнаментации украшений, широко распространен в бронзовом и раннем железном веке от областей высоцкой культуры до истоков Днепра, равно как и на более широкой территории, лежащей в данном случае за пределами наших интересов. Из близких нам находок отметим обломок массивного литого браслета с отлитыми на его наружной поверхности восьмеркообразными спиралями с поселения у сел. Подгорцы на Киевщине[124].

Таким образом, обзор браслетов, распространенных на памятниках милоградской культуры, показывает, что все без исключения типы их обязаны своим происхождением западным формам, в то же время находки литейных форм свидетельствуют о широко распространенном местном производстве их. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что большинство браслетов относится к IV—III вв. до н. э. Этим же временем датируется и большая часть браслетов на смежных террито-

[116] T. S u l i m i r s k i. Kultura wysocka, t. XXIX, 2.

[117] П. Н. Т р е т ь я к о в. Чаплинское городище, стр. 138, 143, рис. 14, *19.*

[118] Там же, стр. 137, рис. 11, *33;* T. S u l i m i r s k i. Kultura wysocka, t. XXVIII, *5.*

[119] I. D e c h e l e t t e. Manuel d'archeologie prehistorique celtique et gallo-romaine, v. III, 834, s. 332, 337, *5, 6, 10;* Nils A b e r g. Vorgeschichtliche Kulturkreise in Europa. Kopenhagen, 1936, Taf. XVIII, *3, 5;* XIX, 2; Kurt B i t t e 1. Die Kelten in Würtemberg. Berlin und Leipzig, 1934, S. 72, Abb. 14, *8;* T. S u l i m i r s k i. Kultura wysocka, t. XXIX; *2;* P. V o u g a. La T e n e. Leipzig, 1923, t. VIII, *10;* XXIV, *3;* XXI, 3, 5; I. D e c h e l e 11 e. Manuel d'archeologie prehistorique celtique et gallo-romaine, v. IV, c. 726, fig. 517, p. 728; M. J a h n. Die Kelten in Schlesien, Bd. I. Leipzig, 1931, S. 23, Abb. 20, 21, *l, 22;* I. R o s e n - P r z e w o r s k a. Zabytki celtyckie na ziemiach Polski «Światowit», t. XIX, 1948. Warszawa, tabl. X; I d e m. Zabytki okresu wczesno-latenskiego na ziemiach Polski «Swiatovit», t. XVIII za lata 1939—1945. Warszawa, 1948, str. 65, 66 rys. 8; B. K o s t r z e w s k i. Przedmioty brązowe i żelazne z grodu kultury łużyckiej w Biskupinie. III sprawozdanie z prac wykopaliskowych w grodzie kultury łużyckiej w Biskupinie. Poznań, 1950, str. 98, 103, rys. 10; B. B e n a d i k, E. V l c e k, C. A m b r o c. l Keltske pohrebiskä na juhozapadnom Slovensku. Bratislawa, 1957, tabl. XXII, *2;* XXIII, XXXIX, *8,10;* J. K o s t r z e w s k i. Wielkopolska w pradziejach, str. 154, 444, 180, 511; J. F i l i p. Keltska civilisace a jeji dedictvi. Praha, 1960, t. XXIX; L. P i e c z y ń s k i. Formy i przybory odlewnicze grodu kultury łużyckiej w Biskupinie. III sprawozdanie z prac wykopaliskowych w grodzie kultury łużyckiej w Biskupinie w powiecie Znin'skim. Poznań, 1950, str. 125, *17*-129, *21.*

[120] См. сводку в статье: Ю. В. К у х а р е н к о. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. СА, 1959, № 1, стр. 35, 36, рис. 2.

[121] «Lietuviu liaudies menas papuośalai». Vilnius, 1958, kh. I, № 74, 75.

[122] В нашей статье в КСИА АН СССР, вып. 94, 1963 «Памятники раннего железного века Юго-Восточной Белоруссии (милоградская культура)» упомянуто, что браслет имел ажурную поверхность. Неточность эта связана с сильным разрушением окислами нижней пластины, что действительно придает находке ажурный характер.

[123] I. D e c h e l e t t e. Manuel d 'archeologie prehistorique celtique et galle-romain. v. IV, p. 731.

[124] Устное сообщение В. Н. Даниленко о неопубликованных материалах.

риях[125]. На поздних этапах, совпадающих с распространением зарубинецкой культуры, браслеты встречаются редко.

Кольца

В раздел колец нами отнесены височные кольца, кольца на пальцы, колечки, возможно являвшиеся серьгами, и кольца с выступами, служившие, по-видимому, амулетами.

Височные кольца представлены в нашей коллекции только находками с Милоградского городища. Здесь в заполнении погибшего от пожара жилища был обнаружен большой комплекс вещей, в том числе пять целых бронзовых височных колец и одно неполное (рис. 35; 36, 1, *2]*. Диаметр колец 3,5—4 см. Сделаны они из тонкой круглой в сечении проволоки, согнутой в несколько оборотов, с мягкими петлеобразными поворотами на 180° по отношению к первоначальному направлению ее. Один конец у подвесок расширяется в узкую пластину, орнаментированную пунсоном. В трех случаях орнамент представляет собой линию точек, выдавленных с внутренней стороны пластины, в двух других — рисунок усложнен. На одном экземпляре он представляет косо поставленные сдвоенные параллельные ряды линий, на другом — ломаную линию из таких же сдвоенных рядов точек. Конец пластины этого кольца орнаментирован двумя параллельными линиями из таких же вдавлений. Пластина шестого кольца не сохранилась. Из аналогий укажем здесь на близкую по типу височную подвеску с городища Банцеровщина, дата которой условно определяется по нахождению в слое фибулы с подвязанной ножкой II—III вв. н. э. [126], а также на подвеску с городища Лабенщина под Минском. Возможно, в качестве височной подвески использовалось колечко и другого типа, найденное на Милоградском городище в этом же комплексе, — из тонкой, круглой в сечении бронзовой проволоки, с находящими один на другой концами; диаметр подвески — 2,4 см (рис. 36, б). Подобные височные колечки широко применялись в памятниках зарубинецкой культуры па этой же территории [127].

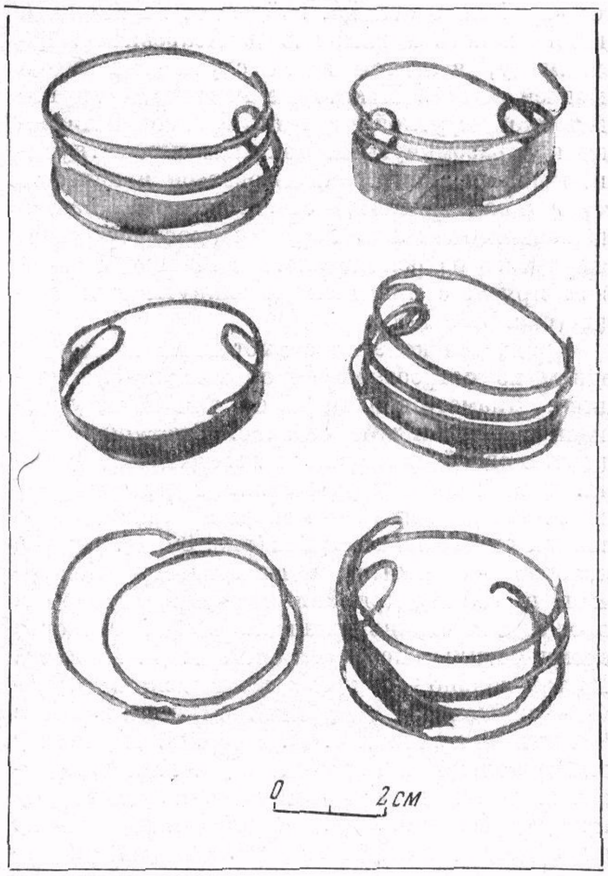

Рис. 35. Бронзовые височные кольца Милоградского городища

Кольца на пальцы, как и височные кольца, употреблялись населением, оставившем памятники милоградской культуры, только на поздних ее этапах, синхронных с зарубинецкой культурой. Условно сюда можно отнести две находки: колечко из узкой бронзовой пластины с Горошковского городища с находящими друг на друга концами и отходящим от одного из концов небольшим отростком (диаметр — 1,8 см, рис. 36, 7) и бронзовое кольцо, свернутое спирально из пластины в полтора оборота (диаметр тот же) с Милоградского городища (рис. 36, *8)*. Как известно, находки колец и перстней в это время редки как среди древностей западного круга [138], так и в лесостепной полосе [129]. Узкое пластинчатое замкну-

[125] Браслеты были особенно распространены в раннем и среднем латене (Я. Розен-Пшеворская. К вопросу о кельто-скифских отношениях. СА, 1963, № 3, стр. 69).

[126] А. Н. Лявданский. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции, стр. 57, табл. 1, *25*.

[127] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 143, рис. 14, *33, 34*.

I[28] Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы, стр. 36.

[128] В. Г. Петренко. Культура племен правобережного Среднего Приднепровья в IV — III вв. до н, э., стр. 77.

тое серебряное кольцо, найденное на площади милоградского могильника в Асаревичах, по-видимому, является здесь случайной, более поздней вещью. Некоторые колечки, согнутые из тонкой, круглой в сечении бронзовой проволоки, с разомкнутыми прямыми или загнутыми концами могли использоваться в качестве серег (диаметр 1—1,5 см). Неясным остается назначение колечка с Горошковского городища, свернутого из ромбического в сечении бронзового прута, с прямыми разомкнутыми концами (рис. 36, *11).*

Бронзовое колечко с выступами найдено в одном из погребений Горошковского могильника. Диаметр кольца 2,5 см. Оно имеет уплощенное линзовидное сечение. Выступы находятся в одной плоскости с поверхностью кольца. Четыре из них расположены через равные интервалы, пятый — меньших размеров — вблизи одного из выступов (рис. 36, *3*). Другое колечко — с четырьмя выступами — обнаружено на селище при Чаплинском городище, на площади, частично занятой в милоградское время могильником (раскопки Л. Д. Поболя). Третье кольцо — с тремя такими же выступами — найдено на зарубинецком могильнике в Чаплине (раскопки Л. Д. Поболя). По своему стилю кольцо из Горошкова и чаплинские находки должны быть отнесены к кельтскому кругу древностей. Ю. В. Кухаренко считает их подвесками-амулетами [130]. Из ранних находок на Украине колец с выступами отметим здесь несколько бронзовых экземпляров с шестью выступами из могильника у сел. Долинское в районе г. Сосницы на Черниговщине[131], в памятниках высоцкой культуры[132] и на Восточном Бельском городище, где кольцо с выступами — точная аналогия горошковской находке — датируется не позже IV—III вв. до н. э. [133]

Серьги

Кроме упомянутых выше проволочных колечек, часть из которых могла употребляться в качестве серег, в милоградских материалах имеется несколько типов серег, распространенных в скифское время в Среднем и Нижнем Поднепровье. Они представляют собой литые украшения в виде круглой выпуклой или конической бляшки с отходящим от нее сзади крючком.

Серьги с коническим щитком. В фондах Института истории Белорусской Академии наук хранится обломок бронзовой серьги с городища у села Азаричи на Ипути (разведки К. М. Поликарповича) [134]. Щиток серьги представляет собой округлую выпуклую бляшку (диаметр 2,6 см), центральная часть которой вытянута в виде конического выступа (рис. 31, 7). С внутренней поверхности бляшки от ее центра отходит крючок. Есть сведения о находке на этом же городище золотой серьги того же раннескифского типа. На Горошковском городище обнаружена медная серьга с щитком в виде невысокого конуса (диаметр 2 см), орнаментированным по краям рядом пунсонных вдавлений, нанесенных изнутри (рис. 31, *10).* На Моховском II городище при раскопках П. Н. Третьякова найдена литейная форма для отливки серьги близкого типа: с коническим щитком, имеющим плоские закраины [135]. Укажем также на находку конической бронзовой серьги с Шебалиновского городища в районе Сосницы — памятника, расположенного близ восточной границы милоградской культуры. Край щитка этой серьги орнаментирован окружающим его поясом ложной зерни [136]. Серьги с коническими щитками характерны также для памятников подгорцевского типа Киевщины [137]. Относясь на юге к ранней скифской поре — VI—V вв. до н. э., они получают в этот и последующий период широкое распространение на всей территории бассейна Верхнего Днепра — в памятниках юхновской культуры, в курской группе городищ, на Смоленщине [138] и т. д.

Серьги с круглым выпуклым щитком. На милоградских памятниках Белоруссии известно пока две серьги этого типа, имеющие отличия в устройстве крючка. Более ранний экземпляр так называемой гвоздевидной серьги найден Ю. В. Кухаренко при раскопках

[130] Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы, стр. 37, рис. 2, *7*.

[131] О. Н. Мельниковская. Могильник у села Долинское, Черниговской области, стр. 71, 72, рис. 19.

[132] «Нариси стародавньо'і історіі Украінськоі РСР», стр. 204.

[133] Г. Т. Ковпаненко. Племена скифского времени на Ворскле. Альбом, табл. XI—VI, *25*. Канд. дисс.

[134] Фонды ИИ Б АН, № 1586.

[135] П. Н. Третьяков. Моховское второе городище, стр. 44, рис. 22, *1*.

[136] О. Н. Мельниковская. Могильник у сел. Долинское Черниговской области, стр. 73, рис. 20, *8*.

[137] В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры..., стр. 206.

[138] Л. В. Артишевская. Разведка в верховьях Десны. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 87, рис. 33, *3;* А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья, стр. 102, рис. *8, 2, 10, 12, 13;* стр. 108, рис. 12, *3, 4.* П. Н. Третьяков. Древние городища Смоленщины, стр. 89, рис. 44, *19*.

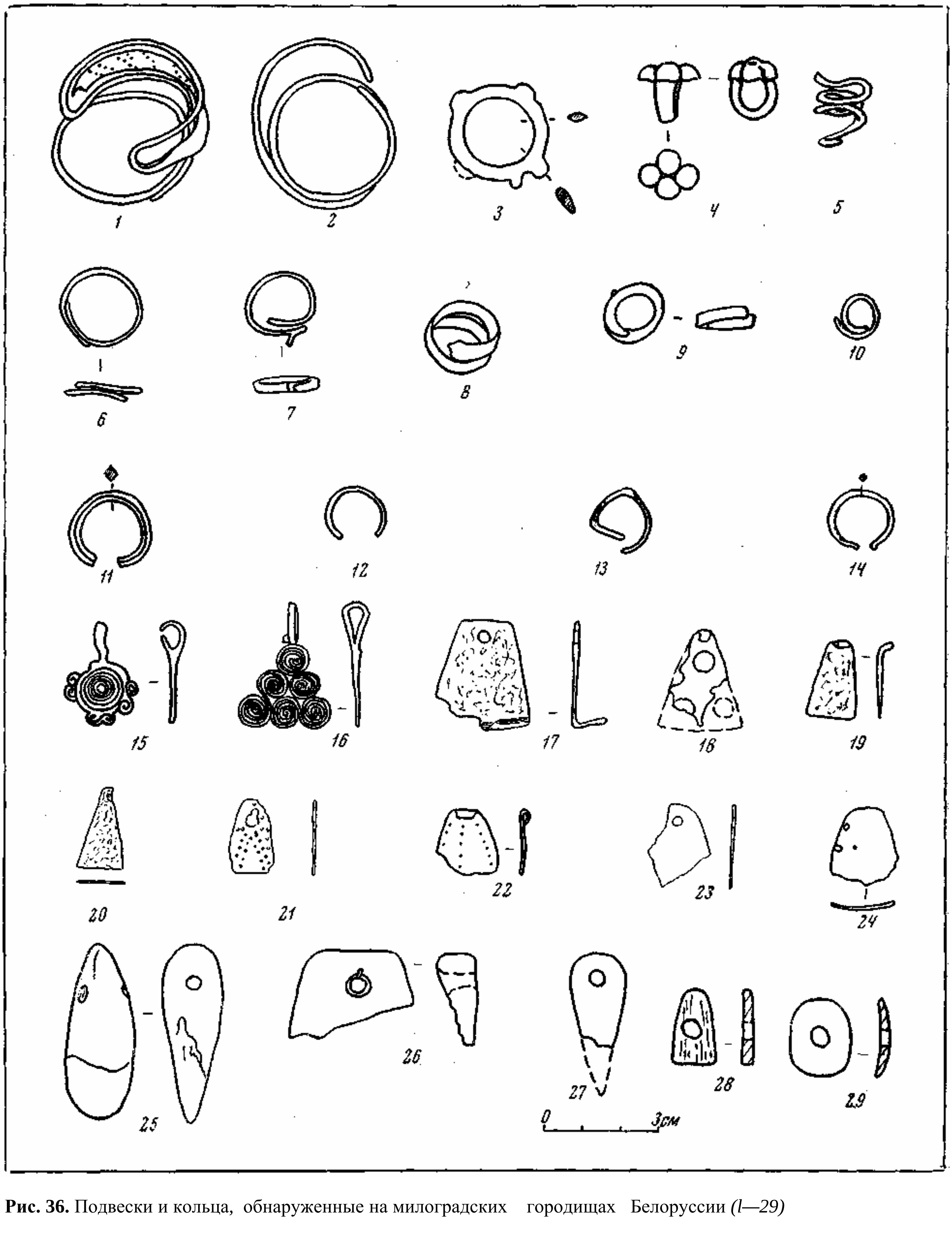

Рис. 36. Подвески и кольца, обнаруженные на милоградских городищах Белоруссии *(l—29)*

ранних милоградских курганов у дер. Дубой в устье Горыни. Серьга сделана из золота. Выпуклый круглый щиток серьги имеет небольшой диаметр (1 см). Отходящий с внутренней стороны его крючок оканчивается гвоздевидной головкой. Как справедливо отмечает Ю. В. Кухаренко, прямые аналогии серьге из дер. Дубой можно найти в памятниках высоцкой культуры, в погребениях восточной группы лужицкой культуры и в ранних скифских курганах Подолии, что определяет датировку ее VI — началом V в. до н. э. [139] Вторая серьга обнаружена при раскопках городища в Горошкове. Она бронзовая. Диаметр круглого щитка серьги (в форме сегмента шара) равен 1,6 см. На краях щитка два круглых отверстия. От центра щитка с внутренней стороны отходит массивный бронзовый изогнутый крючок, не имеющий гвоздевидного завершения (рис. 31, *8).* Серьги описываемого типа (с гвоздевидным и обычным крючками) — характернейшее украшение и в подгорцевских материалах[140]. Встречаются они и к востоку от южных областей милоградской культуры — в Левобережной лесостепи [141].

П о д в е с к и

Всевозможные подвески представлены на милоградских памятниках достаточно широко, изготовлены они из металла и из других материалов: глины, кости и камня.

Подвески из металла имеют круглую, треугольную и трапециевидную форму, а также форму стерженьков с расширениями на концах. Технология изготовления их различна: литье, штамповка, горячая или холодная ковка металла. Круглая литая бронзовая подвеска с Чаплинского городища (раскопки П. Н. Третьякова) представляет собой плоскую бляшку с петлей, орнаментированную многовитковой спиралью; по бокам центральной бляшки и под ней расположены три восьмеркообразные спирали [142] (рис. 36, *15).* Близка по характеру орнаментации к чаплинской подвеске коническая бляха из богатого подгорцевского погребения с южной окраины милоградской территории (у сел. Рудяки на Киевщине), где она найдена в комплексе с другим типичным подгорцевским инвентарем [143] и относится скорее всего к IV в. до н. э. Дата Чаплинской подвески, безусловно, более поздняя, не исключена ее принадлежность к зарубинецкому времени. Две треугольные литые бронзовые подвески с петлями найдены в комплексе не раз упомянутого позднего жилища на Милоградском городище, которое имело смешанное милоградско-зарубинецкое заполнение (раскопки 1957 г.). Плоскость треугольных подвесок образована тремя восьмеркообразными спиралями, соединенными между собой в процессе отливки украшения. Обе подвески одинаковы и представляют парное украшение (рис. 36, *16).* Точной аналогией им является подвеска с городища юхновской культуры у дер. Темное на Средней Десне, где она найдена надетой на проволочное кольцо [144].

Несколько отличны от обнаруженных на Милоградском городище треугольные подвески, составленные из отдельных мелких колец (они весьма характерны для памятников подгорцевского типа [145]), а также подвески, отливавшиеся в литейных формах, найденные на древнейших курских городищах [146]. На Милоградском, Горошковском, Асаревичском и Чаплинском[147] городищах встречено несколько железных треугольных и трапециевидных подвесок с петлей или отверстием в верхней части (рис. 36, *17, 19, 20).* Нижняя часть трапециевидной подвески с Милоградского городища (раскопки Ю. В. Кухаренко, 1952 г.) загнута под прямым углом к плоскости подвески. Несколько трапециевидных и треугольных бронзовых штампованных подвесок (рис. *36,,18, 21—24)* найдено на городищах в Горошкове, Мил ограде и Асаревичах. Как и у железных подвесок, в их верхней части имеется петелька или отверстие

[139] Ю. В. К у х а р е н к о. Памятники железного века..., стр. 11, табл. I, рис. 7.

[140] В. М. Д а н и л е н к о. Дослідження пам'яток підг'ірського та бобрицького типів на Київшині в 1950 р., стр. 9, табл. II, рис. 1, 2; стр. 12, табл. V, рис. 18—21; В. Н. Д а н и л е н к о. Памятники ранней поры.., стр. 206, стр. 201, рис. 8—10.

[141] Г. Т. К о в п а н е н к о. Пам'ятки скіфського часу в бассейні р. Ворскли, стр. 75, рис. 4, 7, 8.

[142] П. Н. Т р е т ь я к о в. Чаплинское городище, стр. 143, рис. 14, *1;* рис. 144.

[143] А. П. С а в ч у к. Бескурганное погребение в сел. Рудяки на Киевщине. КСИА АН УССР, вып. I. Киев, 1952, стр. 57, рис. 1, 2.

[144] В. П. Л е в е н о к. Городища юхновской культуры, стр. 50, рис. 1, *4.*

[145] В. Н. Д а н и л е н к о. Памятники ранней поры..., стр. 204, 205; стр. 201, рис. 4; В. М. Д а н и л е н к о. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р., стр. 9, табл. II, *16, 18:* стр. 13, табл. V, рис. 24, 25; А. П. С а в ч у к. Бескурганное погребение..., стр. 57, рис. 1, *4.*

[146] А. Е. А л и х о в а. Древние городища Курского Посеймья, стр. 107, рис. 11, 2а; 35, *6;* стр. 108, рис, 12, 2, стр. 120, рис. 19, *9;* стр.125, рис. 20, *18.*

[147] П. Н. Т р е т ь яков. Чаплинское городище, стр. 143, рис. 14, *4.*

для подвешивания; в одном случае отверстия расположены в боковой части несколько выгнутой пластины. В трех случаях пластины орнаментированы одинарными или двойными линиями пунсона, лучеобразно расходящимися вниз или, как на одной из бляшек с Горошковского городища,—тремя округлыми выпуклыми вдавлениями по углам подвески. Как сами типы штампованных подвесок, так и орнаментация их, очень широко распространены на огромной территории — от Центральной Европы до Верхней Волги; огромен и их хронологический диапазон — от памятников эпохи бронзы и высоцкой культуры [148] до средневековых могильников Прибалтики и Поволжья. Близки им и металлические украшения современных гуцулов [149]. Упомянем здесь находки близких типов украшений на памятниках подгорцевского типа Киевщины [150] (в частности, трапециевидных подвесок с согнутой нижней частью), на юхновских городищах,[151] зарубинецких памятниках [152] и одновременных им более северных памятниках Белоруссии[153]. Две подвески с Колочинского I городища относятся, возможно, к милоградской культуре [154]. На милоградских памятниках Белоруссии найдены также обломки от бронзовых и железных подвесок в виде соединенных между собой стерженьков с расширениями на конце (Асаревичское и Горошковское городища), а также литейная форма для отливки этого рода украшений (Горошковское городище). Подвески подобного типа являются одним из украшений, характерных для подгорцевских памятников Северной Украины [155], встречаются они и в памятниках высоцкой культуры [156] и в несколько иных вариантах на Сейме [157].

Подвески из глины, камня и кости. В нашей коллекции имеется две глиняные подвески — овальноконической и треугольной формы с отверстиями в широкой части, возможно имитирующие форму топоров (городище Горошков), а также верхняя часть большой подвески трапециевидной формы (Милоградское городище) (рис. 36, *25—27).* Такие подвески имеют самое широкое распространение. Они обнаруживаются на памятниках чернолесской культуры (в виде топориков) [158] подгорцевского типа Киевщины [159], зарубинецких Белоруссии [160], скифского времени лесостепи [161] и т. д. (трапециевидные). Кроме того, на городище в Горошкове найдены костяная трапециевидная пластинка (рис. 36, *28),* аналогии которой известны, например, в могильнике высоцкой культуры Лугове [162], на городище Кузина Гора на Сейме[163] и в других местах, а также каменная подвеска овальной формы (галька) со сверлиной в центре (рис. 36, *29).*

Есть основания полагать, что глиняные, костяные и каменные, как, впрочем, и некоторые металлические подвески, являлись предметами культа, служили амулетами, подобно обнаруживаемым на милоградских памятниках просверленным астрагалам, рыбным позвонкам и подвескам из клыков и когтей животных. Среди последних имеются клыки кабана [164], медведя [165], бобра, волка, лисицы или соба-

[148] Т. S u l i m i r s k i. Kultura wysocka, tabl. XXV, *19;* XXVI, *8.*

[149] Л. М. С у х а. Художні металеві вироби українців східних Карпат. Київ, 1959, стр. 60, рис. 37.

[150] В. М. Д а н и л е н к о. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р., т. VI, стр. 9, табл. II, рис. 20, 21.

[151] В. П. Л е в е н о к. Городища юхновской культуры, стр. 50, рис. 1, *3.*

[152] Ю. В. К у х а р е н к о. Памятники железного века..., стр. 14, табл. 15, *10;* табл. 17, *22;* табл. 23, *13, 14.*

[153] А. Н. Л я в д а н с к и й. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции, стр. 57, табл. I, 24.

[154] Э. А. С ы м о н о в и ч. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, № 108, 1962, стр. 131, рис. 25.

[155] В. Н. Д а н и л е н к о. Памятники ранней поры..., стр. 201, рис. 7; В. М. Д а н и л е н к о. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р., стр. 9,табл. II, *3—4*, табл. V, *22 — 23; А.* П. С а в ч у к. Бескурганное погребение в сел. Рудяки на Киевщине, стр. 57, рис. 1, *6.*

[156] Т. S u l i m i r s k i. Kultura wysocka, tabl. XXIX, *3.*.

[157] А. Е. А л и х о в а. Древние городища Курского Посеймья, стр. 106, 107, рис. 11, *26, 7.*

[158] А. И. Т е р е н о ж к и н. Предскифский период на Днепровском Правобережье, стр. 72, рис. 47, *3.*

[159] В. Н. Д а н и л е н к о. Памятники ранней поры..., стр. 206; О н ж е. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р., стр. 9, табл. II, рис. 19.

[160] Ю. В. К у х ар е н к о. Памятники железного века..., стр. 16, табл. 28, *9.*

[161] П. Д. Л и б е р о в. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца, стр. 42, рис. 10, *10;* стр. 45.

[162] Экспозиция Львовского исторического музея.

[163] А. Е. А л и х о в а. Древние городища Курского Посеймья, стр. 102, рис. 8, *3.*

[164] Найдены нами, а также И. X. Ющенко при раскопках на Любенском городище (З. Д а у г я л а. Новые раскопкі каля Гомеля..., стр. 364).

[165] П. Н. Т р е т ь я к о в. Моховское второе городище, стр. 45, рис. 22, *2;* стр. 46. Обнаружены, кроме того, Л. Д. Поболем при раскопках на Чаплинском городище (Л. Д. П о б о л ь. Пасяленні і могільнік зарубінецкай культуры ў Чапліне, стр. 82). Известны и находки клыков и когтя медведя с городища

ки[166]. На Горошковском городище имеется подвеска или грузик из просверленного эпифиза, возможно человека, и обточенный кусочек черепа человека. Известны подобные находки в бассейне Днепра [167] и на более северных памятниках [168].

Фибулы

Всего на милоградских городищах найдено шесть фибул и их обломков (не считая материалов Чаплинского городища, где трудно говорить о связи их с определенным слоем). Четыре обломка происходят с Горошковского городища, две целые фибулы — с Милоградского. Обломками и целыми экземплярами представлены все основные типы латенских фибул. Раннелатенский тип представлен одним обломком — бронзовой ножкой, пригибавшейся к спинке фибулы, которая представляет собой круглый стерженек с уплощенным раздвоенным концом, орнаментированный биконическими и шаровидными утолщениями (рис. 31, *11)*. Находки этого типа фибул в Поднепровье чрезвычайно редки. Ближайшая аналогия обнаружена в могильнике Залесье в устье Припяти. Там она находилась в погребении с трупосожжением вместе с лепным сосудом типа латенских Западной Европы [169] и датируется, по-видимому, IV в. до н. э. [170] К IV—III вв. до н. э. относится большая часть фибул этого типа в западных древностях [171]. Среднелатенский тип железных фибул представлен двумя обломками: проволочной спинкой со следами хомутика, прикреплявшего ножку к спинке (рис. 31, *12)*, и широкой пружинкой с тетивой (рис. 31, *14)*. Датируются среднелатенские фибулы такого рода по многочисленным аналогиям II—I вв. до н. э. [172] Фибулы позднелатенской схемы известны по двум целым экземплярам, найденным в 1957 г. при исследовании на Милоградском городище жилища со смешанным милоградско-зарубинецким заполнением (рис. 31, *15* и *16)* и обломку, обнаруженному на Горошковском городище (рис. 31, *13)*. Целые фибулы, найденные сцепленными вместе, однотипны: обе имеют сплошной пластинчатый приемник, круглую в сечении дужку и четырехвитковую пружину. Одна из фибул железная, другая — бронзовая, с приемником, орнаментированным врезанными штрихами. После ремонта игла бронзовой фибулы была заменена на железную, которая закреплена на дужке [173]. Обломок позднелатенской фибулы из Горошкова представляет пружину и часть спинки железной лучковой фибулы. Найден он в жилище милоградской культуры, имевшем в своем заполнении зарубинецкие включения. Все три находки датируются по аналогиям I—II вв. н. э. В более северных районах Верхнего Поднепровья отдельные экземпляры пластинчатых позднелатенских фибул доживают до III в. н. э. [174]

Булавки

На милоградских памятниках Белоруссии обнаружено около 50 булавок и их обломков. Большинство из них сделано из бронзы, остальные из железа. По своим формам, деталям устройства булавки можно разделить на несколько типов.

Булавки гвоздевидные с широкой плоской шляпкой. Таких булавок (рис. 37, *16—21)* найдено около десяти (городища Горошков, Асаревичи, Милоград, Чаплин). Преобладают бронзовые экземпляры. Булавки имеют различную длину (от нескольких до 23 *см)* и диаметр шляпки (1—3,5 см), однако во всех случаях длина булавки в 6—7 раз больше диаметра шляпки, который в несколько раз превышает толщину стержня. Шляпка плоская, круглая в плане; стержень, как правило, круглый

милоградской культуры у сел. Поколюбичи на Соже (А. Н. Л я в д а н с к и й, А. Д. К о в а л е н я. Дневник работ по Сожу. 1936 г.).

[166] Раскопки автора (см. также: П. Н. Т р е т ь я к о в. Чаплинское городище, стр. 144; Л. Д. П о б о л ь. Пасяленні і могільнік зарубінецкай культуры ў Чапліне, стр. 82).

[167] А. Е. А л и х о в а. Древние городища Курского Посеймья, стр. 124, рис. 20, *2*.

[168] А. Ф. Д у б и н и н. Троицкое городище. Доклад. прочитанный в Институте археологии АН СССР ЗОЛ 1962 г.

[169] Н. Ф. Б е л я ш е в с к и й. Поле погребальных урн эпохи La Tёпе. АЛЮР, I—II за 1904. Киев, 1904, рис. 1, 2; Ю. В. К у х а р е н к о. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы, стр. 31—32, рис. 1, *1—3*, стр. 33.

[170] А. К. А м б р о з. Фибулы зарубинецкой культуры. МИА, № 70, 1959, стр. 184.

[171] J. F i l i p. Keltove ve stfedni Evrope. Praha, 1956, стр. 481—482; I d e m. Keltskä civilisace a jeji dedictvi. «Nove obzory vedy», № 3. Praha, 1959, стр. 75, obr. 31.

[172] Ю. В. К у х а р е н к о. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы, стр. 32-34.

[173] О. Н. М е л ь н и к о в с к а я. О взаимосвязи памятников милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии. СА, 1963, № 1, стр. 39, рис. 6, *4*.

[174] Ю. В. К у х а р е н к о. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы, стр. 34, 35.

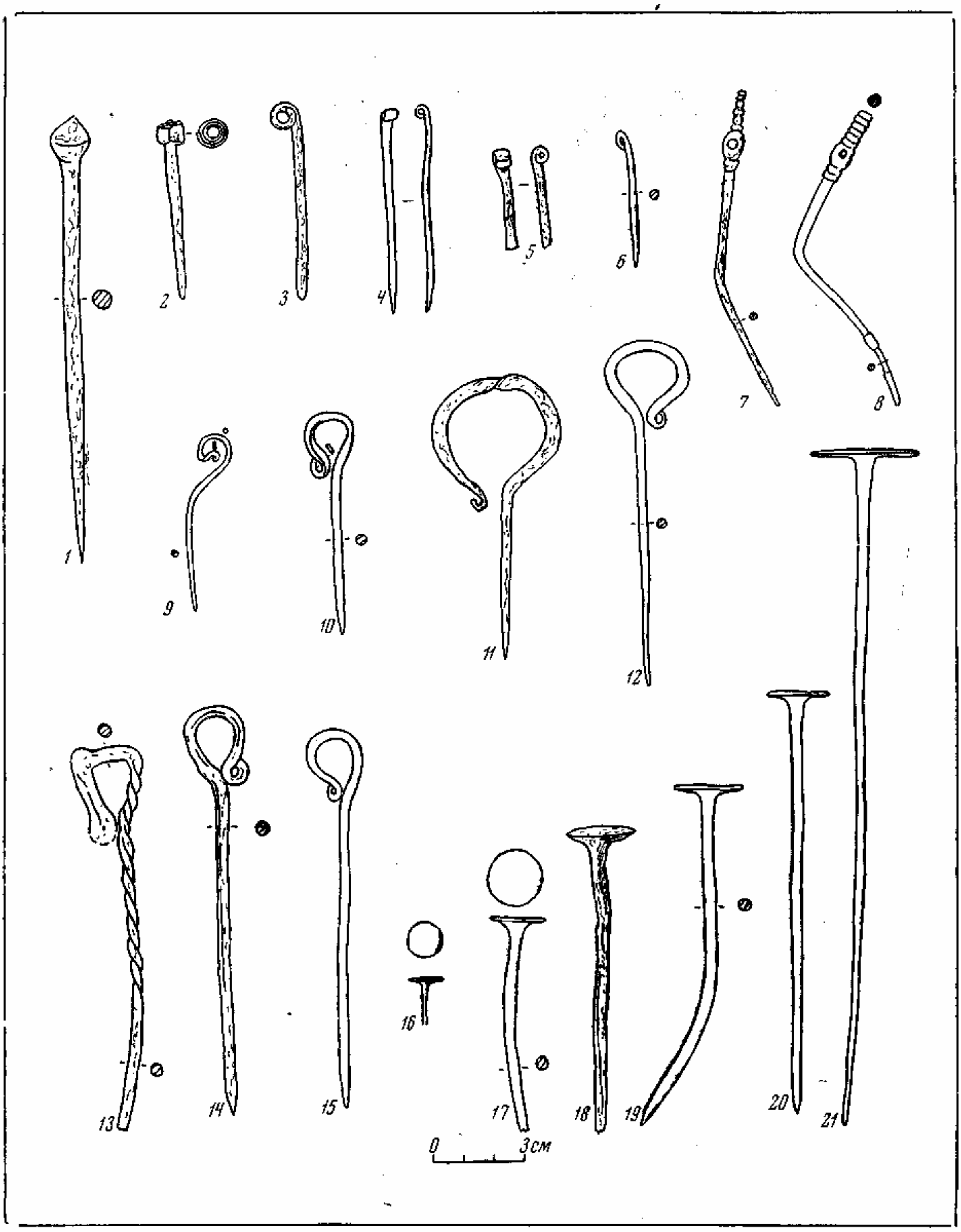

Рис. 37. Булавки с милоградских памятников Белоруссии *(1—21)*

в сечении, не орнаментированный. В одном случае грубо выкованная железная булавка с Горошковского городища имела граненый стержень, подквадратный в сечении. По-видимому, наиболее ранним экземпляром является большая бронзовая булавка со слегка выпуклой шляпкой (длина около 23 см, рис. 37, *21)*, найденная в пойме у подножья Горошковского городища при добыче торфа; там же, но на разных участках обнаружены железное четырехгранное острие, пряслице, глазковая бусина, отдельные черепки эпохи бронзы и милоградской культуры. По своим размерам, вдвое превышающим средний размер других гвоздевидных булавок, изделие это приближается к некоторым образцам эпохи бронзы, например, к находкам из Букивны — памятника комаровской культуры [175]. Несколько отлична от других булавка с навершием в виде выпуклой массивной бляхи (Милоградское городище) [176]. Для зарубинецких памятников Белоруссии гвоздевидные булавки, в отличие от Среднего Поднепровья[177], как можно пока судить, не характерны, хотя и не исключена связь булавки с Чаплинского городища с зарубинецким слоем[178]. Во время значительных раскопок Ю. В. Кухаренко в Полесье и Ю. В. Кухаренко и Л. Д. Поболя на Чаплинском могильнике гвоздевидные булавки не были обнаружены [179]. В подгорцевской группе памятников, на южной территории милоградской культуры найдены булавки. Одну из них в 1960 г. нашел Э. А. Сымонович на могильнике милоградско-подгорцевского типа у сел. Плитовище в устье Припяти [180]. Сохранилась только верхняя ее часть. Бронзовая, небольших размеров, она имела круглый стержень, орнаментированный тремя кольцами, пространство между которыми было украшено мелкими врезами, расположенными елочкой. Другая булавка — бронзовая, с орнаментированным стержнем — найдена А. И. Тереножкиным на поселении с подгорцевскими и скифскими материалами у сел. М. Салтановка на р. Стугне. Пространство между четырьмя парными кольцевыми врезами на стержне заполнено здесь расположенной в два яруса сеткой из пересекающихся косых врезанных линий[181]. Возможно, связаны с милоградской культурой бронзовые гвоздевидные булавки из курганного могильника у Долинского в устье Сейма[182]. Булавки с широкой плоской шляпкой широко распространены в памятниках лесостепной Украины в скифскую эпоху [183] в основном в VI—V вв. до н. э. Условия, при которых они обнаружены в милоградских памятниках Белоруссии, позволяют приблизить к нам эту дату до IV, а может быть III в. до н. э.

Булавки с навершием в виде кольца. Семь таких булавок найдены на городищах в Горошкове, Чаплине и Асаревичах, три из них сделаны из бронзы, четыре — из железа. Булавки имеют небольшие размеры, круглый в сечении тонкий стержень, один конец которого заострен, а другой загнут в петельку, образующую навершие. Булавки отличаются одна от другой устройством навершия. В четырех случаях верхняя часть стержня уплощена, петелька круглая, овальная или угловатая с четко выраженными гранями. У трех булавок конец стержня загнут в круглое колечко больших размеров, причем у одной кончик не завернут внутрь, а примыкает к боковой поверхности головки. Характерным отличием всех булавок этого типа является то, что навершие их расположено не по центральной оси булавки, а сбоку от нее (рис. 37, *3—6)*. Булавки описанного типа были распространены на широкой территории с эпохи бронзы[184] до зарубинец-

[176] Экспозиция Львовского исторического музея.

[176] Сравни: І. Фабриціус. Тясминьска експедиція АП УРСР. Київ, 1949, стр. 109, табл. VI, рис. *5*. Навершие булавки с Милоградского городища больше по размерам и массивнее, чем у изображенной здесь булавки с Шарповского городища.

[177] См., например, В. П. Петров. Зарубинецкий могильник. МИА, № 70, 1959, стр. 47, рис. 4, 3, 5, стр. 48.

[178] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 143, рис. 14, *14*.

[179] При раскопках Л. Д. Поболя на площади Чаплинского могильника, занятой также милоградскими погребениями, найден вне погребального комплекса один обломок гвоздевидной булавки.

[180] Э. А. Сымонович. Отчет о разведках Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР, 1960 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, № 2047.

[181] Е. О. Петровська. Пам'ятки пізньоскифського часу на р. Стугні «Археологія», т. XVI. Київ, 1964, стр. 174, рис. 2, *2*.

[182] О. Н. Мельниковская. Могильник у сел. Долинское, Черниговской области, стр. 71, рис. 19, *3*.

[183] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках близ сел. Журовки, стр. 93, рис. 26; Он же. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы, т. II. СПб., 1887—1901, стр. 142, табл. XIX; т. I, стр. 102, 115, табл. IX, *13*, *16;* Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. П. Киев, 1899, табл. XIV, *343* и *245* и др.

[184] Б. А. Балагурі. Могильник культуры Ноа на Сташславщиш. «Археологія», т. XIII. Київ, 1961, стр. 152, рис. 6, *3—5;* О. Ф. Лагодовська. Поселения часу пізньоіі бронзи в с. Сандраки. «Археологія», т. IX. Київ, 1954, стр. 139, рис. 3.

кого времени [185], что делает затруднительным их хронологическое определение. В этом случае целесообразно исходить из даты памятников. Так, например, булавки с Асаревичского городища, где обнаружены многочисленные наконечники стрел скифских типов, очевидно, следует относить к IV в. до н. э. Булавки с Горошковского городища, исходя из всего комплекса находок, не могут появиться раньше V—IV вв. до н. э. На наш взгляд, правомерно отнесение и чаплинских булавок этого типа к милоградскому слою, так как на зарубинецких памятниках Белоруссии они нигде не встречались, однако датировать эти булавки в узких временных рамках пока не представляется возможным [186]. Булавки с маленькой кольцевидной головкой встречены также на украинской части милоградской территории — в памятниках подгорцевского типа, где они, как, видимо, и большинство белорусских экземпляров, относятся, по датировкам В. Н. Даниленко, к V—IV вв. до н. э. [187]

Из других булавок этого типа, чрезвычайно широко распространенных как в лесостепных, так и в лесных культурах, отметим булавки, найденные на памятниках высоцкой культуры [188], в материалах зарубинецких памятников Среднего Поднепровья [189], а также в материалах лужицкой культуры [190]. Несколько отлична от описанных большая бронзовая массивная булавка (длина 17 см) с навершием в виде спирально загнутого завитка, найденная А. Н. Лявданским и А. Д. Ковaленей на городище у дер. Ворновка (Лядцы) на Соже [191]. Ее обнаружили вблизи площадки городища, на песках, где имеются остатки слоя стоянки эпохи бронзы и следы распаханных курганов.

[185] М. Ю. С м і ш к о. Дослiджевня пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР у 1947 р., АП УРСР, вып. II, 1952, стр. 343, табл. I, *11, 13*.

[186] П. Н. Т р е т ь я к о в. Чаплинское городище, стр. 143, рис. 14, *8, 13*. После дополнительной очистки булавки, изображенной на рис. 14, 5, выяснилось, что она также имела головку в виде петли.

[187] В. М. Д а н и л е н к о. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Киівщині в 1950 р., стр. 9, табл. II, рис. 22, 23.

[188] Т. S u l i m i r s k i. Kultura wysocka, tabl. XXXIV, *9, 21 — 23;* tabl. XXV, *l, 2, 4, 5, 7*.

[189] В. П. П е т р о в. Зарубинецкий могильник, стр. 47, рис. 4, *4;* стр. 53, рис. 7, *4*.

[190] M. G e d 1. Cmentarzysko kultury łużyckiej w Dankowie pow. Kłobuck, cz. II. «Materiały Archeologiczne», t. III. Kraków, 1961, tabl. VII, *3,* tabl. XXIV, *9, 21—23;* tabl. XXV, 1, *2, 4, 5, 7*.

[191] А. Н. Л я в д а н с к и й, А. Д. К о в а л е н я. Дневник работ по Сожу, 1936 г.

Близкие аналогии ей есть в материалах дьяковской культуры, например с Боровского городища [192].

Булавки с навершием в виде петли с S-овидным завитком. Это один из наиболее распространенных типов булавок на памятниках милоградской культуры. Его находили почти на всех исследовавшихся памятниках: Горошковском, Асаревичском, Милоградском, Чаплинском [193], Борховском, Колочинском II городищах и т. д. В нескольких случаях такие булавки входят в состав погребений милоградской культуры. Обнаружение булавок с навершием в виде петли с S-овидным завитком на разновременных памятниках, в том числе и в ранних комплексах V—IV вв. до н. э. и в составе инвентаря поздних милоградских жилищ с зарубинецкими включениями, позволяет утверждать, что они бытовали в продолжение всего времени существования милоградских памятников в Белоруссии.

Булавки изготовлялись в равной мере как из бронзы и меди, так и из железа. На ранних этапах преобладают бронзовые булавки. Размеры их различны — от 5,5 до 20 см, в среднем 11—12 см. Представляют они собой прямой, круглый в сечении стержень, один конец которого заострен, а другой загнут в петлю, причем петля, оканчивающаяся небольшим S-овидным завитком в месте соприкосновения со стержнем, расположена, как правило, симметрично над осью булавки (рис. 37, *9—15,* 38, *2).* Отдельные экземпляры отличаются устройством деталей. Так, булавка, найденная в одном из ранних погребений Горошковского могильника, имела резкий изгиб стержня и завиток, вдавленный в глубину петли, что придавало ей своеобразный, отличный от других изделий, облик [194] (рис. 37, *8).* У некоторых бронзовых булавок верхняя часть выкована из двух узких пластинок или раскован в пластину S-овидный завиток, часто переходящий в маленькое колечко. На одной железной булавке из Борховского болотного городища конец проволоки, образующей навершие, поднят вдоль петли и закреплен на верху ее. Булавка эта отличается от других и тем, что имеет в своей верхней части витой стержень, захватывающий и навершие. Последнее представляет собой петлю треугольной формы. Хотя нижняя

[192] Архив, РИМ, ф. 431.

[193] П. Н. Т р е т ь я к о в. Чаплинское городище, стр. 141, 143, рис. 14, *2, 6, 10*.

[194] О. Н. М е л ь н и к о в с к а я. Могильник милоградской культуры в дер. Горошков в Южной Белоруссии, стр.169, рис. 5, *5*.

часть отломана, легко заметить, что булавка отличалась от других и большими размерами (рис. 37, *13).*

Отличия между другими булавками сводятся главным образом к размерам и форме петли: круглой или додтреугольной (в форме пастушеского посоха). По первому наблюдению, эти отличия как будто можно увязать с датой возникновения булавок: к раннему времени относятся пока только булавки со сравнительно небольшой круглой петлей, к средним и поздним этапам — булавки с круглыми петлями и подтреугольной формы, в некоторых случаях со значительно большими размерами петель.

На украинской части территории милоградской культуры булавки описанного типа также имели широкое распространение. Они найдены здесь как в памятниках подгорцевского типа[195], так и в милоградских могильниках и поселениях Волыни и верховий Южного Буга [196]. Широкая распространенность булавок с петлевидной головкой и S-овидным завитком от Центральной Европы до Верхней Волги, начиная с эпохи бронзы до раннего средневековья, не мешает рассматривать их как одно из типичных украшений милоградской культуры, через территорию которой и шло, по-видимому, прежде всего проникновение этой формы из юго-западных областей[197]. Одной из наиболее ранних находок бронзовой булавки подобного типа является находка И. Ф. Левицкого близ Народичи Коростеньского района Житомирской области, где булавка обнаружена вместе с бронзовым топором и обломками сосудов яйцевидной формы, носящих, по мнению В. Д. Рыбаловой, следы влияния комаровской культуры [198]. Известна такая булавка и из позднего комаровского кургана у сел. Городище под Дрогобычем (раскопки Ю. Финке) [199]. Из других находок, относящихся к раннему железному веку, сошлемся на подобные булавки в Среднем Поднепровье [200], в частности на булавку из раскопок В. А. Ильинской на Ба-

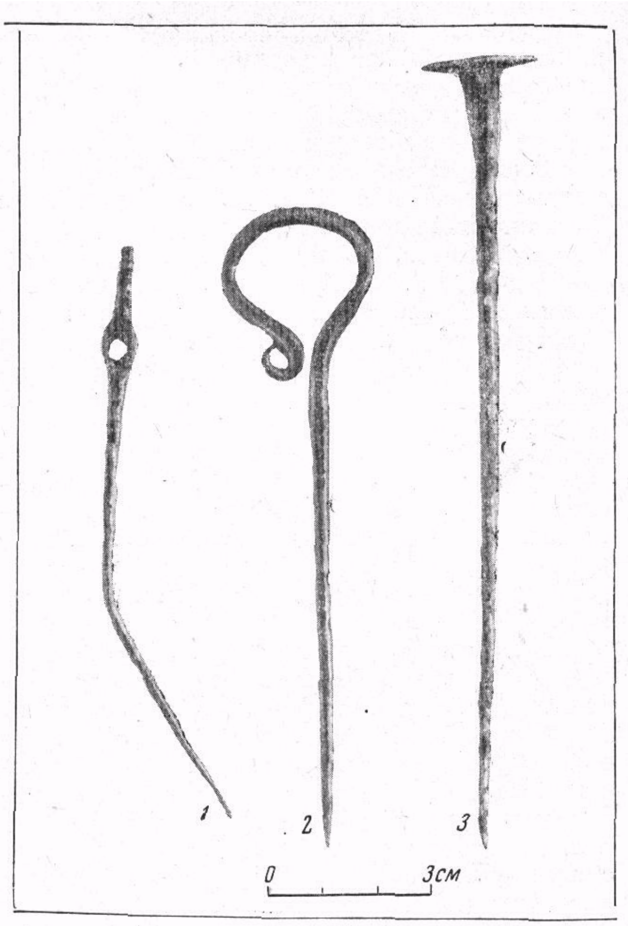

Рис. 38. Булавки Горошковского городища *(1—3)*

[195] В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры..., стр. 201, рис. II, стр. 205; В. М. Даниленко. Дослідження пам'яток підгірьского та бобрицького типів на Київщині в 1950 р., стр. 9, табл. II, рис. 24; стр. 12, табл. IV, рис. 7, 8; Д. И. Блiфельд. Древнейшее славянское поселение на Черниговщине. КСИА ИА АН УССР, вып. 1. Киев, 1952, стр. 54, рис. 2, 1.

[196] В. И. Канивец. Звiт про розвiдковi розкопки бiля с. Погребы Броварського району Київськоi области в 1952 г. Научный архив Института археологии АН УССР, ф. экс., № 1995; О. Ф. Лагодовська, Р. I. Виезжев, Ф. Б. Копилов. Кургани скiфського часу в с. Курилiвцi. АП УРСР, т. VI. Київ, 1956, стр. 18, рис. 2, 1; В. К. Гончаров. Лука Райковецкая. МИА, № 108, 1962, стр. 291, рис. 4, *9.*

[167] J. Dëchele 11 e. Manuel d'archeologique prehistorique celtique et gallo-romam, vol. II, p. 325, 326; W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg, 1929, Abb. 132; В. Д. Рыбалова. О связях правобережной лесостепной Украины..., стр. 83, 84, 93; В. Г. Петренко. Могильник у с. Грищенцы. МИА, № 113, 1962, стр. 145.

[198] В. Д. Рыбалова. О связях правобережной лесостепной Украины..., стр. 84.

[199] I. К. Свешнiков. Пiдсумки дослiдження культур бронзовоi доби Прикарпаття i Всхiдного Подiлля. Львiв, 1958, стр.28.

[200] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы, т. I, стр, 114—115, табл. IX, рис. 12 (вместе с фибулой среднелатенского типа); т. II, табл. III, рис. 8; В. Г. Петренко. Могильник у сел. Грищенцы, стр. 145, 146, рис. 2, *13, 16.* В последней работе приводятся данные о других находках такой формы булавок, преимущественно на Каневщине — 16 находок, что свидетельствует о широкой распространенности этой формы в Среднем Поднепровье.

совском городище [201], представляющую близкую аналогию булавке из Борховского городища, что позволяет ее датировать концом IV, а вероятнее III в. до н. э. Часто встречаются такие булавки и в бассейне Верхнего Днепра, в смежных с ним областях, в памятниках юхновской[202], дьяковской культур [203], на Смоленщине [204], на городищах культуры штрихованной керамики [205], на Верхней Оке и в Прибалтике [206], где получают широкое распространение главным образом уже в I тысячелетии н. э. и доживают до его конца.

В зарубинецкой культуре булавки с S-овидным завитком на конце петли продолжают бытовать как в памятниках Среднего Поднепровья [207], так и в Белорусском Полесье. Как показали раскопки Ю. В. Кухаренко полесских могильников, подобные булавки являются одним из характернейших предметов погребального инвентаря [208]. Любопытной чертой зарубинецких памятников Юго-Восточной Белоруссии является, наоборот, отсутствие этого типа булавок в погребальных комплексах. Так, почти на 300 погребений Чаплинского могильника булавка с S-овидным завершением петли не была встречена ни разу. Известны они в лесостепной зоне и в послезарубинецкий период [209].

Булавка с биконической головкой. Один экземпляр найден на Горошковском городище. Она сделана из железа, имеет толстый, круглый в сечении, слегка согнутый, стержень, увенчанный большим биконическим навершием (длина 15 см, диаметр головки около 1,5 см; рис. 37, *1).* Судя по аналогиям, форма эта весьма архаична и относится к начальным этапам существования милоградских памятников в Белоруссии. Своими истоками она также связана с Западом, где такие булавки встречаются с вещами поздней унетицкой культуры. Очень характерны они и для поздних этапов лужицкой культуры, на памятниках которой существуют до раннего латенского периода [210]. По своей массивности и изгибу стержня булавка из Горошкова ближе всего к экземплярам из Силезии[211]. То, что она найдена при раскопках Горошковского городища, делает маловероятной дату ранее V в. до н. э. До этого же времени употребляются булавки с биконическими головками и на нашей территории (Немировское городище, Липинское городище под Курском и др.). В ранних милоградских памятниках Житомирщины (в курганах близ Народичи) имеются бронзовые булавки с конической головкой лужицко-высоцкого типа [212].

Булавка с цилиндрическим навершием. Как и предыдущий тип, она представлена одним экземпляром с Горошковского городища. Размеры булавки небольшие (длина около 6 см, диаметр головки 1 см). Сделана из железа, причем головка выполнена из узкой пластины, закрученной в несколько находящих один на другой оборотов вокруг стержня булавки (рис. 37, *2).* Возможно, частью второй булавки близкого типа является найденный здесь же обломанный железный стержень с закрученной вокруг него пластиной, так что головка имеет треугольное сечение. Близкая нашей, булавка с цилиндрическим навершием происходит из кургана с милоградским захоронением на Житомирщине (урочище Гремячее на окраине Житомира),

[201] В. А. І л л і н с ь к а. Верхньосульска експедиція 1947 р. АП УРСР, т. IV. Київ, 1952, стр. 40, табл. І, рис. 31.

[202] Н. В. Т р у б н и к о в а. К вопросу о Юхновском городище. «Труды ГИМ», т. VIII. М., 1938, стр. 123—128; Е. И. Г о р ю н о в а. Городище Торфель, стр. 153, рис. 54, *35;* В. Л. Л е в е н о к. Городища юхновской культуры, стр. 50, рис. 1, *6.*

[203] Е. И. Г о р ю н о в а. Этническая история Волго-Окского междуречья, стр. 92, рис. 36, *11.*

[204] Е. А. Ш м и д т. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I тысячелетия до н. э., стр. 362, рис. 11, *8, 9; П.* Н. Т р е т ь я к о в. Древние городища Смоленщины, стр. 86, рис. 42, *7, 8.*

[205] А. Н. Л я в д а н с к и й. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции, стр. 57, табл. I, рис. 7; Архив ЛОИИМК, ф. 5, № 378.

[206] H. M o o r a. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Tartu— Derpt, 1929, II Teil, TaЫ. X, p. 1—3; «Атлас литовских украшений». Вильнюс, 1958, рис. 204, 325, 328; Л. К р ж и в и ц к и й. Последние моменты..., стр. 317, рис. 13, 14; Э. П. Б р и в к а л н с. Городище Гервете и его историческое значение. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики». Труды ПОКЭ. М., 1959, стр. 256; Э. Д. Ш н о р е. Асотское городище. «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР», т. XI. Рига, 1961, стр. 17, 18, рис. 2; М. X. Ш м и д е х е л ь м. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.— V в. н. э.). Таллин, 1955, рис. 10, рис. 11.

[207] В. П. П е т р о в. Зарубинецкий могильник, стр. 47, рис. 4, *8;* стр. 53, рис. 7, *5.*

[208] Ю. В. К у х а р е н к о. Памятники железного века... табл. 9, *4, 10, 14;* 13, *24, 27;* 14, *17;* 16, *1, 10.*

[209] Д. Т. Б е р е з о в е ць. Дослідження на території Путивльского району Сумськоі области, стр. 246, табл. 1, *9.*

[210] J. F i l i p. Luzicka kultura v Cechach a na Morave. Cast. I. Praha, 1939, str. 8, rys. 7, *10.*

[211] J. F i l i p. Popelnicova pole pocatky źelezne doby v Cechach. Praha, 1936—1937, str. 59, abb. 26, c. 62.

[212] Раскопки И. Ф. Левицкого. Одна из булавок опубликована: В. Д. Р ы б а л о в а. О связях правобережной лесостепной Украины..., стр. 87, рис. 6, *7;* стр. 93,

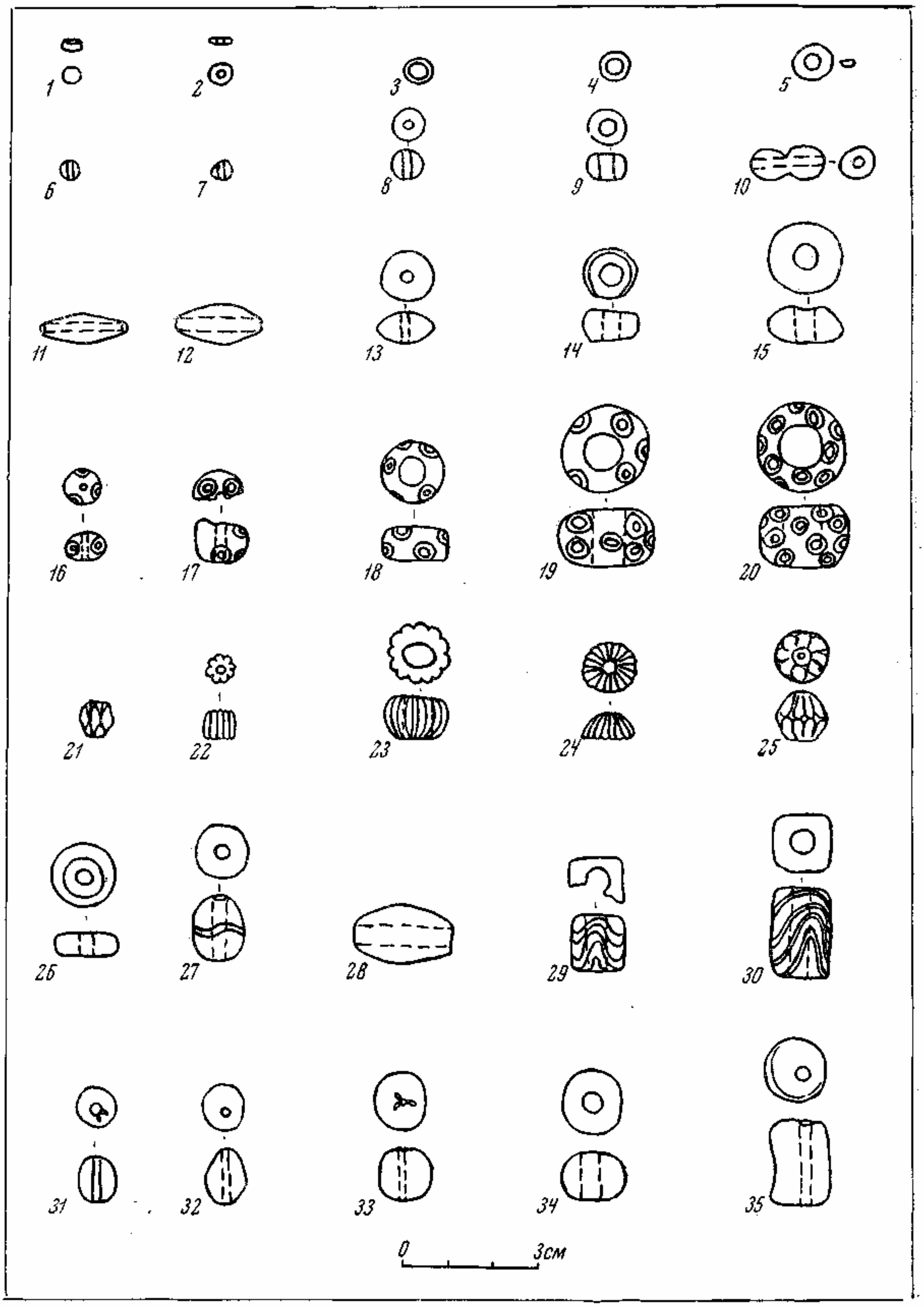

Рис. 39. Бусы, найденные на милоградских памятниках Белоруссии

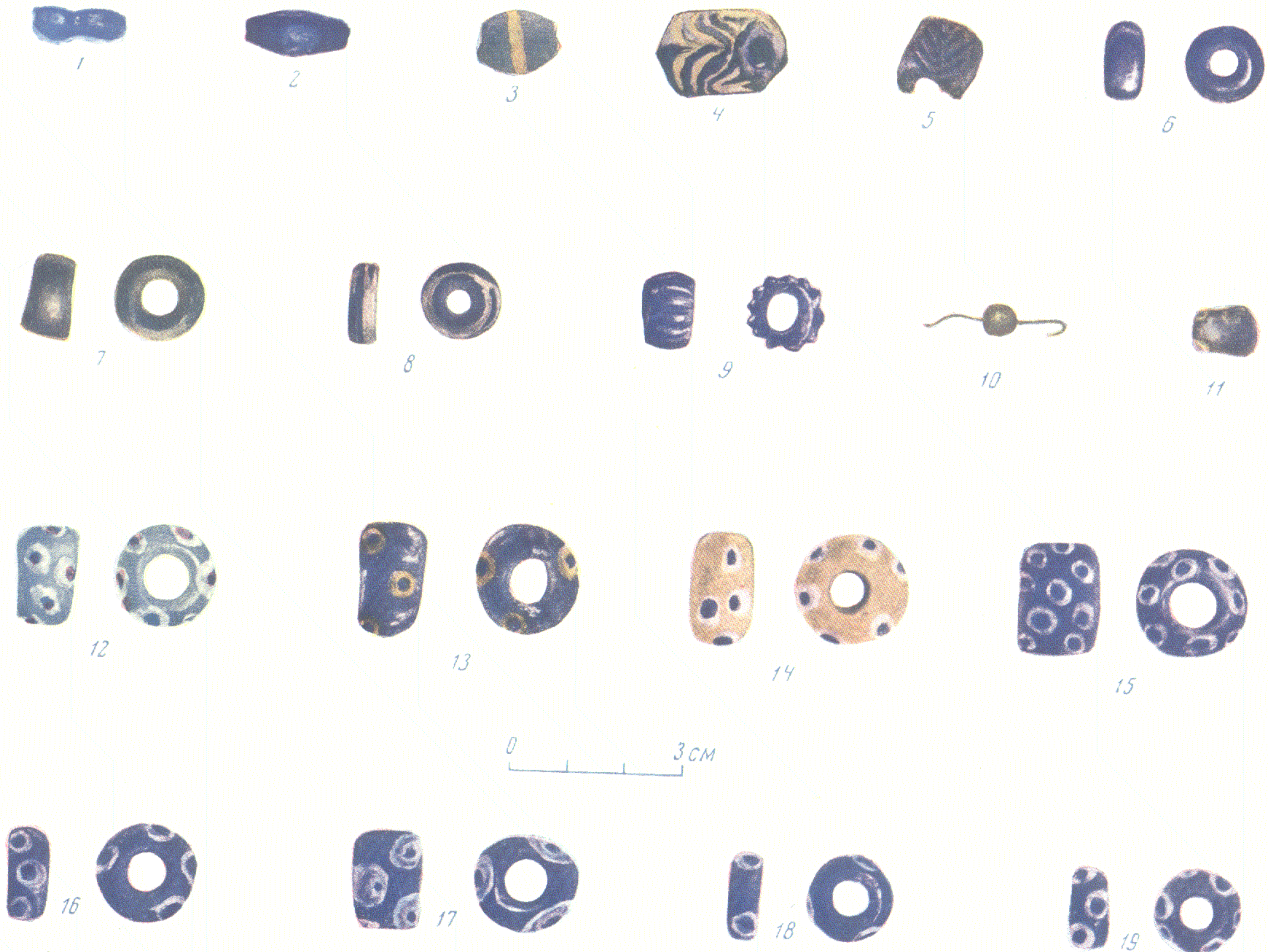

Рис. 40. Бусы Горошковского городища

раскопанном Е. В. Махно в 1945 г. Булавка выполнена из бронзы. Верхняя часть стержня витая, головка сделана из узкой бронзовой пластины, обернутой в два находящих один на другой витка вокруг конца стержня булавки[213]. Отсутствием аналогий, а также, по-видимому, отдаленным сходством с булавками комаровской культуры, объясняется сильно заниженная Е. В. Махно датировка этой вещи, относящейся скорее всего, по нашему мнению, к VII—VI вв. до н. э. В качестве довольно далекой аналогии булавке из раскопок Е. В. Махно в материалах, появившихся после ее публикации, можно указать булавки, найденные П. Д. Либеровым в кургане-зольнике у сел. Черемушны на Северном Донце, однако их отличают некоторые детали, в частности нижнее кольцо, отделяющее витую часть стержня от остальной части булавки [214].

Булавки с отверстием в стержне. Кроме перечисленных на милоградских городищах, обнаружены две однотипные булавки, по способу употребления приближающиеся, как принято считать, к фибулам. Одна из них найдена на Горошковском городище, другая — на площади селища в Чаплине, занятой в предшествующий период милоградским могильником (раскопки Л. Д. Поболя). Размеры булавок одинаковы (10—11 см длины). Железная булавка из Горошкова представляет собой стержень, один конец которого заострен, а другой обрезан. В уплощенной верхней части стержня имеется расширение округлой формы с отверстием (ушко). Часть булавки выше ушка и немного ниже его орнаментирована несколькими глубокими врезами. Стержень в средней части изогнут под тупым углом, на конце его острия — надрез, возможно, для закрепления нити (рис. 37, *7;* 38,*1).* Бронзовая чаплинская булавка отличается от описанной выше большим изгибом. Конец ее слегка отогнут для большего удобства закрепления нити. Видимо, с этой же целью на конце булавки сделаны два утолщения в виде обоймочек [215] (рис. 37, *8).* Наиболее близкие к этим булавки на памятниках периода позднего гальштатта, раннего и среднего латена [21в]. На территории Польши и Чехословакии встречаются экземпляры ранней римской эпохи [217]. Пережиточные формы этого типа были весьма распространены в первые века нашей эры в прибалтийских древностях,[218] в некоторых местах они сохранились до второй половины I тысячелетия н. э.[219]

Среди других вещей, найденных на милоградских памятниках Белоруссии, с булавками, возможно, следует связывать обнаруженные на Асаревичском городище две конические многовитковые спирали, изготовленные из круглой в сечении бронзовой проволоки. На экземпляре, который сохранился лучше, видно, что на крайнем обороте проволока отогнута — случайно или намеренно (рис. 31, *9).* В последнем случае вещь можно было бы рассматривать как височную подвеску, или серьгу типа, близкого к найденным в лесостепи [220] и Прибалтике, т. е. относящегося к середине I тысячелетия до н. э. [221] Аналогичная вещь из Ниенбурга в Саксонии встретилась вместе с материалами эпохи среднего и позднего латена [222]. Однако нам представляется более вероятным, что конические спирали из Асаревичей являются навершиями булавок или коническими завитками булавок с петлевидной головкой, когда S-овидный завиток трансформируется в спираль. Как те, так и другие булавки известны в древностях раннего железного века Верхнего Поднепровья [223]

Бусы и пронизки

Бусы на милоградских памятниках Белоруссии встречаются довольно часто, являясь обычной находкой на поселениях и на могильниках (рис. 39 и 40). В нашей коллекции имеется

[213] Е. В. Махно. Дві пам'ятки бронзово'і доби в бассейні р. Тетерева, стр. 207, табл. 1, *2.*

[214] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца, стр. 42, рис. 1, 5, *6.*

[215] Л. Д. Побаль. Фібулы з раскопок ў Чапліне, стр. 71—78, рис. 88, а.

[216] J. Dëchelette. Manuel d'archeologie prehistorique celtique et gallo-romain, v. IV, p. 551, fig. 430, *4, 5,* p. 552.

[217] Karla Motykova-Sneidrova. Ceske należy prolamovanych zapon z najstarsiho obdobi fimskeho. Pamatky archeologicke. Rocnik LII, Cislo 2. Prana, 1961, str. 407, obr. I, *20, 22.*

[218] H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., Tabl. X, S. 1—3; «Атлас литовских украшений», рис. 77.

[219] Л. Я. Стубавс. Раскопки городища Кентескалнс в 1954—1956 гг. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики». Труды ПОКЭ, т. IV. М., 1959, стр. 217.

[220] В. А. Іллінська. Верхньосульска експедиція 1947 р., стр. 37, табл. 1, ö.

[221] «Атлас литовских украшений», рис. 57,

[222] K. Tackenberg. Die Urnenfriedhöfe in Niedersachsen. Bd I, H. 3 u. 4. Leipzig, 1934, S. 51, Taf. 11, *9.*

[223] Е. А. Шмидт. Некоторые особенности культуры городищ верховий Днепра во второй половине I тысячелетия до н. э., стр. 362; рис. 11, *8, 9.* Онже. Городище у сел. Новые Батеки..., стр. 165, рис. 13, *1.*

около 100 экземпляров бус и бисера. Половина этого количества приходится на Асаревичское городище и могильник. 40 бус найдены в Горошкове, в том числе 17 в одном комплексе— в скоплении украшений вместе с тремя бронзовыми браслетами. Бусы с Чаплинского городища [224] в связи с неразработанностью вопроса о их датировках нами не учитываются, так как они могут не относиться к милоградскому слою. Основным материалом для изготовления бус служила стекловидная непрозрачная паста, а также стекло. Как исключение, встречаются бусы из халцедона и янтаря. Имеются бронзовые бусы. Часты находки бронзового бисера. При изготовлении ожерелий использовались, по-видимому, и глиняные бусы, а также спиральные или пластинчатые металлические пронизки.

Пастовые бусы. Бусы этой группы разных форм и расцветок найдены в большом количестве. Наиболее распространенные из них пастовые бусы округло-цилиндрической формы с диаметром (0,8—2,2 см), превышающим высоту бусины. Встречены как монохромные, так и полихромные экземпляры. Как те, так и другие хорошо представлены в комплексе упоминавшегося небольшого клада украшений с Горошковского городища (рис. 33). Здесь обнаружено семь одноцветных настовых бус, из которых шесть сине-фиолетового цвета, а одна — светло-зеленого. Поверхность одной из синих бус рубчатая. Восемь бусин, в основном темно-синие, с белыми кольцами глазков. Есть также одна желтая бусина и одна голубая с синими глазками, имеющими белые ободки. Одна синяя бусина украшена пересекающимися горизонтальными поясками из белой пасты. Пастовые глазчатые бусы иногда встречались на Горошковском, Милоградском и Чаплинском городищах отдельными экземплярами. Как правило, они имеют синий цвет с белыми окружностями глазков. Есть также белые глазки с коричневыми ободками на синем фоне и голубые глазки с красными ободками на голубом же фоне.

Полихромные бусы представлены и другими формами: на Горошковском городище найдены бусина овальной формы, круглая в сечении, цвета электрик, с желтым пояском в виде волнистой линии и две темно-синих бусины с серо-желтыми прожилками в виде ряда волнистых линий, одна из них в форме куба, другая— прямоугольная в плане, с квадратным вертикальным сечением (длина 2 см). Близкие по форме две монохромные настовые бусины обнаружены на Горошковском и Милоградском городищах. Обе они имеют округло-бипирамидальную форму и удлиненные пропорции (длина 1,6—1,8 см); одна изготовлена из темно-синей, вторая — из темно-зеленой непрозрачной пасты. В Асаревичах найдены мелкие шаровидные бусы из голубой и бирюзовой пасты (диаметр 0,4 см).

Стеклянные бусы. Бусы из стекла полупрозрачные. В среднем они мельче пастовых (диаметр 0,6—1,2 см). Почти все стеклянные бусы из Асаревичей. Они имеют шаровидную (желтое и бледно-зеленое стекло), округло-уплощенную, линзовидную в сечении (зеленовато-желтое стекло), цилиндрическую, коническую и биконическую с рубчатой или граненой поверхностью (светло-зеленое, ярко-голубое, синее стекло) формы. На Горошковском городище обнаружена единственная в нашей коллекции светло-синяя сдвоенная бусина, представляющая собой две соединенные между собой шаровидные бусины. Синяя стеклянная биконическая бусина найдена на Моховском I городище.

Бусы из халцедона и янтаря. На Горошковском городище они найдены по одному экземпляру. Халцедоновая бусина имеет большие размеры (длина 2 см), округло-биконическую форму, серовато-дымчатый цвет. Она прозрачна, поверхность ее прекрасно обточена. Как упомянуто выше, бусина из янтаря обнаружена в небольшом кладе, в комплексе с пастовыми бусами и раннелатенскими браслетами. Она округло-уплощенной формы (диаметр 1,6 см), поверхность покрыта характерным налетом, излом — ярко-желтого солнечного цвета (хрупкая, при обработке разломилась). Это пока единственная янтарная вещь в милоградских материалах.

Бусы и бисер из бронзы. Они найдены в единичных экземплярах на Горошковском и Милоградском городищах и в большом количества в Асаревичах, в основном на площади могильника. Бусы представляют собой небольшие плоские колечки (диаметр 0,6—0,8 см). Бусина из металла найдена также при раскопках И. Х. Ющенко Любенского городища на Соже[225]. Бронзовый бисер имеет вид плоских колечек (диаметр 0,3 см). В нескольких случаях бисер обнаружен на месте развеянных погребений в небольших скоплениях — по нескольку штук вместе.

Глиняные бусы. Найдены они на нескольких памятниках в единичных экземплярах. По

[224] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 143, рис. 14, *25, 30*.

[225] И. Х. Ющенко. Раскопки Любенского городища.

своим формам и пропорциям эти бусы повторяют наиболее распространенные пастовые. Вылеплены они из отмученной глины, без обычной в других глиняных изделиях примеси дресвы, с добавкой песка или шамота (рис. 39, *32-35).*

Пронизки, подвески к ожерельям. Диаметр их 0,4—0,7 см, длина 0,5—2 см. Употреблялись в равной мере как спиральные пронизки, скрученные в несколько оборотов из узких пластинок (рис. 31, *20, 21),* так и пронизки, свернутые в виде трубочек из пластин. Известны они с поселений и из погребальных комплексов. На площади могильника в Асаревичах вместе со скоплением бисера найдена маленькая железная пластинка с закругленным краем и обломанным верхом. Можно предположить, что она из ожерелья, состоявшего из групп бисера, перемежающихся с металлическими подвесками, подобно ожерелью из женского погребения, обнаруженного в сел. Подгорцах [226]. В ожерелья нанизывались также подвески-амулеты, на которых мы останавливались выше. Значительное количество бус глазчатых и других видов встречается на украинской части территории милоградской культуры, в основном—в памятниках подгорцевского типа. Кроме типичных для Белоруссии, здесь известны бронзовые и стеклянные подвески в виде бутылочек [227], а также распространенные в Поднепровье стеклянные бусы в виде пирамидок и другие, встречающиеся в Белоруссии виды бус [228]. На памятниках подгорцевского типа обнаружены характерные бронзовые пластины с петельками, которые В. Н. Даниленко интерпретирует как разделители для ожерелий из многих ниток мелких бус и бисера [229]. Большое количество бус разнообразных форм и расцветок (пастовых, инкрустированных и стеклянных) получено при раскопках могильника в сел. Залесье в устье Припяти [230]. Бусы из памятников Южной Белоруссии не отличаются большим своеобразием, близкие аналоги им можно найти не только на юге, но и в памятниках юхновской, дьяковской и других культур, что объясняется неместным происхождением основных видов бус и общими источниками импорта, шедшего с юга. Приведенные выше материалы позволяют сделать следующие выводы о распределении бус по хронологическим этапам.

На наиболее ранних памятниках милоградской культуры в Белоруссии, например на Моховском I городище, бус почти нет. Асаревичское городище с могильником при нем (IV в. до н. э.) дают преимущественно стеклянные, редко пастовые бусы, среди которых нет глазчатых бус, характерных для следующего этапа. Они богато представлены на городище в Горошкове, основные материалы его относятся, по-видимому, к IV—I вв. до н. э. Обнаруженное в Горошкове скопление пастовых глазчатых бус в одном комплексе с латенскими браслетами определяет в данном случае и их дату—примерно III в. до н. э. На поздних этапах милоградской культуры продолжают встречаться глазчатые бусы, что отмечено и в синхронных зарубинецких памятниках (например, в нескольких зарубинецких погребениях Чаплинского могильника [231]). По-видимому, одним из характерных признаков поздних глазчатых бус является инкрустация их иногда глазками красного цвета, как мы имеем это в экземпляре с Милоградского городища, а также на Троицком городище дьяковской культуры [232] и на Киевщине в первые века н. э. В это же время распространились пастовые бусы удлиненно-биконической формы, появление которых, возможно, относится к предшествующему периоду.

Заключая раздел об украшениях, найденных на милоградских памятниках Белоруссии, следует подчеркнуть некоторое своеобразие набора их, хотя и менее ярко выраженное, чем это наблюдается на памятниках подгорцевского типа Киевщины. Специфику комплексу украшений эпохи раннего железа Южной Белоруссии придает характерное и для других категорий вещей в милоградской культуре сочетание западных гальштаттско-латенских и лужицких форм, преобладающих в наших материалах, с южными типами вещей, часто

[226] В. Н. Даниленко. Памятники ранней по« ры..., стр. 201, рис. 12, б.

[227] Там же, стр. 205; В. М. Даниленко. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р., стр. 9, табл. II, 5 — *9;* стр. 32, табл. III, *4, 5;* стр. 13, табл. V, *13 — 17.*

[228] В. Г. Петренко. Культура племен Правобережного Среднего Поднепровья в IV —III вв. до н. э., стр. 75—77.

[229] В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры... стр. 201, рис. 6; А. П. Савчук. Бескурганное погребение в с. Рудяки на Киевщине, стр. 57, рис. 1, 3.

[230] М. К. Якимович. Дюнные стоянки неолитической эпохи в Радомысльском уезде Киевской губернии, стр. 167.

[231] Л. Д. Побаль. Пасяленні і могільнік зарубінецкай культуры ў Чапліне, стр. 82; А. М. Безбородов и Л. Д. Поболь. Изделия из стекла, найденные в Южной Белоруссии (III в. до н. э.—II в. н.э.). Тезисы докладов 11-й научно-технической конференции Белорусского политехнического института. Минск, 1957, стр. 34—36.

[232] А. Ф. Дубынин. Троицкое городище. Доклад в Институте археологии АН СССР 30 января 1962 г.

имеющими также глубокие центральноевропейские истоки, и с северными, балтийскими, формами, хотя последние представлены крайне слабо.

Изделия из глины

Изделия из глины представляют собой наиболее многочисленную категорию находок. Сюда относится посуда, миниатюрные сосудики, многочисленные грузики-пряслица, грузила и некоторые другие глиняные поделки, фигурки животных, литейные формы и тигли. Характеристика глиняных подвесок и бус приведена нами выше.

Глиняная посуда

Одним из наиболее характерных элементов материальной культуры милоградских племен Белоруссии является глиняная посуда, имеющая весьма своеобразный облик, выразительно отличающий ее от памятников других культур смежных областей. Основной керамический материал по характеристике милоградской посуды получен при наших раскопках комплекса памятников в Горошкове, на Милоградском, Моховском I, Асаревичском, Глыбовском и других городищах, причем при выборе памятников ставилась цель получить керамический и другой материал для разных этапов милоградской культуры, что и было в основном достигнуто. Сведения о целом ряде сосудов из этих раскопок нами опубликованы[233]. Значительный материал получен также при раскопках П. Н. Третьяковым двухслойных милоградско-зарубинецких городищ — Чаплинского и Моховского II [234]. Некоторое дополнение к материалам южнобелорусского участка поречья Днепра дает также публикация Ю. В. Кухаренко курганов у дер. Дубой[235]. Всего в указанных работах опубликовано около 60 полных форм сосудов и много реконструированных частично.

Из старых материалов, содержащих хотя и незначительные данные о южнобелорусской керамике, упомянем одну из статей А. Н. Лявданского, в которой приведена таблица с несколькими обломками сосудов с Чечерского городища[236] и неопубликованные архивные материалы И. Х. Ющенко по раскопкам Любенского городища в окрестностях Гомеля [237].

Глиняная посуда составляет главную массу находок как на городищах и неукрепленных поселениях, так и на милоградских могильниках. На городищах и селищах она концентрируется в основном на местах, занятых в древности жилыми и хозяйственными постройками. Часто ее можно найти здесь в виде развалов сосудов или больших скоплений в районе очагов и в ямах-погребах. Иногда обломки глиняной посуды лежат в виде больших мусорных куч на краях площадок городищ или образуют вымостки в подножьях валов. Изредка сосуды встречались целыми на краях хозяйственных ям вместе с другим инвентарем в пределах перекрытой кровлей площади. В погребения, как мы уже отмечали, сосуды никогда не ставили целыми, обычно в могилу бросали часть сосуда, иногда незначительные обломки от одного или нескольких сосудов. По своим формам и приемам изготовления керамика из погребений и с поселений одинакова. Первую отличает только более светлый цвет, обусловленный отсутствием законченности и нагара на стенках.

Основной материал, которым мы располагаем, происходит с однослойных памятников. В некоторых случаях для керамики на поздних этапах существования памятника характерны зарубинецкие включения, что помогает выделить поздние комплексы. Однако одинаковый состав теста и приемы обработки поверхности милоградских и нелощеных зарубинецких сосудов, отличающихся, как правило, только несколько иной плотностью черепка (большей у зарубинецких сосудов), не всегда позволяют с определенностью отнести их к той или другой культуре, если не сохранились шейки или днища.

[233] О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии, вып. 70, 1957, стр. 34, рис. 8; Она же. Памятники раннего железного века Верхнего Поднепровья, 1957, стр. 47, рис. 1; Она же. Могильник милоградской культуры в дер. Горошков в Южной Белоруссии, стр. 167, рис. 3; Она же. О взаимосвязи памятников милоградской и зарубянецкой культур в Южной Белоруссии, стр. 35, рис. 2, стр. 38, рис. 5; Она же. Памятники раннего железного века Юго-Восточной Белоруссии (милоградская культура), стр. 12, рис. 2; САИ, Д1—12. М., 1962, табл. 4.

[234] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 135, рис. 10; Он же. Моховское второе городище, стр. 47, рис. 23, 11.

[235] Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века..., табл. 1—4.

[236] А. Н. Лявданский. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции, стр. 59, табл. II, рис. 14, 16.

[237] И. Х. Ющенко. Раскопки Любенского городища в 1925 г. № 132, 175.

Вся глиняная посуда на милоградских памятниках Белоруссии вылеплена руками. Исключение составляют несколько обломков античных амфор: стенки амфор, обломок двуствольной ручки амфоры с Чаплинского городища и бортик амфоры из Горошкова[238]. Оба последних, по определению И. Б. Зеест, относятся к эллинистическому периоду, датируясь скорее всего III в. до н. э. Сосуды лепились из местной материковой красной цегельной глины, подстилающей пески, верхний горизонт или вся толща которых и представляет собой культурный слой. На некоторых болотных городищах, где почвенный слой подстилается серыми глинами, сосуды вылеплены из серой местной глины (например, на городище у дер. Безўев Речицкого района). Лепились сосуды при помощи ленточной техники, иногда удается проследить места скрепления отдельных лент, особенно в месте прикрепления шейки к корпусу сосуда. Ручной лепкой объясняется некоторая асимметричность отдельных сосудов, чаще наблюдающаяся на крупных экземплярах, изготовить которые было сложнее (рис. 41, *6)*[239]. Миниатюрные сосудики лепились из одного куска глины. В тех редких случаях, когда у горшков имелось плоское днище, никаких следов подсыпки или среза с подставки на днищах не наблюдается.

Трудно судить о способах обжигания сосудов. Есть основания полагать, что обжиг производился не только на кострах, но и в специально для этого сооружавшихся примитивных печах с куполообразным перекрытием, подобных открытым Б. А. Шрамко на Люботинском городище под Харьковом [240]. На одном из участков городища в Горошкове зафиксирована сильно пережженная глиняная площадка со следом столба в центре, совершенно аналогичная основаниям печей Люботинского городища. Довольно равномерная окраска, а часто и прокалка стен при значительных иногда размерах сосудов как будто являются дополнительными основаниями для этого утверждения. Наряду с этим встречается и сравнительно плохой обжиг.

[238] О. Н. Мельниковская. Клад латенского времени из Юго-Восточной Белоруссии. Сб. «Материалы по археологии БССР», т. I. Минск, 1957, стр. 153, табл. 2, 8.

[239] Следует в связи с этим указать на условность реконструкции некоторых сосудов. Если сосуд не удавалось склеить целиком, то недостающая часть восстанавливалась после измерения диаметра имеющейся части сосуда и поворота его профиля, в результате чего сосуд, естественно, получался более симметричным.

[240] Б. А. Шрамко. Раскопки Люботинского городища.

Обычная гамма цветов наружной поверхности — от светлого серовато-желтого до темно-бурого. Наиболее распространены красно-коричневые и серо-бурые оттенки. Нижняя часть сосудов, как правило, сильно закопчена, внутренняя поверхность несколько темнее наружной, а иногда покрыта слоем нагара.

При лепке сосуда добавлялись различные отощающие глину примеси, среди которых резко доминирует дресва — мелко дробленый предварительно пережженный валунный камень-гранит (составные части — кварц, слюда, ортоклаз), во множестве содержащийся в материковой глине, наряду с полевым шпатом, грубозернистым известняком и другими породами. В качестве примеси использовались также мелкозернистый или крупнозернистый песок, измельченная болотная руда (бурый железняк) и шамот. Если песок и дресва встречаются часто в чистом виде, то руда и шамот добавлялись в глиняное тесто как дополнительный компонент при основной примеси — дресве.
Характеристику примесей по отдельным этапам культуры мы дадим ниже. Укажем здесь только, что П. Н. Третьяковым, по-видимому, ошибочно указана в качестве примеси для милоградской керамики Чаплинского городища битая раковина [241]. В милоградских материалах Чаплинского городища и в милоградских слоях на других памятниках за многие годы нами ни разу не отмечена примесь раковины. Очевидно, в Чаплине она должна быть отнесена к зарубинецким слоям. Основным видом примесей в зарубинецкой керамике Чаплинского городища, как и на других зарубинецких памятниках южной Белоруссии и в милоградской культуре, была дресва. Отпечатки зерен пшеницы и проса, очень редко встречаемые на стенках сосудов, не дают оснований утверждать применение растительных 'примесей, впрочем, в единичных случаях все же отмеченных. Равномерное распределение примесей свидетельствует о тщательном вымешивании глины при подготовке к лепке.

Поверхность сосудов от примеси дресвы обычно шероховатая, иногда бугристая или даже колючая. Снаружи на сосудах бывают заметны следы легкого сглаживания, по-видимому, тряпкой или куском кожи. В отдельных случаях, особенно на ранних формах, поверхность сосудов заглажена очень тщательно. Менее тщательно сглаживалась внутренняя поверхность сосудов. На шейках и донных

[241] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 135.

частях некоторых сосудов сохранились отпечатки ткани. В одном случае расположенные группками под венчиком сосуда отпечатки ткани имеют орнаментальный характер. Штриховка поверхности для милоградской керамики Южной Белоруссии в целом не характерна, изредка она встречается на северных памятниках, пограничных с культурой городищ со штрихованной керамикой. Для милоградской керамики Белоруссии не свойственно и лощение. Исключением являются сосуды из курганного могильника у дер. Дубой, где наряду с обычными, нелощенными (хотя и заглаженными) обнаружено два лощеных сосуда, имеющих облик, близкий к сосудам высоцкой культуры [242]. Эти сосуды мы пока не можем считать типичными для милоградской культуры. В той же мере имеют отношение к милоградской керамике и обломки лощеных сосудов, орнаментированных гирляндами и поясами из пальцевых защипов, встречающиеся на поздних этапах существования милоградских памятников. Появление этих форм также связано с посторонними влияниями. Поздняя милоградская керамика, синхронная с зарубинецкой культурой и находящаяся иногда в одних комплексах с лощеной зарубинецкой посудой, никогда не бывает лощеной. Что касается южных памятников, то не характерно лощение и для керамики на памятниках подгорцевского типа, однако оно не раз отмечено на более ранней милоградской керамике Западной Волыни, где с лощением сочетается примесь толченого кремня, присущая местным культурам эпохи бронзы[243]. На нескольких черепках нашей белорусской коллекции обнаружен светлый ангоб, однако невыразительный облик этих обломков керамики не позволяет наверняка увязывать их с милоградскими материалами.

Огромное количество полученной при раскопках керамики (десятки тысяч обломков) и ежегодная большая реставрационная работа позволили реконструировать все основные формы сосудов милоградской культуры Белоруссии. В нашем распоряжении имеется сейчас "около 150 полных профилей сосудов, в связи с чем графическая реконструкция сосудов не вызывает затруднений. Полнота коллекций сосудов подтверждается и набором грузиков-пряслиц, передающих те же формы сосудов [244].

Прежде чем переходить к типологическому рассмотрению керамики, скажем несколько слов о характерных милоградских формах посуды в целом. Большинство сосудов, как мы упоминали выше, имело шаровидное, округлоуплощенное или яйцевидное тулово и округлое днище, что не представляет исключения для этой эпохи и встречается также в других культурах на западе и востоке[245]. Изредка встречаются сосуды с плоским днищем. Часть горшков снабжена невысокой шейкой с выделенным венчиком. Распространены и сосуды без шейки с прямым или загнутым внутрь краем. Некоторые сосуды имеют как бы искусственно намеченную шейку в виде сделанного пальцем желобка, опоясывающего сосуд под венчиком. Форма края венчика во многом зависит от времени сосуда. На средних и поздних этапах у большинства сосудов он округлен. Орнамент расположен на шейке или плечиках и под венчиком. На его характеристике мы остановимся ниже.

Размеры милоградских сосудов весьма различны: высота и диаметр их — в пределах от нескольких сантиметров до 30 см. Распространены миниатюрные сосудики высотою 3—5 см. От размера сосудов зависит и толщина их стенок (в среднем 6—7 мм). Небольшие, средние и крупные сосуды встречаются примерно в одинаковой пропорции, очень крупные — относительно реже. Самой распространенной основной формой является яйцевидный горшок с невысокой шейкой, существовавший на всех этапах милоградской культуры, а также круглодонная миска, дошедшая в несколько видоизмененном виде до заключительных этапов. Возможно, к ведущим формам следует отнести и круглодонный горшок с шейкой и шаровидным туловом, встречающийся почти на всем протяжении существования памятников милоградской культуры. Наряду с названными бытовали и другие сосуды, в значительной мере производные от них.

[242] Ю. В. К у х а р е н к о. Памятники железного века..., табл. I; табл. 2, *8;* табл. 3, 3 и табл. 4, *4.*

[243] I. К. С в е ш н і к о в. Пам'ятки мілоградськоі культури в бассейні р. Горинь, стр. 64.

[244] Ассортимент пряслиц, имеющих форму сосудов, несколько шире ассортимента милоградских сосудов Белоруссии, что объясняется большей архаичностью этого вида находок, также передающих форму раннемилоградских сосудов Украины, высоцкой и лужицкой культур.

[245] См., например, круглодонные формы в культурах железного века на территории Германии и Франции (K. Kersten und Peter La B a u m e. Vorgeschichte der nordfriesischen Inseln. Neumünster 1958, tabl. 109, 112—117; P. L i l m a n. Zeitfaden, der ostfriesischen Urgeschichte. Leipzig, 1934), а также в памятниках дьяковской и ананьинской культур (Е. И. Г о р ю н о в а. Этническая история Волго-Окского междуречья, стр. 26, рис. 7; А. В. З б р у е в а. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 66—74).

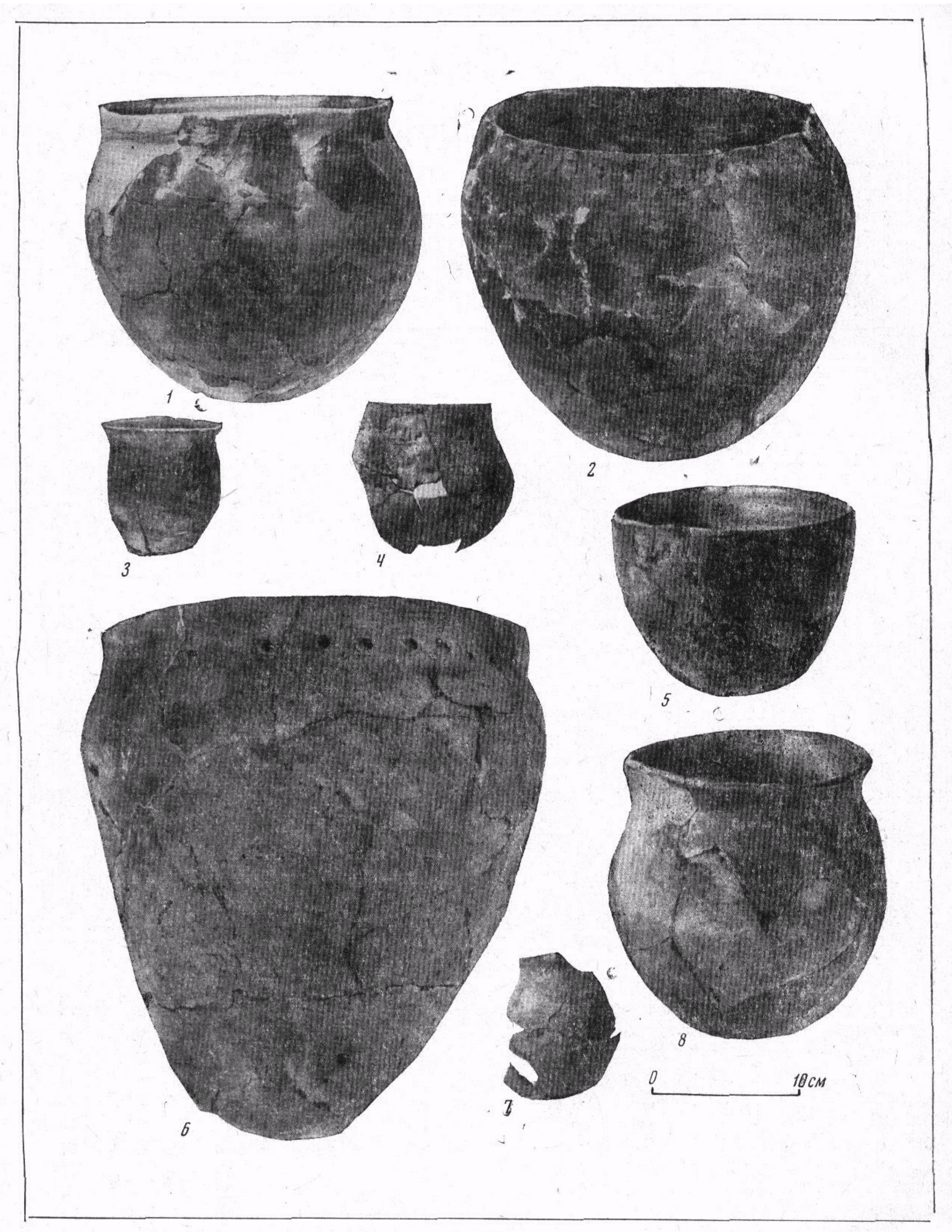

Рис. 41. Сосуды милоградской культуры Белоруссии

1, 2, 4—7 — Горошковское городище, *3* — Горошковский могильник; *S* — Милоградское селище к северу от городища

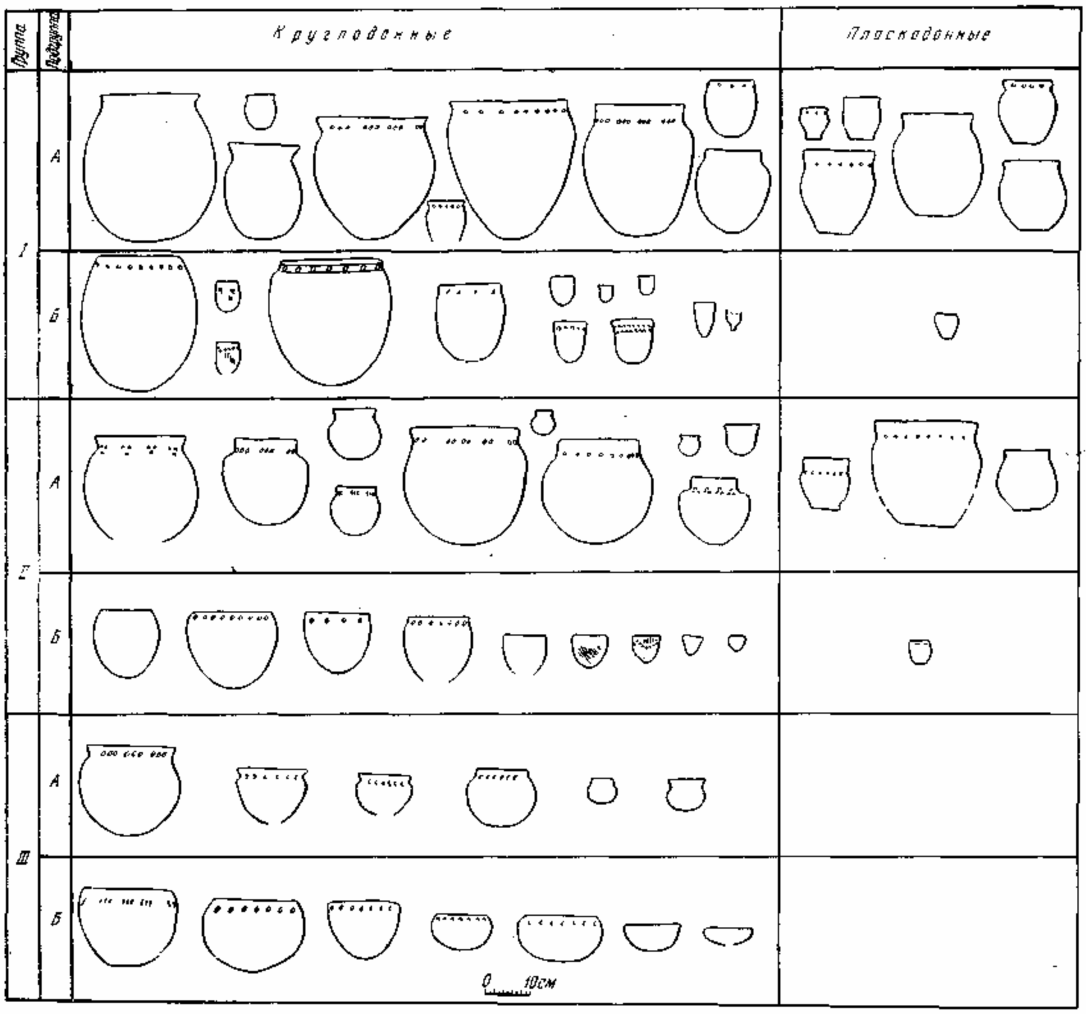

Рис. 42. Типологическая таблица основных форм сосудов милоградской культуры Белоруссии (ср. с рис. 55)

Классифицировать сосуды милоградской культуры по их назначению трудно, так как между различными по назначению сосудами нет резкой грани. Бесспорно, большие сосуды часто служили для хранения запасов, о чем свидетельствует отсутствие следов копоти и нагара на них. Большая часть остальных сосудов служила для приготовления пищи. В качестве столовой посуды употреблялись чаши или миски, обычно довольно глубокие, и круглодонные кубки или бокалы. В количественном отношении на всех памятниках преобладают сосуды для приготовления пищи, столовая посуда более распространена на поздних памятниках.

Типологически сосуды милоградской культуры Белоруссии разделены нами на три группы (рис. 42), при этом мы взяли за основу соотношение высоты и диаметра сосудов. Так, в первую группу включены сосуды, высота которых превышает их диаметр, во вторую — с высотой, примерно, равной диаметру, и в третью — с высотой меньше диаметра. Сосуды первой группы имеют тулово яйцевидной или тюльпановидной формы, второй группы — округлые и шаровидные, третьей — округло-уплощенные и полушарные формы. Так как обычно форме горшка, имеющего шейку, соответствует форма с невыделенным краем, каждая из трех перечисленных больших групп разделена нами на две подгруппы: А — сосуды с шейкой и Б — сосуды без шейки, с прямым или загнутым внутрь краем. Последние представляют собой те же сосуды, что и в подгруппах А, но как бы со срезанным верхом и овальной или яйце-

видной формой тулова. При этом днищем может являться как расширенная, так и заостренная часть этой фигуры. Немногочисленные сосуды с плоским или уплощенным дном хорошо укладываются в рамки той же типологии, однако их отличает то, что все они снабжены шейкой и, следовательно, относятся только к подгруппам А (первой и второй группы). В целом за пределами нашей типологии оказывается всего несколько сосудов, не типичных для милоградской культуры.

Предложенная нами классификация керамики, как мы увидим ниже, в какой-то мере отражает и хронологическое членение материала. Так, в первую группу керамики вошли сосуды из курганного могильника у дер. Дубой — одного из древнейших памятников милоградской культуры Белоруссии (VI—V вв.), сосуды из жилища на Моховском I городище, из комплекса удлиненной постройки с раннего милоградского селища в Горошкове и т. д.

Значительная часть форм, выделенных нами в третью группу, наиболее характерна для позднего этапа культуры, особенно глубокие чашевидные миски, в основном полученные при раскопках позднего памятника — Милоградского городища. Сказанное не исключает наличия некоторых ранних форм сосудов в поздних комплексах. Выше приведены примеры бытования некоторых форм сосудов древнейших периодов до конца существования милоградских памятников, что свидетельствует об устойчивости традиций в этой области материальной культуры у милоградских племен.

Среди форм, не вошедших в типологию милоградских сосудов, связанных с влиянием смежных культурных областей, отметим найденную в одном из погребений Горошковского могильника верхнюю часть типичного латенского сосуда с суженным горлом и широкими сильно покатыми плечиками, а также несколько обломков сосудов таких же форм в других комплексах. Ближайшей аналогией им является урна из могильника в Залесье, в которой найдена раннелатенская фибула[246]. Другая нетипичная форма — грушевидные сосуды с выступами, обнаруженные в могильнике у дер. Дубой в Полесье [247], поиск аналогий которым уводит нас к памятникам высоцкой и раннескифской культуры. О влиянии лужицкой или высоцкой культуры свидетельствует также найденный на Горошковском городище обломок небольшого сосуда на ножках. Черный лощеный сосуд, украшенный узором из парных ногтевых защипов, близок по орнаментации сосудам поморской культуры. В данном случае сосуд и обломки других подобных сосудов относятся скорее всего к зарубинецкому периоду на милоградских памятниках. Относящихся к этому времени не многочисленных сосудов зарубинецких форм, найденных на милоградских памятниках, мы здесь не касаемся (рис. 43). Возможно, к милоградскому комплексу следует отнести обломки сосуда-цедилки, обнаруженные на Чаплинском городище[248]. Подобные сосуды-дуршлаги известны в Среднем Поднепровье с белогрудовского времени, встречаются они и в памятниках лесостепи в IV—III вв. до н.э.[249] На городище в Горошкове нами найден обломок нижней части сосуда типа скифского черпака со слегка вмятым центром днища, а в одном из погребений — обломок толстого глиняного диска с невысокой закраиной.

Характеризуя орнамент на милоградской посуде, следует отметить, что приемы его исполнения имели в раннем железном веке широкое распространение, не в пример формам сосудов, резко отличавших милоградскую керамику от керамики смежных культур. Эти приемы орнаментации выходили за пределы области, занятой милоградскими племенами на севере и на юге. В то же время сочетание отдельных элементов орнамента и в некоторых случаях расположение его зачастую характерно только для милоградских памятников.

Большинство сосудов на милоградских памятниках Белоруссии орнаментировалось, при этом орнамент всегда располагался в верхней части сосуда: на шейке, плечиках или под краем, если сосуд не имел шейки. Верх венчика не покрывался орнаментом. Обычно на милоградских сосудах орнамент располагался в один ряд, сравнительно редко — двумя горизонтальными зонами, в исключительных случаях — тремя и более зонами вокруг шейки и по плечикам. Наиболее распространенными элементами орнамента являются вдавления концом пальца или (более мелкие) ногтем—вертикально, горизонтально, с наклоном вправо или влево, вдавления (мелкие или крупные) концом круглой палочки, обычно поставленной перпендикулярно к плоскости, иногда с наклоном снизу вверх (конец палочки мог быть

[246] Н. Ф. Беляшевский. Поле погребальных урн эпохи La Tene..., стр. 16, рис. 1, 2.

[247] Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века..., табл. I, 9; табл. II, *8*.

[248] П. М. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 148, рис. 18, *13*.

[249] В. Г. Петренко. Культура племен Правобережного Среднего Поднепровья в IV—III вв. до н. э., стр. 61, 62, рис. 14.

закругленным, иметь прямой срез или неровную поверхность, отчего зависела и форма ямки — округлая, плоская или с неровным дном; в качестве штампа иногда употреблялись обточенные концы рога); вдавления снизу вверх щепкой с плоским концом или узкой лопаточкой; различной формы вдавления с внутренней поверхности сосуда, которым на его наружной поверхности соответствуют выпуклости — горошины (так называемый жемчужный орнамент); удлиненные прямые или волнистые врезы, сделанные тонкой палочкой; точечные вдавления. На ранних этапах культуры встречаются в виде очень редкого исключения и некоторые другие виды орнаментов.

Штриховка поверхности сосудов, встречающаяся иногда на северных памятниках, в тех редких случаях, когда она нанесена на милоградский сосуд, не носит орнаментального характера. Во всяком случае, нам это ни разу не встретилось. В то же время штриховка орнаментального характера не раз наблюдалась нами на собственно зарубинецких формах (например, в материалах Милоградского городища).

Признаком принадлежности керамики к зарубинецкой культуре или связанным с ней культурным кругам являются орнаментация пальцевыми вдавлениями и защипами по венчику, попеременными вдавлениями с наружной и внутренней сторон по краю венчика, бороздчатыми расчесами многозубчатого штампа, ногтевые защипы, разбросанные поединично или в различных сочетаниях по корпусу сосуда. Для милоградской керамики ни один из этих видов орнамента не характерен.

Обычно на сосудах милоградской культуры перечисленные выше элементы орнамента расположены в ряд, причем отдельные вдавления следуют на равных расстояниях одно от другого. Иногда они располагаются группами по два, три, четыре или больше (до восьми) с равными интервалами между отдельными группами. Характерны объединенные в группы по три вдавления, образующие треугольник. Встречаются также парные или строенные, косо расположенные пальцевые вдавления или выпуклости жемчужного орнамента, расположенные в шахматном порядке врезы, вертикальные в три яруса ногтевые вдавления, пояски и гирлянды из точечных вдавлений, косые параллельные оттиски гребенчатого штампа. Штамп применялся и при нанесении точечных или мелких ямочных вдавлений, состоявших из двух или нескольких элементов, о чем говорит полная идентичность отдельных оттисков. Вероятно, как образец подобного штампа можно рассматривать железное раздвоенное на конце острие с Горошковского городища (см. рис. 24, *4*). Иногда на одном сосуде сочетаются различные элементы орнамента: жемчужный — с ямочным, пальцевой и ногтевой — с вдавлениями косо поставленной палочки или щепки, а также с волнистыми врезами, пояски или гирлянды из точечных вдавлений — с группами параллельных вертикальных врезов и т. д. В целом для белорусских памятников характерно явное преобладание орнаментации пальцевыми и ногтевыми вдавлениями. Второе место принадлежит различным видам ямочного орнамента, нанесенного палочкой. Некоторые виды орнамента присущи только определенным периодам. Вопрос о соотношении отдельных видов орнамента с формой сосудов требует дальнейшей разработки. Некоторые данные по этому вопросу можно почерпнуть из приводимой нами хронологической таблицы керамики и из таблиц отдельных керамических комплексов.

Данные по орнаментации сосудов получают ценное дополнение при анализе орнаментов на многочисленных грузиках-пряслицах в форме сосудов, не только уточняющих применение определенных видов орнамента на милоградских сосудах Белоруссии, но и, что особенно ценно, дающих представление об орнаментации на предшествующих этапах и об истоках культуры.

Переходя к хронологии милоградской керамики Белоруссии, следует отметить, что большой материал, полученный в результате планомерных раскопок разновременных памятников, относящихся ко всем периодам милоградской культуры, позволяет уже в настоящее время, на начальных этапах изучения культуры, дать характеристику этой важнейшей категории находок на отдельных хронологических отрезках. Весь керамический материал условно разделен нами на три хронологических группы, характеризующие ранний, средний и поздний этапы в развитии культуры. В абсолютной датировке ранней группе примерно соответствует время со второй половины VI по IV в. до н. э.; средней — III—II вв. до н. э. и поздней — I в. до н. э.— I в. н. э. Для характеристики каждой из этих групп нами привлекался как материал с памятников в целом (в случае, если памятник существовал только в один из указанных периодов), так и главным образом материал из отдельных комплексов, поддающихся хронологическому определению. В некоторых случаях привлекались и обнаруженные отдельные сосуды или части их, если по аналогии с другими материалами принадлежность к определенной хронологической группе была бесспорной. Из всего материала

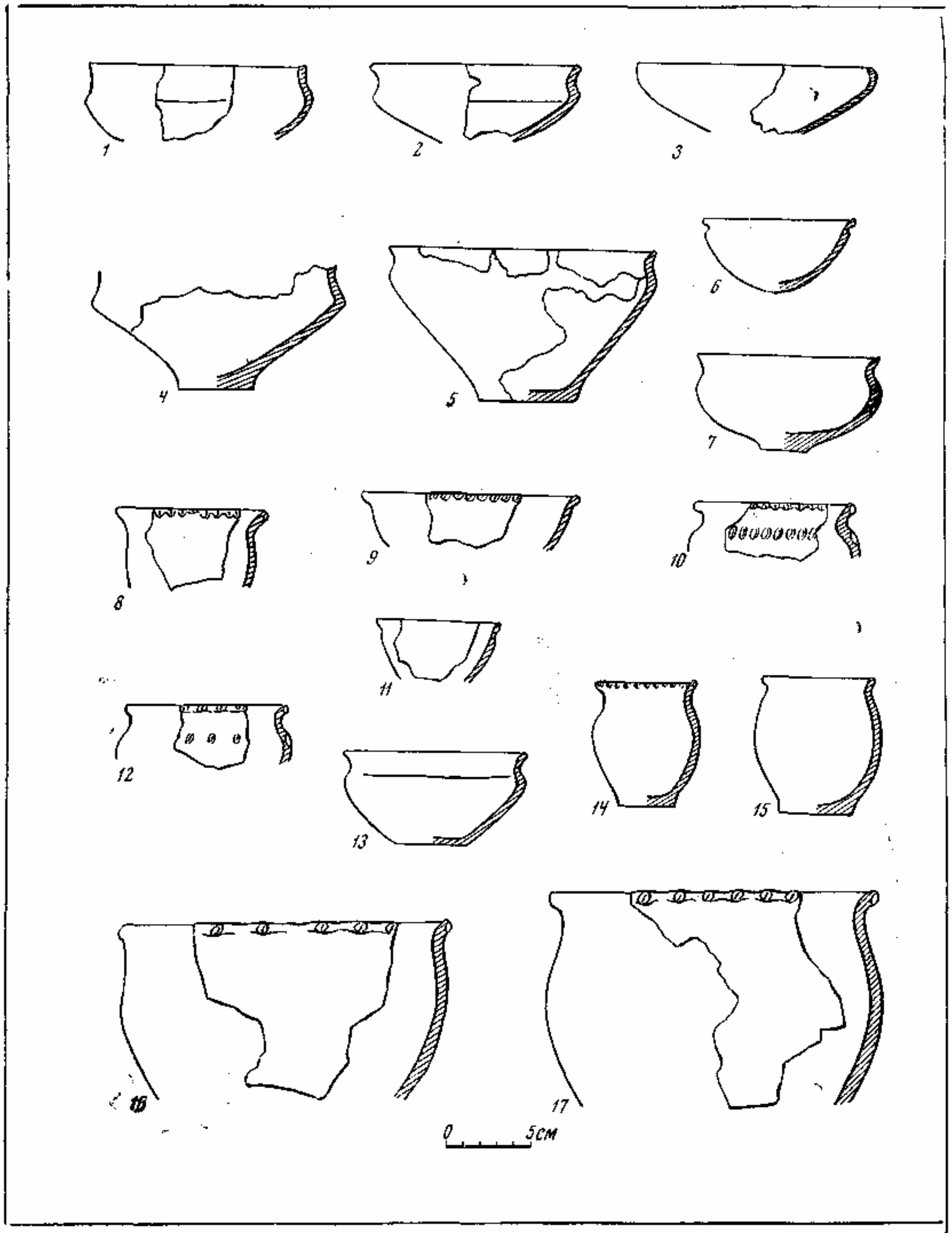

Рис. 43. Зарубинецкие сосуды Южной Белоруссии

1, 8, 9 — Милоградское городище; *2, 3, 5* — Горошковское городище; *4, 13* — Горошковский могильник зарубинецкой культуры; *6, 7, 10, 12* — Чаплинский могильник; *11, 16, 17* — Горошковское селище зарубинецкой культуры; *14, 15*—Чаплинское городище

для составления хронологической классификации керамики нами отобрано несколько десятков наиболее убедительных и лучше всего поддающихся временному определению комплексов.

Обратимся к непосредственному рассмотрению керамики каждой из этих хронологических групп.

1. Группа ранней милоградской керамики (конец VI—IV вв. до н. э.) представлена комплексами с Моховского I городища (землянка, раскопки 1955—1956 гг.), Горошковского селища милоградской культуры (удлиненная постройка, раскопки 1954—1955 гг.), материалами Асаревичского могильника и рядом комплексов с Горошковского городища и могильника (рис. 44). По этим комплексам выделены и основные формы раннемилоградских сосудов на сводной хронологической таблице (см. ниже). Основанием для выделения ранней группы керамики являются несколько признаков, прежде всего наличие на сосудах так называемого жемчужного орнамента. Как показали раскопки П. Н. Третьякова, наши работы и работы других исследователей памятников раннего железного века Юго-Восточной Белоруссии, жемчужный орнамент на этих памятниках, чрезвычайно характерный для керамики VI—IV вв. до н. э., в более позднее время прекращает свое существование. Бесспорная датировка Асаревичского городища и могильника с большим количеством скифских наконечников стрел в основном IV в. до н. э. (возможно, также концом III в. до н. э.) является поздней датой и для керамики с жемчужным орнаментом. Ранняя дата последней подтверждается и тем, что при разрезах валов на Горошковском и Чаплинском [250] городищах черепки с таким орнаментом встречены в основании валов. На Горошковском городище, основной материал которого относится ко времени с конца IV в. до н. э., комплексы с жемчужным орнаментом занимают уже незначительное место. Другим важным определяющим признаком для сосудов является наличие плоских или уплощенных днищ. В то же время сосуды с округлым днищем преобладают и на этом этапе. Хронологическими признаками служат и некоторые другие, кроме жемчужного, виды орнаментации сосудов, форма края венчика, а также формы некоторых сосудов.

Раннюю группу характеризуют яйцевидные и шаровидные формы сосудов и иногда, как мы отмечали, сосуды тех же пропорций с плоским или уплощенным дном. Сосуды снабжены шейкой с различно отогнутым венчиком. Сосуды без выделенной шейки, весьма распространенные позже, в ранних комплексах очень редки, за исключением типичных для этого времени мисок полушарной формы и некоторых миниатюрных сосудиков. Шейки сосудов отогнуты наружу резко (образуя невысокий воронкообразный венчик) или слегка, реже — прямые. Форма края венчика на ранних этапах довольно разнообразна. Наряду с простым закругленным краем распространены венчики со скосом к внешней стороне, треугольные в разрезе, уплощенные сверху и т. д. (рис. 45, *1-13).*

Поверхность ранних милоградских сосудов иногда хорошо заглажена. Как исключение в ранней группе керамики (в слое Моховского I городища) встречен один обломок сосуда с штрихованной поверхностью. В глине наряду с дресвой часто обнаруживается примесь песка, реже — шамот, совсем редко — бурый железняк (охра).

Как упоминалось, орнаментация сосудов на раннем этапе отличается большим разнообразием, чем в более позднее время. Орнамент наносился с наружной и с внутренней стороны под венчиком и по шейке сосуда, причем для нанесения вдавлений с внутренней стороны использовались те же разнообразные приемы орнаментации, что и при наружном украшении горшка: ямки, нажимы косо поставленной палочки, бобовидной формы углубления и т. д. Обычно вдавлениям изнутри соответствует выпуклость («жемчужинка») снаружи (рис. 46). Встречается сочетание различных элементов орнамента на одном сосуде. Как исключение в самых ранних комплексах обнаруживается орнаментация рядами косых отпечатков зубчатого штампа и налепные валики. Найден также один фрагмент с прочерченным елочным узором, как на высоцких сосудах. Орнамент ногтевыми и пальцевыми вдавлениями в ранней группе встречается относительно реже, чем на более поздних сосудах. Орнаментировалось подавляющее большинство сосудов. Исключение представляют неорнаментированные сосуды из курганов у дер. Дубой в устье Горыни, что является, возможно, локальным признаком.

2. Для среднего этапа милоградской культуры Белоруссии (III—II вв. до н. э.) характерно, с одной стороны, отсутствие жемчужного орнамента на сосудах, с другой — отсутствие зарубинецких включений, обычно весьма распространенных в более поздних материалах (рис. 47). Важное подспорье при выделении этого этапа — находки в комплексе с керамикой

[250] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 122.

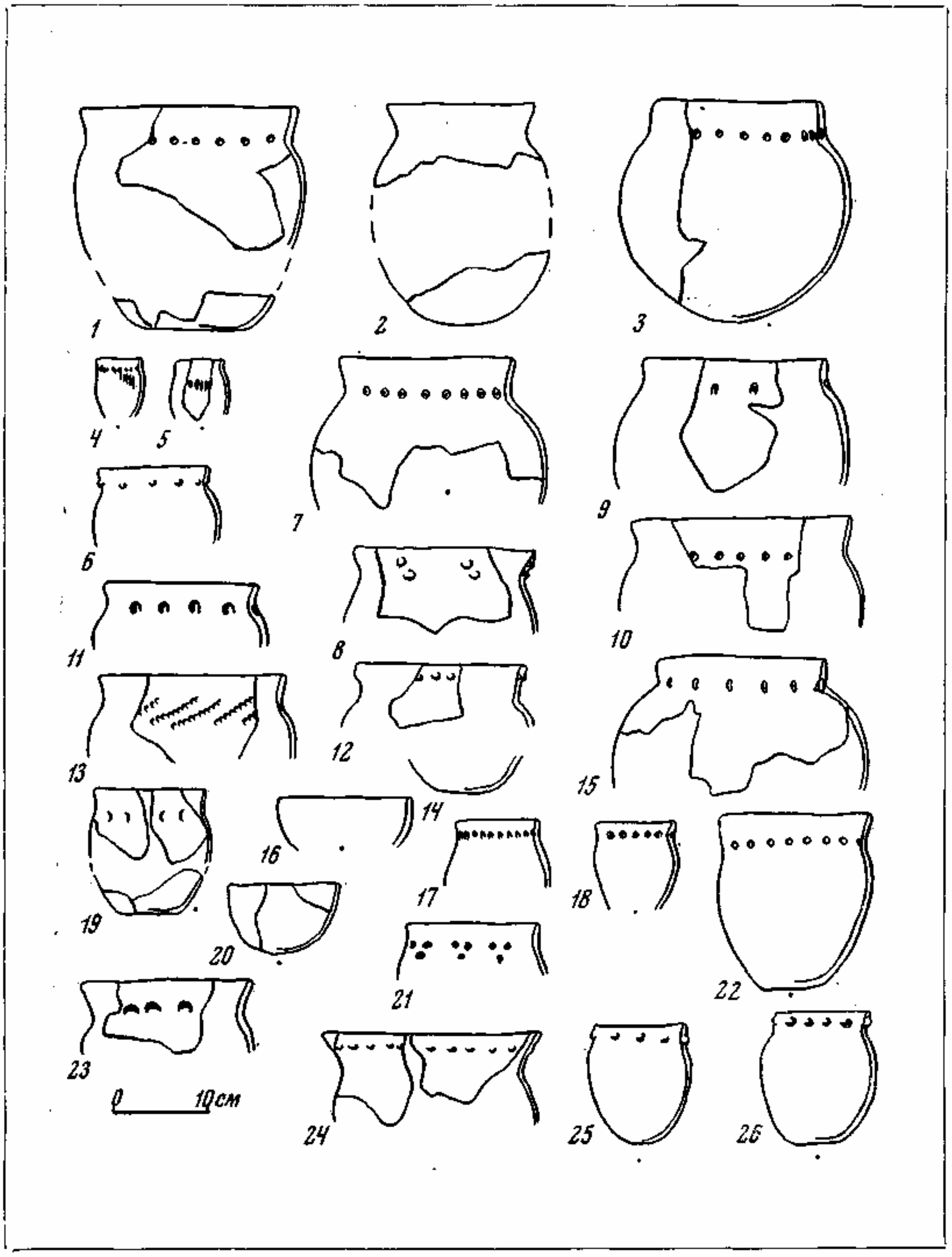
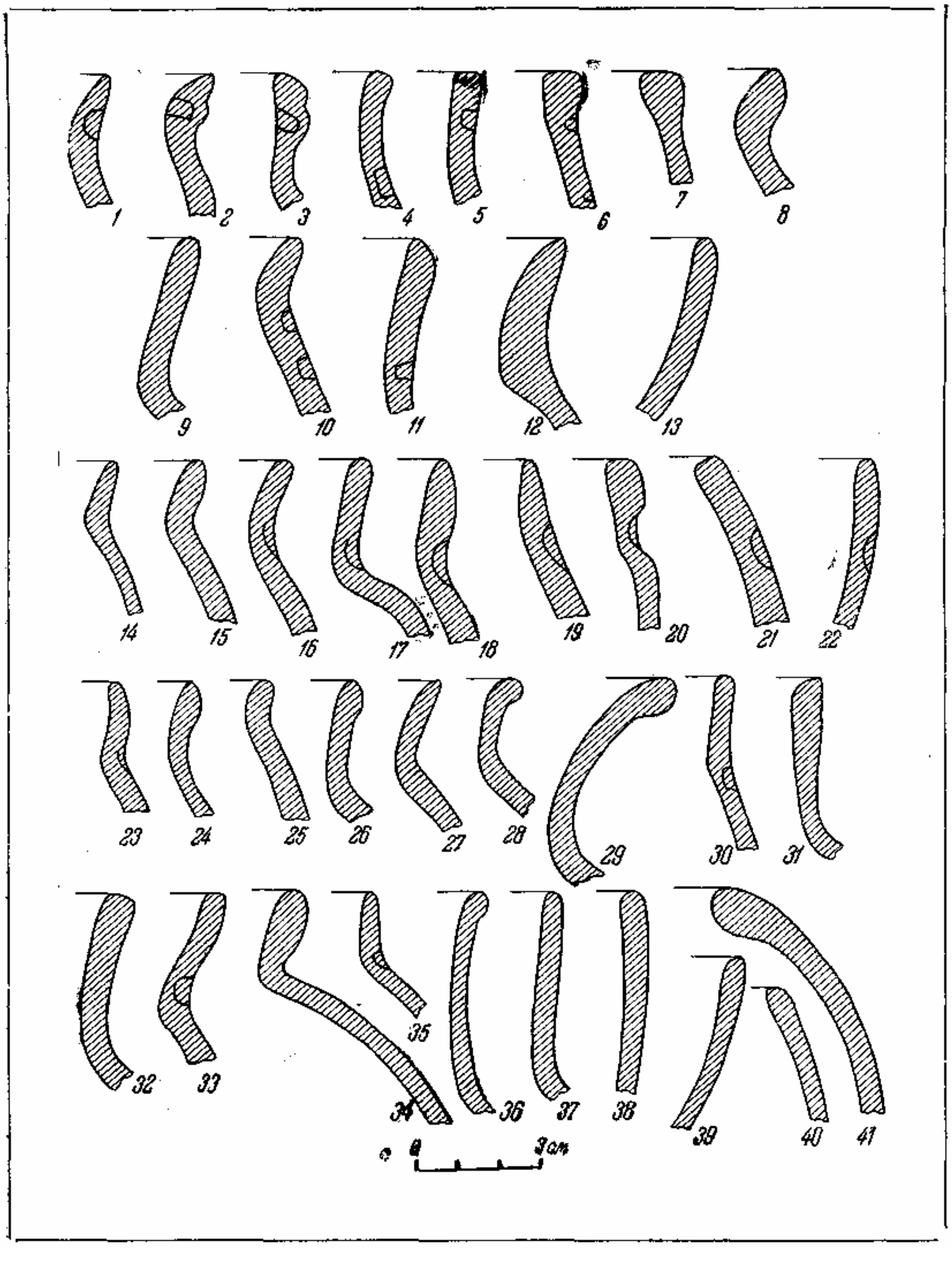

Рис. 44. Сосуды милоградской культуры из комплексов VI—IV вв. до н. э.

1—3, 7—10, 12,15 — Асаревичский могильник; *4—6,11,13, 14*— раннее селище у Горошковского городища; 16—18, *21, 22, 25, 26* — Моховское I городище; *19, 23, 24* — Горошковское городище; *20* — Горошковский могильник

Ряс. 45. Профили венчиков милоградских сосудов Южной Белоруссии

1—13 — ранний этап; *14—22* — средний этап; *23—41* — поздний этап

металлических и других предметов, обладающих датирующими признаками, однако в некоторых случаях более точно при сопоставлении отдельных находок с сосудами позволяет определять дату именно керамика. Так, отсутствие керамики с жемчужным орнаментом и других ранних форм и орнаментов в керамических комплексах двух кладов в Горошкове заставило нас несколько изменить дату этих находок. Клад браслетов, обнаруженный в 1954 г., первоначально был датирован концом V—IV вв. до н. э.[251] Детальная разработка керамического материала позволяет, по-видимому, датировать его концом IV—III вв. до н. э. [252] К этому же примерно времени относится и клад орудий труда. Отсутствие ранних черт в ряде других керамических комплексов, также содержащих «датирующие» предметы, заставляет нас предполагать отставание некоторых из них по сравнению с подобными вещами в более южных или западных областях.

К среднему этапу нами отнесена керамика Глыбовского и Борховского городищ. На первом как исключение встречено два-три черепка с жемчужным орнаментом, однако весь облик материала свидетельствует о принадлежности его к среднему этапу. Материал из постройки Борховского городища датируется железной булавкой с головкой в виде треугольной петли и витым стержнем III в. до н. э. Жемчужного орнамента здесь нет. На обоих указанных памятниках полностью отсутствуют зарубинецкие материалы. К средним этапам относится также значительное количество комплексов Горошковского городища и некоторые другие материалы. Сосуды этого периода, как и часть керамики на предшествующем этапе, имеют яйцевидную или шаровидную форму тулова. Посуда с плоским или уплощенным днищем для этого этапа, насколько мы можем пока судить, не характерна. Наряду с сосудами с шейками получают распространение сосуды без выделенной шейки, как бы со срезанным верхом. Венчики все чаще просто округлены, хотя изредка еще встречаются с уплощенным краем и треугольной формой в разрезе (рис. 45, *14—22)*. Поверхность сосудов никогда не бывает хорошо заглажена. Она шероховатая, иногда очень грубая от выступающих частиц дресвы, как исключение на северных памятниках встречено несколько черепков со следами штриховки. Кроме резко преобладающей дресвы, изредка сохраняется

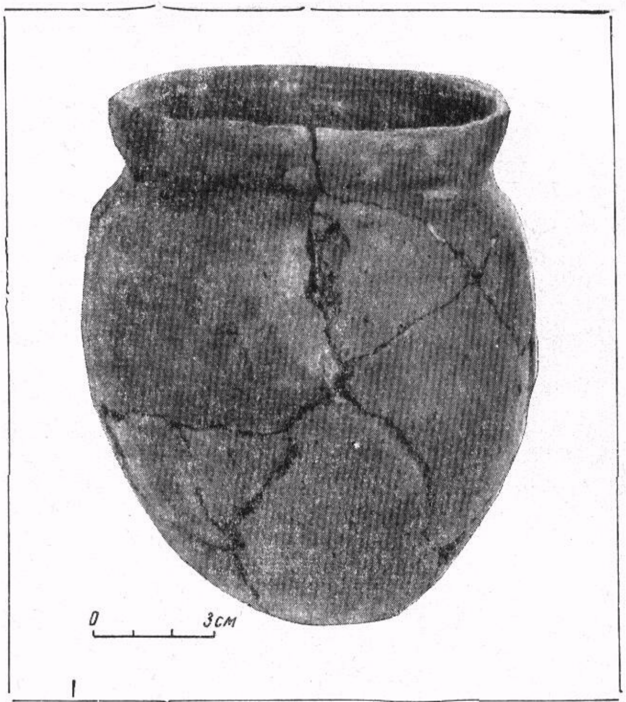

Рис. 46. Сосуд раннего этапа милоградской культуры, найденный на Моховском I городище

еще примесь песка. Также редок шамот. Относительно чаще встречается примесь бурого железняка.

Все сосуды на среднем этапе милоградской культуры Белоруссии орнаментировались, исключения очень редки. Однако орнаменты отличаются меньшим разнообразием. Жемчужный орнамент исчезает, начинают преобладать вдавления концом пальца, или ногтевые врезы. Наряду с ними продолжают существовать вдавления, сделанные прямо или косо поставленной палочкой.

3. В группу керамики, относящейся к поздним этапам развития милоградской культуры, нами отнесены комплексы, содержащие синхронные милоградским зарубинецкие материалы (рис. 48). Датировка их (I в. до н. э.— I в. н. э.) взята нами в соответствии с принятой в последнее время датой зарубинецкой культуры на рассматриваемом участке Поднепровья, в первую очередь материалов раскопок Чаплинского городища и могильника[253]. Среди

[251] О. Н. М е л ь н и к о в с к а я. Клад латенского времени из Юго-Восточной Белоруссии, стр. 153.
[252] Ю. В. К у х а р е н к о. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы.,,, стр. 36.

[253] Ю. В. К у х а р е н к о. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры, стр. 297—299; Д. А. М а ч и н с к и й. О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкои и одновременных ей культур. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 20—28.

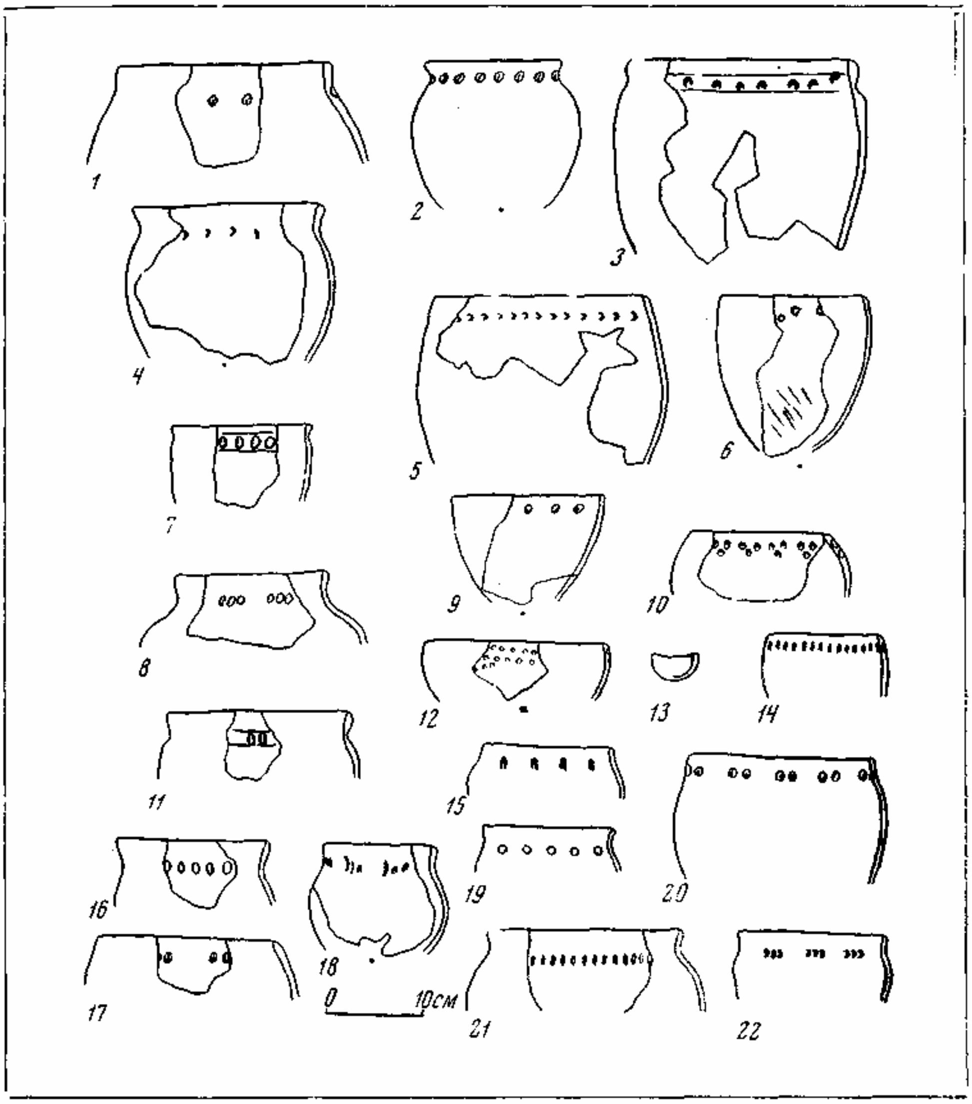

Рис. 47. Сосуды из комплексов III—II вв. до н. э.

1, 4, 7—9, 11, 16—18 — Горошковское городище, 2, *3*, *5*, *6* — Глыбовское городище; *10*12—lS$_t$*
19—22 — Борховское городище

материалов на поздних милоградских памятниках иногда находят не только зарубинецкую керамику, но и металлические вещи, в том числе позднелатенские фибулы, в целом подтверждающие эту дату.

Впрочем, некоторое расширение хронологических пределов этой группы в обоих направлениях вполне вероятно.

К поздней группе милоградской керамики относится значительное количество материалов Милоградского городища, в том числе из нескольких жилищ[254], немало комплексов Горошковского городища, связанных с поздними этапами его существования, а также в значительной мере материалы Чаплинского и Моховского II городища (раскопки П. Н. Третьякова). Правда, последние материалы для характеристики керамики нами почти не используют-

[254] О. Н. Мельниковская. О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии, стр. 35, рис. 2: стр. 38, рис. 5.

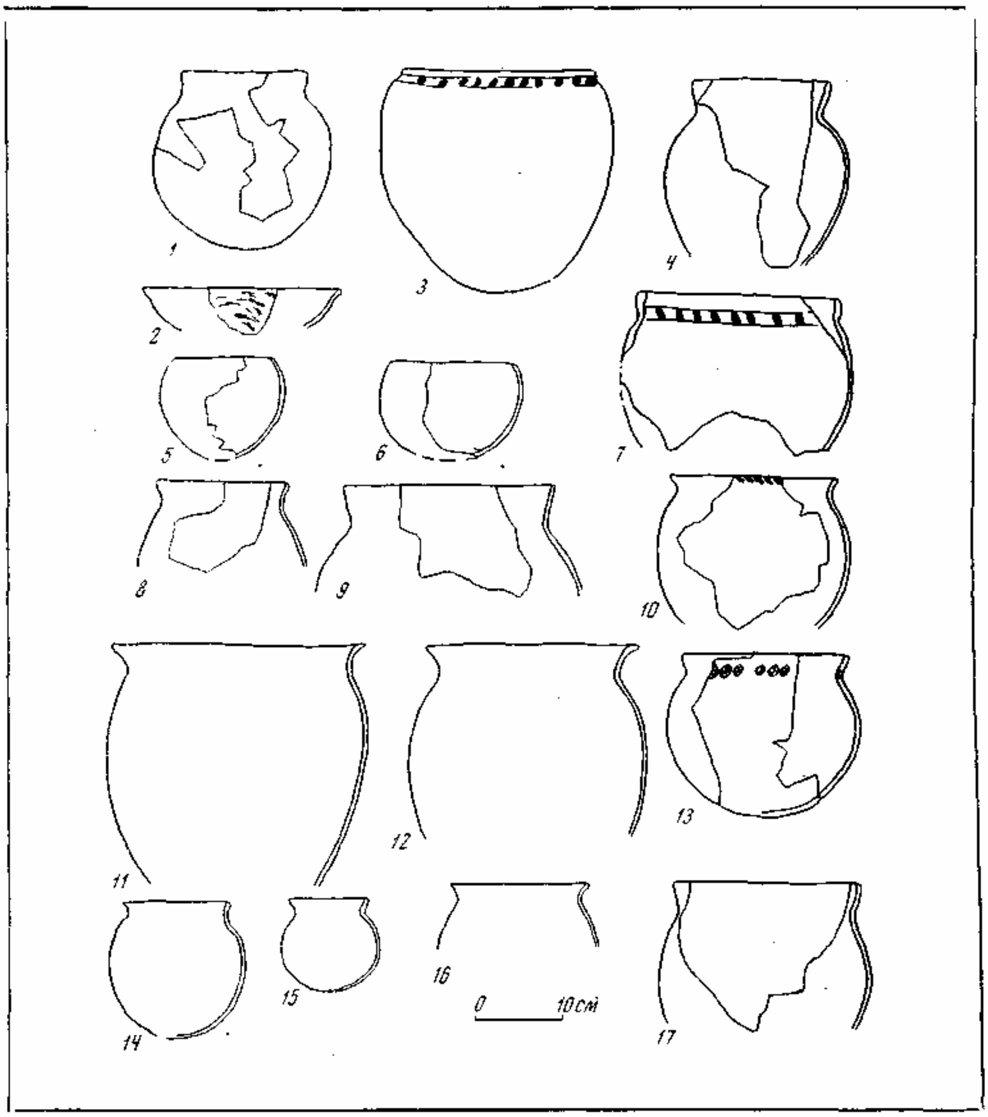

Рис. 48. Сосуды из комплексов I в. до н. э.—I в. н. э.

1, 2, 4—6, 8, 9, 11, 12, 14—16—Милоградское городище; 3, *7, 10, 13, 17*—Горошковское городище

ся из-за лаконичной их публикации, не содержащей данных о взаимовстречаемости милоградских и зарубинецких форм в отдельных комплексах. Из описанных позднемилоградских форм упомянем также сосуд с Колочинского I городища[265].

Сосуды поздней группы по своим формам во многом аналогичны керамике предшествующего этапа, однако наряду с сосудами яйцевидной и шаровидной формы значительное распространение получают также приземистые сосуды. В первую очередь это относится к группе сосудов без шеек, глубоких чаш и мисок, получивших особенное развитие, что, возможно, является свидетельством относительно большего распространения к этому времени столовых форм посуды. Сосудов с плоским днищем милоградских форм мы на позднем этапе пока не знаем. Материалы говорят, что при теснейших

[265] Э. А. С ы м о н о в и ч. Городище Колочин I на Гомельщине, стр. 122, рис. 20, 5.

контактах населения с зарубинецкими племенами оно пользовалось в это время и зарубинецкой посудой. Несколько изменяется профилировка. Наряду с некоторыми прежними формами получают распространение сосуды, слабо профилированные в верхней части, с едва намеченной шейкой. Общей тенденцией в развитии форм милоградской посуды является постепенное расширение диаметра шеек. Сосуды становятся все более открытыми, менее «бокастыми». В поздние периоды диаметр венчика особенно часто приближается к диаметру корпуса или превышает его.

В форме венчиков много общего с венчиками сосудов предыдущего периода. Специфической чертой становятся появившиеся выпуклые бортики и утолщения по краю венчика. Изредка встречаются бортики со скосом во внутрь (рис. 46, *23—41)*. Поверхность сосудов та же, что и на средних этапах,— шероховатая, иногда слегка заглаженная, чаще грубая, с выступающими примесями. Относительно чаще, чем раньше, но все равно в крайне незначительном количестве встречаются черепки со штрихованной поверхностью, особенно на самых северных памятниках. Как мы уже отмечали, штриховка поверхности характерна больше для зарубинецкой посуды, чем для милоградской. Лощение, столь свойственное последней, на милоградских формах этого времени, как и в предшествующую пору, ни разу не отмечено. Основной примесью в тесте остается дресва, однако по сравнению со средним этапом она в чистом виде встречается относительно реже. Обычно ей сопутствуют болотная руда и шамот. Последний, кроме того, иногда встречается в смеси с песком. Песок в чистом виде как примесь в это время нами пока не отмечен.

В отличие от среднего этапа, когда почти на все сосуды наносился орнамент, на поздних этапах доля неорнаментированных сосудов составляет примерно 40% (предварительные подсчеты по материалам Милоградского и Горошковского городищ). В орнаменте по-прежнему преобладают вдавления, нанесенные концом пальца или ногтем, часто применяются и другие орнаменты: косо поставленная палочка, круглые или квадратные ямки, удлиненные врезы и т. д. Край венчика, как и на предыдущих этапах, не орнаментируется. Исключение представляют: один экземпляр с орнаментацией косой насечкой (рис. 48, *10)* и другой — с редкими пальцевыми вдавлениями по верху венчика, в чем сказывается влияние зарубинецкой посуды.

Миниатюрные сосуды по своим формам повторяют сосуды больших размеров (рис. 49).

Многие из названных нами форм сосудов Южной Белоруссии характерны и для территории милоградской культуры на Северной Киевщине, Черниговщине и Волыни—в подгорцевской, ровенской и житомирской группах памятников (рис. 50).

К сожалению, имеющиеся в печати сведения о керамике подгорцевской группы основаны главным образом не на материалах раскопок, а на сборах подъемного материала на дюнах, что не позволяет считать выделенные В. Н. Даниленко комплексы по памятникам полностью достоверными, хотя при ознакомлении с ними обращает на себя внимание ряд связующих моментов с белорусскими материалами [256]. В то же время в целом подгорцевскую керамику трудно рассматривать, полностью руководствуясь хронологической классификацией, предложенной нами для Белоруссии, так как локальные отличия выражены в подгорцевской группе сильнее, чем на каком-либо другом участке милоградской территории (как в керамике, так и в металлических изделиях). Характерной чертой, отличающей керамику белорусских памятников от подгорцевских, является то, что первая почти совершенно свободна от лесостепных влияний, а особенности второй определяются прежде всего влияниями с юга. В частности, для подгорцевской керамики характерно, например, сочетание жемчужного орнамента по шейке сосуда (самого раннего признака для Белоруссии) с защипами или пальцевыми вдавлениями по краю венчика[257] (признак, появляющийся в Белоруссии только в зарубинецкое время и не характерный для собственно милоградской посуды даже на этих поздних этапах развития культуры) (рис. 50, *1—3)*. Мы не останавливаемся на перечислении других отличий в

[256] В.М. Даниленко. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р., стр. 11, 12, *14*. К этой же группе можно отнести и материалы М. К. Якимовича — сосуд милоградского типа из сел. Гапоновичп в устье Припяти (рис. 9) и керамику могильника из сел. Залесья, где также имелись шаровидные сосуды (М. К. Якимович. Дюнные стоянки неолитической эпохи в Радомысльском уезде Киевской губернии, стр. 163—165, табл. XII, рис. 7;: см. также: Архив ИАК, № 49/1905, о присылке М. Якимовичем на рассмотрение Комиссии древностей, собранных им в Радомысльском уезде (Архив ЛО ИИМК, рукопись, табл. I, № *1,5,8 — 10, 12—16, 18, 19)*.

[257] Сосуды с жемчужным орнаментом в сочетании с вдавлениями по венчику обнаружены нами при раскопках Кудлаевского городища юхновской культуры, расположенного на юге юхновской культурной области близ пограничной полосы с милоградско-подгорцевскими памятниками.

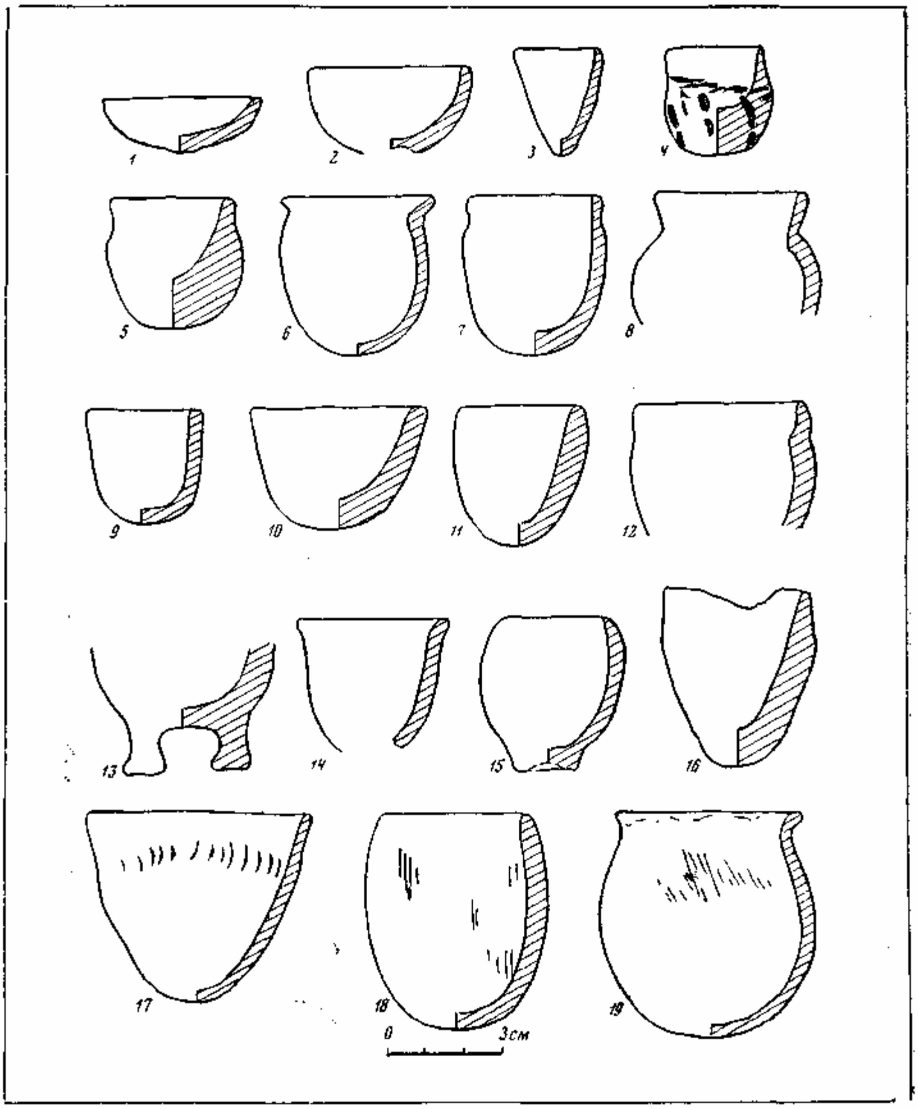

Рис. 49. Миниатюрные сосуды милоградских памятников Белоруссии *(1—19)*

посуде подгорцевской группы памятников, поскольку рассмотрение их не входит в нашу задачу. В конце IV— начале III вв. до н. э. (по датировкам В. Н. Даниленко) памятники подгорцевского типа прекращают свое существование, будучи синхронны, таким образом, только ранней группе милоградской культуры Белоруссии. Для заключительного этапа развития этой культуры аналогий южнее Припяти мы пока не знаем.

Среди керамики, предшествующей подгорцевской группе на Киевщине, с которой может быть связано происхождение ранних белорусских форм, сосудов, отметим здесь комплекс из сел. Гостомеля [258] и сосуды из сел. Погребы [259] (рис. 10, *1—7, 10).* Характеристике подобной керамики с памятников так называемого лебедовского типа, взаимосвязанных с милоградской культурой, уделено внимание в работах В. Н. Даниленко [260]

[258] Н. Т. Евстропов. Стоянка периода поздней бронзы в районе сел. Гостомель. КСИА, АН УССР, вып. 9. Киев, 1960, стр. 73—76, рис. 2, стр. 75.
[259] В. І. Канівець. Звіт про развідкові розкопки біля с. Погребы в 1952 г. Научный архив И А АН УССР; Фонды ИА АН УССР, № 1995.
[260] В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры.., стр. 207.

и С. С. Березанской [261]. При сопоставлении керамики лебедовского типа с древнейшей группой милоградской керамики, близость той и другой в ряде важных моментов становится очевидной (форма сосудов и их венчиков, характер орнаментации и т. д.). Для западных же областей Волыни (Ровенская область, бассейн верховьев Горыни и смежные районы) характерна милоградская керамика, перекликающаяся по своим формам и орнаментации с керамикой ранней группы Белоруссии, однако, очевидно, предшествующая ей по времени. Об этом свидетельствует ряд моментов, связывающих ее с местными памятниками эпохи бронзы (нахождение в одних комплексах с кремневым инвентарем при отсутствии металла, наличие тюльпановидных форм, примесь кремня в тесте, лощение или сильная залощенность поверхности и другие признаки) [262] (рис. 50, *19, 21)*. На территории Житомирщины ранним милоградским сосудам Белоруссии тождественна керамика из раскопок С. С. Гамченко [263] и И. Ф. Левицкого [264] ранних курганных могильников милоградской культуры (рис. 51, *11—14, 22—23)*. Формы сосудов здесь ближе всего круглодонным и с уплощенным дном сосудам с ямочным и жемчужным орнаментом (рис. 46), обнаруженным в южнобелорусском керамическом комплексе землянки на Моховском I городище. В одной из публикаций И. Ф. Левицкого, посвященной более ранним памятникам, две страницы отведено могильнику с керамикой милоградских и лебедовских типов, сопровождавшихся обломком бронзового кельта [265]. В 1945 г. Е. В. Махно произвела небольшие работы на окраине Житомира, где делал раскопки С. С. Гамченко, обнаруживший большое количество керамики, которую мы теперь называем ранней милоградской. Небогатый керамический материал из раскопок Е. В. Махно представлен формами и бронзовой булавкой, близкой к высоцким образцам [266]. В основном керамические материалы с милоградских памятников Восточной Волыни относятся к ранней скифской поре, по-видимому ко времени не позже VI—V вв. до н. э. На смежной территории, в верховьях Южного Буга, исследован курганный могильник у с. Куриловки Хмельницкого района Винницкой области с ранними милоградскими формами сосудов (в том числе с жемчужным орнаментом) [267] и милоградское поселение на р. Гнилопяти в с. Луке-Райковецкой, также давшее полные ранние формы[268] (рис. 51, *18, 20)*.

При сравнении в целом милоградской керамики с материалами смежных археологических культур Верхнего Поднепровья сразу обращает на себя внимание резкое отличие ее от других керамических комплексов: юхновских, смоленских, верхнеокских, среднебелорусских. Как мы уже упоминали, близость здесь сводится в основном к употреблению отдельных общих элементов и приемов орнаментации (в этом отношении у милоградской культуры не меньше общего и с лесостепными культурами скифского круга). Ближе всего к милоградской принято считать керамику восточной группы городищ культуры штрихованной керамики Средней Белоруссии (на восток от Минска). Однако характеристика керамики А. Г. Митрофановым, изучавшим эту культуру и посвятившим ее исследованию диссертационную работу, позволяет говорить о значительных отличиях ее от милоградской. В частности, А. Г. Митрофанов отмечает, что для

[261] С. С. Б е р е з а н ь с к а. Деякі нові дані про епоху бронзи в північній частіні Середнього Подніпровья, стр. 115, рис. 6, *3,* 4 — сосуды лебедовского типа; стр. 116—118;

[262] Материалы раскопок и разведок И. К. Свешникова н А. И. Тереножкина (І. К. С в е ш н і к о в. Пам'ятки міліоградськоі культури в бассейни р. Горинь, стр. 64).

[263] С. С. Г а м ч е н к о . Пятилетие археологических исследований на Волыни (1919—1923 гг.) Научный архив Института археологии АН УССР, ф. № Ф—3, р—I, № 24, рукопись; О н ж е. Раскопки 1924 г. на Волыни (Житомирский областной краеведческий музей, ф—3, р—I, № 28, рукопись); В. П. П е т р о в . Памятники типа Корчак. МИА, № 108, 1963, стр. 36, рис. 10.

[264] См. работы И.Ф.Левицкого: Археологічні досліди в районі Народичи — ст. Шарко-Уманці — Булев — Селець — Болотниця, Коростенської округи року 1925. Рукопись. (Хранится в Научном архиве ИА АН УССР, и в архиве Житомирского областного краеведческого музея № 57, 58); Археологічні досліди в Коростенській і Житомірській округах, року 1926; Археологічні дослідй в Коростенській і Волинський округах року 1928, там же, № 54, 57 (Житомирский областной краеведческий музей, 1272, 1277, 1290, 1303, 1306 и др.).

[265] І. Л е в и ц ь к и и. Стація в ур. Пищаному біля Народичи. «Антропологія», «Річник кабінету антропологи ім. Ф. Вовка». 1930, т. IV. Київ, 1931, стр. 231, 232, фіг. 39.

[266] Э. М а х н о. Дві пам'ятки бронзової' доби в бассейш р. Тетерева, стр. 205—211, табл. 1, стр. 207, рис. 1—3.

[267] О. Ф. Л а г о д о в с ь к а. Р. І. В и е з ж е в, Ф. Б. К о п и л о в. Кургани скифського часу в с. Курілівці. АП УРСР, т. VI. Кшв, 1956, стр. 20.

[268] В. К. Г о н ч а р о в. Лука-Райковецкая. МИА, № 108, 1963, стр. 289, рис. 3.

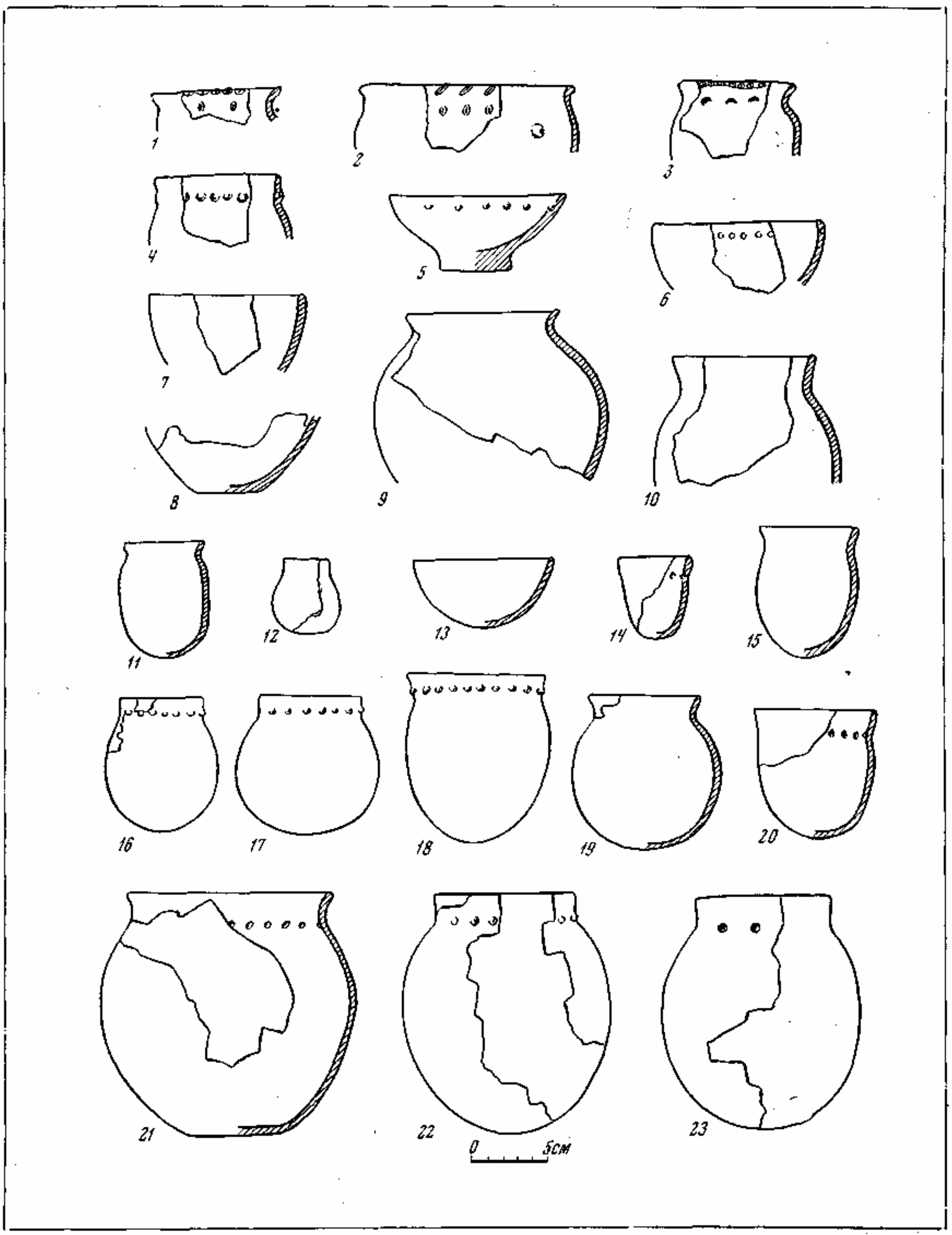

Рис. 50. Сосуды мжлоградской культуры Украины
1—10 — подгорцевская группа; *11—23* — Волынь и Побужье

восточной группы характерны плоскодонные горшки с прямым или отогнутым наружу венчиком. В то же время А. Г. Митрофанов считает возможным сравнивать эту керамику с южнобелорусской, отмечая тут же сходство ее со смоленскими материалами, совершенно чуждыми югу Белоруссии. Как нам представляется, степень близости к милоградской керамике сосудов восточной группы культуры штрихованной керамики не может быть определена до накопления дополнительных данных. До сих пор мы не имеем здесь полных профилей сосудов (рис. 51, *3, 8, 11),* которые можно было бы сопоставить с южными материалами (милоградскими, а не зарубинецкими). Любопытно, что если отдельные фрагменты можно сопоставлять с поздними милоградскими сосудами, то ничего общего с ранними формами здесь не наблюдается. В частности, отсутствует пока жемчужный орнамент. Керамика западной группы культуры штрихованной керамики (Средняя Белоруссия на запад от Минска и Литва) коренным образом отлична от милоградской. Она характеризуется плоскодонными горшками с ребром на корпусе, орнаментом защипами, насечками, врезами и т. д. (рис. 51, *9—10, 12—13)*[269]. Керамика западной группы характерна и для восточной, где составляет 18—20% от общего количества. Важное значение для понимания северных контактов милоградского населения имеет тот факт, что культура городищ штрихованной керамики в Средней Белоруссии датируется более поздним временем, чем милоградская (по А. Г. Митрофанову, не раньше конца III в. до н. э.)[270]. В случае, если дальнейшими исследованиями близость сосудов восточной группы культуры городищ штрихованной керамики и милоградской подтвердится, объяснение этого факта, на наш взгляд, прежде всего нужно будет искать в южных влияниях и инфильтрации милоградского населения в области Средней Белоруссии. Совершенно иной характер связей прослеживается по керамике между памятниками ; милоградской культуры и предшествующими ей памятниками на смежных территориях с юго-запада и юга. С керамикой высоцкой культуры, памятники которой смыкаются с i милоградскими памятниками Украины и территориально и хронологически являются ближайшими к Полесью на юго-западе, милоградскую посуду объединяет ряд форм, характерных как для поздних высоцких, так и для ранних и более поздних милоградских памятников, в том числе и белорусских. Как отмечает Т. Сулимирский, ряд форм сосудов высоцкой культуры на поздних этапах видоизменяется, исчезает орнамент врезанными линиями на сосудах и т. д.[271] Ряд этих форм чрезвычайно близок милоградским. Мы уже упоминали об отмеченном Ю. В. Кухаренко сходстве отдельных сосудов из раскопок в дер. Дубое с высоцкими сосудами [272]. Из материалов наших раскопок в Белоруссии (памятников, почти целиком относящихся ко времени, когда высоцкая культура уже прекратила свое существование) можно также назвать ряд форм, встречающихся в высоцких материалах [273].

Особенно интересно присутствие в белорусских материалах также частей сосудов, находящих аналогии в более специфических высоцких и лужицких формах — обломок черпака, стенка светлоглиняного сосуда с прочерченным елочным орнаментом, борт и стенка небольшого сосуда усеченно-биконической формы, часть сосуда на ножках и т. д.[274] Высоцкие и лужицкие сосуды, в частности сосуды с резным орнаментом, нашли отражение в формах грузиков на милоградских памятниках Белоруссии, на чем мы остановимся ниже. Следует отметить также близость к милоградским отдельных форм сосудов как в белогрудовских [275], так и в чернолесских комплексах [276]. Особенно заметна она в материалах чернолесской культуры, где, как отмечает А. И. Тереножкин, есть целая группа сосудов, которые «не совсем точно укладываются в привычные схемы чернолесских сосудов»[277]. В то же время именно в этой группе наиболее обнаруживается общность с милоградскими формами. По-видимому, здесь, в

[269] А. Г. Митрофанов. К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа. Л., 1955, стр. 9, 11. Автореферат диссертации.

[270] Там же, стр. И.

[271] T. Sulimirski. Kultura wysocka, str. 113—133.

[272] Ibid., tabl. XXIII, I, II.

[273] Ibid., tabl. IX, 3b; X, *Ib, 7e;* XI, *5, 9;* XIII, *27, 31, 32;* XV *3, 14, 20, 24, 33;* XVI, *13;* XVIII, *l, 7, 17;* XXVIII, *3;* XXX, б, и т. д. См. также фонды Львовского Государственного исторического музея Л1М-А-1873, 7220, 7236, 7237, 7326, 7362.

[274] T. Sulimirski. Kultura wysocka, tabl. IX, 1c; XIV, *23;* IX, 1*b, 2d.*

[275] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье, стр. 53, рис. 28, *1, 3.*

[276] Там же, стр. 61, рис. 35, *6;* стр. 62, рис. 36, *3, 4;* стр. 70, рис. 44, *4.*

[277] Там же, стр. 62.

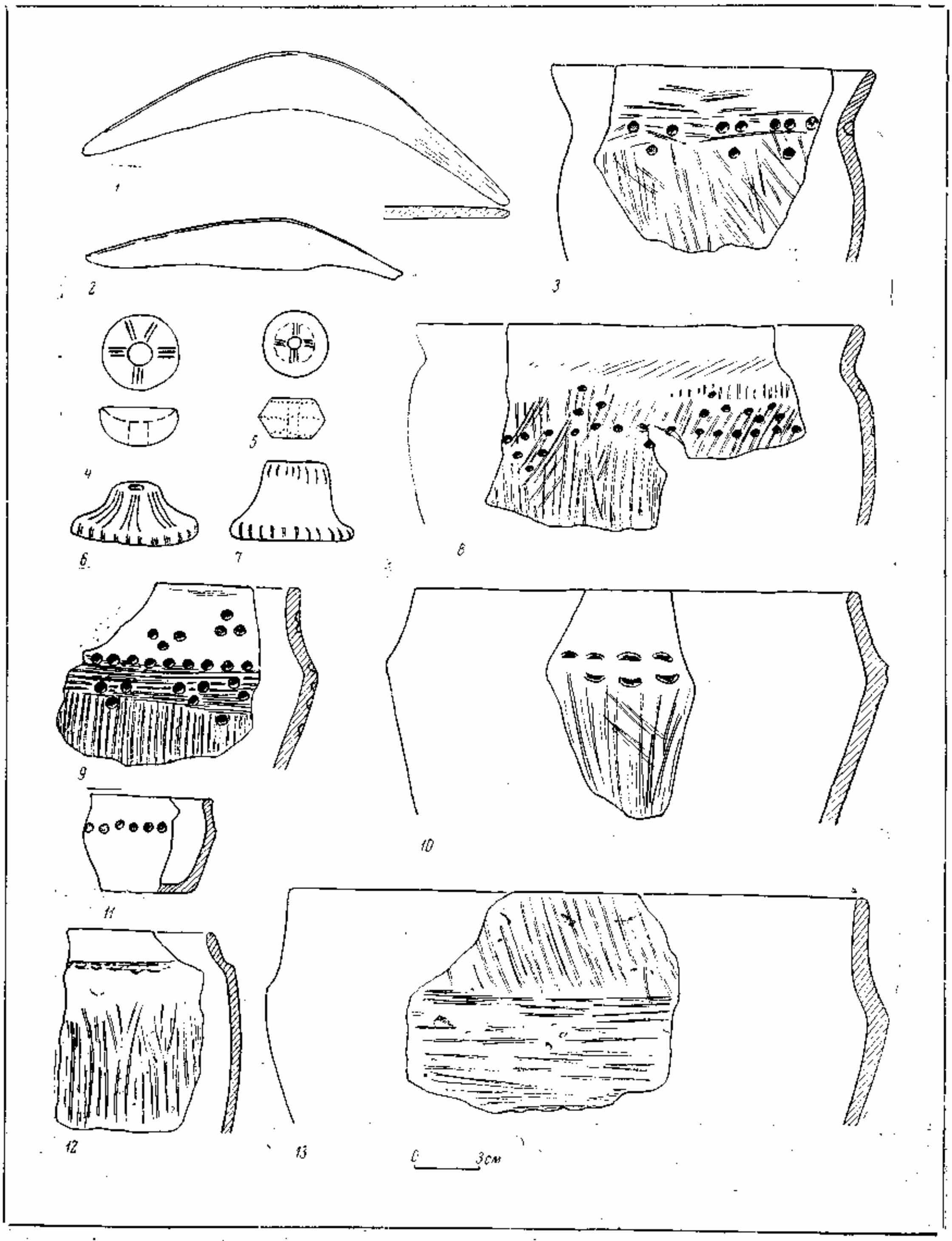

Рис. 51. Вещи, культуры штрихованной керамики, найденные на городищах Средней Белоруссии (по материалам А Г. Митрофанова) *(1—13)*

отличие от памятников высоцкой культуры, где общие для высоцкой и милоградской культур формы сосудов органически входят в высоцкий керамический комплекс, характер связей несколько иной, отражающий, может быть, прежде всего тесный территориальный контакт между ранними милоградскими и чернолесскими памятниками.

Приведенные нами характеристика и сравнительный анализ милоградской керамики с убедительностью показывают значительное единообразие, стабильность в основных формах сосудов, в характере орнаментации их (в том числе устойчивость в применении многих элементов орнамента), в составе теста, обработке поверхности и т. д. на всем протяжении существования памятников милоградской культуры на территории Белоруссии. Почти все эти признаки характерны и для милоградской культуры в целом с некоторыми намечающимися локальными или хронологическими различиями, что естественно для столь огромной территории и широкого хронологического диапазона. Эта общность в керамике позволяет считать глиняную посуду одним из самых устойчивых и выразительных элементов милоградского культурного комплекса.

Глиняные грузики

Не менее ярко, чем в посуде, своеобразие милоградской культуры проявляется и в другой категории вещей, выполненных из глины,— многочисленной группе грузиков, обычно называемых пряслицами. Глиняные грузики являются наиболее частой, после обломков сосудов, находкой на милоградских поселениях. Так, только при раскопках городища в Горошкове их было обнаружено около 600. Общее количество грузиков на милоградских памятниках Белоруссии приближается к тысяче. Около 150 из них описаны в ряде статей О. Н. Мельниковской [278] и П. Н. Третьякова[279], из раскопок довоенных лет в печати упоминаются несколько грузиков с городищ в г. Чечерске на Соже[280].

Грузики характерны для всех этапов милоградской культуры. Однако в раннее время они встречаются реже. На Горошковском городище, как показали контрольные подсчеты на одном из наиболее интенсивно использовавшихся участков, грузики составляют более 50% от общего числа находок (исключая обломки сосудов). Как и сосуды, металлические и другие вещи, они концентрируются в жилых и хозяйственных комплексах, особенно в сооружениях, сохранивших следы культовых действий, где достигают иногда нескольких десятков штук на один комплекс. Находки их за пределами сооружений также обычны, хотя и не столь многочисленны. Немало грузиков встречается в целом виде, однако часты и их обломки. В погребениях грузики встречаются редко.

По составу глины грузики мало отличны от сосудов. Из примесей преобладают дресва и песок, который применяется чаще, чем при изготовлении сосудов. Обжиг такого же качества, как и у сосудов. Хрупкие, слабо обожженные грузики почти не встречаются. Поверхность, как правило, шероховатая, хотя и менее бугристая, чем у многих сосудов (рис. 52). Среди самых ранних грузиков на Моховском I городище встречен один с лощеной поверхностью (в форме катушки с нарезным орнаментом; рис. 53, *32)*. На поздних этапах как очень редкое исключение встречаются грузики с лощеной поверхностью, что свидетельствует о влиянии зарубинецкой культуры. К примеру, на Милоградском городище встречен лощеный грузик в форме зарубинецкого сосуда, на Чаплинском городище — лощеный милоградский грузик. Характерно, что на отдельных грузиках в форме сосудов из поздних комплексов бывает передана штриховка поверхности (рис. *52,16;* 54, *14, 31)* [281].

Размеры грузиков колеблются от 1,5 до 5см. Высота (и размер поперечника) большинства из них равна 3 см. Диаметр отверстия — от 0,3 до 0,8 см, обычно 0,4—0,6 см. Изредка встречаются грузики без отверстий или со слегка намеченной вмятиной в том месте, где обычно бывает отверстие. Термин «грузик»

[278] О. Н. М е л ь н и к о в с к а я. Древнейшие городища Южной Белоруссии, стр. 35, рис. 91, *12;* О н а ж е. Памятники раннего железного века Юго-Восточной Белоруссии, стр. 18, рис. 4; О н а ж е. О взаимосвязи памятников милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии, стр. 35, рис. 2; стр. 38, рис. 56, *9;* стр. 39, рис. 6, *11 — 18;* О н а ж е. Могильник милоградской культуры в дер. Горошков в Южной Белоруссии, стр. 169, рис. 5, *7 — 9;* САИ, Д1—12, табл. 4.

[279] П. Н. Т р е т ь я к о в. Чаплинское городище, стр. 137, рис, 11, *1 — 20, 22, 24 — 26, 29;* О н ж е. Моховское второе городище, стр. 46, рис. 22, *6, 7, 11, 12;* стр. 48, рис. 24, *1 — 6, 8.* Часть грузиков относится к зарубинецкой культуре.

[280] А. Н. Л я в д а н с к и й. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революция, стр. 57, табл. I.

[281] П. Н. Т р е т ь я к о в. Чаплинское городище, стр. 136.

в применении к этим находкам не менее условен, чем термин «пряслице». Грузики без отверстий представлены теми же основными формами, что и с отверстиями, за исключением тех, которые имеют форму блока или катушки и всегда снабжены отверстием.

Набор милоградских грузиков очень ярок, их характеризует большое количество форм и разнообразный орнамент. Чрезвычайное своеобразие этой группе находок придает большое количество грузиков, выполненных в форме сосудов. Это является одной из ярких отличительных черт милоградского культурного комплекса, так как, если грузики в форме сосудов и встречаются в других культурах, в основном в лесостепи [282], то никогда набор их не бывает столь богатым и выразительным, как в милоградских памятниках, и не отражает в такой степени особенности керамического комплекса культуры.

Обилие грузиков в форме сосудов в нашей коллекции и полное соответствие большинства их распространенным на этих же памятниках формам сосудов, позволило нам дать образцы их в том же типологическом членении, что и милоградскую посуду (рис. 55). Однако данная табличка далеко не исчерпывает все варианты грузиков в форме сосудов. Любопытнейшей и чрезвычайно ценной особенностью этой категории грузиков является глубокая архаичность многих из них. Некоторые грузики отражают формы милоградских сосудов, известные на смежных территориях в предшествующие периоды развития культуры. Так, некоторые грузики Горошковского городища передают форму сосудов, распространенных в более ранних милоградских памятниках Житомирщины, что подтверждает преемственность и связи между белорусской и волынской группами памятников. В то же время на белорусских памятниках, более поздних по времени, формы эти в посуде уже не представлены. Ценным историческим источником является также группа грузиков, передающих своей формой и орнаментацией характерный облик сосудов более широкого культурного круга, как территориально, так и хронологически выходящих за рамки милоградской культуры. Мы имеем в виду точное копирование в милоградских грузиках форм и орнаментации высоцких сосудов [283], передачу в грузиках форм сосудов лужицкой культуры [284], а также форм сосудов и орнаментальных схем, уходящих своими корнями в тщцинецко-комаровский круг памятников и в культуру шнуровой керамики, что уже было отмечено П. Н. Третьяковым [285].

Кроме грузиков в виде сосудов, на милоградских памятниках распространены и другие их формы: биконические или округлобиконические, шаровидные или округло-уплощенные, в форме блоков или катушек, грузики с выступами (крестовидные, с тремя, пятью или шестью выступами), обточенные, просверленные черепки и т. д. Несмотря на то, что аналогии некоторой части этих грузиков имеются в отдельных культурах Приднепровья, набор их в целом также весьма характерен именно для милоградских памятников. Особо следует отметить группу грузиков с выступами или отростками, встречающихся в предшествующие периоды в юго-западных и южных районах как в бронзовом веке — в памятниках комаровской культуры [286], так и в ранних скифских памятниках лесостепи [287]. Несколько иного типа грузик с приподнятыми вверх пятью отростками найден на городище Банцеровщина в Средней Белоруссии[288]. На поздних этапах на северных памятниках встречено несколько грузиков, не характерных для милоградской культуры форм — плоских лепешкообразных. Два таких обломка имели зарубки по краю, сближающие их с грузиками «дьякова типа» (найдены на Милоградском городище). Типичные дьяковские грузики грибовидной формы на городищах милоградской культуры совер-

[282] А. Е. А л и х о в а. Древние городища Курского Посеймья, стр. 110, рис. 13, *1, 3, 9;* Б. И. и В. И. Х а н е н к о. Древности Приднепровья, т. II. табл. XXXIII, *591.* В. А. І л л і н с ь к а. Верхньосульска експедиція 1947 г., стр. 40, табл. 1, *13, 19;* П. Д. Л и б е р о в. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца, стр. 37, рис. 7, *18.*

[283] Т. S u *l i* m i r s k i. Kultura wysocka, tabl. XIII, *9;* XVII, *l,* XIX, *20.*

[284] Ср. K. J a l e w i c z. Cmentarzysko cialopalne ludnos'ci kultury łużyckiej. «Wiadomości archeologiczne)», t. XV. Warszawa, 1938, Tabl. XLVII -XLIX; Ю. М З а х а р у к. Дослідження пам'яток доби бронзи та раннього заліза на Волйні в 1950 р. АП УРСР, т. VI. Київ, 1956, стр. 22, табл. 1, *4 — 7.*

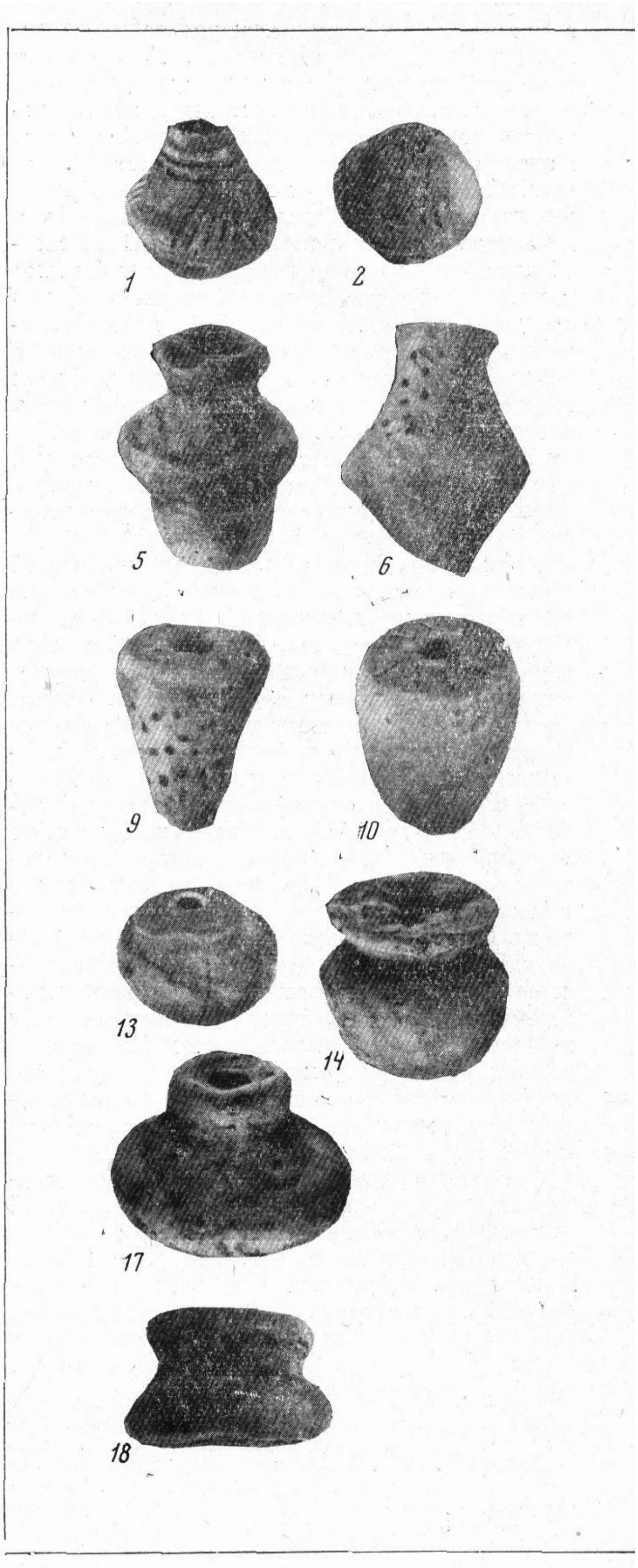
[285] П. Н. Т р е т ь я к о в. Чапллинское городище, стр. 144.

[286] А.А.Б о б р и н с к и й. Курганы и случайные находки близ м. Смелы, стр. 18, табл. II, *4, 9;* табл. IV, *6* рис 4а; 1. Л е в и ц ь к и й. Стація в ур. Пітаному. . стр. 227, фіг. 36; В. А. Ильинская Поселение комаровской культуры у с. Мошны. КСИА АН УССР, вып. 10. Киев, 1960, стр. 55, рис. 5, *11.*

[287] М.Р у д и н с ь к и й. Мачухська експедиція інституту археологи (1946). АП УРСР, т. П. Київ, 1949, табл. II, *21.*

[288] А Н Л я в д а н с к и й. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции, стр. 57, табл. I, *14.*

Рис. 52. Глиняные грузики, найденные на памятниках милоградской культуры Южной Белоруссии (7—So)

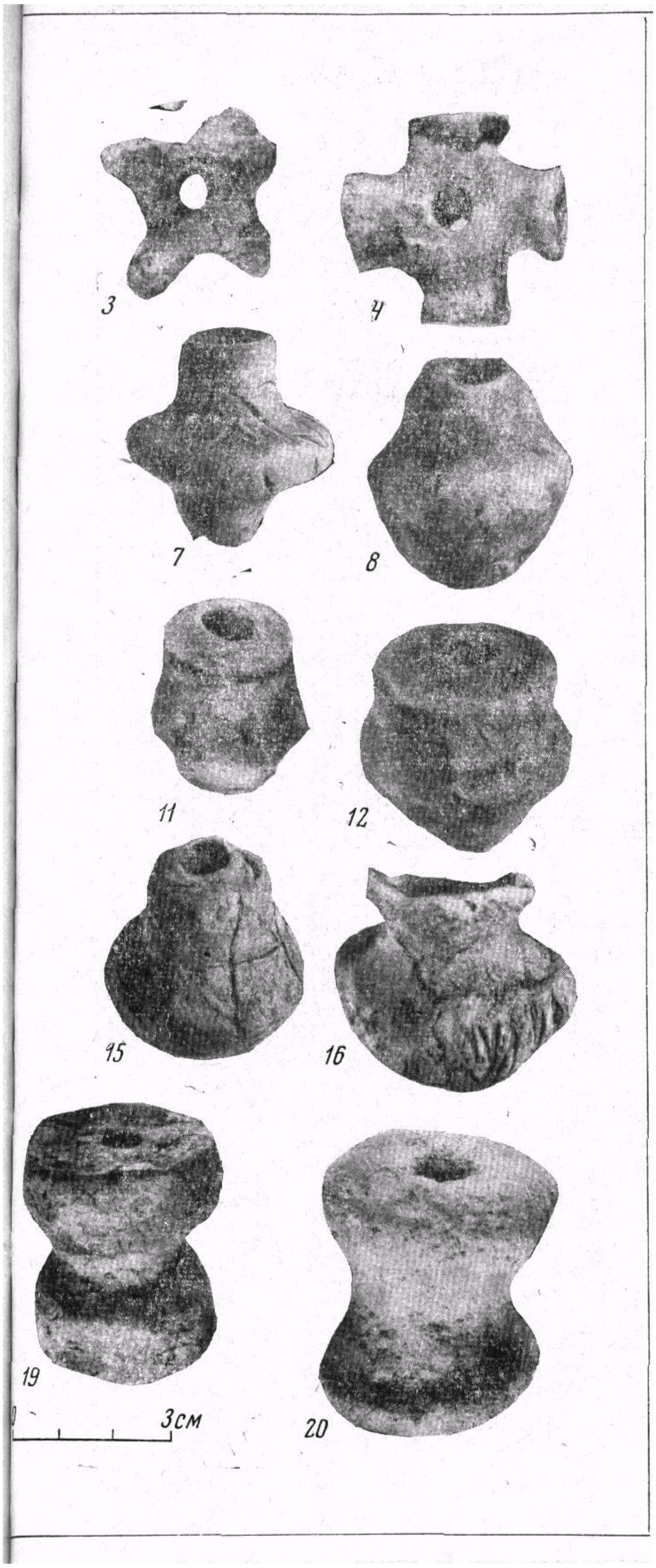

шенно неизвестны, что резко выделяет памятники этой культуры среди других культур лесной полосы, для которых грузики «дьякова типа» являются характерной находкой. В частности, характерны они и для смежных с милоградскими областями городищ культуры штрихованной керамики (рис. 51, 6,*7*).

Остановимся вкратце на орнаментации грузиков. Как показывают предварительные подсчеты, орнаментировалось примерно 50% от общего их количества, причем орнамент наносился на все основные типы их. Редко орнаментировались грузики с выступами и в виде блоков-катушек. Орнамент на грузиках в форме милоградских сосудов обычно соответствует орнаменту на самих сосудах, т. е. расположен преимущественно в верхней его части и состоит из прямых или наклонных наколов, передающих ямочные вдавления на сосудах и нажим косо поставленной палочки, а также удлиненные врезы. Некоторые из них покрыты орнаментом из врезанных линий, составляющих концентрические окружности, заштрихованные треугольники, односторонние и двусторонние елочки, гирлянды, полуовалы, звезды, косые и прямые кресты и т. д. Часто встречается сочетание различных элементов орнамента на одних экземплярах, зональное расположение его, шахматный порядок в расположении отдельных групп орнамента, изредка — грузики с неритмичным орнаментом, состоящим из неясных знаков, возможно, имевших смысловое значение. Образец такого экземпляра приведен в публикации материалов Чаплинского городища у П.Н.Третьякова[289]. В орнаментации грузиков нашли самое широкое отражение древние культовые представления. На рассмотрении этого вопроса мы останавливаемся ниже.

По-видимому, в этом же аспекте следует решать вопрос и о назначении грузиков. То, что они не являлись пряслицами, представляется бесспорным. Этому противоречит целый ряд данных: наличие грузиков без отверстий или с несквозными углублениями, следы потертостей от нитей на краях каналов некоторых из них, часто неподходящие размеры и конфигурация, большая высота при незначительных диаметрах каналов, наличие

[289] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 137. рис. 11, *14*.

небольших и легких грузиков, выточенных из стенок сосудов (встречаются и обточенные черепки без отверстий), а также находки: тех же форм изделий, выполненных из рога и кости. Есть все основания подозревать изготовление их и из костей человека, как это, отмечено и в других культурах [290]. Многие из перечисленных признаков не позволяют утверждать, что эта группа грузиков использовалась для ткацкого станка. Имеет основание, на наш взгляд, мнение авторов, высказавшихся за ритуальное назначение близких групп находок [291]. Наиболее вероятно совмещение культовых и каких-то неясных і нам пока бытовых функций этих предметов. Возможно, значение некоторых грузиков, как предметов, связанных с ритуалом, нашло свое отражение в той консервативности форм и орнаментов, которая свойственна многим из них. Нам представляется также важным тот отмеченный выше факт, что большое количество грузиков концентрируется в пределах сооружений, использовавшихся в культовых, целях, где они обнаружены вместе с костями человека, кусочками охры, подвесками из зубов животных, просверленными таранными костями и т. д. Связь некоторых, близких нашим, изделий — глиняных лепешек, поделок с выступами и т. д. — с культовыми местами доказана для лесостепных памятников, где (как, например, на городище Караван) они, наряду с миниатюрными сосудами, фигурками животных являются принадлежностью обрядов, связанных с древними земледельческими культами [292].

Вопрос о хронологии грузиков требует дальнейшей разработки. На отдельные, характерные для каждого этапа, моменты мы уже обращали внимание. Можно утверждать, что почти все основные типы их были распространены в течение всего периода существования милоградской культуры. Уверенности в этом у нас нет только для грузиков в форме блоков или катушек. В связи с тем, что грузики в форме милоградских сосудов часто являются точной их копией, они могут быть

[290] Н. И. Булычев. Журнал раскопок..., стр. 20.
[291] К. А. Смирнов. К вопросу о назначении грузиков дьякова типа. СА, № 3, 1961, стр. 45—55. О ритуальном назначении асимметричных пряслиц A. Kietlińska. Problem tzw. grobów książęcych we wczesnym okręie rzymskim. Wiadomości archeologiczne, t. XXVI, Zeszyt 3—4. Warszawa, 1959—1960. S. 98—119; П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 136).
[292] Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке, стр. 187.

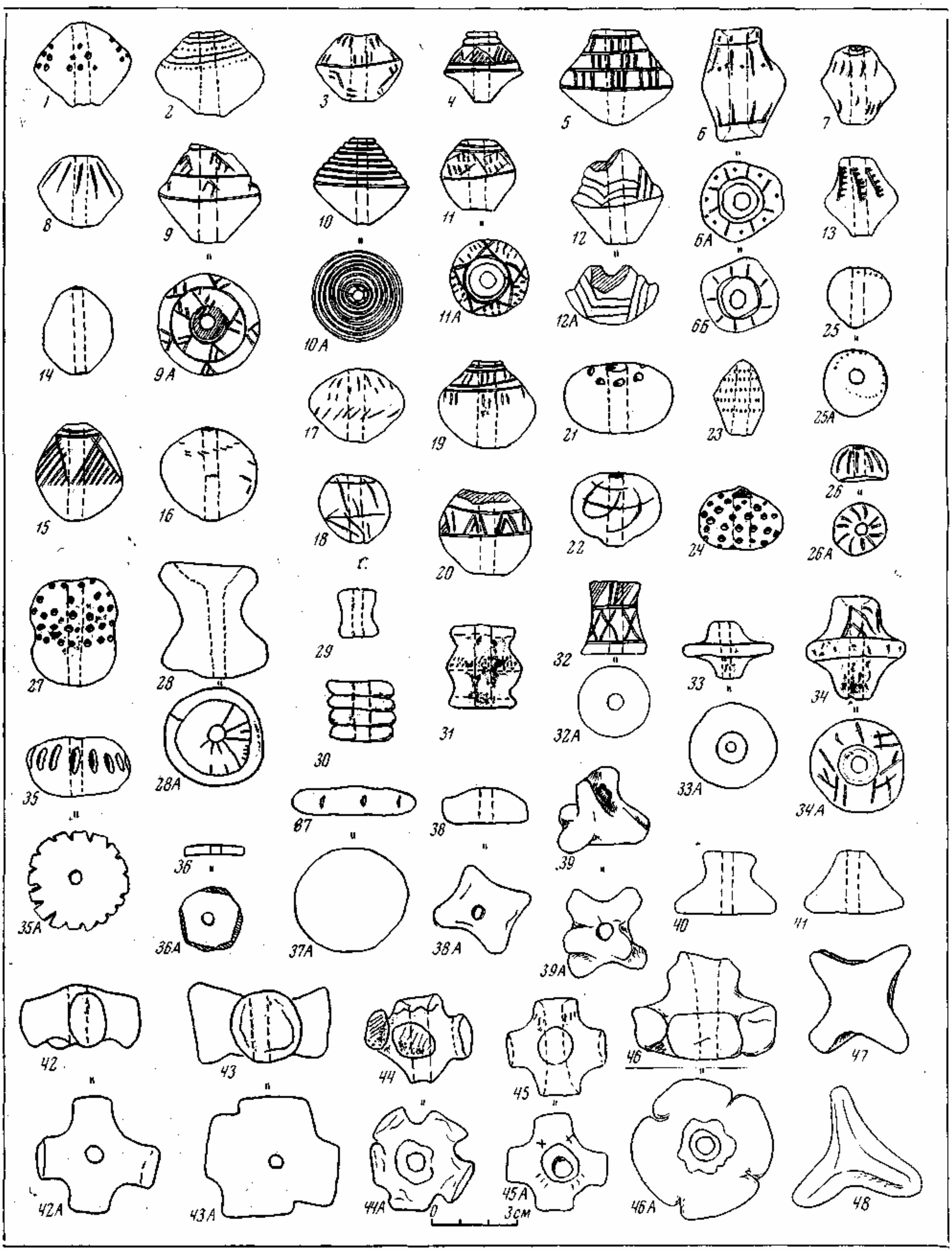

Рис. 53. Формы глиняных грузиков милоградских городищ *(1—48)*

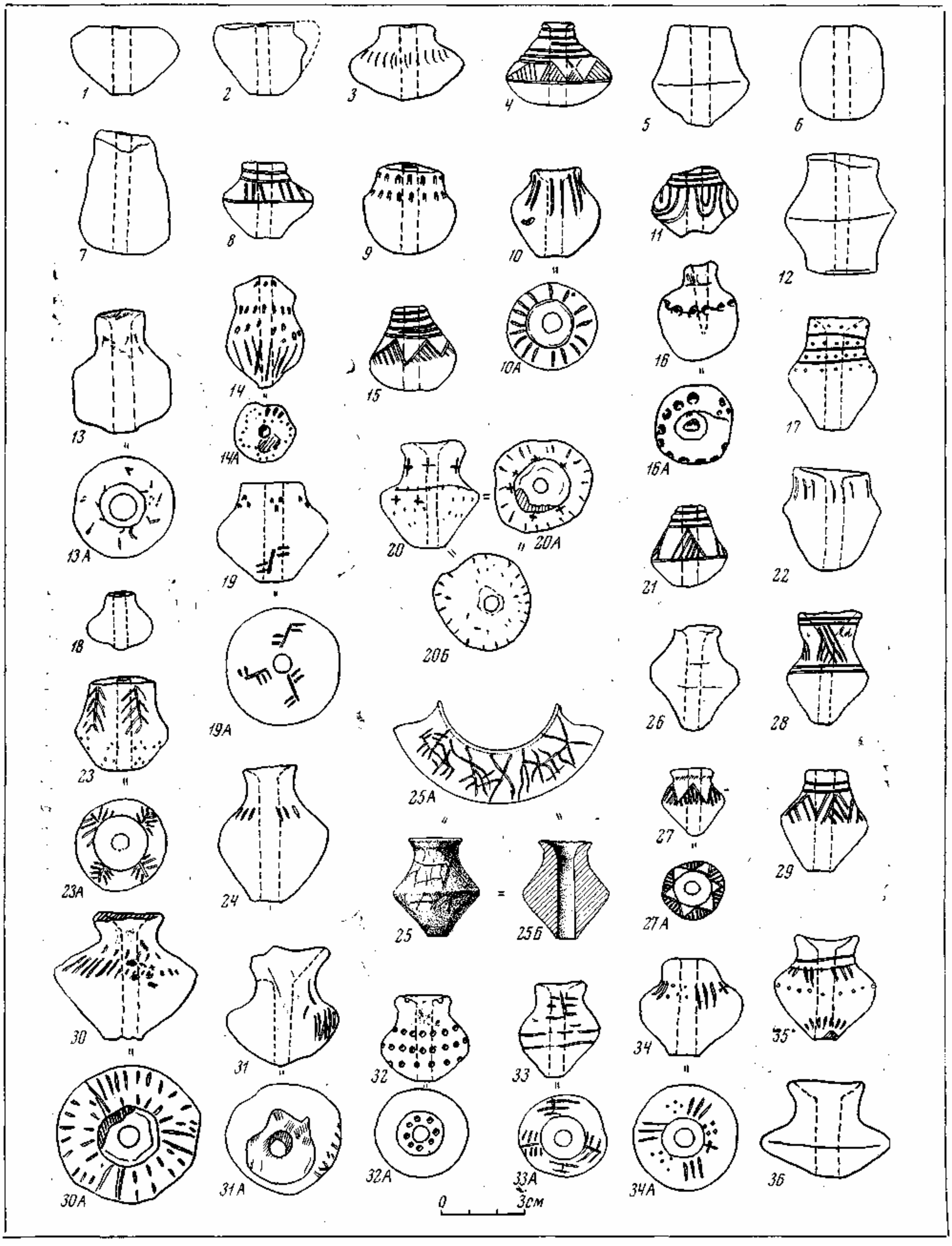

Рис. 54. Глиняные грузики, имеющие форму сосудов *(1—36)*

датирующим материалом в случае, когда облик передаваемого ими сосуда сам по себе достаточно выразителен и поддается хронологической классификации.

Группа зарубинецких грузиков во многом близка милоградским, но отлична от них отсутствием грузиков в форме сосудов, которых много, однако, в зарубинецкое время на милоградских памятниках. Преобладающей формой для собственно зарубинецких экземпляров является, по-видимому, биконическая. Иногда зарубинецкие грузики имеют лощеную поверхность.

В целом группа милоградских грузиков очень специфична и, несмотря на отдельные общие моменты, весьма различна с набором их на смежных территориях. Особенно резко отличаются они от грузиков культуры городищ со штрихованной керамикой, для которой характерны прежде всего плоские или вогнутые лепешкообразные и низкие цилиндрические грузики больших размеров с орнаментом в виде лучеобразно расходящихся или ломаных линий и всевозможных нарезок и насечек по краю [293] (рис. 51, *4).* Это сближает их с грузиками «дьякова типа». Грибовидные грузики «дьякова типа» известны и на городищах культуры штрихованной керамики как в Белоруссии, так и Прибалтике (рис. 51, *6, 7).*

В восточной группе среднебелорусских городищ встречаются наряду с вышеперечисленными и типы грузиков, общие с Южной Белоруссией, что характерно также и для других районов лесной полосы и лесостепи.

Грузики с украинской же части территории милоградской культуры, за исключением подгорцевской группы памятников [294], почти неизвестны. Это объясняется слабой изученностью и ранним временем памятников.

Грузила и некоторые другие глиняные поделки

Глиняные грузила для милоградских памятников являются нетипичной находкой, обнаружено всего несколько экземпляров в основном в обломках. На Асаревичском городище найдено два обломка уплощенных глиняных изделий, условно причисляемых нами к грузилам, так как обломки не дают представления о вещах в целом, неясно также, имели ли они отверстия. Один обломок не орнаментирован, другой орнаментирован по верхней выпуклой поверхности пальцевыми вдавлениями, в то время как нижняя поверхность его плоская. По свидетельству К. М. Поликарповича, глиняные грузила встречаются на ранних городищах в Посожье[295]. Наши разведки это наблюдение не подтверждают. Единичные находки их объясняются влиянием смежных с востока культурных областей, где подобные вещи имели в раннем железном веке самое широкое распространение (юхновская культура). Несколько необычных для милоградской культуры изделий из глины обнаружено П. Н. Третьяковым при исследовании Моховского II городища. По условиям нахождения в слое П. Н. Третьяков относит их к милоградской культуре [296], однако аналогий им в раскопках других памятников мы пока не имеем. В Горошкове за валами городища найдено целое грузило в виде лепешки с отверстием в центре. Наиболее вероятна его принадлежность к слою расположенного здесь зарубинецкого селища.

На городище милоградской культуры в сел. Городок Лоевского района Гомельской области при хозяйственных работах был обнаружен большой клад погремушек шаровидной формы с диаметром 4—5 см. Поверхность каждой из них была покрыта, по словам находчика, проходящей по диаметру волнистой линией и точечными вдавлениями. Глиняные погремушки в эту эпоху известны на очень широкой территории: в лужицкой культуре, памятниках скифского периода украинской лесостепи, в Верхнем Поднепровье, Верхнем Поволжье и т. д.[297]

Фигурки животных

Одной из черт, отличающих памятники милоградской культуры Белоруссии от других культур лесной зоны и сближающих их с южными лесостепными культурами [298], является

[293] А. Г. Митрофанов. К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа, стр. 14.

[294] В. М. Даниленко. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Киівщині в 1950 р., стр. 7, табл. I, *1 — 3,* табл. IV, *6,* табл. VI, *2, 5.*

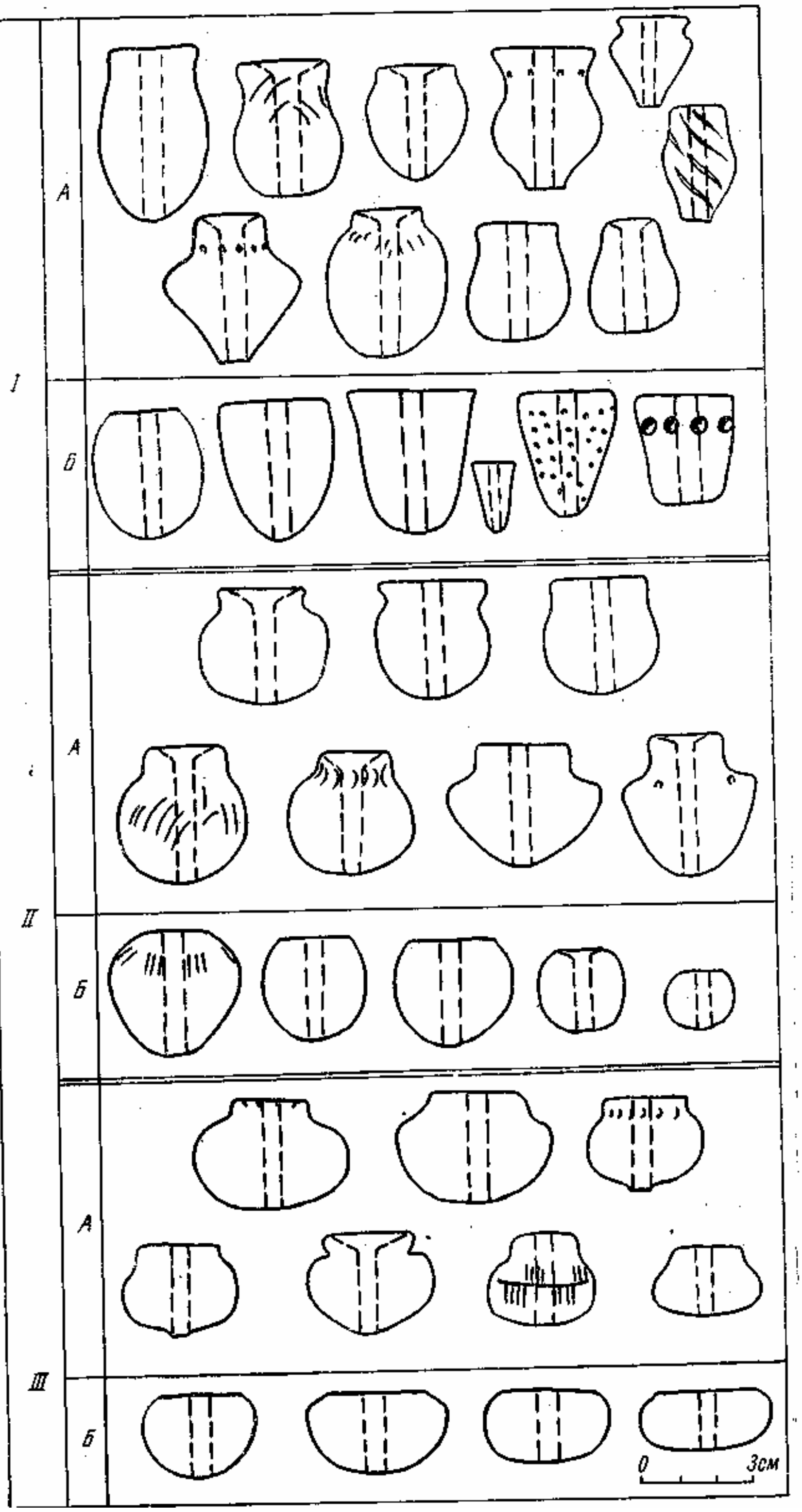
[295] К. М. Палікарповіч. Дагістарычныя стаянки Сяредняга и Ніжняга Сажа. Працы, I. Менск, 1928, стр. 172.

[296] П. Н. Третьяков. Моховское второе городище, стр. 45, 46, рис. 22, *4, 8, 9.*

[297] Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца, стр. 200, рис. 77, *11;* Е. И. Горюнова. Городище Торфель, стр. 153; П. Н. Третьяков. Древние городища Смоленщины, стр. 51, рис. 17, *1.*

[298] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье, стр. 71, рис. 46; стр. 72, рис. 47; Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца, стр. 182, рис. 70; М. Я. Рудинсь,

Рис. 55. Типологическая таблица глиняных грузиков, имеющих форму сосудов (ср. с рис. 42)

наличие на некоторых из них большого количества фигурок животных, вылепленных из глины. Характерны они и для памятников лужицкой культуры (например, Бискупинское городище). В памятниках лесной полосы (за исключением милоградских) находки фигурок животных являются редчайшими исключениями. Так, на Троицком городище под Можайском найдена часть глиняной фигурки кабана [299].

В коллекции с милоградских городищ Южной Белоруссии имеется около ста фигурок животных (рис. 56). В них обнаруживается полное стилистическое сходство с подобными же находками из лесостепной полосы, аналогичны они последним по цвету, размеру и т. д. Часть этих фигурок опубликована в работах П. Н. Третьякова и в одной из наших статей[300]. Характерно распределение фигурок животных по памятникам: около 90 находок приходится на городище Горошков и только единичные экземпляры рассеяны по другим памятникам: Чаплинское, Моховское II, Милоградское и другие относительно поздние городища. На ранних милоградских памятниках фигурки животных пока не найдены, однако как исключение они встречаются на Горошковском городище в ранних комплексах вместе с керамикой, украшенной жемчужным орнаментом. Таким образом, предварительно можно полагать, что массовое распространение фигурок связано со средними этапами в развитии милоградской культуры Белоруссии, чем, возможно, объясняется отсутствие их и на более ранних памятниках подгорцевского типа. Единичные экземпляры встречаются в составе смешанных милоградско-зарубинецких комплексов. Это говорит о их распространении и в зарубинецкое время.

В слое фигурки животных обычно встречаются в жилых и хозяйственных постройках, а также во всех тех комплексах, которые мы условно связываем с культовыми действиями, где находятся вместе с костями человека, охрой, просверленными костяными подвесками, грузиками, обточенными черепками и т. д. Только в одном случае фигурка обнаружена в целом виде (рис. 57), в остальных же они представлены обломками. В отличие от высоцких могильных инвентарей, где встречаются, например, глиняные фигурки животных и птиц [301], в погребениях милоградской культуры, вообще чрезвычайно бедных инвентарем, фигурки животных пока не найдены.

Изготавливались эти фигурки из глины того же состава, что и сосуды, часто довольно небрежно. Обжиг по качеству не отличается от обжига сосудов и грузиков. Цвет серый и серо-желтый, поверхность слегка заглажена. Средний размер фигурок 6—8 см. Выполнены они часто весьма схематично, что не всегда позволяет судить о том, какое животное изображено. Почти во всех тех случаях, когда это можно определить с достоверностью, им оказывается конь (целая фигурка, головки животных, обломки с выделенной при лепке гривой и т. д.). По некоторым деталям можно предположить, что изготавливались также фигурки других животных, в частности крупного рогатого скота и собаки, однако в гораздо меньшем количестве, чем фигурки лошади. Преобладание фигурок коня только отчасти отражает реальный состав стада, в котором, по данным определения костных остатков, несмотря на высокий процент костей лошади (30%), преобладает все же крупный рогатый скот [302]. Характерно, что на тех памятниках, где нет или почти нет костных остатков, не встречаются и фигурки животных.

Как показывают наши материалы и как это подтверждают данные в смежных археологических культурах [303], фигурки животных следует относить к категории культовых изделий. Интересна в этом отношении находка из могильника Рипнев I, относящегося к высоцкой культуре. Это глиняная фигурка коня с отверстием в спине [304], что позволяет

кий. Мачухська експедиція інституту археології в 1946 р., стр. 75, табл. III, *1—5;* I.В. Фабриіус. Тясминська експедиція 1947 р., стр. 30, табл. I, рис. 1—5; А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья, стр. 101, рис. 7, *21;* О. Н. Мельниковская. Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы. КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 74, рис. 36, *3.*

[299] А. Ф. Дубынин. Результаты работ Можайской экспедиции. КСИА, вып. 94, стр. 59, рис. 15, *20.*

[300] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 137, рис. 11, *21, 23;* Он же. Моховское второе городище, стр. 46, рис. 22, *10;* О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии, стр. 35, рис. 9, *14—18.*

[301] Т. Sulimirski. Kultura wysocka, tabl. XXI, *26, 28.* В материалах Горошковского городища имеется глиняный столбик с расширенным основанием, аналогичный подставкам у высоцких фигурок птиц, возможно, принадлежащий такой же находке, а также часть сосуда или полой фигурки на ножках (см. рис. 49, *13).*

[302] В. И. Цалкин. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы. МИА, № 107, 1962, стр. 70.

[303] Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья..., стр. 180, рис. 2, *19* и др. находки, связанные с зольниками.

[304] Коллекции из раскопок Ю. Н. Захарука в Львовском историческом музее.

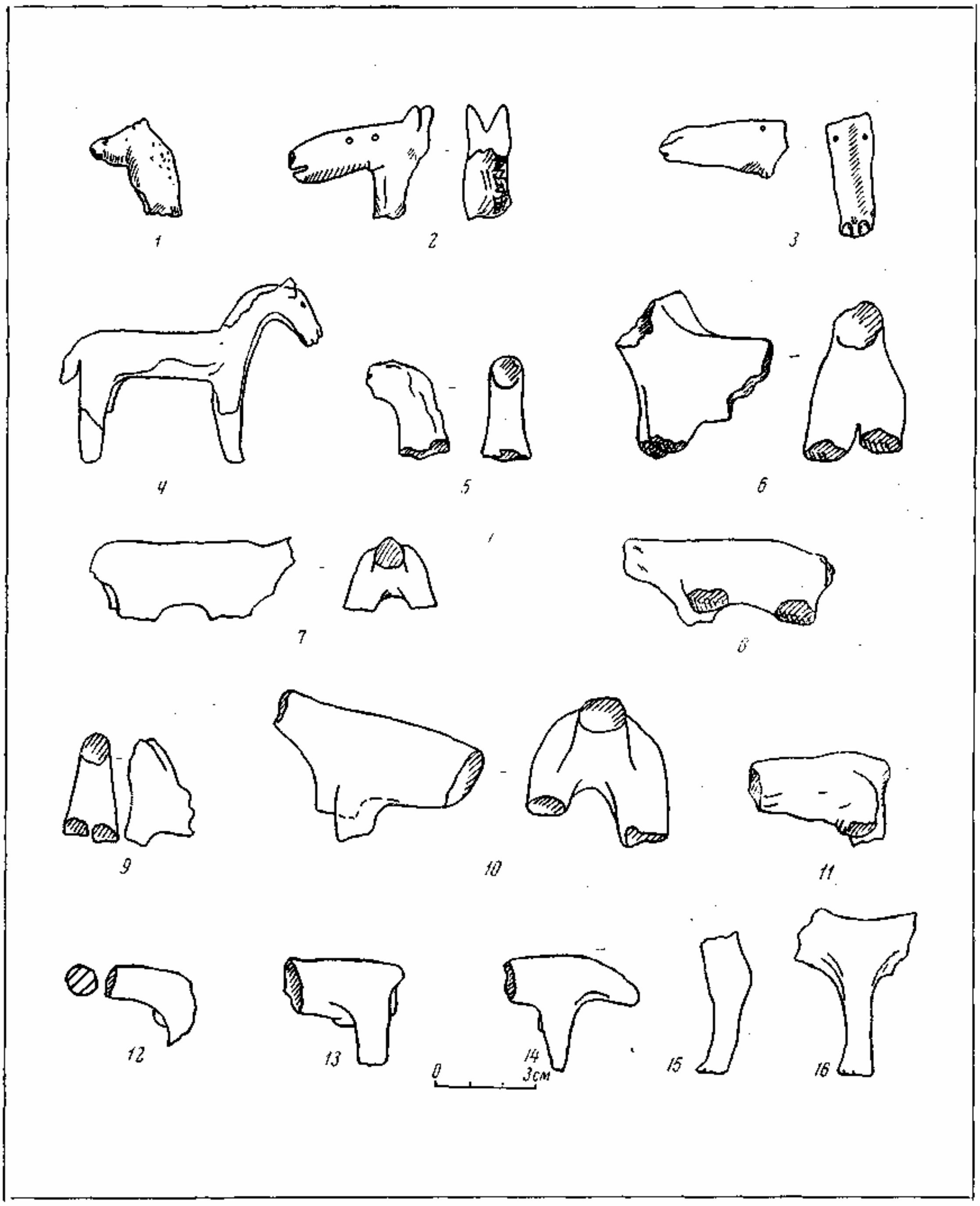

Рис. 56. Глиняные фигурки животных, найденные на милоградских городищах Белоруссии *(1—16)*

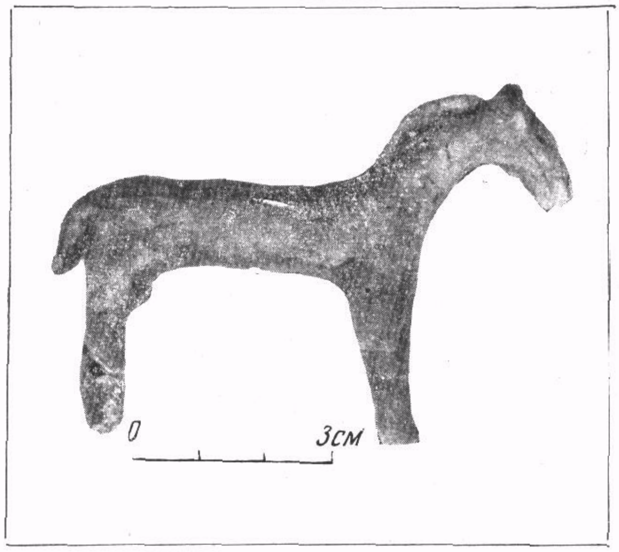

Рис. 57. Глиняная статуэтка коня, обнаруженная на Горошковском городище

приравнивать ее к грузикам или пряслицам, имевшим, на наш взгляд, также культовое назначение.

Глиняные изделия, связанные с металлургическим производством

На милоградских памятниках Белоруссии часты находки тиглей, льячек, литейных форм, что соответствует большому количеству изделий из бронзы и свидетельствует о местной переработке бронзы из привозного сырья. Специфика изделий милоградской культуры, связанных с металлургией, не так ярко выражена, как в других видай изделии из глины, что объясняется употребленном при плавке и литье приемов и технологии общих в то время на весьма обширных пространствах Европы. Однако некоторые черты, типичные именно для милоградских памятников, прослеживаются и здесь (например, форма тиглей). Тигли, льячки и литейные формы встречаются на всех этапах культуры (рис. 58). На поселениях они располагаются обычно на площади жилищ, иногда с ними бывают связаны находки шлаков и капелек меди, а также орудий, служивших для дальнейшей обработки полученных при литье вещей: железных острий, возможно служивших пробойниками, стержней с уплощенным концом, каменных ударников и т. д. Литейные формы иногда входят в состав погребальных инвентарей.

Тигли. В милоградских материалах на территории Белоруссии имеется около десятка тиглей, большая часть из них найдена на городище в Горошкове. Тигли делали из глины, обычно содержащей примесь песка. Поверхность их серая, закопченная, сильно планированная от действия огня. Среди находок есть два полных профиля тигля, от других сохранились преимущественно нижние половины. Обломки бортиков в керамическом материале выделяются труднее. Тигли представляют собой небольшие (высота до 8 см) остродонные сосуды конической формы, со слабо расширяющимися вверх стенками (рис. 58, *12*). Такую же форму имели тигли Чаплинского городища[305] и с памятников близких к зарубинецким[306]. Среди горошковских находок интересна нижняя часть тигля с оттянутой ножкой, как бы амфорообразной формы, на дпе которого сохранились следы меди или бронзы (рис. 58, *11*). Близки к белорусским тигли, обнаруженные на памятниках подгорцевского типа на Киевщине [307].

Льячки. Их найдено также около десяти (целых и в обломках). Льячки обнаружены на всех основных памятниках, подвергавшихся раскопкам[308]. Выполнены они из глины с примесью песка или мелкой дресвы, поверхность обычно сильно шлакирована. Иногда на льячках имеется слой нагара. Размеры их различны, Самые большие, судя по обломкам, достигали 10—12 см в длину, самые маленькие — 3,5 см (рис. 58, 6, *9*, 70, *23*, *14*). Большая часть льячек имела одинаковое устройство: в виде ложки или ковшика с углублением в коротком черенке, в которое вставлялась деревянная рукоятка. В одном случае черенок льячки удлинен и не имеет углубления (рис. 58, *10*), Одна льячка имела несколько отличную от других конструкцию — глиняный цилиндр, в одно основание которого (вогнутое) наливался металл, а в другое, имевшее углубление, закреплялась рукоять, которая в данном случае должна была

[305] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище стр. 139, рис. 12, *22 — 24*.

[306] Ф. М. Заверняов. Археологические находки возде города Почепа. КСИИМК, вып. 53, 1953, стр. 143 рис. 63, *9*.

[307] В. М. Данилеико. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р., стр. 11, 12, табл. III, *l — 3*.

[308] Льячки с Чаплинского городища (П. II, Третьяков. Чаплинское городище, стр. 139, рис. 12, *21* 25).

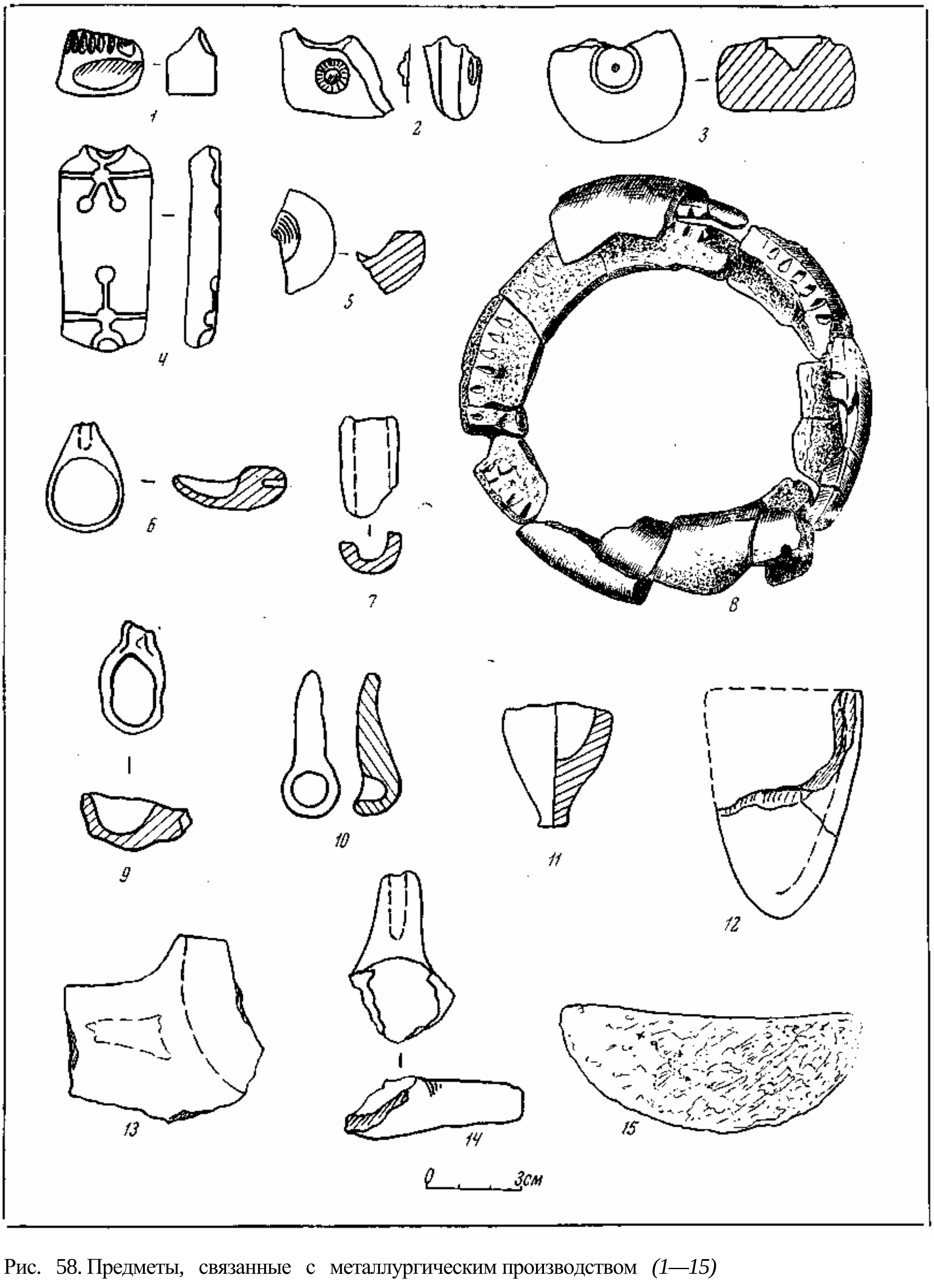

Рис. 58. Предметы, связанные с металлургическим производством *(1—15)*

обязательно иметь коленчатую форму. Углубления для металла в льячках имеют овальную, реже — круглую форму, без носика для слива металла и различную глубину — от нескольких миллиметров до 5 см, в зависимости от размеров вещи.

Литейные формы. На большинстве памятников милоградской культуры Белоруссии, подвергавшихся раскопкам, найдено не менее двух десятков литейных форм и их обломков; сведения о некоторых из них опубликованы[309] (рис. 58, *1—5,8*). Все литейные формы выполнены из глины. Отливка вещей производилась как в формах, изготовленных по восковой модели, так и в разъемных, на которые предварительно наносился оттиск образца изделия. Оба метода отливки, как об этом свидетельствуют материалы раскопок, существовали одновременно в течение всего времени бытования милоградских памятников в Белоруссии. Не задерживаясь на описании отдельных форм, упомянутых при характеристике соответствующих категорий бронзовых предметов, отметим здесь только редкую находку формы для отливки в технике литья по восковой модели большого ножного или наплечного рубчатого браслета (рис. 58, *8*). В связи с тем, что эта техника литья влечет за собой непременное уничтожение формы, археологам обычно приходится довольствоваться незначительными обломками. Поэтому указанная литейная форма, найденная в одном из погребений на Моховском I городище, хотя и в сильно фрагментированном виде, но в значительной степени восстановленная, представляет собой особый интерес. Она имела вид большого глиняного замкнутого кольца в виде баранки с уплощенным низом, заключающей в себе оттиск вещи. Форма была с выступом с воронкообразным отверстием для заливки металла. Подобные формы широко распространились в раннем железном веке. Аналогии им дают материалы Бискуцинского городища в Польше[310]. На смежной смилоградскими памятниками территории аналогичное устройство литейных форм зафиксировано на памятниках чернолесской культуры[311], а в лесной полосе — на Смоленщине [312].

Суммируя данные, полученные при анализе разных вещей, обнаруженных на памятниках милоградской культуры, следует еще раз подчеркнуть их своеобразие, позволившее выделить их наряду с другими элементами материальной культуры (жилища, укрепления, погребальный обряд и т. д.) в самостоятельный культурный комплекс, отличный не только от культур лесостепной полосы скифского времени, но и от смежных культур в лесном Поднепровье. Получена возможность датировать эти памятники временем со второй половины VI в. до н. э. по I в. н. э., на чем мы останавливаемся ниже в специальной главе, посвященной хронологии.

[309] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 137, рис. 11, *31—33;* Он ж е. Моховское второе городище, стр. 46, рис. 22, *1*.

[310] Z. Pieczyński. Formy i przybory odlewnicze z grodu kultury łużyckiej w Biskupinie. III Sprawozdanie z prac wykopaliskowych w grodzie kultury łużyckiej w Biskupinie w powiecie Znińskim. Poznań, 1950, str. 113—132, rys. 23.

[311] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 116, рис. 82.

[312] Е. А. Шмидт. Городище у д. Новые Батеки, стр. 162, 163.

Г Л А В А
Т Р Е Т Ь Я

Хозяйственно-культурный тип и социальные отношения

Земледелие

Ведущей отраслью в экономике населения, оставившего памятники милоградской культуры Белоруссии, явилось земледелие. Об этом свидетельствуют найденные на поселениях орудия труда, применявшиеся в земледельческом производстве как для обработки почвы (мотыжки и топоры), так и для уборки и дальнейшей переработки урожая (серпы, зернотерки, терочники). Мы уже останавливались выше на подробной характеристике этих орудий труда. Подчеркнем здесь лишь значение клада земледельческих железных орудий с Горошковского городища, в котором были найдены серпы, мотыжка и топор, опоясанные цепью из уздечного набора. Плоская мотыжка с двумя выступами из этого комплекса является ценным подтверждением существующего в науке мнения об употреблении их прежде всего в качестве землеобрабатывающих орудий[1]. Важным свидетельством земледелия являются также отпечатки злаков и семян на керамике. В стенке сосуда с городища в Горошкове обнаружены отпечатки зерен мягкой пшеницы [2], отпечатки зерен пшеницы имеются также на Чаплинском городище, а отпечатки проса сохранились на днище одного из сосудов с Асаревичского городища. Из южных районов милоградской культуры также известны отпечатки проса и пшеницы на сосудах из памятников подгорцевского типа [3]. Сведениями о других земледельческих культурах мы пока не располагаем, однако бесспорен более широкий состав их, что подтверждают материалы из смежных районов[4]. Местом хранения урожая являлись ямы-хранилища, в большом количестве зафиксированные на различных памятниках. В некоторых (редких) случаях стены ямы обмазаны глиной, иногда сохраняющей следы соломы. Интересные результаты дает сравнение некоторых видов земледельческих орудий, обнаруженных на милоградской и смежных с нею территориях. При характеристике серпов мы

[1] Б. А. Ш р а м к о . К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. СА, 1961, № 1, стр. 86, 87.

[2] Определение А. В. Кирьянова.

[3] В. Н. Д а н и л е н к о . Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 206.

[4] П. Д. Л и б е р о в. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в Vi—.ц вв. до н. э. «Материалы по истории земледелия». М., 1952, т. I, стр. 84—95; Б. А. Ш р а м к о, Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 199, 203.

уже обращали внимание на то, что в милоградской культу ре, единственной из культур лесной полосы, бытует тип серпа с крючком, перпендикулярным лезвию, характерный для степных и многих[5] лесостепных районов как в скифское время, так и много веков спустя, вплоть до VII—VIII вв. н. э. В эпоху Киевской Руси подобная форма характерна для кос-горбуш, воспринявших ее от серпов[6]. В культурах лесной полосы (городища культуры штрихованной керамики, юхновской культуры, смоленские городища, городища Прибалтики, дьяковской культуры и т. д.) распространен другой тип серпа (рис. 51, *1)*, также бытовавший на этих землях; вплоть до развитого средневековья, когда земледелие в этих лесных северных областях все еще характеризовалось подсечно-огневой системой[7]. В то же время любопытно, что довольно распространенные на севере находки железных рабочих топоров в памятниках милоградской культуры Белоруссии встречены всего один раз, несмотря на относительно лучшую исследованность милоградских памятников, чем синхронных им памятников других культур лесной полосы. К тому же найденный в Горошкове топор по своим качествам (миниатюрность, небольшая ширина лезвия, слабый обух) несравним с топорами в других лесных культурах, где рабочие качества этого орудия труда должны были соответствовать его назначению как основного орудия при подсечной системе земледелия.

У племен, оставивших памятники милоградской культуры, по нашему мнению, есть основание предполагать существование пашенного земледелия. В пользу этого свидетельствуют прежде всего тесные связи с примыкающими с юга лесостепными культурами, где пашенное земледелие засвидетельствовано письменными источниками и подтверждается археологическими данными [8]. Южная часть милоградской территории вплотную смыкается с лесостепной полосой, местами непосредственно вдаваясь в область лесостепи.

Граница милоградской культурной области на юге, судя по материалам, полученным В. Н. Даниленко, И. К. Свешниковым, А. И. Тереножкиным, М. А. Тихановой, Е. Ф. Лагодовской и другими исследователями, проходит где-то в верховьях Горыни, в верхнем течении Южного Буга, достигая района Винницы, и выходит по р. Стугне и несколько южнее на Днепр, на широте г. Ржищева, т. е. вплотную смыкается с культурами скифского времени лесостепи, в частности с областью скифов-пахарей (независимо от вариантов в локализации ее отдельными учеными, так как на пребывание их в Побужье имеются прямые указания Геродота[9]). Общеизвестно определение Геродотом скифов-пахарей как «сеющих хлеб не для собственного употребления в пищу, но для продажи», что, как не раз отмечалось, немыслимо без пашенного земледелия, засвидетельствованного, кроме того, самим термином «скифы-пахари» и легендой о золотых дарах[10]. При таких условиях, учитывая также, что для южных милоградских и северных лесостепных скифских памятников характерно глубокое взаимное проникновение в области, занятые теми и другими племенами, трудно предположить, что столь революционное новшество (если только это было новшеством), определяющее весь жизненный уклад населения и дающее основные средства к существованию, осталось неизвестным населению, оставившему милоградские памятники Украины. Отсюда же в одноэтничной среде вполне допустимо и распространение его в более северные области. Существование пашенного земледелия в лесной полосе, основываясь на приведенных выше доводах (соседстве скифов-пахарей), считает возможным и П. Д. Либеров, изучавший древнее земледелие в лесостепи[11].

Будучи уверены в пашенном характере земледелия на значительной части территории у милоградских племен, мы должны оговориться что имеем в виду употребление в качестве орудий для обработки пашни, простейших орудий типа плуга с Токаревского торфяника, а в некоторых случаях,— возможно, орудия типа рала, функции которого ограничивались взрыхлением почвы под посев. Как отмечает Б.А.Шрамко, орудие типа токаревского плуга, по-видимому, относящегося к V—IV вв. до н. э., вполне могло применяться на мягких песчаных и супесчаных почвах [12]. Именно такие грунты ха-

[5] Иная форма серпа известна на памятниках скифского времени Северского Донца (Б. А. Ш р а м к о. Древности Северского Донца, стр. 194, рис. 74, *4, 5)*.

[6] В. И. Д о в ж е н о к. Землеробство Древньой Русі. Київ, 1961, стр. 33, рис. 8, *4 — 8* (серпы), *9* (коса).

[7] П. Н. Т р е т ь я к о в . Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, стр. 15, рис. 4.

[8] Б. А. Ш р а м к о. Древности Северского Донца, стр. 192—195, рис. 73.

[9] Г е р о д о т, IV, 17.

[10] П. Д. Л и б е р о в. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья в эпоху раннего железного века в VI—II вв. до н. э. МИЗ, т. I. М., 1952, стр. 79.

[11] Там же, стр. 111.

[12] Б. А. Ш р а м к о. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. СА, 1961, № 1, стр. 84; О н ж е. Древний деревянный

рактерны для значительной части милоградской территории с ее песчаными и супесчаными слабоподзолистыми почвами, особенно слабо оподзоленными на высоких местах, т. е. в местах расположения большинства городищ. Эти места по высоким берегам Днепра, Сожа и других рек и сейчас во многих случаях не заняты лесом[13].

Одним из доводов, снижающих вероятность подсечно-огневой системы земледелия даже на северных милоградских памятниках, является значительная плотность населения на многих участках поречья Днепра, Сожа и т. д., а также непрерывная продолжительность жизни на городищах, иногда в течение трех-четырех столетий, что невозможно представить при подсечном земледелии, требующем постоянной смены земельных угодий: после 2—3-х лет использования необходимы примерно 30-летние перерывы. Даже при системе лесных перелогов земля требует после использования отдыха в 10—16 лет [14]. Характерно, что в глубинных районах, занятых лесами и залесеиными болотами, городища никогда не имеют значительных культурных слоев. Последние в таких случаях часто почти не прослеживаются [15]. Другим доводом против подсечной системы земледелия у милоградских племен является то, что столь тяжелый и трудоемкий способ обработки почвы под силу только большим патриархальным семьям. «С переходом значения экономической единицы к отдельной семье подсечное земледелие не могло осуществляться силами индивидуального хозяйства. Его сменило пашенное земледелие с применением тягловой силы скота и многолетним использованием старопахотных земель»[16]. В то же время все исследования на милоградских памятниках дают яркую картину, свидетельствующую о ведении хозяйства выделившимися индивидуальными семьями (односемейные жилища, клады, в том числе клад земледельческих орудий и т. д.), в противоположность картине, наблюдающейся в смежных культурах лесной полосы (культуры штрихованной керамики, юхновской, смоленской и др.), несмотря на более позднее иногда время северных памятников. Одним из наиболее ярких проявлений более примитивного общественного уклада в культурах Верхнего Поднепровья является наличие в них в раннем железном веке больших общественных построек— «длинных домов», являющихся жилищами еще не разделившейся окончательно на малые семьи патриархальной семьи [17]. На наш взгляд, именно подсечная система земледелия, с бесспорностью зафиксированная исследованиями на этой территории[18], явилась одним из факторов, определивших отсталость ее общественного уклада, по сравнению с южными районами.

Характерным для значительной части ми^ лоградской территории, что также необходимо учитывать при анализе земледелия в условиях перехода от лесостепи к лесу, является невозможность существования изолированно одна от другой элементов обеих систем — подсечной и заложной; местами они накладываются одна на другую и сосуществуют. Противопоставление систем не всегда оправдано. При подсечном земледелии вспашка под посев[19] так же естественна, как и элементы подсеки при пашенном земледелии.

Скот при подсеке в качестве рабочей силы почти не употреблялся. Использование тягловой силы (в условиях раннего железного века — быка и вола) служило предпосылкой к развитию пашенного земледелия. В этом отношении представляет некоторый интерес тот факт, что на первом месте, как показывает определение остеологических материалов, в стаде у милоградского населения именно крупный рогатый скот (около 40% от общего состава стада на Горошковском городище,

плуг из Сергеевского торфяника. СА, 1964, № 4, стр. 84—100. Орудие найдено в районе, пограничном между милоградской п юхновской культурами, и относится к раннему железному веку.

[13] Следует учесть также свидетельства почвоведов, утверждающих, ято в раннем железном веке залесенность, во всяком случае на отдельных участках Среднего Поднепровья, была несколько ниже современной (А. И. Т е р е н о ж к и н. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 14).

[14] В. П. Л е в а ш о в а. Сельское хозяйство. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ», вып. 32, 1956, стр. 21.

[15] Вопрос о взаимозависимости продолжительности жизни на городищах и подсечного земледелия требует дополнительного изучения.

[16] В. П. Л е в а ш о в а. Сельское хозяйство, стр. 22.

[17] А. Г. М и т р о ф а н о в. К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа. Л., 1955, стр. 14, 15. Автореф. канд. дисс. Е. А. Ш м и д т. Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий в железном веке. Автореф. канд. дисс. М., 1963, стр. 8; О. Н. М е л ь н и к о в с к а я. Изучение памятников раннего железного века на Средней Десне. Сб. «Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр. 133, 134; О н а же. Новые раскопки на Десне, Сб. «Археологические открытия 1966 года». М., 1967.

[18] А. Г. М и т р о ф а н о в. К истории населения..., стр. 15; Е. А. Ш м и д т. Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий в железном веке, М., 1963, стр. 13. Автореф. канд. дисс.

[19] П. Н. Т р е т ь я к о в. Подсечное земледелие в Восточной Европе. «Известия ГАИМК», т. XIV, вып. 1; Л., 1932.

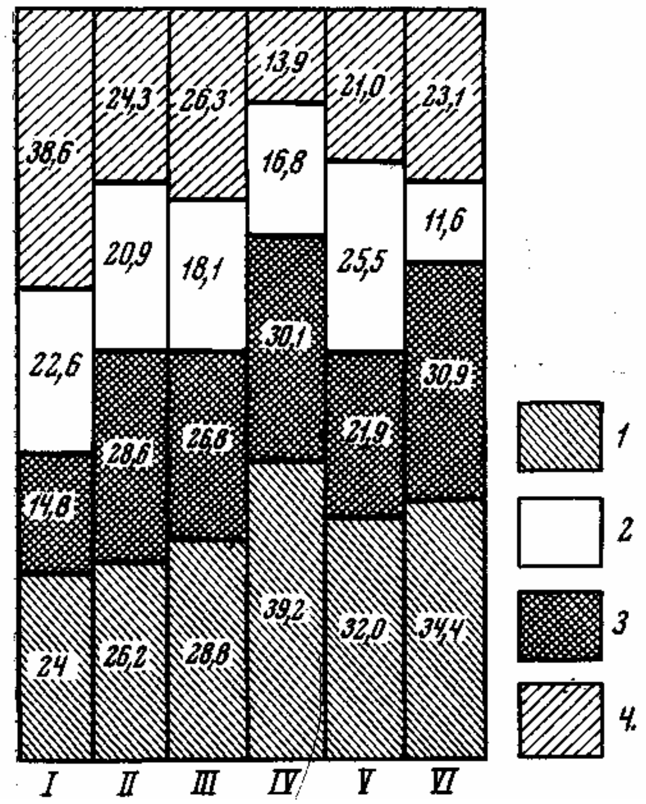

Рис. 59. Соотношение между видами сельскохозяйственных животных по костным остаткам в различных культурах раннего железного века в Верхнем и Среднем Поднепровье

I — днепро-двинская культура; *II* — верхнеокские городища; *III* — юхновская культура; *IV* — милоградская культура (Горошков); *V* — Правобережная лесостепь;. *VI* — Орловско-Курская лесостепь. *1* — крупный рогатый скот; 2 — мелкий рогатый скот; *3* — лошадь; *4* — свинья

см. рис. 59). В то же время в других культурах Верхнего Поднепровья, где господствовала подсечная система земледелия, процент крупного рогатого скота в стаде всегда гораздо ниже. Следует отметить также значительное место, которое занимало у милоградских племен коневодство (30% от общего состава стада, по материалам Горошковского городища). Однако трудно с определенностью говорить об использовании лошади в качестве тягловой силы.

В заключение нам хотелось бы привлечь внимание читателя к одной из находок на Горошковском городище — упомянутому выше пряслицу в форме сосуда, на котором по сырой глине процарапано изображение, на наш взгляд, сцен, связанных с обработкой почвы — боронованич при помощи бороны-суковатки (?) (на рис. 54, *25, А* слева) и пахоты, возможно с применением примитивного плуга, о чем как будто бы свидетельствует короткая горизонтальная черта у задних ног животного (быка?). На левой части разворота пряслица изображена лошадь. Трудно с определенностью утверждать, является ли начертанная здесь схематически человеческая фигура всадником или она дана при характерном для древнего искусства отсутствии перспективы на фоне изображения животного. Крайне схематично изображена и фигура человека, управляющего животным в сцене пахоты. Эта интереснейшая находка, заслуживающая более детального описания и отдельной публикации, по форме и принадлежности ее к слою Горошковского городища не может относиться ко времени позже I в. до н. э. — I в. н. э. Вероятнее же ее дата гораздо более ранняя. Близкую аналогию ей представляет по форме и по орнаменту (несколько фигур коней) один из сосудов высоцкой культуры [20].

Скотоводство. Охота. Рыболовство

Основным источником, на основании которого мы можем судить о роли скотоводства в хозяйственной деятельности милоградских племен и о составе стада, являются костные остатки древних домашних животных в культурных слоях поселений и на могильниках. По остеологическому материалу из довоенных раскопок белорусских археологов в печати имеется небольшая сводка В. И. Громова [21], где, наряду с материалами по другим культурам и периодам, приводятся данные по двум городищам на Соже, имевшим милоградские отложения: Чечерскому (нижний слой милоградская культура с зарубинецкими включениями) и Шопотовичскому (милоградская культура). Приводим здесь эти данные [22]. Нижний, смешанный слой Чечерского городища из общего количества определимых костей дал 90,3% костей домашних животных (к сожалению, при определении кости домашней и дикой свиньи не были расчленены, так что в процент домашних животных входят и кости дикой свиньи).

[20] T. S u l i m i r s k i. Kultura wysocka. Kraków, 1931, tabl. XIII, *19*.

[21] В. І. Г р о м а ў. Аб фауне гарадзішч БССР і Смаленшчыны Працы Археолёгічнай Камісіі, БАН, т. II. Менск, 1930, стр. 213—217. Культурное определение слоев дано нами на основании обследования памятников и ознакомления с фондами БАН.

[22] Там же, стр. 214, 215. Подсчет по числу особей не производился.

Всего определена 231 кость. По видам они распределяются следующим образом (табл. 1):

Таблица 1

	Крупный рогатый скот	Лошадь	Мелкий рогатый	Свинья: домашняя и дикая
Количество определимых костей	100	22	26	83
% перечисленных видов по отношению к общему количеству костей	43,3	9,5	11,3	35,9

На Шопотовичском городище определено 147 костей домашних животных, что составляет 91,3% общего количества определимых костей. Те же данные распределяются здесь следующим образом (табл. 2):

Таблица 2

	Крупный рогатый скот	Лошадь	Мелкий рогатый скот	Свинья: домашняя и дикая
Количество определимых костей	59	40	15	33
% перечисленных видов по отношению к общему количеству костей	40	27,5	10	22,5

Раскопки Славянской экспедиции дали значительные остеологические коллекции только с двух памятников: Горошковского и Чаплинского городищ, причем для характеристики милоградской культуры полноценный материал дает только Горошковское (рис. 59). На Чаплинском городище, где кроме милоградского имеется также слой зарубинецкого времени и находки эпохи Киевской Руси, определение костного материала велось нерасчлененно. Разделить его по культурам при отсутствии стратиграфии было крайне затруднительно. Статистические подсчеты костных остатков с Горошковского и Чаплинского городищ, подробная характеристика и интерпретация их приведены в работе В. И. Цалкина [23].

[23] В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. МИА, № 107, 1962. Данные по скотоводству на основе материалов Чаплинского городища имеются также в статье: В. В. Щеглова и Л. Д. Побаль. Аб свойскіх жывёлах Чаплінскага гарадзішча. «Весці Акадэміі навук БССР». Серыя біялагічных навук, 1959, № 4. Мінск, стр. 122—134.

Обломки костей животных с милоградских памятников дошли до наших дней в сильно разрушенном состоянии, прежде всего в силу неблагоприятных, как правило, почвенных условий (пески), а также в связи с употреблением всех видов домашних животных (возможно, за исключением собаки) в пищу. Основное количество костных остатков представляют собой кухонные отбросы. На Горошковском городище есть специальные ямы и постройки, содержащие в своем заполнении кости животных вместе с обломками костей человеческих скелетов, охрой, подвесками-амулетами и т. д., что позволяет связывать их с древними культовыми действиями. Кроме того, встречены захоронения частей домашних и диких животных (свиньи и поросенка, собаки,, бобра). Следы подобных частичных захоронений обнаруживаются на жилой части городища в Горошкове и на могильнике. Незначительное количество костей животных, главным; образом зубов, получено при исследовании погребений. Ниже мы приводим результаты определения костных остатков домашних животных с Горошковского городища (по 1959 год включительно, в последующие годы работы велись только на могильнике и остеологических материалов почти не дали). Общее количество костей с городища за указанные годы составляет по примерным подсчетам более 10 тыс. обломков. Большая часть этого материала, явно не поддающегося определению, оставлена нами на месте раскопок. Сохранность костей плохая. Из обработанного материала определены 2623 кости. Из них 94,9 % костей или 86,3% по количеству особей принадлежит домашним животным.

По видам они распределяются в таком соотношении (табл. 3):

Таблица 3

Вид	Кости	Особи
Крупный рогатый скот . .	1209	56
Лошадь	941	43
Мелкий рогатый скот . .	143	24
Свинья	106	20
Собака	69	8

Процентное соотношение [24] между видами сельскохозяйственных животных по количе-

[24] В. И. Цалкия, К истории животноводства и охоты в Восточной Европе, стр. 61—63, 69—71 и приложи ние № 9, стр. 77.

ству особей (всего 143 особи) составляет:

Крупный рогатый скот %	Лошадь, %	Мелкий рогатый скот, %	Свинья, %
39,2	30,1	16,8	13,9

Костные остатки с других памятников незначительны, что объясняется отчасти свойствами грунтов, например на Милоградском городище [25], или небольшими размерами исследованной площади. На Моховском I городище обнаружены кости крупного рогатого скота и лошади, на Милоградском, Моховском II[26] и Глыбовском [27] городищах — кости всех видов домашних животных.

Кости домашних животных найдены также на Борховском городище и на других исследованных памятниках. При характеристике скотоводства у милоградских племен Белоруссии мы прежде всего руководствуемся данными Горошковского городища, массовый характер находок костей на котором снижает элемент случайности в соотношениях. Судя по этим материалам, в стаде преобладал крупный рогатый скот, составлявший около 40% от общего количества скота. Второе место занимала лошадь, также игравшая значительную роль в общем хозяйственном потенциале. Меньшая роль в экономике отводилась разведению мелкого рогатого скота (коза и овца). Последнее место занимало свиноводство (рис. 59). Близкое к Горошкову, по-видимому, соотношение между видами сельскохозяйственных животных дают материалы с Шопотовичского городища на Соже. Отметим, что соотношение между видами животных, характерное для Горошковского городища, повторено на малом материале и на Глыбовском городище.

Что касается конкретной характеристики отдельных видов домашних животных, то, к сожалению,следует отметить, что результаты обработки костей с Горошковского городища опубликованы В. И. Цалкиным в самом общем виде, без специальной морфологической, характеристики их и без промеров костей. В связи с этим мы вынуждены ограничиться также весьма общими сведениями, высказанными В. И. Цалкиным в докладе [28] или переданными нам устно, а также некоторыми замечаниями В. И. Громова, опубликованными в вышеупомянутой его работе. Крупный рогатый скот в милоградских памятниках представлен очень мелкой породой, что отмечено обоими исследователями [29]. Он отличается от скота лесостепной полосы, сближаясь по этому признаку со скотом черняховской культуры и эпохи Киевской Руси. Отличает милоградский скот от скота лесостепи скифского времени и сближает с упомянутыми культурами также и то, что скот не был комолым, а имел рога. В то же время милоградский крупный рогатый скот резко отличен от скота в других лесных культурах раннего железного века, где животные имели более крупные размеры и были более ширококостными и длиннорогими [30]. Очень вероятна принадлежность некоторых костей волам. Плохая сохранность материала не позволяет решить этот вопрос вполне определенно, однако поскольку кастрирование быков зарегистрировано в эту эпоху даже в северных лесных культурах и было распространено, как предполагает В. И. Цалкин, еще в бронзовом веке, есть все основания полагать, что это применялось и к милоградскому скоту. Если правильна наша интерпретация изображения на упомянутом выше грузике, то пахота производится здесь при помощи вола.

Костные остатки коня на Горошковском городище и в других памятниках также свидетельствуют о мелких размерах этого животного. В. И. Громов отмечает очень мелкую породу лошади из белорусских памятников, в том числе с Шопотовичского и Чечерского городищ, по сравнению с более ранней домашней лошадью в южных районах [31]. Предком домашнего коня являлся скорее всего дикий конь-тарпан, обитавший в древности в Карпатах и в других районах Европы [32] и сохранившийся

[25] Площадь Милоградского городища занята лесом. Культурный слой переплетен корнями деревьев. Эти обстоятельства способствовали химическому (окисление почвы) и механическому разрушению костных остатков. На городище не найдены также кости диких животных и изделия из кости.

[26] П. Н. Третьяков. Моховское второе городище. КСИА, вып. 81, 1960, стр. 48. На городище преобладают отложения зарубинецкой культуры.

[27] На Глыбовском городище, например, на 160 *м?* площади, исследованной в 1955 г., было отобрано нами на определение 60 обломков костей. Определено из них 34. Половина их принадлежит крупному рогатому скоту, десять—лошади, пять—мелкому рогатому скоту и два—свинье. Материал с Глыбовского городища, как и вся остеологическая коллекция, обработан В. И. Цалкиным.

[28] В. И. Цалкин. Скотоводство и охота в памятниках лесной зоны в раннем железном веке. Доклад на заседании сектора скифо-сарматской археологии ИА АН СССР, 19 октября 1960 г. (Архив ИА АН СССР, Р-3, № 989).

[29] В. І. Громаў. Аб фауне гарадзішч БССР..., стр. 216; В. И. Цалкин. Скотоводство и охота...

[30] В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе, стр. 73.

[31] В. І. Громаў. Аб фауне гарадзішч..., стр. 215,

[82] К. М. Поликарпович. Археологические исследования в БССР в 1945—1953 гг. Сб. «Материалы по археологии БССР». Минск, 1957, стр. 16.

в Белоруссии до второй половины XVIII в.[33] Впрочем, дикий (или одичавший) конь до последнего времени встречался в Западных районах Беловежской Пущи. Он имеет небольшие размеры, соответствующие малым размерам лошадей у милоградского населения, и светлую окраску. Последнее особенно интересно в связи со сведениями Геродота [34] о диких белых лошадях в верховьях Южного Буга, т. е. в южных областях милоградской культуры. Сведениями о размерах и породе мелкого рогатого скота и свиньи мы пока не располагаем. Кости собак, которых на Горошковском городище найдено 69 (от восьми особей) [35], принадлежат, как и в памятниках других синхронных культур, мелким видам, приближающимся к типу современной собаки-лайки. Большой интерес представляет сравнение данных по характеристике скотоводства в белорусских памятниках милоградской культуры [36] с данными по другим культурам лесной полосы и лесостепи. Обратим внимание, прежде всего, на соотношение количества костей диких и домашних животных в милоградской и других культурах лесной полосы Поднепровья (по В. И. Цалкину и Е. А. Шмидту)[37] (табл. 4).

Таблица 4

Культуры	Кости домашних животных, %	
	по числу костей	по количеству особей
Милоградская	94,9	86,3
Юхновская	82,1	72,9
Смоленская (днепро-двинская)	71,6	55,9
Верхнеокские городища .	70,2	58,4

К сожалению, менее пригодны те немногие данные, которые опубликованы В. И. Громовым. Как мы уже говорили, использованию их мешает то, что кости дикой свиньи не расчленялись при определении от костей домашней свиньи. Приводим и эти цифры (табл. 5):

Таблица 5

Культура	Памятник	Кости домашних животных (с включением дикой свиньи, исходя из количества костей), %
Милоградская	Шопотовичи	91,3
Милоградская и зарубинецкая	Чечерск	90,3
Культура городищ со штрихованной керамикой	Лабенщина	82,6
	Нижний слой Банцеровщины	63,6

Более новые материалы по городищу Лабенщина дают примерно 40% домашних животных от всего состава фауны (сюда же включены и кости дикой свиньи) [38].

По количеству домашних животных милоградская культура близка к смежным с юга лесостепным культурам, где еще в предшествующие периоды, в белогрудовской и чернолесской культурах Среднего Поднепровья, процент домашних животных в стаде был близок милоградскому или превышал его (83% в Белогрудовском поселении Собковка и 92% особей по чернолесским городищам) [39].

В скифское время в целом по данным, публикуемым В. И. Цалкиным, памятники Правобережной Украины дают 92,8% домашних животных в стаде, что сближает их с милоградскими. Любопытно отметить, что северные районы лесостепи на других участках дают гораздо более низкие показатели. Например, в Орловско-Курской лесостепи процент домашних животных в стаде в скифское время составляет всего 60,4% [40].

Очень показательно сравнение повидового соотношения домашних животных в милоградской культуре с культурами лесной и лесостепной полос, приведенное нами в таблице,

[33] И. Г. Пронина и В. Е. Гарутт. Остатки животных из поселений III в. до н. э.—V в. н. э. на территории Минской области БССР. Сб. «Материалы по археологии БССР». Минск, 1957, стр. 171, рис. 3.

[34] Геродот, IV, 52.

[35] В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. Приложение № 9.

[36] К сожалению, о характере скотоводческого хозяйства на южных милоградских памятниках из-за слабой изученности их судить пока преждевременно. В Житомирских курганах, на подгорцевских поселениях, встречены кости всех основных видов домашних животных (В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века, стр. 206).

[37] В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе, стр. 62, 63. Сведения по ранним смоленским городищам взяты из работы: Е. А. Шмидт. Племена верховий Днепра и некоторых смежных территорий..., стр. 14.

[38] И. Г. Пронина и В. Е. Гарутт. Остатки животных..., стр. 166, табл. I.

[39] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье, стр. 180, 181.

[40] В. И. Цалкин. Животноводство и охота племен восточноевропейской лесостепи в раннем железном веке (в печати).

составленной по данным В. И. Цалкина, собранным в двух упомянутых его работах, с привлечением остеологических материалов со смоленских городищ, исследованных Е. А. Шмидтом (рис. 59).

Из таблицы наглядно видны значительные отличия в характере скотоводства у милоградских племен от населения, оставившего другие культуры лесной полосы [41] и в меньшей степени от культуры лесостепи. Прежде всего бросается в глаза самый высокий в милоградской культуре процент костей крупного рогатого скота, по сравнению со всеми другими синхронными культурами. Если в памятниках лесной полосы, кроме милоградских, крупный рогатый скот составляет примерно четверть от общей численности стада домашних животных [42], то на Горошковском городище он равен примерно 40% стада, что соответствует уровню развития этой отрасли животноводства только в более позднее, время в лесостепи, в памятниках черняховской культуры (40,2% от общего количества сельскохозяйственных животных, по данным П. Д. Либерова [43]). Весьма любопытно, что процент крупного рогатого скота в стаде у милоградских племен превышает или равен проценту его и в памятниках скифского времени степной полосы (29,7%, по данным П. Д. Либерова[44]; 35—40%, по данным В. И. Цалкина[45]).

Милоградская культура в Белоруссии дает также самый высокий процент костных остатков лошади среди всех смежных культур Поднепровья. Наиболее близки к ней показатели по Орловско-Курской лесостепи, а в лесной полосе — по юхновским и верхне-окским городищам. На ближайших же к милогр адским памятниках культуры штрихованной керамики, по имеющимся пока скудным сведениям, конь не играл заметной роли. На городище Банцеровщина кости коня отсутствуют вовсе[46].

Весьма скромное место занимают кости коня и в фаунистических остатках в смежных со Средней Белоруссией смоленских городищах (14,8%, по данным Е. А. Шмидта).

Отражением значительной роли коня в жизни милоградского населения являются многочисленные глиняные статуэтки, воспроизводящие это животное.

Небольшое значение в хозяйстве милоградских племен имел, судя по костным остаткам с Горошковского и других ранних городищ Южной Белоруссии, мелкий рогатый скот. Еще слабее было здесь развито свиноводство, которое во всех культурах Верхнего, да и Среднего Поднепровья имело гораздо больший удельный вес. Меньшей роли свиноводства, чем у милоградских племен, не наблюдается ни в одной синхронной культуре, исключая памятники степной полосы. В памятниках юхновской культуры и верхнеокских городищах процент костей свиньи в стаде почти вдвое выше, чем в милоградских памятниках, не говоря уже о смоленских городищах, где остатков свиньи обнаружено почти втрое больше.

Сопоставление данных по скотоводству у милоградских племен Белоруссии со смежными культурами приводит нас к выводу о несколько иной роли у милоградского населения этой отрасли экономики, чем на соседних территориях. Если для других культур бассейна Верхнего Днепра (юхновской, верхнеокской, городищ Смоленщины и культуры штрихованной керамики) характерно весьма близкое сходство как в общем уровне развития животноводства, соотношении количества домашних и диких животных, так и в распространенности отдельных видов скота (что объединяет их с

[41] Приводим данные по городищам культуры штрихованной керамики у деревень Лабешщина и Банцеровщина (нижний слой) под Минском. (Проценты подсчитаны на основании данных В. И. Громова по количеству костей животных).

Памятник	Крупный рогатый скот, %	Лошадь, %	Мелкий рогатый скот, %	Домашняя и дикая свинья, %
Лабенщина . .	26,8	21,5	16,0	35,7
Банцеровщина (нижний слой)	35,5	—	15,5	49,0

[41] Данные по раскопкам А. Г. Митрофанова в Лабенщине (цифры выведены на основании данных: И. Г. Пронина и В. Е. Гарутт. Остатки животных..., стр. 166, табл. 1): крупный рогатый скот — 26,6%, лошадь — 20%, мелкий рогатый скот — 20%, свинья (домашняя и дикая) — 33,4%.

[42] Высокий процент костей крупного рогатого скота на городище Банцеровщина скорее всего следует относить за счет перемешанности нижнего слоя, давшего мало материалов, с верхним, к которому относится подавляющая часть керамики и других находок с этого городища.

[48] П. Д. Либеров. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа, МИА, № 53, 1960, стр. 120.

[44] Там же, стр. 120.

[45] В. И. Цалкин. Животноводство и охота...,

[48] В. І. Громаў. Аб фауне гарадзішч..., стр. 213, 216.

прибалтийскими областями [47]), то милоградская культура — единственная из культур лесной полосы Поднепровья, которая стоит особняком, имея ряд существенных отличий. Особенно важен в этом отношении очень большой удельный вес скотоводства по сравнению с охотой и самый высокий среди лесных культур процент крупного рогатого скота в составе стада, что находит аналогии только в высокоразвитой синхронной культуре лесостепного Правобережья Днепра, где письменными источниками зафиксировано пашенное земледелие, а также в последующий период в памятниках черняховской культуры, характеризующихся еще более высоким уровнем развития земледелия (плуг с железным наральником).

Для характеристики охоты, так же как и для характеристики скотоводства, основным, а в данном случае единственным источником наших знаний, являются находки костей животных. Фигурок, явно изображающих диких животных, а также предметов, связанных с ловлей или обработкой предметов охоты, в нашем распоряжении нет (если не считать одного железного наконечника стрелы(?) с тупым расширенным концом с Асаревичского городища). Характерно, например, полное отсутствие так называемых тупиков — костяных орудий, служивших, в частности, для обработки шкур. Тупики являются весьма обычной находкой на памятниках раннего железного века Верхнего Поднепровья[48]. Большая часть костей диких животных представляет собой, как и кости домашних животных, кухонные отбросы, так как почти все найденные виды употреблялись в пищу. В одной ямке на жилой площадке Горошковского городища обнаружена часть скелета бобра, причем кости лежали в анатомическом порядке (верхняя часть тушки). Основной материал, на основании которого мы можем судить об охоте, получен с . Горошковского городища. Кости диких животных, составляющие в остеологической коллекции, как указывалось выше, 5,9%, по количеству костей и 13,7%, по числу особей, распределяются здесь следующим образом [49] (табл. 6).

Таблица 6

Вид	Костей	Особей
Лось	51	9
Зубр, тур?	4	1
Благородный олень	3	1
Кабан	21	7
Медведь	2	1
Бобр	73	4
Барсук	1	1
Всего	155	24

Материал, полученный нами при исследовании других городищ, совершенно фрагментарен и не вносит ничего нового. К сожалению, на Милоградском городище, где вскрыта значительная площадь, почвенные условия, как отмечалось, препятствуют сохранности костей, а на Чаплинском и Моховском II городищах милоградский материал перемешан с зарубинецким. На Чаплинском, кроме того, имелись постройки эпохи Киевской Руси, с большим количеством костей диких животных. Костный материал этого времени вне построек не всегда мог быть выделен, попадая в общие подсчеты, несмотря на предосторожности, принятые при сборе материала[50]. К сожалению, при опубликовании результатов обработки костных остатков Чаплинского городища В. И. Цалкиным были объединены материалы П.Н. Третьякова и копавшего это же городище Л. Д. Поболя, которым материал не дифференцировался, что еще более снижает ценность остеологических коллекций с этого памятника [51]. Кроме диких видов, найденных на Горошковском городище, здесь обнаружены кости косули, волка, рыси, куницы, хорька и выдры, а также диких птиц: серого гуся, утки, чирка и куропатки. Однако, как сказано, нет достаточных о,сно-> ваний относить их как к милоградскому, так и к зарубинецкому слою. В материалах с милоградских городищ, опубликованных

[47] Е. А. Шмидт. Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий, стр. 14; Я. Я. Граудонис. Поздний бронзовый и ранний железный века на территории Латвийской ССР (I тысячелетие до н. э.). Рига, 1961, стр. 23. Автореф. канд. дисс.

[48] Е. А. Шмидт. Городище у д. Новые Батеки. Сб. «Древние городища Смоленщины». М.— Л., 1963, стр. 162, рис. 11.

[49] В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. Приложение № 9.

[50] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, стр. 152 (см. примечание). Упоминание о костных остатках диких животных с Чаплинского городища см.: П. Н. Третьяков. Средневековые замчища Смоленщины. «Историко-археологический сборник» (в честь А. В. Арциховского). М., 1962, стр. 242.

[51] В. В. Щеглова и Л. Д. Побаль. Аб фауне дзікіх жывёл Чаплінскага гарадзішча (дапытання аб паляванні насельніцтва плямён зарубінецкай культуры ў Беларусі). ВАН БССР, 1960, № 1, серия біялагічных навук, стр. 116—129.

В. И. Громовым, определены кости лося, косули, кабана, медведя, бобра, зайца и волка [52].

К сожалению, пока нет никаких сведений о роли охоты у милоградских племен на украинской территории.

Приведенные выше данные по милоградским памятникам Белоруссии свидетельствуют, что в основном костные остатки принадлежат диким животным, мясо которых употреблялось в пищу, т. е. прежде всего копытным (лось, зубр или тур, благородный олень, кабан) — их кости в материалах Горошковского городища составляют *75%* от общего количества костей диких животных. Остальные 25% принадлежат пушным видам (почти исключительно бобру). Характерно, что примерно то же соотношение копытных и пушных видов животных (соответственно 70,9% и 29,1%) дают и материалы Чаплинского городища, разновременность которых в данном случае только подчеркивает устойчивость такого соотношения, нехарактерного, как правило, для других культур лесной полосы, где чаще преобладают виды, дающие пушнину[53], копытные же составляют менее одной трети от числа особей диких животных [54]. Из культур лесной зоны у милоградских племен процент пушных животных самый низкий. Относительно близкие показатели дает только юхновская культура (38,5% пушных), что связано с близкими милоградскими ландшафтными условиями, в которых находятся юхновские памятники. В то же время роль природных условий не следует переоценивать. Против этого справедливо предостерегает В. И. Цалкин, указывающий на примеры разной роли охоты в одинаковых природных условиях [55]. Нами учитывается также вопрос о том, отражает ли остеологическая статистика реальную роль охоты в древнем обществе. Несмотря на справедливость многих скептических замечаний, высказывавшихся по этому вопросу[56] и, действительно, весьма приблизительную точность основанных на подсчете костей соотношений, мы все же склонны считать, что количество костей диких животных может являться относительным показателем значения охоты в экономике древних племен. Нам представляются правильными соображения, высказанные Е. А. Шмидтом, о том, что если в северных районах, слабо заселенных в древности, следует допустить, что при охоте тушка несъедобного животного могла бросаться на месте добычи, то в южных районах, с часто расположенными поселениями (иногда на расстоянии 2—3 км) и разделенными между родами участками земли, необходимость в этом отпадала [57]. Во всяком случае поправка, которую может быть и следует делать, вряд ли сильно изменит картину, особенно при сравнении данных в пределах одной зоны и одной эпохи. Высокий процент пушных животных во всех, даже северных, лесных культурах Поднепровья (с гораздо меньшей плотностью населения) позволяет предполагать, что добыча обычно приносилась на поселение, где она могла использоваться в разных целях. Так, частичное захоронение бобра на Горошковском городище следует скорее всего расценивать как жертвоприношение.

Сравнение роли охоты у милоградского населения Белоруссии с ролью охоты в других лесных культурах Поднепровья очень показательно. Выше, при характеристике скотоводства, нами приводились цифры, показывающие соотношение диких и домашних видов в различных лесных культурах. Из них видно, что милоградская культура занимает в ряду лесных культур по количеству костных остатков диких животных самое последнее место. Если в юхновских и дьяковских памятниках кости диких животных составляют примерно 20—30% стада, то в других лесных культурах процент этот часто еще выше. Развитый характер охоты с большим количеством пушных видов отмечают исследователи на памятниках культуры городищ штрихованной керамики[58]. В то же время по проценту костей диких животных Горошковское городище совершенно аналогично памятникам лесостепи [59]. В целом кости диких животных в памятниках лесостепи составляют, по подсчетам В. И. Цал-

[52] В. І. Г р о м а ў. Аб фауне гарадзішч..., стр. 213—217.

[53] В. И. Ц а л к и н. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе, стр. 64. На городищах раннего железного века Смоленщины копытные составляют 19,1% от общего количества костей диких животных, а 80,9% составляют кости животных, дающих пушнину (Е. А. Ш м и д т. Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий..., стр. 14).

[54] В. И. Ц а л к и н. Животноводство и охота в лесной зоне Восточной Европы. МИА, № 107, 1962.

[55] В. И. Ц а л к и н. Скотоводство и охота в памятниках лесной зоны...

[56] Е. И. Горюнова. К вопросу об «остеологической статистике». КСИИМК, вып. 35, 1950, стр. 60.

[57] Е. А. Ш м и д т. Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий, стр. 218.

[58] В. І. Г р о м а ў. Аб фауне гарадзішч..., стр. 213—217; А. Г. М и т р о ф а н о в. К истории населения... стр. 13; И. Г. П р о н и н а и В. Е. Г а р у т т. Остатки животных..., стр. 166, 180.

[59] Б. А. Ш р а м к о. Древности Северского Донца. Харьков, 1964, стр. 209.

кина, 12—13% [60], что соответствует показателям Горошковского городища (13,7%). Особенно низкие показатели по охоте наблюдаются в примыкающих к милоградской территории с юга областях Днепровского Правобережья (7,2%), а несколько позже — на памятниках черняховской культуры, т. е. в областях и культурах с высоким уровнем земледелия.

Дальнейшие исследования позволят уточнить и расширить наши представления о скотоводстве и охоте у милоградских племен и бесспорно внесут некоторые коррективы в нарисованную выше картину.

Чрезвычайно скудны наши сведения о рыболовстве у милоградских племен. Несмотря на значительные вскрытые площади, мы не имеем костных остатков рыб, что нельзя объяснить только плохой сохранностью костей. На Горошковском городище с его тысячами обломков костей животных найдены всего несколько ребер рыб (в одной яме, среди костей животных) и обточенный рыбный позвонок среди камней очага. Материал этот не поддается определению. Наши раскопки на других городищах костных остатков рыб или чешуи не дали совсем. В. И. Громов отмечает, что о ловле рыбы свидетельствуют только материалы Чечерского городища, где имеются также слои зарубинецкой культуры и Киевской Руси. Отдельные кости рыб были, по-видимому, найдены на Шопотовичском городище[61]. В материалах Чаплинского городища эти кости относительно многочисленны (несколько сот костей); однако опять-таки нерасчлененность материала по слоям (милоградский, зарубинецкий и Киевской Руси) не позволяет воспользоваться им. Здесь определены кости сома, окуня, плотвы, леща, линя [62].

Отсутствуют на милоградских городищах и орудия, связанные с рыбной ловлей. В подъемном материале с Асаревичского городища поднят железный крючок без шипа. О связи его с рыболовством говорить трудно. Находки крючков вообще не характерны для милоградских памятников. Находка И. Х. Ющенко на городище у дер. Любны, интерпретированная как обломок медного рыболовного крючка, при рассмотрении оказалась обломком обычной булавки с петлевидной головкой, оканчивающейся S-видным завитком.

Имеются сведения о костяном «копье» с городища у дер. Чикаловичи, т. е., возможно, гарпуне или остроге.

Для милоградской культуры не характерны находки глиняных грузил, которыми так изобилуют смежные юхновские городища. Впрочем, единичные обломки подобных изделий из глины имеются в подъемном материале с Асаревичского городища. Обломки грузил (?) с Чаплинского и Моховского II городищ, а также целое баранковидное грузило с селища в Горошкове, относятся скорее всего к зарубинецкой культуре или более поздним периодам.

Нет достоверных сведений о рыболовстве и в южных областях милоградской культуры. Утверждение В. Н. Даниленко о большой роли рыболовства у подгорцевских племен[63] основано на находках двух-трех рыболовных крючков в подъемном материале с поселения в Подгорцах, где имеются также отложения других эпох.

Находящиеся в нашем распоряжении данные по белорусским памятникам говорят о слабой, по-видимому, совершенно ничтожной роли рыболовства в экономике милоградских племен. Ловля рыбы не носила систематического характера и производилась без применения сетей. Характерно значительное в этом отношении отличие милоградской культуры от всех других смежных культур Верхнего Поднепровья, где в эту эпоху рыболовство занимало значительное место в хозяйстве, являясь важным, хотя и подсобным промыслом. Определенно выяснена большая роль, которую играло рыболовство в хозяйстве юхновского населения, свидетельством чего остались большие скопления рыбных костей и чешуи, обнаруживаемые не только при раскопках, но и в обнажениях культурного слоя при беглом осмотре. О том же говорят многочисленные грузила, являющиеся одной из типичнейших находок на юхновских городищах, а также наличие специальных становищ рыболовов по берегам Десны [64]. Значение рыболовства

[60] В. И. Ц а л к и н. Животноводство и охота... Исключение представляет Орловско-Курский участок лесостепи, примыкающий по показателям к Верхне-Окской группе городищ (до 40%).
[61] В. І. Г р о м а у. Аб фауне гарадзишч... стр. 217.
[62] Т. е. тех же видов, которые характерны и для современной ихтиофауны Белоруссии (М. Н. Б л а г о в е щ е н с к и й, Белорусская ССР (учебное пособие). М., 1955, стр. 10; Л. Д. П о б о л ь. Поселения и могильник зарубинецкой культуры в Чаплине. Канд. дисс., стр. 137; Е. А. Ц е п к и н, Л. Д. П о б о л ь. Рыбы Чаплинского городища (к вопросу о рыболовстве населения зарубинецких племен территории Белоруссии). Рукопись.

[68] В. Н. Д а н и л е н к о. Памятники ранней поры железного века..., стр. 206.
[64] М. В о е в о д с ь к и й. Городища Десны АП УРСР, т. І. Київ, 1959, стр. 108—109; В. П. Л е в е н о к. Городища юхновской культуры..., стр. 51;

установил Е.А.Шмидт для ранних городищ Смоленщины, где кости рыб составляют около 6% общего числа костных остатков [65]. Орудия рыболовства представлены здесь большим количеством однозубых костяных гарпунов тех же типов, что и на Верхне-Окских городищах, и глиняных грузил от сетей [66]. Определенное, довольно значительное место занимало рыболовство и в хозяйстве среднебелорусских городищ культуры штрихованной керамики [67], как и в более западных районах этой культуры, в Литве [68], а также вообще в Прибалтике [69].

Таким образом, рыболовство в милоградской культуре Белоруссии практически не имело никакого значения в снабжении населения пищей, запасы которой предоставляли продукты земледелия и скотоводства. Милоградская культура стоит и в этом отношении обособленно от всех других культур лесной полосы Поднепровья, приближаясь, как и в других сферах хозяйственной деятельности, больше к памятникам юга. Синхронные милоградским памятники лесостепи никогда не дают многочисленных признаков развитого рыболовецкого хозяйства [70], которыми характеризуются памятники лесной полосы.

Домашние ремесла

Имеющиеся материалы позволяют судить о наличии у населения домашних ремесел и занятий, обеспечивающих его жизненные потребности. Не говоря здесь о тех из них, для которых нет достаточных данных (обработка дерева, прядение, ткачество [71]), а также тех, которые охарактеризованы нами при описании отдельных категорий предметов (например, изготовление керамики), мы остановимся здесь только на одном — древней металлургии и металлообработке, прежде всего железа, которое в известной мере определяло общий уровень развития производительных сил, а следовательно, и всей экономики общества. Использование железа Ф. Энгельс считает наиболее характерным признаком высшей ступени варварства — эпохи железного топора, железного плуга и железного меча. «Железо сделало возможным полеводство на крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов» [72].

При характеристике железных изделий мы отмечали, что в памятниках милоградской культуры Белоруссии железо, как материал для орудий труда, стало играть решающую роль с ранних этапов культуры, о чем свидетельствуют находки железных орудий и шлаков непосредственно в слоях ранних городищ (например, Моховского I), отсутствие бронзовых орудий труда и костяной индустрии и другие данные. Высокий, сравнительно с другими культурами лесной полосы, уровень развития экономики, прослеживаемый в милоградских памятниках Белоруссии, и обилие железных изделий связаны также с тем, что области Полесья являются одним из крупнейших месторождений болотных руд в Восточной Европе, использовавшихся человеком с древнейших времен вплоть до XIX в. Еще в Киевской Руси основным источником сырья для выплавки железа были болотные руды, находившие самое широкое применение в связи с распространенностью и легкой доступностью их [73]. Район Полесья — самый большой из

О. Н. Мельниковская. Изучение памятников раннего железного века на Средней Десне. Сб.«Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр. 134.

[65] Е. А. Шмидт. Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий..., стр. 15.

[66] Е. А. Шмидт. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра..., стр. 364, рис. 13, стр. 365; Он же. Городище у д. Новые Батеки, стр. 160, 161, рис. 10, *4;* П. Н. Третьяков. Древние городища Смоленщины, стр. 48, рис. 14, *10—12;* стр. 85, рис. 41; стр. 107, рис. 55, *1.*

[67] А. Г. Митрофанов. К истории населения, стр. 13.

[68] П. Ф. Тарасенко. Городища Литвы. КСИИМК, вып. 42, 1952, стр. 88.

[69] Я. Я. Граудонис. Поздний бронзовый и ранний железный века на территории Латвийской ССР (I тыс. до н. э.). Рига, 1961, стр. 25, 26. Автореф. канд. дисс.

[70] Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца, стр. 209. Более определенно следы рыболовства прослеживаются в ранних памятниках лесостепи времени начала скифского периода, например, в памятниках яернолесского типа, возможно, в связи с тем, что потребность в пище еще не была обеспечена развитием других отраслей экономики (А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье, стр. 181).

[71] Несколько раз нами встречены отпечатки тканей на глиняных изделиях (Горошковское и Милоградское городища). По-видимому, они оставлены тканями типа полотен и шерстяными. Оттиски имеют вид прямой клетки и мелких волнистых линий. Отпечатки тканей (типа полотен) есть и на керамике с подгорцевских памятников (В. М. Даниленко. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р. АП УРСР, т. VI. Київ, 1956, стр. 11.

[72] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитиздат, 1953, стр. 168.

[73] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1.953, стр. 36, 37.

всех, где в XV—XIX вв. производилась промышленная разработка руды, о чем с наглядностью свидетельствует составленная Б. А. Колчиным карта [74]. Природные условия Полесья — низменности с песчаными грунтами и высокой влажностью — объясняют причину больших запасов болотных, луговых и озерных железных руд (местный термин — «Дерновая руда»). Руда представляет собой лепешкообразные или плиткообразные скопления окиси железа, залегающие на незначительной глубине в болотах и озерах или выступающие наружу по берегам рек. Пласты руды достигают мощности 30 см. Полесские руды содержат от 40 до 70% железа [75]. По приведенным А. Н. Лявданским и К. М. Поликарповичем данным А. Мейера, из 10 пудов полесской руды можно выплавить примерно два пуда железа[76]. Важным фактором, способствующим использованию болотных руд в древности, является наряду с доступностью и их легкоплавкость. В литературе имеются для интересующей нас территории многочисленные свидетельства о способах добывания руды, переработки ее и получения железа в примитивных сыродутных горнах[77]. А. Н. Лявданский и К. М. Поликарпович в статье, специально посвященной древней железной промышленности в Белоруссии [78], приводят имевшиеся в их распоряжении данные, свидетельствующие о широком использовании местных рудных богатств населением Белоруссии еще в раннем железном веке.

Авторами отмечено 59 мест, связанных в древности с переработкой руды на железо, причем отмечается относительно меньшее количество шлаков и других признаков добычи железа на юге БССР. Авторы это объясняют тем, что юг был в то время хуже обследован и выплавка железа на юге производилась, как они пишут, по-видимому, вне пределов поселений. Напомним также, что начальные этапы жизни на центральнобелорусских городищах относятся учеными к более позднему времени, чем на милоградских.

Работы славянской экспедиции в Южной Белоруссии показывают, однако, что выплавка железа являлась здесь самым распространенным занятием, о чем свидетельствуют находки шлаков, криц, обломков горнов и т. д. при обследованиях и раскопках милоградских городищ, а также площадей за их валами. Выходы болотных руд имеются близ многих памятников милоградской культуры [79].

О широком распространении и использовании болотных руд свидетельствует довольно частая примесь измельченной руды вместе с дресвой в милоградской керамике. Процесс получения в древности железа из руды хорошо освещен в ряде специальных работ. После сушки руды и обогащения ее путем размельчения и освобождения от кремнезема (для этой цели служили каменные рубилообразные орудия, топоры, песты[80] и камни типа зернотерок, в большом количестве находимые на милоградских городищах) она загружалась в небольшие печи-домницы, вперемежку со слоями древесного угля, где и подвергалась восстановительному обжигу при сравнительно невысокой температуре[81]. На территории Белоруссии такие горны или обломки от них обнаружены неоднократно как на городищах культуры штрихованной керамики (Поповка, Малышки, Лабенщина, Вязынка и др.[82]), так и на южнобелорусских городищах милоградской

[74] Там же, стр. 37, рис. 12.

[75] «БССР, Очерки экономической географии». Минск, 1953, стр. 29. Б. А. Колчин приводит химический состав руд района г. Речицы Гомельской области: Fe_2O_3 — 61,5%, Fe общее — 43,18%, SiO_2 — 15,5% (Б. А. Колчин. Черная металлургия, стр. 36, 37).

[76] А. Мейер. Описание Кричевского графства или бывшего староства (1786). Могилевская старина, вып. II. Могилев, 1901 (раздел VIII) «О железной руде».

[77] И. Зеленский. Минская губерния. «Материалы для географии и статистики России», ч. I. СПб., 1864 стр. 105, 106; см. также ссылки на работы А. Мейера и И. Ростафинского в статье А. Н. Ляўданскі К. М. Палікарповіч. Да гісторыі жалезнай прамысловасці на Беларусі па данных археолёгіі. «Савецкая Краіна». Менск, 1932, № 5 (19).

[78] А. Н. Ляўданскі, К. М. Палікарповіч. Да гісторыі..., стр. 55—84; А. Н. Ляўданскі. Отчет о разведках Палескае експедыцыі (с картой сыродутных горнов Белоруссии). «Савецкая Краіна», 1932, № 2.

[79] Об этом свидетельствуюти названия населенных пунктов, около многих из которых имеются городища: у деревни Рудня Маримоновская, Рудня Попова, Рудня Телешовская, Рудня Каменева, Рудня Нисимковская и т. д. Большое количество населенных пунктов с названием Рудня отмечено в пределах бывших Речицкого и Мозырского уездов И. Зеленским. Он же отмечает, что еще недавно в Речицком уезде было четыре рудокопни, где железо выплавлялось из болотной руды и продавалось на месте в виде сошников, подков и т. д. (И. Зеленский. Минская губерния, стр. 106).

[80] Б. А. Шрамко. Новые данные о добыче железа в Скифии. КСИА, вып. 91, 1962, стр. 73, рис. 26, *6*.

[81] Восстановление железа из болотной руды начинается при температуре в 400°. При температуре в 700—800° или несколько выше железо восстанавливается и приобретает тестообразную консистенцию (Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 123).

[82] А. Н. Ляўданскі, К. М. Палікарповіч. Да гісторыі..., стр. 55—84; А. Г. Митрофанов. Городище в Вязынке. «Материалы по археологии Белоруссии», т. I. Минск, 1957, стр. 163; см. также соответствующие разделы в работах Б. А. Рыбакова и Б. А. Колчина.

культуры (Шопотовичи, Ворновка, Горошков, Милоград и др.)[83]. К сожалению, сохранность раскопанных милоградских печей-домниц плохая. Судя по материалам Горошковского городища 1958 г., горн представлял собой обычную круглую яму диаметром 0,8—1,0 м и примерно такой же глубины с почти плоским, несколько пониженным в центральной части дном. Стены ямы обмазаны глиной и сильно пережжены, дно покрыто углистой коркой. Вокруг ямы обнаружены шлаки и куски глиняной обмазки от выломанного при вынимании крицы основания горна. Встречаются обломки, которые, возможно, следует связывать с соплами. Диаметр их отверстий невелик и сами обломки недостаточно выразительны. По-видимому, также были устроены и другие горны. Их не всегда легко выделить среди многочисленных ям, которыми обычно перерыт материк на милоградских городищах. Для этого было бы необходимо дать топографические планы раскопок с находками шлаков, криц и кусков оснований домниц, часто встречающихся на городищах. Так, невероятно, чтобы на Чаплинском городище с его обилием железных вещей, шлаков и несколькими крицами[84], не было металлургических горнов. Не выделены следы горнов и на большой исследованной площади за валами городища, на селище. Ямы-домницы, обнаруживаемые на милоградских памятниках, находят себе аналогии как в более северных материалах, на городищах культуры штрихованной керамики[85], так и в памятниках скифского времени юга[86], что говорит о едином технологическом процессе получения железа, характерном в это время для обширных территорий. Несколько выделяется на этом общем фоне только Каменское городище, являвшееся крупным металлургическим центром скифов[87].

[83] А. Н. Л я ў д а н с к і, К. М. П а л і к а р п о в і ч. Да гісторыі..., стр. 55—84; А. Н. Л я в д а н с к и и, А. Д. К о в а л о н я. Дневник работ по Сожу, 1936 г.; работы автора.

[84] П. Н. Т р е т ь я к о в. Чаплинское городище, стр. 138.

[85] А. Н. Л я ў д а н с к і, К. М. П а л і к а р п о в і ч. Да гісторыі..., стр. 55—84, рис. 1—2; Б. А. Р ы б а к о в. Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 128; Б. А. К о л ч и н. Черная металлургия..., стр. 22, рис. 2.

[86] Б. А. Щ р а м к о. Новые данные о добыче железа в Скифии, стр. 72—77, рис. 27; стр. 74; О н ж е. Древности Северского Донца, стр. 132—136, рис. 49.

[87] Б. Н. Г р а к о в. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, стр. 115—127.

Вероятно, в некоторых случаях или в определенные периоды жизни на городищах добыча железа производилась за пределами укреплений. Предположение это, высказанное в отношении южнобелорусских городищ А. Н. Лявданским и К. М. Поликарповичем, подтверждается рядом данных. Так, при обследовании и разведочных раскопках А. Н. Лявданским и А. Д. Коваленей городища милоградской культуры у дер. Ворновка (Лядцы) на Соже, следы выплавки железа отмечены ими «около вала, на конце среднего вала, на восток от городища и в других местах»[88]. Большое количество шлаков, обнаруженных при раскопках непосредственно за валом Милоградского городища (на север от него) дает основание предполагать, что на этом позднем памятнике выплавка железа была вынесена за пределы укрепления.

На Горошковском городище, наряду с остатками горнов на жилой части площадки, следы выплавки железа имеются между наружным и внутренним валами городища, на площади могильника, где в нескольких ямах и между ямами обнаружены куски пережженной глины от горнов и шлаки.

Правда, в отдельных случаях, есть основания предполагать связь этих обломков с погребениями. Здесь же, при раскопках могильника в 1960 г., найдена цельная крица (см. рис. 58, *15*). Она имеет неправильную форму, приближающуюся к форме сегмента шара. Нижняя выпуклая поверхность ее покрыта коркой из обожженной глины. Крица имеет неровную пузырчатую поверхность с застывшими каплями металла. Диаметр крицы 10 см, толщина 4 см[89]. Малые размеры крицы, очевидно, связаны с неумением обеспечить тягу при большей загрузке печи. Размерам крицы полностью соответствует и крутизна поверхности обломков оснований печей, судя по которым наружный диаметр их составлял примерно 14 см, а внутренний — 10 см (при толщине стенок дна горна 2 см). Обломки криц и куски шлаков обнаружены и на других участках Горошковского городища. Эти находки, как и обломки от горнов, встречаются и в заполнении жилищ, куда крицы приносились вместе с приставшими к ним кусками глины перед последующей кузнечной обработкой. О най-

[88] А. Н. Л я в д а н с к и и, А. Д. К о в а л е н я. Дневник работ по Сожу. 1936 г.

[89] Примерно таких же размеров (диаметра и толщины) достигали крицы с Березняковского городища П. Н. Т р е т ь я к о в. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, стр. 138; Б. А. К о л ч и н. Черная металлургия..., стр. 21.

денных нескольких крицах, часть которых могла относиться к милоградскому слою, на Чаплинском городище, мы упоминали выше. Диаметр их от 5 до 12 см [90].

Кричное железо несколько раз проковывалось на каменных наковальнях при помощи каменных орудий, после чего употреблялось для изготовления железных изделий. Полуфабрикаты в виде болванок железа нами в раскопках обнаружены не были, однако находки их на милоградских памятниках [91], как и на городищах Других культур известны [92].

Разнообразие и многочисленность предметов из железа, из которого сделаны все металлические орудия труда (топоры, тесла, серпы, ножи и т. д.), многие предметы вооружения (мечи, копья, дротики, наконечники стрел), предметы конского убора, украшения (булавки, браслеты и др.), свидетельствуют о сравнительно высокой технике обработки железа, без применения которой было бы невозможно изготовление некоторых из этих предметов. Как видим, из железа делались не только плоские вещи, но и сложные в ковке предметы, требующие сварки, такие как топоры, копья, дротики, браслеты, уздечная цепь и т. д. Впрочем, последняя вещь скорее всего привозная.

Скудны наши данные о кузнечном инструменте. В качестве его могли употребляться некоторые из описанных нами железных предметов, прежде всего орудия типа небольших зубил и пробойников, находимые в ряде случаев в одних комплексах с каменными пестами и камнями, употреблявшимися в качестве молотов и наковален.

О технологии производства железных изделий мы можем судить на основании металлографических анализов железных предметов, произведенных Б. А. Колчиным [93]. Для производства анализов взято несколько вещей с Горошковского городища, в том числе пять из клада земледельческих орудий (три серпа, топор, тесло). Анализ указанных изделий показал, что населению городища была к этому времени известна не только цементация железа, но и вполне освоена техника изготовления изделий из сочетания железа и стали [94], употреблявшаяся в памятниках лесостепи, скифской культуры юга, в Западной и Центральной Европе в культуре гальштатта.

Как мы отмечали, у милоградских племен, несмотря на отсутствие местных месторождений, были в употреблении все основные цветные металлы и сплавы, применявшиеся в эту эпоху: золото и серебро, медь, бронза, томпак и свинец. Некоторые из этих металлов, прежде всего бронза, были широко распространены (только с милоградских памятников Белоруссии получены сотни вещей, кроме того, многие десятки бронзовых изделий происходят с подгорцевских памятников Киевщины). Источником снабжения цветными металлами служили, скорее всего, судя по типам изделий, западные и южные земли. По-видимому, основной металл поступал в области милоградской культуры через юго-западные ее районы из Центральной Европы, являвшейся основным поставщиком цветных металлов на Правобережье со времен бронзового века. Поступавшие из этих районов привозные изделия и сырье уже в эту эпоху позволили местным племенам Волыни создать свой центр металлообработки (высоцкая культура) [95].

Следы местного литья бронзы отмечены на милоградских памятниках много раз (тигли со следами меди, льячки, литейные формы, капли меди и т. д.), что заставляет предполагать значительный размах бронзолитейного производства. Находки свинца в материалах Горошковского городища подтверждают, что часть металла поступала в виде сырья и что сплавы в отдельных случаях изготавливались на месте [96]. Часть изделий из бронзы с милоградских памятников была подвергнута химическому анализу[97]. Для этой цели отобраны 23 образца с Горошковского, Асаревичского и Моховского I городищ, данные анализов которых мы приводим ниже (табл. 7).

[90] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 138.

[91] Устные сведения о находке двух брусков железа в сосуде в насыпи вала однослойного болотного городища милоградской культуры в с. Василёв Гомельского района.

[92] А. Г. Митрофанов. Городище в Вязынке, стр. 163. Прокованные заготовки обнаружены при раскопках городища Банцеровщина, где они, однако, могут относиться к верхнему слою, т. е. к середине I тысячелетия н. э. Вес их 222—285 г, содержание железа 97,44% (А. Н. Ляўданскі, К. М. Палікаповіч, Да гісторыі..., стр. 55—84).

[93] Работы производились в лаборатории МГУ.

[94] Несколько позже подобная техника изготовления предметов из железа и стали зафиксирована при анализе предметов из городища дьяковской культуры у с. Троица под Можайском См.: Б. А. Колчин. Доклад на ученом совете И А АН СССР 11.V 1962 г. (Архив ИА АН СССР, Р-3, № 1141).

[95] В. Д. Рыбалова. О связях..., стр. 94.

[96] Находки свинца известны и на городище культуры штрихованной керамики у д. Збаровичи (А. Г. Митрофанов. К истории населения..., стр. 159).

[97] Анализы произведены проф. Л. И. Каштановым.

Таблица 7

Химический анализ изделий из бронзы с памятников милоградской культуры

Предмет	Памятник	Cu	Sn	Pb	Fe	Zn	Sb	Ni
Кольцо	Асаревичи	84,72	8,72	сл.	сл. *	6,54	—	—
Булавка	»	85,35	10,11	сл.	сл.	4,52	—	—
Булавка	»	88,02	9,21	сл.	сл.	2,77	сл.	—
Булавка	»	84,26	10,05	сл.	сл.	5,67	—	—
Пластинка	»	85,63	6,92	—	—	7,42	—	—
Игла	»	91,74	7,99	—	0,13	—	—	0,12
Обойма	Горошков	81,44	10,34	сл.	сл.	8,21	—	—
Пластинка	»	99,76	6,16	—	—	1,08	—	—
Пластинка	»	87,82	11,99	—	0,11	—	—	0,07
Серьга	»	86,80	12,06	сл.	сл.	1,12	—	—
Кольцо	»	84,24	13,05	—	сл.	2,71	—	—
Игла	Асаревичи	80,22	14,28	—	сл.	5,47	сл.	—
Гвоздевидная булавка	Горошков	84,90	14,90	—	сл.	0,20	—	—
Браслет	Асаревичи	89,73	10,20	сл.	сл.	0,07	—	—
Витая гривна	»	88,97	9,81	0,73	сл.	0,67	—	сл.
Спиральная пронизка .	»	93,56	4,28	1,09	сл.	1,17	—	—
Кольцо	»	93,21	6,1	0,58	сл.	0,10	—	сл.
Булавка	Горошков	97,61	2,00	сл.	сл.	4,12	—	сл.
Обойма или рукоять .	Асаревичи	88,40	2,00	сл.	—	9,55	—	—
Заготовка для браслета	»	75,70	—	—	—	24,23	—	—
Браслет	Мохов I	91,42	6,15	0,59	—	1,81	—	—
Стержень	Асаревичи	98,99	1,00	—	—	сл.	сл.	—
Булавка	Асаревичи	73,85	сл.	сл.	сл.	26,11	—	—

* Сл.— следы незначительного присутствия металла.

Профессор Л. И. Каштанов считал возможным на основании приведенных в таблице процентных соотношений делать выводы о связях населения милоградских городищ с кельтами (анализы № 6 и 9, по присутствию никеля?) и более поздним, славянским, населением (остальные анализы), однако данные, которыми он руководствовался в этих определениях, не были им детально изложены и аргументированы. На наш взгляд, химические анализы изделий из цветных металлов, как и соотношение типа изделия с составом сплава, несмотря на относительное значение этих данных, особенно в случаях массовых анализов, все же не могут дать надежного критерия в вопросах межплеменных и генетических связей в силу целого ряда причин, прежде всего в связи с частым вторичным использованием металла. К сожалению, спектральный анализ милоградских бронз, от которого можно ожидать гораздо более убедительных выводов, пока не производился.

Технических вопросов, связанных с плавлением цветных металлов (производившемся на обычных очагах, часто в пределах жилищ) и с литьем, мы уже касались при характеристике связанных с этой отраслью орудий производства. Основные бронзовые изделия изготавливались при помощи отливки в формах, в том числе и по восковой модели, однако применялась и техника ковки, обычно в сочетании с литьем. Относительно высокого уровня мастерства требовало изготовление сложных образцов украшений типа полого браслета с восьмеркообразными спиралями на поверхности (импорт?) и некоторых других изделий, в частности с памятников подгорцевского типа. Последние говорят также о том, что к V—IV вв. до н. э. было освоено комбинированное применение железа и бронзы при изготовлении отдельных предметов [98].

[98] В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века, стр. 202.

Общественные отношения и верования

Общественный строй в рассматриваемую эпоху у племен средней полосы Восточной Европы характеризуется разложением первобытнообщинных, родовых отношений. Процесс сложения ряда культур раннего железного века на этой территории отразил глубокие изменения в жизни местного населения, связанные прежде всего с распространением железа. Последнее вызвало бурный рост производительных сил. Несоответствие между старыми, первобытнообщинными производственными отношениями и новым уровнем производительных сил явилось причиной нарушения старых родо-племенных отношений, которые постепенно стали заменяться отношениями, основанными на территориальной близости. Появились условия, давшие почву для возникновения имущественного неравенства и эксплуатации. В целом для племен Среднего и Нижнего Поднепровья следует говорить о существовании в это время родо-племенного строя на последних ступенях его развития[99].

На общественные отношения на юге лесной зоны в раннем железном веке не могли не оказать существенного влияния процессы, происходившие в лесостепи и степи, где в это время господствовал мощный скифский союз племен и возникало скифское государство. Как показывают письменные источники, скифы не только оказывали влияние на племена смежных территорий, но эти племена принимали непосредственное участие и в политических событиях. Как и в более южных районах, где группы или союзы племен зафиксированы письменными источниками, население, оставившее памятники милоградской культуры, бесспорно представляло собой не одно племя, а объединялось также в группу или союз племен, о чем свидетельствует единообразие материальной культуры на большой территории, при выраженных в то же время локальных отличиях на разных участках. Одним из таких племен или их группой было и население, оставившее памятники милоградской культуры Южной Белоруссии. На поздних этапах (в зарубинецкое время) существовавшие на этой территории общественные отношения П. Н. Третьяков считает возможным определять уже как переходные от патриархальной большесемейной общины к сельской общине [100].

[99] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1953, стр. 42, 57.
[100] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 152.

Для защиты себя и имущества общины возводились укрепления, размеры и устройство которых в некоторых случаях свидетельствуют о значительной экономической мощности строивших их коллективов. Не всегда ясно, были ли укрепленные поселения местом обитания отдельных патриархальных семей или родов, являлись ли они центрами родовых общин? По-видимому, в разных случаях дело обстояло по-разному, о чем говорят размеры городищ и расположение их. Площадь городищ в Южной Белоруссии колеблется от нескольких сот квадратных метров до 30—40 тыс. $м^2$. Возможно, есть и укрепления большей площади, так как нами обследованы пока далеко не все городища Южной Белоруссии. В расположении их следует отметить случаи, когда городища группируются по два, реже по три — явление, отмеченное рядом исследователей для городищ Верхнего Поднепровья, Верхней Оки и Верхней Волги [101], а также в лесостепи [102]. То же отмечает А. Г. Митрофанов для Средней Белоруссии: каждая группа городищ, как он считает, принадлежит, по-видимому отдельному роду, а отдельное городище — большой патриархальной семье [103]. А. Н. Лявданский также видит в подобном расположении (на примере южнобелорусских городищ у деревни Присно и Шерстин на Соже) группы укреплений, принадлежащих одному роду [104]. Наши наблюдения показывают, что довольно часто городища милоградской культуры расположены по одному. В тех же случаях, когда два или несколько городищ находятся неподалеку одно от другого, не всегда можно видеть в этом преднамеренную связь их: иногда такое расположение укреплений может быть объяснено не общественными причинами, а подходящими для сооружения укрепления естественными условиями, например, удобными мысами между оврагами. Довод этот подтверждается в некоторых случаях разновременностью соседних памятников. В то же время есть бесспорные случаи попарного одновременного расположения городищ в условиях, когда сооружение их не зависело от природных условий. Нагляд-

[101] Е. А. Шмидт. Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий..., стр. 6, 15; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э., стр. 30.
[102] М. И. Артамонов. О землевладении и земледельческом празднике у скифов. «Уч. зап. ЛГУ», № 95, сер. истор. наук, вып. 15, Л., 1947, стр. 3—20.
[103] А. Г. Митрофанов. К истории населения..., стр; 15.
[104] А. Н. Лявданский, А. Д. Коваленя. Дневник работ по Сожу, 1936 г.

ную в этом отношении картину дают, например, два городища у дер. Ясенец на Припяти, сооруженные в болотистой местности на расстоянии 300 м одно от другого и в значительном отдалении от других городищ, расстояние до которых измеряется многими километрами. Ясенецкое I и Ясенецкое II городища точно повторяют одно другое по форме и устройству оборонительных сооружений, но одно из них превышает другое по размерам заключенной в валах площадки примерно в три раза[105] (в квадратных метрах). Попарно расположены болотные городища у деревень Борхов, Безуев, Короватичи и др. Подобные факты расположения городищ с бесспорностью должны свидетельствовать о принадлежности их одному древнему коллективу. По предварительным наблюдениям в случаях попарного расположения городищ, одно из них иногда не имеет культурного слоя, что возможно свидетельствует об особом общественном назначении их. Общественное назначение могли иметь и дополнительные укрепленные участки, выделенные при сооружении некоторых милоградских городищ, как болотных, так и мысовых. На поздних этапах, синхронных зарубинецкой культуре, население все чаще выходит за пределы укреплений. Образуются селища, в это время еще не потерявшие свою связь с городищами. Впрочем, в самых южных районах Белоруссии, в устье Припяти, по ее течению и в низовьях Птичи, процесс выделения селищ, их независимого существования от городищ, относится как будто бы к более раннему времени, начиная с последних веков до н, э. Объяснение этому следует искать, в частности, и в причинах общественного порядка: чем ближе к югу, тем общественные отношения носили более прогрессивный, развитый характер, а родовые и племенные связи соответственно становились все менее прочными [106]. Некоторую возможность характеристики общественных отношений у населения, оставившего милоградские памятники, позволяет дать анализ жилищ. Как мы видели выше, все жилые постройки имели небольшие размеры, что свидетельствует о выделении малой семьи, в известной мере, по-видимому, являвшейся отдельной хозяйственной единицей. Об этом же говорят многочисленные небольшие хозяйственные постройки, а также следы изгородей, обозначавших, очевидно, границы отдельных усадьб. Показательным моментом хозяйственного обособления (в какой-то мере) отдельной малой семьи являются находки зернотерок, серпов и других орудий труда во многих жилищах и хозяйственных постройках.

Сравнение жилищ на милоградских памятниках со смежными районами говорит об одинаковом их назначении (малые односемейные постройки) с жилищами в лесостепной полосе (например, жилища на Пастерском городище) и об отличии от большинства районов Верхнего Поднепровья, где синхронные милоградским жилища по своему характеру свидетельствуют об отставании этих районов в отношении общественной организации. Так, как мы уже писали при характеристике жилищ, в верховьях Днепра в раннем железном веке существовали длинные многосемейные дома [107]. Позже они разделялись на несколько примыкающих друг к другу построек и только на заключительных этапах развития днепро-двИнской культуры каждая малая семья стала сооружать отдельные жилые постройки. Длинные многосемейные дома раскопаны нами на Кудлаевском городище юхновской культуры [108].

При исследовании А. Г. Митрофановым синхронных милоградским городищ культуры штрихованной керамики в Средней Белоруссии обнаружены жилища, свидетельствующие о тесных родственных связях внутри общины: длинные прямоугольные дома, каждый из которых разделен на четыре равных помещения для отдельных семей[109]. Как мы уже отмечали выше, одну из основных причин отставания общественного развития в этих районах мы видим в Подсечной системе земледелия, требовавшей коллективной обработки почвы.

Отметим, что милоградские жилища примерно одинаковы по составу инвентаря. Расположение его не позволяет выделить мужскую и женскую половины, как это, например, прослежено на Троицком городище под Можайском[110]. Этому, впрочем, противоречит и малый размер жилых построек. Четыре небольших клада вещей, найденные в хозяйственных постройках Горошковского городища, скорее всего говорят о принадлежности каждого из них одному лицу, а не роду. То же отмечает П. Н. Третьяков на Чаплинском городище, где небольшие

[105] Ю. В. К у х а р е н к о. Памятники железного века на территории Полесья, стр. 59, рис. 26, *3, 4*.
[106] П. Н. Т р е т ь я к о в. Восточнославянские племена, стр. 57.

[107] Е. А. Ш м и д т. Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий..., стр. 8, 15.
[108] О. Н. М е л ь н и к о в с к а я. Изучение памятников..., стр. 133, 134.
[109] А. Г. М и т р о ф а н о в. К истории населения...,
[110] А. Ф. Д у б ы н и н. Троицкое городище Подмосковья, СА, 1964, № 1, стр. 184.

скопления украшений связаны уже с зарубинецкими отложениями[111]. Из кладов с Горошковского городища особый интерес представляет клад земледельческих орудий. Не является ли он подтверждением того, что орудия труда, находившиеся ранее во владении рода, становятся к этому времени личной собственностью отдельных членов рода? В таком случае этот клад является наряду с найденными скоплениями украшений пока одним из слабых свидетельств имущественного неравенства.

Выводы, касающиеся общественного устройства, можно сделать, исходя и из того, что нам известно о погребальном обряде у милоградских племен. Процесс распада родовой общины на отдельные семьи, прослеживающийся на поселениях, нашел свое отражение и в отказе от сооружения родовых усыпальниц в виде курганов, которые были характерны для ранних этапов милоградской культуры, а позже, с V—IV вв. до н. э., сменились грунтовыми могильниками. В наших материалах трудно выделить явные следы рабства, бесспорно существовавшего в патриархальной форме в данную эпоху и в данной среде. Для ранних милоградских могильников с трупоположениями как на территории Белоруссии (устье р. Горыни, раскопки Ю. В. Кухаренко), так и на Украине (Западная Волынь, раскопки И. К. Свешникова) типичны групповые погребения. В могильниках, для которых характерен обряд трупосожжения, подобные явления проследить труднее. Курганы милоградской культуры Житомирщины также часто содержат следы нескольких или многих трупосожжений. Как мы отмечали выше, в белорусских могильниках есть отдельные случаи погребений в спаренных, смыкающихся краями ямах, перекрытых общим для обеих ям развалом стенок одного сосуда, что, возможно, следует также считать следами парных погребений. Интересным для нас является факт захоронения в канаве, входящей в систему укреплений городища в Горошкове. Это захоронение позволяет предположить неравноправие похороненного здесь члена коллектива. Явление социального порядка следует видеть и в находках человеческих черепов или отдельных костей на городищах, свидетельствующих о человеческих жертвоприношениях или других обрядах, возможно связанных, как это было у скифов, с победой над врагом. Среди милоградских погребений имеются отдельные захоронения черепов и обломки необожженного черепа в трупосожжений. Как находки отдельных человеческих костей на городищах, так и захоронения черепов — явления, имевшие самое широкое распространение в эту эпоху (культура скифского времени лесостепи, высоцкая, зарубинецкая, дьяковская, городецкая и др.).

[111] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 153.

Погребения, как и материал с поселений, говорят об отсутствии значительной имущественной дифференциации в среде милоградского населения. Среди погребений ни одно пока не выделяется богатством инвентаря.

Значительный интерес представляет вопрос об общественных отношениях в связи с домашними ремеслами, в частности с производством металлов. Предполагается, что первыми ремесленниками-специалистами, выделившимися в родовых коллективах, были именно металлурги-кузнецы[112], в силу специфики и сложности своего ремесла обслуживавшие в это время не только нужды своей семьи, но и всей общины[113].

А. Н. Лявданский и К. М. Поликарпович видят доказательство специализации отдельных семей по выплавке железа в таких фактах, как неравномерное распределение рудных залежей, и, как следствие этого, в отсутствии на ряде городищ железных шлаков и других находок, связанных с выплавкой и обработкой железа[114]. Вряд ли доказательной силой обладают аргументы Е. А. Шмидта, подчеркивавшего, что о выделении кузнечного ремесла свидетельствуют также устойчивые формы отдельных предметов [115]. Устойчивость форм, как хорошо известно, часто характерна в древности для очень отдаленных одна от другой территорий.

Представляет интерес одно из трупосожжений Моховского I городища, в котором обнаружена использованная литейная форма для отливки в технике литья по восковой модели большого наплечного или ножного браслета, украшенного поперечными рубчиками. Вкупе с данными со смежных территорий (например,

[112] Данные раскопок Горошковского городища позволяют предположить отсутствие дифференциации в железоделательном, кузнечном и бронзолитейном ремеслах, косвенным свидетельством чего являются находки в одних комплексах следов обработки железа, шлаков, литейных форм, льячек и т. д. (Б. Н. Граков, Кайенское городище..., стр. 122).

[113] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 122, 132.

[114] А. Н. Ляўданскі, К. М. Палікарповіч. Да гісторыі..., стр. 55—84.

[115] Е. А. Шмидт. Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий..., стр. 142.

обнаружение большого количества литейных форм из мастерской литейщика на Смоленщине [116], наша находка является одним из свидетельств зарождающегося выделения ремесла и появления специалистов в отдельных отраслях производства — процесса, более ярко прослеженного в эту эпоху на скифском юге, например, в материалах Каменского городища на Нижнем Днепре.

Отметим, наконец, роль межобщинного и межплеменного обмена, засвидетельствованного многочисленными данными, прежде всего наличием вещей западного и южного происхождения. Развитие обмена явилось одним из важных факторов, способствующих разложению первобытно-общинных отношений. Обмен и индивидуализация производства приводили к быстрому распаду родовых связей и расслоению общества, способствовали возникновению имущественного неравенства внутри общины.

Религиозные представления и культы, существовавшие у населения, оставившего милоградские памятники, в целом были близки представлениям, господствовавшим в других обществах на стадии разложения первобытно-общинного строя. В основе их лежало обожествление сил природы. Материалов для выяснения специфики религиозных воззрений в милоградской среде в нашем распоряжении пока немного. Об элементах древних воззрений, прослеживающихся при изучении различных сторон материальной культуры, отчасти можно судить из данных, приведенных выше, при характеристике отдельных категорий вещей, погребального обряда и т. д. Одним из основных культов у населения, оставившего милоградские памятники, бесспорно являлся культ солнца, пережитки которого много раз отмечались в белорусской этнографии [117], и тесно связанный с ним культ огня и домашнего очага (как, например, культ Табити у скифов). Самое широкое отражение древние культовые представления нашли в орнаментации милоградских грузиков. Свидетельством этого являются многочисленные знаки-символы: круги, кресты, звезды, зигзаги и т. д., являющиеся обычными на грузиках и в других культурах уже с бронзового века [118]. Возможно, с древними культовыми представлениями связана и сама форма некоторых грузиков, в первую очередь — распространенных в милоградской культуре грузиков в форме креста — эмблемы огня — солнца, прогоняющего силы мрака[119]. Характерной особенностью крестовидных грузиков и других грузиков с выступами (например, звездовидных с пятью или шестью выступами) в памятниках милоградской культуры и в смежных областях является встречающаяся иногда орнаментация уплощенных окончаний выступов оттисками зерен [120] или имитацией их, например, имитация оттисков зерен проса мелкими округлыми вдавлениями на грузике с Милоградского городища. По-видимому, эта группа грузиков имеет какую-то связь с земледельческим культом, восходящим к культу солнца.

Уникальной находкой, также, на наш взгляд связанной с древними культовыми представлениями, является грузик с Горошковского городища, упомянутый нами выше в другой связи — при характеристике земледелия. Выше мы отмечали, что, как нам кажется, на грузике переданы сцены пахоты и боронования. Возможно, в указанных сценах передан распространенный у восточных славян, в частности в Южной Белоруссии, весенний обряд опахивания сохой, чтобы дать выход силам земли, например, в случаях эпидемий. Весна приезжает «на сошечке, на бороночке» и изображается обычно в виде человека[121], что находится в соответствии, на наш взгляд, со сценой, изображенной на грузике из Горошкова (рис. 54,*25*).

Другой интересной находкой из нашей коллекции является обнаруженный в Горошкове, на площади милоградского могильника (смыкающегося на этом участке с зарубинецким селищем), грузик с процарапанным изображением рыбы. Однако форма пряслица и условия находки не исключают принадлежности его к зарубинецкой культуре. Некоторые орнаменты на милоградских грузиках являются крайне схематичными изображениями животных, птиц и других живых существ, что наряду с формами и другими видами орнаментов сближает их с сосудами и орнаментацией в высоцкой культуре [122].

Связь изображений живых существ на грузиках и сосудах с древними культовыми представлениями подтверждается многочисленными

[116] Е. А. Шмидт. Городище у д. Новые Батеки, стр. 162.
[117] Н. М. Никольский. Дохристианские верования и культы днепровских славян. М., 1929, стр. 7, 25, 30.
[118] В. П. Даркевич. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси, СА, 1960, № 4, стр. 64.
[119] Там же, стр. 57—59.
[120] Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа у лесостепных племен. СА, 1957, № 1, стр. 204.
[121] Н. М. Никольский. Дохристианские верования..., стр. 25, 30.
[122] T. SulimiTski. Kultura wysocka, tabl. XIII, 8, 19.

примерами, из которых вспомним близкий нам по времени рисунок на одном из высоцких сосудов [123]. Интересен также грузик с позднескифского поселения у хут. Скрипки близ сел. Малая Салтановка Васильковского района на Киевщине, где изображение коня сопровождается солярным знаком в виде квадратика с точкой в центре. Здесь же найдены типичные подгорцевские бронзовые изделия[124]. Магическое значение, которое придавало древнее население некоторым из грузиков, нашло свое отражение и в этнографических материалах. Так, на Гомельщине, в местах, занятых милоградскими городищами, еще в 30-х годах существовал отмеченный белорусским археологом А. Рынейским обычай у женщин употреблять грузики «для лечения живота», для чего грузик («памачник») размалывался и в виде порошка принимался внутрь[125]. Знает об этом обычае население и по сей день.

Общеизвестная теснейшая связь солярного культа с культом коня, в древности очень широко распространенного в среде индоевропейских народов (причем конь выступает как жертвенное животное)[126], в материалах милоградской культуры, по-видимому, находит отражение и в многочисленных глиняных фигурках лошадок с Горошковского городища. Фетишизм, выражавшийся в изготовлении фигурок животных, характерен для многих земледельческих культур древности [127]. Академик Н. М. Никольский при характеристике верований днепровских славян отмечает особую роль среди фетишей изображений коня и коровы — гениев-покровителей и помощников человека[128]. Особо подчеркивается роль коня, отзвуки культа которого прослеживались в Белоруссии и Литве до самого позднего времени. О существовании культа или почитания, кроме коня, других животных у милоградских племен можно судить также по обломкам глиняных фигурок коров, а может быть и других видов домашнего скота, по жертвенным захоронениям домашних и диких животных, по находкам подвесок из зубов медведя, кабана, волка и т. д., употреблявшихся в качестве амулетов. Не исключено, что фигурки животных также могли употребляться как амулеты, о чем свидетельствуют экземпляры с отверстиями в материалах высоцкой культуры (см. выше) и с памятников скифского времени украинской лесостепи [129].

Большой интерес представляют находки отдельных костей человека в культовых и других комплексах на милоградских памятниках, что, возможно, следует рассматривать как следы культовой антропофагии. Отдельные кости человека часто встречаются на памятниках раннего железного века лесостепи (в Посулье [130], на Бельском городище[131] и т. д.). Два погребения с трупоположением на Горошковском городище, а, возможно, также трупосожжения в оборонительной канавке за валом этого городища, могли представлять собой жертвенные захоронения. На Горошковском городище и за его валами обнаружено также несколько преднамеренных жертвенных захоронений (обычно частей тушек) диких и домашних животных (две собаки, бобр, свинья и поросенок). Кости всегда лежат в анатомическом порядке, в одном из погребений собаки лежал разбитый сосуд. Полную аналогию этому явлению мы находим в культурах скифского времени лесостепи, например в материалах Бельского городища [132]. Обнаруженное на Горошковском городище захоронение собаки, сопровождавшееся, как и погребение людей, разбитым сосудом, заставляет вспомнить существовавший у белорусов до недавнего времени восходящий к древнему жертвоприношению обычай убивать собак [133]. Как отмечает Н. М. Никольский, в Белоруссии имеются поверья, позволяющие предполагать, что тотемом части предков белорусского народа являлась собака[134].

[123] Из материалов могильника высоцкой культуры в сел. Рипнев, раскопки Ю. Н. Захарука, 1951 г. Львов. Фонды Института общественных наук.

[124] Е. О. П е т р о в с ь к а. Пам'ятка пізньоскіфського часу на р. Стугні. «Археологія», т. XVI, Київ, 1964, стр. 177, рис. 5, *2;* стр. 178, рис. 7; стр. 179, рис. 8.

[125] А. Р ы н е й с к і. Археолёгічныя разьведкі на р. Пціч. Працы, III, стр. 202, 212, 213.

[126] О. Н. Т р у б а ч е в. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 13.

[127] Г е р о д о т , II, 47. О жертвенных приношениях восковых и выпеченных из теста фигурок лошадей и других животных при колядовании и на Юрьев день (Н. А. А ф а н а с ь е в . Поэтические воззрения славян на природу, т. II. М., 1868, стр. 255).

[128] Н. М. Н и к о л ь с к и й . Дохристианские верования и культы днепровских славян. М., 1929, стр. 12,13.

[129] Б. А. Ш р а м к о. Древности Северского Донца, стр. 182; рис. 70; стр.- 183.

[130] В. А. И л ь и н с к а я . Памятники скифского времени Посулья. Киев, 1949. Канд. дисс.

[131] В. А. Г о р о д ц о в. Дневник археологических исследований в Зеньковском у. Полтавской губ. в 1906 г. «Труды XIV АС», т. III. М., 1911, стр. 149.

[132] Б. Н. Г р а к о в, Б. А. Ш р а м к о. Отчеты о раскопках Вольского городища за 1959—1960 гг. (Научный архив ИА АН УССР, Киев).

[133] О. Н. Т р у б а ч е в. Происхождение названий..., стр. 5.

[134] Н. М. Н и к о л ь с к и й . Дохристианские верования..., стр. 17.

Особая роль в верованиях населения Белоруссии с древнейших времен принадлежит камню, служившему фетишем (одно из проявлений — так называемый культ «пяруновых стрел»)[135]. Каменным орудиям, например топорам, до недавнего времени в отдельных местах приписывали магические свойства. Использование их в качестве «лечебного» средства для изгнания «нечистой силы» и при других магических действиях у белорусов было хорошо известно (топоры вешали в амбарах и хлевах, лили воду сквозь отверстие топора и употребляли ее в качестве лекарства, прикладывали к больному месту кремневые наконечники стрел «пяруновы стрелы» и т. д. [136]). Это же отмечает А. Д. Коваленя для бассейна Друти, где еще недавно выкупить каменный^ топор у населения было невозможно ни за какие деньги [137]. Как мы уже писали выше, на милоградских городищах довольно часто встречаются каменные топоры, одной из причин чего, возможно, является вера в их магическую силу. Найдены и маленькие каменные топорики, возможно имевшие вотивное назначение, подобно каменным и костяным вотивным топорам в Средней Белоруссии и Прибалтике. На Горошковском городище обнаружена глиняная подвеска в виде топорика; аналогичйые находки известны также в Среднем Поднепровье[138]. Вера в возможность заклинать стихию при помощи каменных топоров, являющаяся одним из проявлений «бессилия дикаря в борьбе с природой» [139], была распространена в древности не только в Прибалтике и Белоруссии, но и на территории современных Польши и Германии, а также в Прикарпатье у гуцулов[140].

С древними культами связано, по-видимотлу, несколько построек, исследованных при раскопках Горошковского городища. Мы упоминали, что от жилых сооружений они отличаются удлиненными пропорциями и рядом других особенностей, в частности в заполнении. Так, в заполнении одной из построек были обнаружены обломки костей человека, целые крупные кости животных, кусок охры, 45 грузиков, фигурки животных, костяной амулет. Эти находки были сосредоточены вокруг центральной части постройки, где в сильно пережженном, со следами многочисленных подновлений, центральном участке пола выявлена небольшая кольцевая канавка, возможно являвшаяся основанием жертвенника, типа известных в Среднем Поднепровье [141], а может быть, и стоявшего здесь некогда идола. У стен постройки снаружи располагалось параллельно ей погребение человека, совершенное по обряду трупоположения.

С другой постройкой связано упомянутое нами выше погребение собаки в квадратной яме, сопровождавшееся сосудом.

Большое значение для изучения идеологических представлений имеет обнаружение могильников милоградской культуры (см. выше, при характеристике погребального обряда). Особенно в этом отношении важен анализ деталей погребального обряда, таких как особенности обряда сожжения покойников, характер сопровождающего инвентаря, в частности преднамеренная порча вещей (разбитые сосуды[142]), положение в могилы кремня и охры (символы огня), жертвенного мяса и зубов жертвенных животных и т. д.

Отметим здесь, в частности, что обнаруженное на дальнем от городища краю могильника в Горошкове, за пределами валов жертвенное захоронение частей туш поросенка и свиньи может быть не связано с расположенными поблизости погребениями, а иметь другое культовое назначение. Так, Н. А. Афанасьев, упоминая о том, что у славян и балтийцев существовал обычай приносить в жертву быков и овец (кости именно этих животных встречаются в милоградских погребениях), пишет далее об обычае зарывать на полях части барашка или поросенка для предохранения урожая от града [143], т. е. в жертву Перуну.

[135] Н. А. Афанасьев. Поэтические воззрения..., т. II, стр. 17; М. Мялешка. Камень ў вераньнях і паданьнях беларуса. Працы катэдры этнографа, т. I, Менск, 1928, стр. 155—182.

[136] Н. М. Никольский. Дохристианские верования..., стр. 7, 9, 10; Н. П. Авенариус. Отчет за 1889 г. (Архив ЛОИА АН СССР, № 42); М. Мялешка. Камень ў вераньнях..., стр. 163.

[137] А. Зьм. Каваленя. Археолёгічныя росшукі ў верхоўях рэк Друці, Усяж-Бук і Лукомкі. Працы III. Менск, 1932, стр. 187.

[138] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Дцепровском Правобережье, стр. 53, рис. 28, S.

[139] В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 12, стр. 142.

[140] В. П. Даркевич. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве. СА, 1961, № 4, стр. 91.

[141] В. В. Хвойко. Городища Среднего Приднепровья, их значение, древность и народность. «Труды XII АС», т. I. М., 1905, стр. 96—99; Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа у лесостепных племен, стр. 197.

[142] На Подолии отмечен обычай: при похоронах мужа жена бьет новый горшок, означая этим упадок хозяйства после смерти хозяина дома (К. Шейковский. Быт подолян, т. I, вып. 2. Киев, 1859, стр. 31). Об обычае бить горшок на могиле в эпоху Киевской Руси в Белоруссии мы упоминали выше.

[143] Н. А. Афанасьев. Поэтические воззрения..., стр. 251—254.

Не исключено, что Горошковское городище, давшее особенно значительные материалы для характеристики древних культовых представлений, и имеющее в этом плане некоторые отличия от других милоградских памятников, являлось не только жилым поселком, но и одним из культовых центров, возможно культовым местом для всей родовой общины. Об этом как будто свидетельствуют такие данные, как большое количество фигурок животных при почти полном отсутствии их на других памятниках, культовые постройки и следы жертвоприношений животных, а, по-видимому, и людей (частые находки костей человека на городище), наличие нескольких кладов и т. д.

Торговые и культурные связи

Племена, оставившие памятники милоградской культуры, занимали территорию, очень выгодную в отношении средств связи. Земли, расположенные на стыке лесной полосы с лесостепью, т. е. северных (балтийских) культур со скифским миром, и смежные с позднелужицкой, высоцкой и поморской культурами на западе, особо выгадывали от обилия водных путей, связывающих их со всеми этими областями. Связь с южным миром осуществлялась прежде всего через Днепр, на протяжении нескольких сот километров протекающий через земли, занятые милоградскими племенами, судоходный и сейчас не только на этом отрезке своего русла, но и значительно выше. Другим важным средством связей с югом являлся Южный Буг, верховья которого находятся в пределах милоградской культурной области. По Днепру и Южному Бугу южные влияния[1] и импорт проникали через Припять, Сож и другие реки во все милоградские области. Западные и юго-западные торговые и культурные пути шли, очевидно, со стороны современной Южной Польши и областей, расположенных 'на север от Карпат, через Западную Волынь и выходили на южные притоки Припяти, а также на саму Припять у ее верховий. Южный и западный пути, посредством которых осуществлялись основные связи милоградских племен со смежными территориями, были хорошо освоены местными племенами уже в бронзовом веке, о чем свидетельствуют культуры эпохи бронзы (связи с комаровской культурой на западе и катакомбной культурой на юге) и к раннему железному веку стали уже традиционными [144]. Постепенное продвижение на север от Припяти по Сожу и Березине способствовало, по-видимому, частичной колонизации близлежащих территорий, издревле занятых балтийскими племенами [145]. Об этой колонизации свидетельствует проникновение отдельных элементов милоградской культуры далеко на север. Только неблагоприятные для жизни болотистые области Северного Припятского Полесья, на запад от Птичи, почти совсем не осваивались милоградским населением. Впрочем, недостаточная обследованность этих мест не позволяет сделать определенные выводы. Связи милоградского населения как внутренние, так и внешние, были достаточно разнообразными. Существовали и культурно-экономические связи и связи политического характера, сопровождавшиеся военными столкновениями, продвижениями отдельных групп на новые территории и т. д. В частности, значительные передвижения племен были обусловлены укреплением и расширением на юге скифского союза племен и племен скифского времени лесостепи. Свидетельством участия в политической жизни племен, расположенных на север от Скифии, являются известные данные Геродота о переговорах скифов с царями невров, будинов и других нескифских племен об участии последних в войне с персами. Не останавливаясь здесь на политических и военных взаимоотношениях, коснемся Только культурно-экономических, торговых связей населения как внешних, так и внутренних. В милоградской среде, заключавшей в себе, по-видимому, несколько родственных племен, прежде всего не могли не быть достаточно развиты внутренние экономические взаимоотношения, основанные на товарообмене, как это наблюдается и в менее развитых обществах, стоящих на более низкой ступени общественного развития[146]. О тесных внутренних взаимосвязях свидетельствует единстве культуры на обширных территориях, широкое распространение многих типов вещей, в том числе имеющих западное или южное происхождение, впервые попавших на милоградскую территорию в виде импорта, повсеместное распространение кремня при частом отсутствии местных за-

[144] В. Д. Р ы б а л о в а. О связях..., стр. 80—95.

[145] В. М. Довнар-Запольский. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891, стр. 12.

[146] Например, у австралийцев, где из 500 племен, стоящих на стадии первобытнообщинного строя, каждое являлось поставщиком определенных предметов или сырья, получая за это в обмен нужные вещи, причем имеются традиционные пути и направления обмена, определенные торговые центры и т. д, («Очерки общей этнографии. Австралия и Океания. Америка. Африка». М., 1957, стр. 71-77).

лежей его и так далее. Однако недостаточное количество данных не позволяет судить о внутреннем межплеменном обмене более конкретно. Легче поддаются определению связи милоградского населения с внешними областями. О них свидетельствуют как привозные, импортные вещи, так и большое количество местных изделий, воспроизводящих привозные образцы. Постоянными внешними .связями объясняется и то большое количество цветного металла, которым характеризуются милоградские памятники на всех этапах своего существования. На характере этих связей мы остановимся ниже.

У нас нет определенных данных о том, что служило товаром при обменной торговле. Если можно утверждать, что в пределы милоградской культуры бесспорно поступал цветной металл в изделиях и в сырье, бусы и т. д., то в отношении ответных товаров вопрос пока остается открытым. При незначительной роли охоты, направленной прежде всего, как можно пока утверждать, на пополнение запасов пищи, трудно предполагать, что значительную роль в обмене могли играть меха. По-видимому, товаром служили некоторые продукты сельскохозяйственного производства, возможно также и скот. Не исключено, что в некоторых случаях в обмен на бронзу могло предлагаться железо, которым милоградские области Белоруссии чрезвычайно богаты.

Вспомним культурно-экономические взаимоотношения милоградского населения конкретно с каждой из соседних областей, не раз отмечавшиеся нами при характеристике отдельных категорий находок. Наиболее ощутимы в милоградской культуре, на наш взгляд, связи с западными и юго-западными областями. Ранние милоградские памятники Волыни граничат с поздне-лужицкими и высоцкими памятниками. Первые занимают верховья Припяти и доходят до Горыни. Поздней датой их является V в. до н. э. Примерно в это же время заканчивают свое существование и памятники высоцкой культуры, занимающие небольшой участок на водоразделе Западного и Южного Буга и правых притоков Припяти, до верховьев Днестра на юге. По принятой в последнее время датировке, памятники высоцкой культуры доходят до середины VI в. до н. э. Позже эти области на западе заняты племенами поморской, пшеворской и зарубинецкой культур, а на юге — культурой скифского времени лесостепи. Связи с указанными культурами в милоградской среде очень сильно чувствуются как на ранних, так и на поздних этапах развития •культуры.

Лужицко-высоцкие, гальштаттские, а позже латенские типы вещей и влияния как в металле, так и в других изделиях, для милоградских памятников чрезвычайно характерны и в значительной степени определяют их липо. В раннее время о западных влияниях свидетельствуют такие находки, как булавки с биконической и конической головками (Горошков, Народичи на Житомирщине), а также с отверстием в стержне (Горошков, Чаплин), витые гривны и булавки с витым стержнем (Моховское I, Асаревичское, Борховское городища, Гремячее на Житомирщине), разделители для бус[147] (Подгорцы, Корост на Волыни), серьги с гвоздевидным завершением крючка (Дубой, Подгорцы), ажурная бляха с петлей с оборотной стороны (Вылевское городище на Ипути) и другие вещи. Возможно следует связывать с влиянием юго-запада и наличие в милоградской культуре таких находок как гвоздевидные булавки, встречающиеся еще в памятниках комаровской культуры (Букивна), а позже получившие широкое распространение в памятниках милоградско-подгорцевского круга (Горошков, Асаревичи, Милоград, Чаплин, Плитовище, Подгорцы, и т. д.) и в культуре лесостепи. Западное происхождение имеет также булавка типа «пастушеский посох» [148], разновидности которой, обычно с петлевидной головкой, оканчивающейся S-овидным завитком, имеют в милоградских и подгорцевских памятниках самое широкое распространение. Самый ранний на нашей территории экземпляр такой булавки встречен с комаровской керамикой, а также в Народичах, в комплексе с раннемилоградской керамикой и бронзовым топориком великопольского типа. По-видимому, в результате контактов на западе, а также через посредство милоградских памятников, булавки с петлевидной головкой постепенно распространяются по всей территории Среднего и Верхнего Поднепровья и Прибалтики, где бытуют вплоть до середины I тысячелетия н. э.

Связи милоградской культуры с высоцкой, отмечавшиеся и другими исследователями милоградско-подгорцевских памятников (В. Н. Даниленко, Ю. В. Кухаренко), наряду с формами металлических предметов, прослеживаются также в некоторых формах милоградских сосудов (аналогии в поздневысоцких формах); для обеих культур характерны формы сосудов, имевшие более широкое распро-

[147] Подобные разделители для бус встречены в могильниках высоцкой культуры в поздних грунтовых погребениях с сожжениями.

[148] В. Д. Рыбалова. О связях..., стр, 83, 84.

странение в эту эпоху (например, сосуды грушевидной формы с выступами из могильника в Дубое). Лужицко-высоцкое влияние чувствуется в черепке с резным елочным орнаментом, в части маленького сосуда на ножках (Горошков) и в других подобных находках. Особенно показательна близость в глиняных грузиках, иногда передающих форму и орнаментацию лужицких и высоцких сосудов (а также уходящих корнями в глубины бронзового века, например — грузики с выступами, характерные первоначально для памятников комаровской культуры, позже встречающиеся в единичных экземплярах в памятниках лесостепи, грузики с орнаментальными схемами, характерными для тщцинецко-комаровской и шнуровой культуры и т. д.). Все эти типы грузиков широко распространены на милоградских памятниках.

Некоторые связи с юго-западом на ранних этапах прослеживаются у милоградских племен и в погребальном обряде. Так, Ю. В. Кухаренко отмечает связь погребений в Дубое с погребальным обрядом в восточных группах лужицкой культуры. Интересным признаком является близость милоградских и поздних высоцких трупосожжений — безурновых, в овальных ямках, с небольшим количеством смешанных с грунтом костей, часто безынвентарных. Сильное влияние лужицкой и высоцкой культур на милоградскую становится еще более понятным, если вспомнить те традиционные пути связей с западными территориями, которые были характерны для Правобережья на предшествующих этапах еще с конца II тысячелетия до н. э., когда они были связаны с передвижением на восток части комаровско-тшцинецких племен [149].

В латенскую эпоху связи милоградской культуры с западом весьма определенны. Пути проникновения кельтских влияний очевидно в целом были близки к путям на предшествующих этапах, т. е. основным направлением их было — от Прикарпатья через Южное Полесье на Средний и Верхний Днепр, где кельтский импорт зафиксирован уже в конце IV—III вв. до н. э.[150] (раннелатенские фибулы в Горошкове и Залесье, латенский сосуд из Залесья и т. д.). Впрочем, как известно, кельтские вещи не всегда можно отличить от общелужицких типов. Среди наших находок этого круга бесспорно западными импортными, на наш взгляд, являются две вещи с Горошковского городища — обломок полого браслета с напаянными на его поверхность восьмеркообразными спиралями и железная цепь от уздечного набора. Особенно интересна последняя. Точная аналогия ей, как мы писали выше, известна из Ниенбургского могильника в Саксонии. Публикующий цепь К. Такенберг считает ее, не имея, однако, достаточных оснований на это, самобытной германской вещью, связывая ее с западными германскими племенами[151]. Не исключено, что импортными являются находки раннелатенских и среднелатенских фибул (Горошков) и железная бритва (Асаревичи). На наличие кельтского импорта указывают, по мнению профессора Л. И. Каштанова, анализы цветных металлов с милоградских памятников Белоруссии. Что касается других находок латенского круга — большого количества браслетов, орнаментированных рубчиками, группками нарезок или шариками ложной зерни, спиральных, витых и т. д., наплечных или наножных колец, дротика, колечка-амулета с выступами и т. д., то у нас нет веских оснований считать эти вещи импортными. Так, при безусловном западном происхождении всех типов браслетов, местное производство их зафиксировано несколько раз находками литейных форм и не только на территории милоградской культуры, но далеко за ее пределами, например на Смоленщине [152].

В керамике связи с латеном также получили свое отражение. Кроме латенского сосуда из Залесья, обнаруженного вместе с раннелатенской фибулой, найдены и частично восстановлены сосуды в Горошкове, в форме которых чувствуются латенские влияния. К несколько более позднему времени относится черный лощеный плоскодонный сосуд с Горошковского городища (и обломки других таких же сосудов), украшенный по корпусу линиями из парных ногтевых вдавлений — орнамент, характерный для кельтской и поморской, а позже — пшеворской культур (рис. 60, *8)*. Среди керамики Горошковского городища имеется также несколько черных лощеных фрагментов,

[149] И. К. Свешников. Памятники племен бронзового века Прикарпатья и Западной Подолии. М., 1958, стр. 15. Автореф. канд. дисс.; В. Д. Рыбалова, О связях..., стр. 94.

[150] Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. СА, 1959, № 1, стр. 32.

[151] K. Tackenberg. Die Kultur der frühen Eisenzeit 1750 vor Christi Geburt bis Christi Geburt in Mittel und West Hannower. Die Urnen Friedhöfe in Nieder Sachsen. Hg. C. Schuchardt. Bd I, H. 3—4. Leipzig, 1934, S. 112, 116.

[152] Е. А. Шмидт. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I тысячелетия до н. э. «Материалы по изучению Смоленской области» вып. IV. Смоленск, 1961, стр. 360—361.

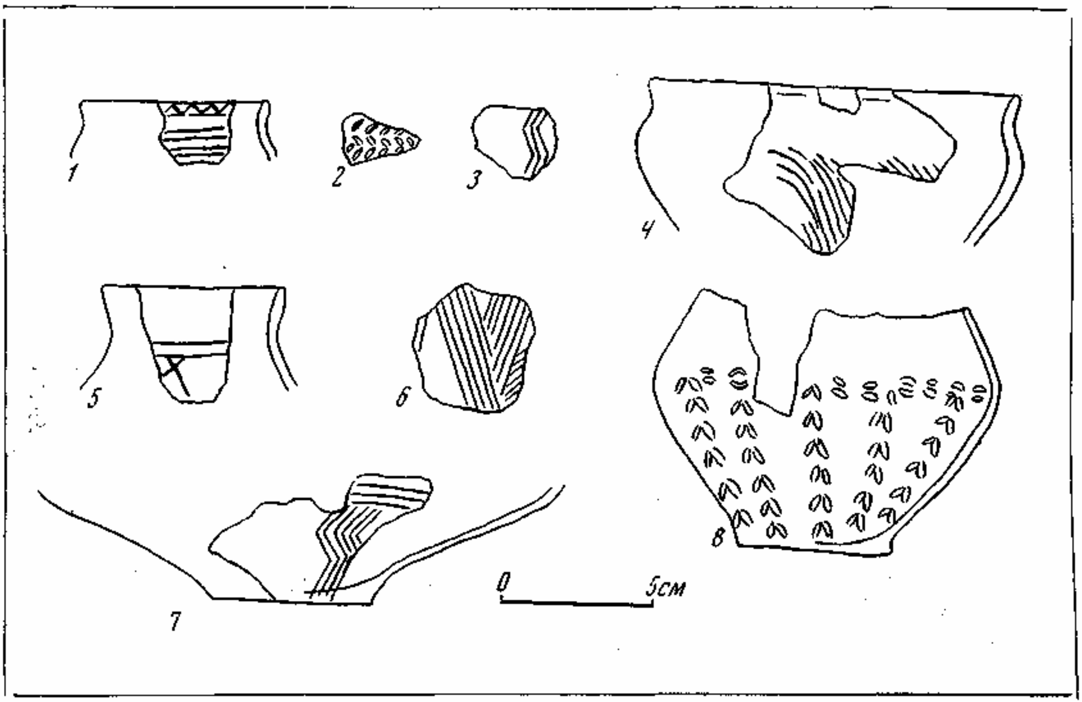

Рис. 60. Сосуды зарубинецкого времени, найденные на милоградских городищах (*7—8*) (в орнаменте заметно влияние западных культур)

орнаментированных расчесами многозубчатого штампа, в том числе мисок, близких к зарубинецким формам (рис. 60, *3, 4, 6, 7*). Найдены также черепки, украшенные по краю вдавлениями, нанесенными попеременно с наружной и внутренней стороны венчика. Все они являются свидетельством контакта милоградского населения с синхронными западными — поморской и пшеворской культурами. Некоторые пряслица на милоградских памятниках Белоруссии выполнены в форме кельтских и других западных форм сосудов. Из металлических изделий, связанных с влиянием запада, укажем на две фибулы позднелатенской схемы со сплошным приемником с Милоградского и обломки таких же фибул с Горошковского городищ, где они относятся к смешанным милоградско-зарубинецким комплексам. Значительное место во внешних связях населения играют также отношения с племенами, жившими южнее милоградской территории и оставившими культуры раннего железного века в лесостепной полосе Правобережья Днепра. На ранних этапах милоградские племена Украины соседили с племенами чернолесской, а возможно и белогрудовской культур, позже — с культурой скифского времени лесостепи. А. И. Тереножкин, преуменьшающий роль милоградских племен, пишет, что милоградско-подгорцевское население не перемешивалось с населением — носителем скифообразной культуры лесостепи[153]. Нам это представляется не так. О глубоком процессе взаимопроникновения отдельных групп населения на сотни километров свидетельствует то, что памятники лесостепной культуры встречаются вплоть до Припяти. Не только экономическими связями, но и натиском южных племен объясняется появление скифских типов вещей (например, наконечников стрел) на милоградских памятниках Белоруссии. О связях с населением лесостепи говорит появление курганных групп с типичным скифским инвентарем (в том числе — предметами звериного стиля) к северу от Припяти. Однако сам факт единичности таких памятников, отсутствие сходства между скифской лесостепной посудой и милоградской керамикой севернее Припяти, (в то время, как подгорцевскую керамику прежде всего характеризуют эти связи) и продолжение существования милоградской культуры Белоруссии так сказать в чистом виде еще в течение нескольких столетий,

[153] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье, стр. 240.

говорит о том, что основные массы населения сумели противостоять натиску южных соседей.

О связующих моментах между ранними милоградскими памятниками Украины и Белоруссии, с одной стороны, и чернолесской и лесостепной культурой скифского времени — с другой, мы уже говорили. В материальной культуре о них свидетельствуют в чернолесских памятниках некоторые формы сосудов, характерные несколько позже для милоградской культуры Белоруссии и, наоборот, в милоградских материалах—обломки сосудов некоторых ранних лесостепных форм, распространение на север некоторых форм металлических, костяных и других изделий.

Однако следует отметить, что совершенно невозможно четко разграничить на ранних этапах западные и южные влияния из-за широкого распространения близкой керамики и других типов вещей в культурах раннего железного века на широких просторах Правобережья Днепра. Такие находки, как обломок черпачка и костяной наконечник стрелы с Горошковского городища, булавки с конической и биконической головками из Народичей и Горошкова, серьга с округлым щитком и гвоздевидным завершением крючка из Дубоя, некоторые типы бляшек и т. д., нельзя с уверенностью связывать по своему происхождению с южными областями, хотя некоторые из них, вполне вероятно, распространились с юга. С влиянием юга следует, по-видимому, связывать находки на милоградских и подгорцевских памятниках серег с коническим щитком, относящихся в лесостепи к VI—V вв. до н. э. Связями с лесостепью объясняется появление в милоградских материалах большого количества фигурок животных. С конца V в. до н. э. на белорусских памятниках начинают появляться скифские наконечники стрел, большая часть которых относится к IV в. (Асаревичи, Горошков, Чаплин, Колочин, Городок). К V—IV вв. до н. э. относится и большая часть скифских наконечников стрел, найденных на украинских памятниках (Подгорцы, Залесье и др.). К этому же времени относится, видимо, находка акинака с Асаревичского городища и, как можно предполагать, некоторого количества вещей, хотя и западного происхождения, но получивших к этому времени широкое распространение в лесостепи. Не исключено, что путь отдельных вещей с запада мог проходить через территорию милоградских племен на юг. Об этом свидетельствует большее количество и памятников и металлических изделий западного происхождения в милоградской культуре, чем в культурах того же времени на Днепровском Правобережье. К концу IV в. до н. э. взаимоотношения милоградских племен (подгорцевской группы) с югом на территории Украины становятся настолько тесными, что памятники подгорцевской группы, культура которых и ранее была насыщена южными влияниями, окончательно теряют свое лицо. На связях милоградского населения с лесостепью в области хозяйственно-экономической мы достаточно подробно останавливались при характеристике земледелия и скотоводства. Как мы уже отмечали, уровень развития этих отраслей хозяйства у милоградского населения примерно соответствовал уровню развития хозяйства у древних племен лесостепного Правобережья Днепра.

Укрепление связей с югом, развитие экономики в милоградском обществе нашло свое отражение в появлении в эллинистический период предметов античного импорта (обломки амфор с Горошковского и Чаплинского городищ, видимо, некоторые типы бус). Связи Южной Белоруссии с античными центрами Причерноморья продолжают развиваться и в зарубинецкую эпоху, о чем свидетельствуют материалы Чаплинского городища и могильника [154] и других памятников Верхнего Поднепровья.

Совсем иная картина наблюдается при анализе связей милоградской культуры со смежными с ней культурами лесной полосы Верхнего Поднепровья: культурой городищ со штрихованной керамикой Средней Белоруссии . и юхновской культурой Среднего Подесенья, а также с другими культурами бассейна Верхнего Днепра и верховий Оки. Все они по ряду объединяющих их признаков и по гидронимическим данным в последнее время признаны принадлежащими древним балтийским племенам [155]. Если на юге прослеживается тесная связь памятников милоградской культуры с эпохой бронзы, то следует констатировать, что север в эпоху бронзы не имел никакого значения в формировании милоградской культуры. В то же время проникновение милоградского населения по Днепру, Припяти, Березине и Сожу на север наложило

[154] Например, о бусах, об их ольвийском происхождении см.: А. М. Б е з б о р о д о в, Л. Д. П о б о л ь. Изделия из стекла, найденные в Южной Белоруссии (III в. до н. э.— II в. н. э.). «Тезисы докладов одиннадцатой научно-технической конференции Белорусского Политехнического Института». Минск, 1957, стр. 34—36.

[155] Х. А. М о о р а. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, № 2, стр. 9—33; В. А. Ш м и д т. Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий, стр. 20, 21.

определенный отпечаток на формирование культурраннего железного века этих районов [156]. Об этом свидетельствует наличие отдельных элементов милоградской культуры в областях, расположенных севернее пределов культуры в целом. Мы имеем в виду так называемую восточную группу городищ со штрихованной керамикой, выделенную при работе над памятниками раннего железного века Средней Белоруссии А. Г. Митрофановым. А. Н. Лявданский при разведках на Соже отмечал, что штрихованная керамика залегает обычно в основании культурного слоя, будучи перекрыта лепной гладкостенной керамикой [157]. К сожалению, это свидетельство недостаточно ясно из-за того,что мы не знаем, какую именно гладкостенную керамику имел в виду А. Н. Лявданский: милоградского, зарубинецкого или колочинского типа. Отметим, однако, что А. Н. Лявданский обследовал в основном верхнее и среднее, а не нижнее течение Сожа, которое занято милоградскими памятниками. По нашим наблюдениям, штрихованная керамика встречается чаще именно на Соже, где доходит на юг примерно до широты Чечерска. Ниже по Сожу и на соответствующих широтах Днепра ее почти нет. Влияние северных культур на Днепре становится ощутимым севернее г. Речицы, примерно от устья Березины. Мы подчеркивали важность вопроса о характере контактов милоградского населения с севером, так как решение его может иметь значение для ответа на вопрос об этнической принадлежности населения. К сожалению, памятники раннего железного века восточной части Центральной Белоруссии исследованы совершенно недостаточно. Приведем определение А.Г.Митрофанова, отмечавшего, что «материальная культура, происходящая из южнобелорусских памятников в некоторых своих чертах, в частности в элементах формы и орнаментики глиняных сосудов, была сходна с культурой, которую дают среднебелорусские городища (восточной группы.— *О. М.).* Вместе с тем археологические материалы позволяют говорить лишь об отдельных элементах сходства этих культур. В целом же это были две самостоятельные культуры, принадлежавшие двум различным, хотя в отдельных чертах и родственным массивам племен» [158].

Признавая, что городища штрихованной керамики и южные городища были разными, самостоятельными культурами, А. Г. Митрофанов в то же время подчеркивает, что восточная группа городищ Средней Белоруссии и западные городища типа литовских пилькалнисов, представляют собой бесспорно единую культуру [159]. Материальная культура в восточной группе памятников характеризуется теми же основными чертами, что и в западной. То, в чем памятники восточной группы близки южнобелорусским памятникам милоградской культуры,— это наличие некоторого количества керамики, хотя и со штрихованной поверхностью, но с профилями верхней части сосудов (полных форм нет) и ямочным орнаментом, близкими милоградским, о чем уже говорилось. Если рассматривать связи милоградской культуры с севером во времени более конкретно, то мы вынуждены будем отметить, крайнюю скудость их на ранних этапах (найденные один-два черепка с штрихованной поверхностью на ранних памятниках), что свидетельствует, по-видимому, о слабом проникновении местных балтийских племен на северое восточные окраины милоградских земель. Связи на средних этапах культуры носили отмеченный нами выше характер, когда в результате глубокого проникновения милоградского населения на север (связанного с натиском южных, лесостепных племен) отзвуки милоградской культуры чувствуются вплоть до широты Минска. В то же время на собственно милоградских памятниках, как и в предшествующий период, керамика со штрихованной поверхностью встречается как исключение и в металле по-прежнему отсутствуют балтийские типы. Наоборот, наряду с керамикой наблюдается проникновение на север некоторых типов украшений западного и южного происхождения, таких как булавки в виде пастушеского посоха или с петлевидной головкой и S-видным завитком, глазчатых бус, рубчатых браслетов, серег скифских типов и т. д. Булавка с петлевидной головкой и S-овидным завитком получает в последующие периоды столь широкое распространение в среде балтийских культур, что некоторые ученые введены в заблуждение [160]. Они считают ее уже в

[156] П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, 1960, № 1, стр. 40, 42.

[157] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губерніі. Працы, т. II, стр. 336; А. Н. Лявданский, А. Д. Коваленя. Дневник разведок по Сожу в 1936 г.

[158] А. Г. Митрофанов. К истории населения, стр. 9.

[159] Там же, стр. 2.

[160] В. В. Седов. Гидронимика и археология средней полосы Восточной Европы. «Тезисы докладов на

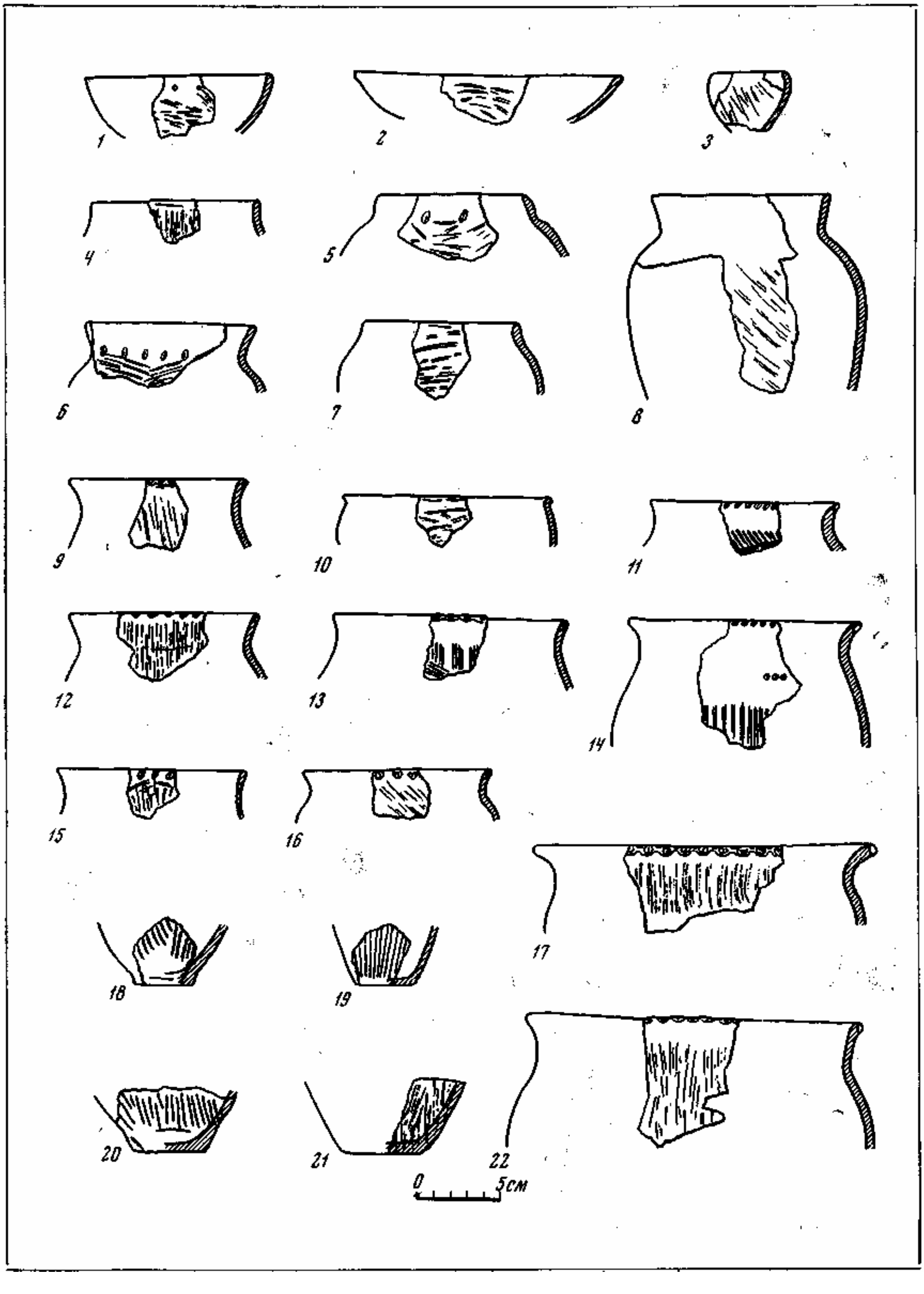

Рис. 61. Обломки сосудов со штрихованной поверхностью с городищ Южной Белоруссии

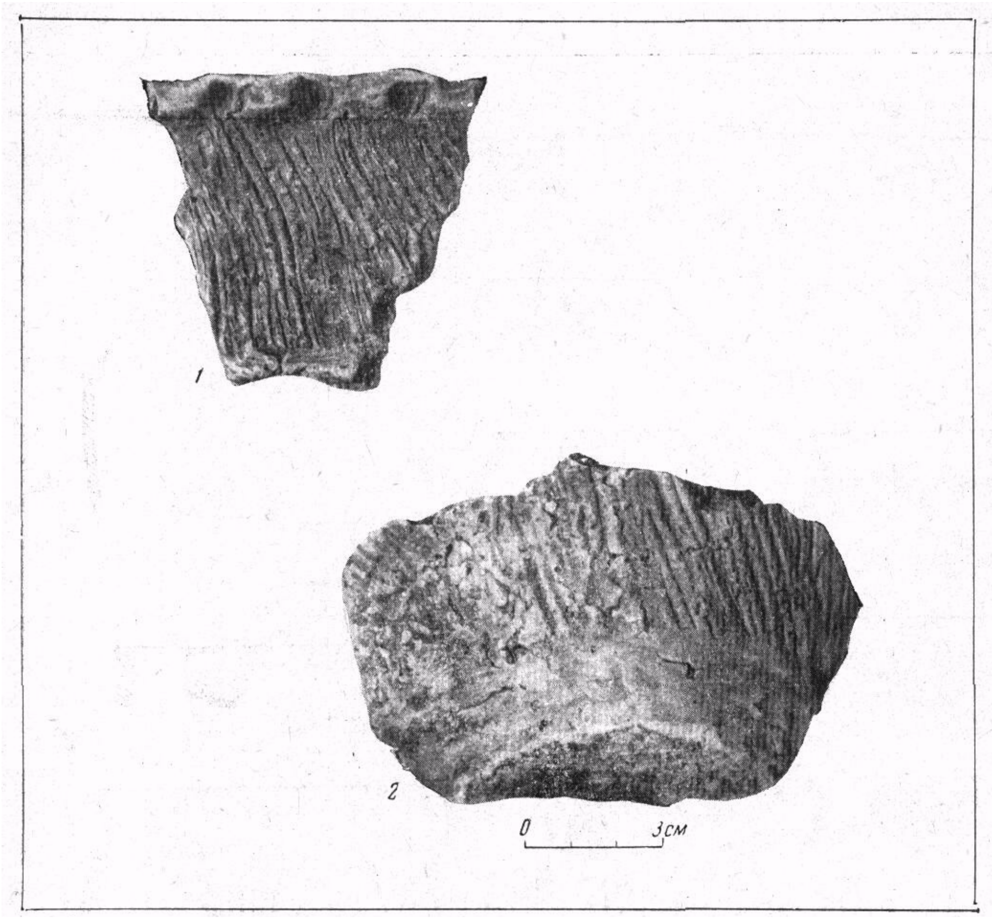

Рис. 62. Обломки сосудов зарубинецкой культуры со штрихованной поверхностью с Милоградского городища

раннем железном веке одним из общеэтнических балтийских признаков, совершенно забывая о таких же находках в Европе и на юге еще в бронзовом, а также в раннем железном веке, например в лесостепной полосе Правобережья и Левобережья Днепра, вплоть до Харьковщины [161]. Вряд ли свидетельством северных связей является янтарная бусина с Горотковского городища, где она найдена в комплексе с глазчатыми и другими южными типами бус. Как известно, выходы янтаря имеются на Днепре в районе Киева у Берислава. Общеизвестно также упоминание Плиния о месторождениях янтаря в Скифии[162]. На поздних этапах милоградской культуры, синхронных зарубинецкой эпохе, влияние севера на пограничных памятниках начинает чувствоваться сильнее. Примером этого служат материалы Милоградского городища, где найдены единственные в милоградской культуре металлические вещи балтийского типа (височные проволочные подвески, рис. 35). Весьма любопытно, что наряду со следами влияния культуры штрихованной керамики на поздней милоградской посуде, влияние это в гораздо большей степени и прежде всего про-

васеданиях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г.», М., 1963, стр. 30.

[161] Б. А. Ш р а м к о. Новые данные о добыче железа в Скифии, стр. 75, рис. 2. См. также соответствующий раздел выше.

[162] П л и н и й. Естественная история XXXVII; И. Е. З а б е л и н. История русской жизни, ч. I, М., 1908, стр. 224, 295.

слеживается именно на зарубинецкой посуде как с Милоградского городища, так и на других памятниках (рис. 61, 62). Это позволяет объяснять «близость» между милоградской культурой и культурой штрихованной керамики (которую настойчиво хотят видеть некоторые исследователи)[163] этнической близостью только в том случае, если к кругу балтийских культур относить и зарубинецкую. Влияние ее в балтийской среде более сильное, чем влияние милоградской культуры, и чувствуется на очень больших расстояниях, например, на памятниках Литвы, где не раз находили обломки лощеных зарубинецких мисок [164].

Такие же слабые связи, как с севером, были у милоградского населения с востоком, с племенами, оставившими памятники юхновской культуры. Совершенно иные формы сосудов и других изделий из глины, принципиально отличный тип жилищ и целый ряд других признаков позволяют четко разграничивать памятники этих двух культур. Так, одна из типичнейших категорий юхновских вещей — глиняные грузила, всевозможные глиняные ядра и крупные яйцевидные изделия совершенно не характерны для милоградских памятников, как и так называемые, «рогатые кирпичи» (под- - ставки для очагов). Бытовавшие у юхновских, как и у милоградских, племен металлические вещи, как правило, имели более широкое распространение, чем в пределах одной культуры. В то *же* время типичные для ряда балтийских культур булавки с плетеной ажурной головкой, встречающиеся в юхновских памятниках, на Смоленщине, Верхней Оке и т. д. для милоградской культуры Белоруссии не характерны.

На северо-востоке к областям, занятым милоградскими племенами, близко подходили (по рекам Сожу и Ипути) области, занятые смоленской (днепро-двинской) культурой слабопрофилированной гладкостенной керамики, материал которой был обобщен в последнее время Е. А. Шмидтом (памятники этой культуры датированы им временем, начиная с VII в. до н. э.). Автор отмечает большую близость этой культуры к другим балтийским культурам Верхнего Поднепровья [165]. В то же время в основных чертах культуры раннего железного века Смоленщины нет ничего общего с милоградской (плоскодонная посуда, иной тип жилищ, совершенно другой хозяйственно-экономический уровень и т. д.). Общие формы имеются только в некоторых металлических изделиях, как это наблюдается не только во всех культурах Верхнего Поднепровья, но и в Среднем Поднепровье, и еще шире. Южные связи в металле начинают здесь чувствоваться, по мнению Е. А. Шмидта, с самых ранних этапов железного века, когда, как он считает, на верховья Днепра проникают влияния чернолесской культуры и позже, когда в этих далеких краях распространяются вещи поздних гальштаттских и латенских типов. В отдельных находках (костяная колокольчатая подвеска, литейная форма для подвески с гвоздевидным завершением крючка, железные наконечники стрел) автор видит связи Смоленщины с памятниками подгорцевского типа [166], осуществлявшиеся через территорию милоградской культуры Белоруссии. Действительно милоградско-подгорцевская культурная среда не могла не оказывать влияния на смежные области, следы чего мы видим не только в северных культурах Верхнего Поднепровья лесной зоны, но и в лесостепной полосе. Так, отмеченные Е. А. Шмидтом колокольчатые гвоздевидные подвески и литейные формы для изготовления их известны также за пределами милоградско-подгорцевских областей, например, в курганах у Смелы, Черкасской области [167], на городище Кузина Гора в Курском Посеймьи[168] и в других пунктах, а также в близких милоградским во многих отношениях памятниках высоцкой культуры [169]. Железные же наконечники стрел со Смоленщины сильно отличаются от милоградских и не могут привлекаться как свиде-

[163] Ю. В. Кухаренко объединяет милоградские городища и городища культуры штрихованной керамики в одну группу «поскольку между ними нет принципиальной разницы» (Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья, САИ, Д1— 29, 1961, стр. 12). Впрочем, тут же Ю. В. Кухаренко оговаривается, что памятники эти в Припятском Полесье не исследованы. Как мы уже отмечали, в северной части Припятского Полесья племена культуры штрихованной керамики жили южнее, чем на Днепре, чему соответствует и преобладание в топонимике этих мест балтийских названий.

[164] Археологические фонды АН Литовской ССР в г. Вильнюсе.

[165] Е. А. Шмидт. Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий..., стр. 20, 21.

[166] Е. А. Шмидт. Племена ворховьев Днепра и некоторых смежных территорий...; Он же. Городище у д. Новые Батеки, стр. 166, 167.

[167] Е. Ф. Покровська. Кургани IV ст. до н. е. біля Холодного Яру поблизу м. Сміли. «Археологія», т. X, Київ, 1957, стр. 68, т. X, стр. 69.

[188] А. Е. Алихова, Городища Курского Посеймья. МИА, № 113, 1962, стр. 106, 107, рис. 11, *2* сравни стр. 124, рис. 20, *1*,

[169] T. Sulimirski. Kultura wysocka.

тельство влияния. Сходство милоградских памятников со смоленскими городищами сводится только к находкам, отдельных близких по типу вещей и может быть объяснено внешними связями. В Южной Белоруссии отсутствуют типичные черты культуры Смоленских городищ, некоторые из которых служат объединяющим признаком для других культур Верхнего Поднепровья на север и восток от милоградской (например, коллективные жилища, каменные площадки на городищах, тип и характер укреплений самих городищ, грузики дьякова типа, булавки с овальной ажурной головкой, тип серпа и т. д.).

Одним из важных признаков, затрудняющих включение милоградских племен в общность, представленную другими культурами Верхнего Поднепровья и Прибалтики, является, на наш взгляд, и то, что в то время, как все эти культуры объединяет общий уровень и единая направленность в развитии самых различных отраслей экономики (земледелие, скотоводство, охота, рыболовство), экономика милоградских племен при аналогичных или менее благоприятных природных условиях от них значительно отличается, соответствуя более высокому уровню развития экономики в культурах лесостепи. К сожалению, отсутствие данных по погребальному обряду во всех культурах Верхнего Поднепровья, кроме милоградской, не позволяет провести сравнение и в этом чрезвычайно важном направлении.

В целом анализ культурных и экономических связей в милоградской культуре приводит к определенному выводу о тесных отношениях населения главным образом с более близкими им западными и южными областями. Северные и восточные связи с балтийскими племенами прослеживаются более слабо и, как предварительно можно судить, характерны прежде всего для поздних этапов, синхронных зарубинепкой культуре.

Г Л А В А
Ч Е Т В Е Р Т А Я

Вопросы датировки и проблема этнической принадлежности

До работ Славянской экспедиции о времени ранних южно-белорусских городищ можно было судить только в самых общих чертах. А. Н. Лявданский относил их в основном к первым векам нашей эры[1]. Еще более далеки от истины были другие исследователи. Так И. X. Ющенко датировал городище у дер. Любны под Гомелем второй половиной I тысячелетия н. э.[2], в то время как по уточненным сейчас датировкам оно относится к III—II вв. до н. э. Естественно, что и с началом работ Славянской экспедиции вопрос о хронологических границах милоградской культуры не мог сразу найти свое точное разрешение. Устаревшие в настоящее время краткие сведения по хронологии милоградских памятников, основанные на результатах первых лет раскопок, имеются как в опубликованных нами статьях, так и в работах П. Н. Третьякова [3]. Исследования последних лет внесли в вопрос о хронологических рамках милоградской культуры существенные коррективы, главным образом в отношении конечной даты [4].

В настоящей работе на вопросах как абсолютной, так и относительной хронологии мы не раз останавливались при изложении материалов раскопок, характеристике отдельных находок и при рассмотрении керамики. Нам остается только подвести здесь некоторые итоги. Хронология белорусской территории милоградской культуры основана главным образом на материалах раскопок нескольких разновременных памятников, время которых определяется по находкам различных датирующих вещей. В нашем распоряжении имеется большое количество металлических и других вещей, в том числе предметы западного, скифского и античного импорта, много комплексов, включающих в себя датирующие материалы, в том числе комплексы из заполнений жилищ и других сооружений, могильные инвентари, клады

[1] А. Н. Л я в д а н с к и й . Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. «Сообщения ГАИМК», 1932, №№ 7-8, стр. 54-61.

[2] З. Даўгяла. Новыя раскопкі каля Гомеля. Гістарычна-археолёгічны зборнік. Менск, 1927, т. I, стр. 364.

[3] См. например: П. Н. Т р е т ь я к о в . Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, 1960, № 1, стр. 39; о н ж е. Чаплинское городище, стр. 135—136; О. Н. М е л ь н и к о в с к а я. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК. вып. 70, 1957, стр. 33; О н а ж е. Памятники раннего железного века Верхнего Подпеповья, КСИА АН УССР, вып. 7, 1957, Киев, стр. 48.

[4] О. Н. М е л ь н и к о в с к а я. Памятники раннего железного века Юго-Восточной Белоруссии (милоградская культура). КСИА, вып. 94, 1963, стр. 14.

или скопления орудий труда, украшений и т. д. Определенное место в системе хронологии занимает и стратиграфия, хотя в связи с обычным для милоградских памятников изобилием ям, прорезающих культурный слой, она обычно бывает сильно нарушена. Все же в ряде случаев стратиграфия играет значительную роль (находки керамики с жемчужным орнаментом под валами городищ, сооружения, перекрытые милоградскими погребениями и, наоборот, погребения, перекрытые насыпью вала, хозяйственной ямой и т. д.). Все имеющие значение стратиграфические наблюдения приведены нами выше, при характеристике вещественного материала и в других разделах. Важное место при определении дат занимает сопоставление материалов и уровня развития культуры на территории Белоруссии со смежными областями. В целом хронологические рамки милоградской культуры Белоруссии определяются нами со второй половины или конца VI в. до н. э. по I—II вв. н. э.

Многочисленные находки датирующих вещей и сочетание их с керамическими комплексами, сопоставление материалов с предшествующими и последующими периодами позволили эволюционный процесс предварительно разбить во времени на три этапа: ранний, средний и поздний. В настоящее время еще нет возможности характеризовать все стороны материальной культуры отдельно, по этапам, поскольку для такого разделения в погребальном обряде, характеристике экономики, сооружений и т. д. еще не накоплено достаточно данных. Мы можем это сделать пока более или менее обоснованно только при рассмотрении керамики в связи с тем, что данные по абсолютной и относительной хронологии позволяют проследить формы сосудов на разных хронологических отрезках (рис. 63). Ранний этап (VI—IV вв. до н. э.) характеризуется сильными связями с юго-западом и югом, средний этап (III—II вв. до н. э.) является, видимо, временем расцвета культуры, периодом, когда она выступает в наиболее «чистом» виде, а поздний этап (с конца II в. до н. э. по I — начало II вв. н. э.) отмечен теснейшими взаимосвязями милоградской культуры с зарубинецкой, когда милоградским населением были усвоены некоторые элементы зарубинецкой культуры. Хронологические рамки каждого из этапов намечены пока предварительно и основаны на соотношении датирующих вещей на раннем этапе с так называемым жемчужным орнаментом, исчезающим почти на всей территории, по-видимому, в конце IV — начале III вв. до н. э. (т. е. позже, чем в лесостепи), а на позднем этапе — с включениями зарубинецкой керамики в милоградских комплексах (датированных на этой территории временем не раньше, чем с конца II в. до н. э. по конец I — начало II вв. н. э.) [5]. Средний этап соответственно характеризуется группой датирующих находок и отсутствием признаков, типичных для раннего и позднего этапов.

Начальная дата милоградских памятников Белоруссии — вторая половина или конец VI в. до н. э.— определена нами на основании находок отдельных вещей, стратиграфии и сопоставления с милоградскими памятниками Украины. К этому времени относятся удлиненная постройка за валами Горотковского городища и раннее Моховское I городище, существовавшее весьма непродолжительное время, о чем свидетельствует незначительная мощность культурного слоя и характер инвентаря. На наш взгляд, раннюю дату милоградских городищ Белоруссии нет оснований относить ко времени ранее середины или конца VI в. до н. э. К данным, подтверждающим раннюю границу культуры, относятся такие, как отсутствие бронзовых орудий труда и костяной индустрии, столь характерной для начала железного века даже в лесостепи. Так, употреблявшиеся в чернолесской культуре, да и в других смежных культурах, костяные наконечники стрел, бронзовые кельты и другие широко распространенные типы вещей в милоградских памятниках Белоруссии уже не встречаются. Здесь ни разу ни на одном памятнике не были встречены ранние скифские бронзовые наконечники стрел (раньше конца V в. до н. э.), булавки с конической головкой и другие ранние типы вещей. Найденные ранние вещи — ажурную бронзовую бляху с Вылевского городища (городище расположено на границе с юхновской культурой), массивную изогнутую железную булавку с крупной биконической головкой, конусовидную скифского типа серьгу (в виде невысокого широкого конуса) и костяной наконечник стрелы с Горошковского городища, теслообразную мотыжку с выступами и литейную форму для рубчатого ножного или наплечного браслета на Моховском I городище — нет достаточных оснований относить ко времени ранее второй половины или конца VI в. до н. э. Все эти вещи или близкие

[5] Ю. В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, № 1, стр. 297—299; Он же. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, Д1 — 29, 1961, стр. 10, 12, 18; Д. А. Мачинский. О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкой и одновременных ей культур. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 20—26.

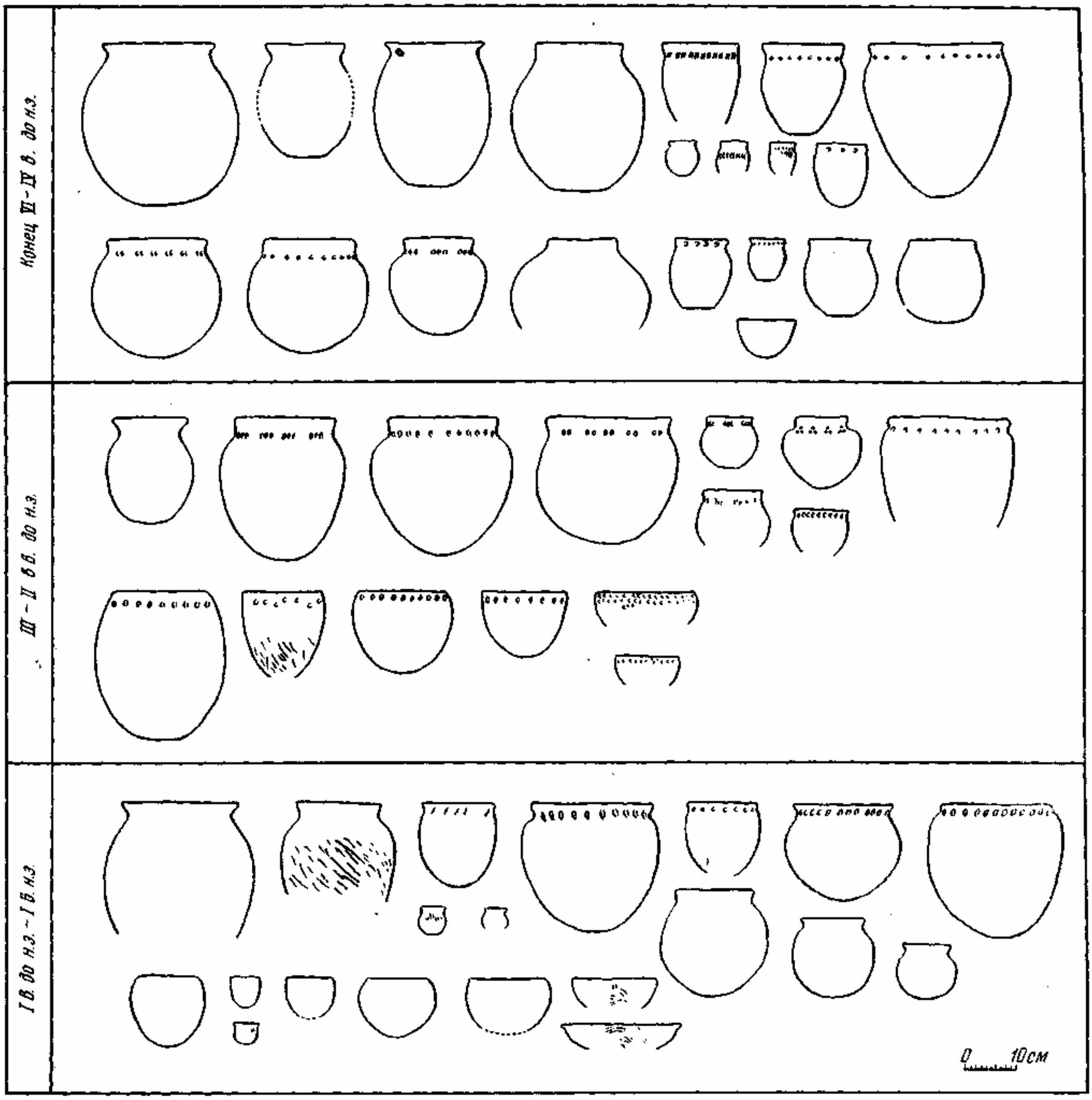

Рис. 63. Хронологическая таблица основных форм сосудов милоградской культуры Белоруссии

им типы встречаются также и в V в. до н. э. и позже (рис. 64).

Важным фактором является то, что керамика с Моховского I городища, аналогичная керамике из удлиненной постройки за валами Горошковского городища, в свою очередь очень близка керамике Асаревичского городища, датированной большим количеством скифских наконечников стрел IV в. до н. э. и во всяком случае не ранее конца V в. до н. э. Датировка Моховского I городища подтверждается литейной формой для рубчатого браслета. На Моховском I городище уже имеются железные вещи. В связи с отсутствием местных предшествующих материалов принципиально важное для нас значение имеет сопоставление ранних милоградских материалов Белоруссии с материалами этой же культуры с территории Украины. Если в целом памятники милоградской культуры Украины датируются с конца бронзового века (или ранее) по IV — начало III вв. до н. э., то непосредственную близость с ранним этапом Белоруссии дают прежде всего расположенные ближе к ней памятники подгорцевского типа и Восточной Волыни. Первые синхронны с милоградскими на протяжении всего раннего этапа, вторые — в основном речь идет о курганных могильниках Житомирщины — вплотную смыкаются с белорусскими памятниками во времени, предшествуя им. Об этом свидетельствует ряд данных как общего характера, так и в отдельных чертах материальной культуры. Если сравнивать уровень развития культуры на Житомирщине и в Южной Белоруссии, то сразу же бросается в глаза резкая разница: в Белоруссии ранние памятники милоградской культуры относятся к уже вступившему в свои права железному веку, о чем свидетельствуют железные вещи на ранних памятниках. Здесь уже нельзя говорить о раннем скифском периоде, так как нет вещей, относящихся к VII — началу VI в. до н. э., нет бронзовых орудий труда, вышел из употребления кремень, почти нет костяных орудий и т. д., а материальная культура в житомирских памятниках всецело стоит на уровне бронзового века с применением бронзовых орудий труда (топорик из Народич), отсутствием железа и широким использованием кремня. Редкие здесь находки бронзовых или медных изделий свидетельствуют о том, что поздняя дата житомирской группы памятников относится еще целиком к раннескифскому периоду. Картина характеризуется здесь, с одной стороны, связями с местной бронзой, представленной памятниками лебедовского типа поздних этапов сосницкой культуры, с другой,— связями с Западной Волынью и, в частности с высоцкой культурой на поздних ее этапах. В целом облик житомирских памятников гораздо архаичнее белорусских.

Ученые, занимавшиеся исследованием указанной группы памятников Житомирщины или привлекавшие эти материалы, хотя и расходятся несколько в вопросах их датировки, все, однако, единодушны в том, что эти памятники не могут относиться к развитому железному веку. Так, И. Ф. Левицкий датировал Народичи поздним бронзовым веком [6]. Там вместе с ранним милоградским сосудом яйцевидной формы обнаружен бронзовый топорик. В. Д. Рыбалова говорит о принадлежности этого топорика к группе великопольских топоров, бытовавщих на Сане до начала I тысячелетия до н. э.[7] Найденные в Народичах же бронзовые булавки с маленькими коническими головками и другие находки позволяют В. Д. Рыбаловой отнести всю интересующую нас группу восточноволынских и среднеднепровских памятников (включая сюда более поздние памятники подгорцевского типа) к VII—V вв. до н. э.[8]. Е. В. Махно, продолжавшая исследование курганной группы в урочище Гремячем под Житомиром, начатые С. С. Гамченко, доводит позднюю дату памятников этого этапа до начала I тысячелетия до н. э.[9] В. Н. Даниленко, привлекший восточноволынские памятники при публикации подгорцевских материалов, также определяет их дату рубежом бронзового и железного века, специально оговаривая, что памятников позже VI в. до н. э. этого типа на Житомирщине нет [10]. Важно еще одно косвенное свидетельство ранней даты житомирских памятников. В VIII—VII вв. до н. э. памятники чернолесского типа занимают, в основном, территорию на юг от линии

[6] И. Левицькиі. Стація в ур. Піщаному біля Народич. «Антропологія», т. IV. Київ, 1931, стр. 232. О н ж е. Археологичні досліди в районі Народичі — ст. Шарко Уманці — Булев — Селець — Болотвица Коростеньской округи року 1925. (Архив Житомирского краеведческого музея, № 57, 58. Рукопись). (Архив Житомирского областного краеведческого музея, № 54).

[7] В. Д. Рыбалова. О связях правобережной лесостепной Украины с Центральной Европой в эпоху бронзы и железа. Сб. в честь М. И. Артамонова. «Исследования по археологии СССР», Л., 1961, стр. 84.

[8] Там же, стр. 93.

[9] Е. В. Махно. Дві пам'ятки бронзової доби в басейні р. Тетерева. АН УРСР, т. II, Київ, 1949, стр. 209.

[10] В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. Доклады VI конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 207.

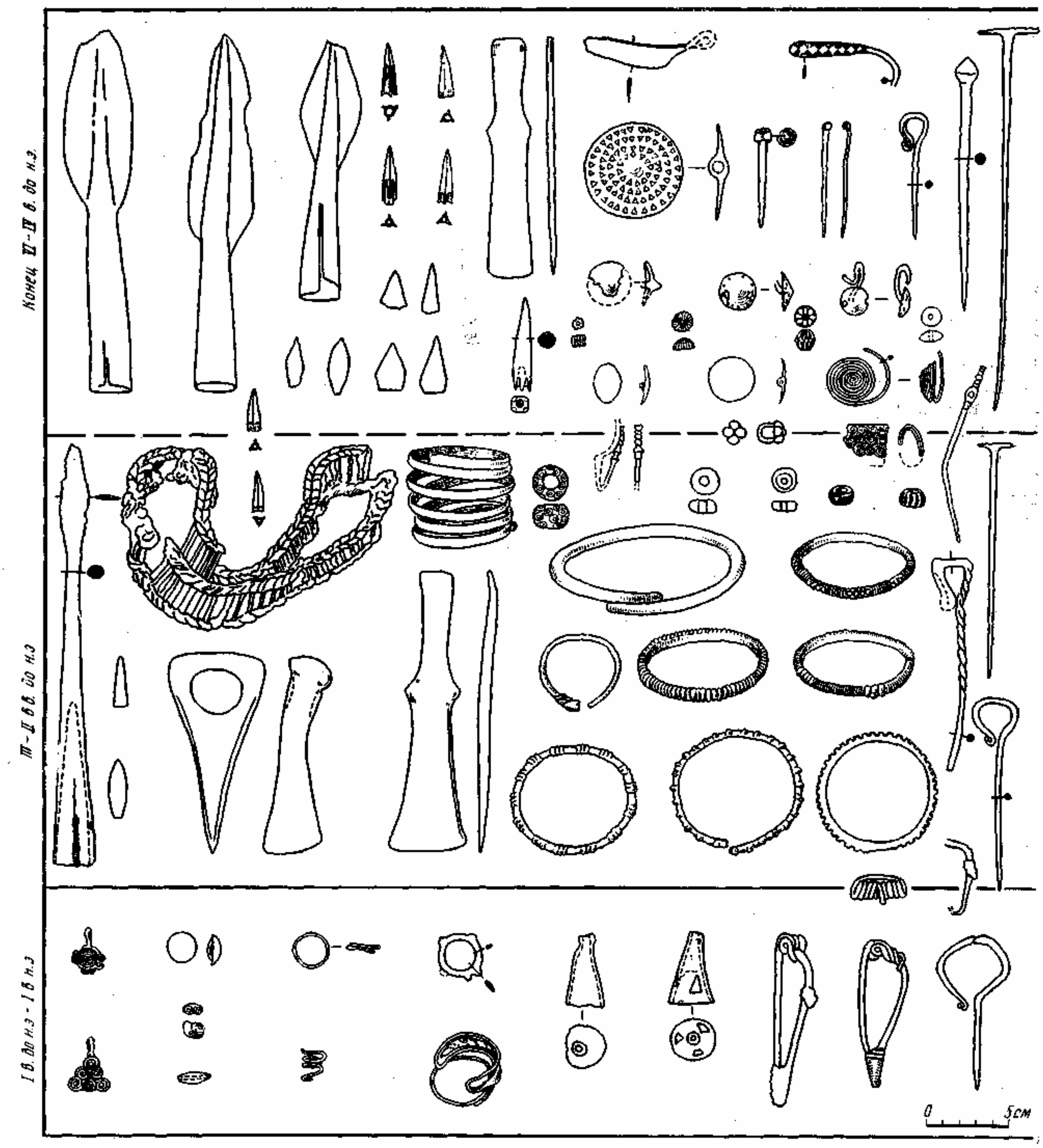

Рис. 64. Хронологическая таблица милоградской культуры по отдельным вещам и комплексам находок

Житомир — Киев[11], т. е. северная граница их является одновременно южной границей милоградской территории. Таким образом, уже в VII в. до н. э. милоградский массив племен в своей южной части, по-видимому, уже вполне оформился. Свидетельством еще большей древности является в житомирских памятниках более тесная, чем в Белоруссии, связь с материалами лебедовского типа, синхронными, по А. И. Тереножкину, белогрудовским памятникам [12]. Еще С. С. Гамченко отмечал, что наряду с ямочным и жемчужным орнаментом на яйцевидных сосудах из этих курганов встречается также орнамент «в виде елочки или лапоротника» [13]. То же мы видим и в Народичах [14]. Здесь же есть сведения о находке в одном из курганов (группа IV, курган 1), в комплексе с ранней милоградской керамикой, сосуда типа черпачка. В то же время, как мы уже писали при характеристике керамики, сосуды из житомирских памятников чрезвычайно близки древнейшим милоградским формам на белорусской территории. Те и другие, на наш взгляд, представляют собой тесно соединенные звенья единой цепи, будучи связаны как генетически, так и хронологически и свидетельствуют о непосредственной преемственности от милоградской культуры на Украинской территории к культуре середины I тысячелетия до н. э. в Белоруссии. Напомним еще одно небольшое, но показательное свидетельство такой преемственности — наличие в белорусских материалах грузиков, передающих формы сосудов, найденных в курганах Житомирщины, а также в ранней милоградской группе курганов у дер. Дубой в устье Горыни, в то время как в керамике Юго-Восточной Белоруссии некоторые из этих форм сосудов уже не бытуют. При сравнении погребального обряда могильников Житомирщины и Белоруссии, при безусловной близости и преемственности их, имеется отличие, которое, по-видимому, следует рассматривать не только как локальный, но и как хронологический признак. Если на Житомирщине господствует курганный обряд погребения, то для раннего железного века Юго-Восточной Белоруссии курганы совершенно не характерны. Среди многочисленных раскопанных здесь курганов никогда не встречены ранние, все они относятся к эпохе Киевской Руси. Исключение представляют пока только несколько курганных групп на западной окраине милоградского мира, в том числе у дер. Дубой, в устье Горыни. Этот могильник занимает как территориально, так и хронологически, промежуточное положение между белорусскими и украинскими памятниками в Полесье. Что касается отдельных элементов погребального обряда, как, например, каменных ящиков и обкладок в житомирских курганах (могилы в Белоруссии иногда обкладываются несколькими камнями или несколько камней бросается в могилу), отмеченного выше преобладания кремневого инвентаря (в милоградских погребениях Белоруссии кремень очень редок) и т. д., то большая архаичность их, по сравнению с белорусскими, не требует дополнительных доказательств.

Средний этап на милоградских памятниках Белоруссии также представлен большим количеством находок (фибулы, украшения, обломки амфор и т. д.), о чем подробно уже написано в соответствующих разделах данного исследования. Основные материалы этого времени дает Горошковское городище — наиболее исследованный в настоящее время памятник милоградской культуры, а также Глыбовское, Борховское, частично Милоградское городище и другие памятники. На среднем этапе получают свое дальнейшее развитие различные стороны материальной культуры милоградского общества, достигая, по-видимому, к III в. до н. э. своего расцвета. Для южной же части территории милоградской культуры III в. до н. э., по имеющимся пока данным, является временем исчезновения культуры как самостоятельного целого, что связано с натиском лесостепных племен и усвоением элементов южной культуры.

Позднему этапу в абсолютных датах условно отведено в нашей хронологии время с конца II в. до н. э. по I — начало II вв. н. э. Эталоном для нас служат пока материалы Чаплинских городища и могильника, прежде всего могильника. Могильник дал большое количество находок, датирующих этот памятник, по приведенным выше мнениям Ю. В. Кухаренко и Д. А. Мачинского, в основном в пределах I в. до н. э.— I в. н. э.

Видимо, также примерно следует датировать и зарубинецкие материалы Моховского II, Горошковского и Милоградского городищ. В них, к тому же, отсутствуют такие ранние элементы в зарубинецкой керамике, как

[11] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 200, рис. 114, карта.

[12] Там же, стр. 168—171.

[13] С. С. Гамченко. Пятилетие археологических исследований на Волыни (1919—1923 гг.) (Научный архив ИА АН УССР, ф. 3, р. 1, № 24).

[14] И. Левицький. Стація в ур. Піщаному біля Народич. «Антропологія», т. IV. Київ, 1931, стр. 232, фиг. 39, 5, *6*.

налепной валик в сочетании с намеренным ошершавливанием поверхности, преобладают поздние реберчатые формы лощеных мисок, время которых подтверждено находками поздних латенских фибул. Мы имеем в виду милоградско-зарубинецкий комплекс находок из погибшего в пожаре жилища, раскопанного на Милоградском городище в 1957 г.[15], определивший позднюю дату милоградской культуры в Белоруссии (наряду с другими материалами). Здесь две фибулы позднелатенской схемы со сплошным приемником корректируются рядом других вещей, в том числе браслетообразными проволочными височными подвесками. Дата последних определяется нахождением их на городище Банцеровщина в Средней Белоруссии вместе с фибулой с подвязной ножкой I—II вв. н. э.[16] В то же время, несмотря на смешанный комплекс находок, указанное жилище, как и целый ряд других жилищ с зарубинецкими включениями на Горошковском и Милоградском городищах, является типичным для милоградской культуры (имеет характерный для милоградских жилищ выступ в плане, отсутствует глиняная обмазка, типичная для зарубинецких жилищ и т. д.). О существовании милоградской культуры в зарубинецкое время свидетельствуют многочисленные материалы. Взаимосвязи и общие моменты в инвентаре объясняются распространением зарубинецкой культуры в милоград-. ской среде, в результате чего милоградским населением были усвоены некоторые элементы материальной культуры зарубинецких племен. Имело место, по-видимому, и прямое сосуществование отдельных групп того и другого населения, о чем говорят отдельные милоградские и зарубинецкие могильники при одних и тех же поселениях. Материалы не дают оснований предполагать полную смену милоградского населения зарубинецким или говорить о генетической преемственности, чему противоречит как отсутствие переходных элементов в материальной культуре, так и сам факт существования смешанных милоградско-зарубинецких комплексов, датированных поздним зарубинецким временем.

Вывод, к которому мы пришли при анализе относительной хронологии в среде милоградской культуры — о разновременности северных и южных памятников в бассейне Припяти, приводит нас к другому важному выводу — о внутренних передвижениях населения, отражением которых и является картина, зафиксированная нами на археологических материалах. В самом деле, как мы уже отмечали, по имеющимся пока данным, основные материалы с милоградско-подгорцевских памятников на юг от Припяти датируются по V—IV вв. до н. э. Более поздних материалов не имеется. В то же время большинство памятников севернее Припяти относится к последующим периодам, и основные датирующие материалы связаны со временем, начиная с V—IV вв. до н. э. и последующими веками. Милоградские памятники Южной Белоруссии известны здесь именно с того времени, когда исчезают близкие или совершенно аналогичные им памятники Восточной Волыни (в основном VI в. до н. э.). Белорусские памятники милоградской культуры, как правило, возникают сразу как укрепленные поселения. Количество городищ очень велико, под городище занимался буквально каждый удобный мыс. Как правило, обследование показывает, что все они основаны в раннем железном веке и содержат отложения милоградской культуры. В основании валов и слоев на городищах, даже в тех случаях, если основной материал относится к поздним милоградским этапам, часто встречаются единичные обломки керамики с жемчужным орнаментом — одно из свидетельств возникновения их именно на ранних этапах милоградской культуры. Тем более представляется удивительным полное отсутствие пока в Южной Белоруссии материалов предшествующих периодов, которые можно было бы как-то увязать с милоградскими. Ведь милоградское население безраздельно господствовало здесь несколько столетий, оставило столь многочисленные памятники со своеобразной и яркой материальной культурой! Что же предшествовало им? К сожалению, по материалам Белоруссии мы ответить на этот вопрос пока не можем. Многолетние обследования в Южной Белоруссии, предпринятые автором и И. И. Артеменко пока не привели к обнаружению здесь памятников эпохи поздней бронзы. Совершенно очевидно, что мы просто не умеем их выделить. Возможно, на этой территории памятники сосницкого типа непосредственно смыкаются с ранними милоградскими. Во всяком случае памятников, имевших бы значительные общие черты с милоградскими, как, например, в лебедовской группе южнее Припяти, мы на территории Белоруссии пока не знаем, хотя следует все же думать, что они станут известны

[15] О. Н. Мельниковская. О взаимосвязи памятников милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии. СА, 1963, № 1, стр. 32—42.
[16] А. Н. Лявданскии. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции, Сообщения ГАИМК, 1932, №№ 7—8, стр. 57, табл. I, *12, 25.*

(общие с лебедовскими элементы в древнейших милоградских комплексах Белоруссии представлены).

В то же время южнее Припяти — на Житомирщине и Волыни — не выделены пока поздние милоградские памятники, так ярко и обильно представленные в белорусских материалах. Следует ожидать, что и на Житомирщине поздние памятники все же будут известны. Однако то, что мы до сих пор не знаем их, говорит не только о недостаточном размахе исследований, но и об относительной, по-видимому, на поздних этапах, малочисленности их. Культурное единство южных полесских и белорусских памятников, сходство материалов на разных территориях и данные относительной хронологии, непосредственный стык памятников позволяют нам по-прежнему придерживаться выдвинутого прежде тезиса о передвижении части населения в северо-восточном направлении с Волыни в Южную Белоруссию. Возможно, передвижение распространилось также и на смежные милоградские территории, в частности на Киевщину и Черниговщину, однако недостаточная изученность материалов не позволяет пока говорить об этом с определенностью.

Хорошим дополнением к археологической картине, иллюстрирующим древние передвижения населения в бассейне Припяти, могли бы послужить гидронимические данные, а именно многократная повторяемость названий рек — северных и южных притоков Припяти, на что много раз указывалось различными исследователями. Как отмечает В. В. Седов, приведший карту повторяющихся гидронимов (16 названий), повторяемость настолько значительна, что сам этот факт может с бесспорностью решать вопрос о заселении территории северной части бассейна Припяти с ее южной, правобережной части. Обратный процесс, как считает В. В. Седов, исключен в связи со славянским, а не балтийским характером указанных гидронимов[17]. Лингвисты не всегда могут датировать гидронимы и установить относительную хронологию их в случае полного совпадения названий, и это оставляет широкий простор для суждений и догадок. В. В. Седов датирует передвижения племен, с которыми, по его мнению, связан процесс смены гидронимов, очень поздним временем — концом I тысячелетия н. э. Не следует исключать, однако, что в повторяемости отдельных гидронимов могли отразиться и более древние движения племен, восходящие, быть может, к раннему железному веку. Не может ли отмеченное некоторыми гидронимическими данными передвижение соответствовать картине, которая столь наглядно зафиксирована археологическими материалами по милоградской культуре или относиться к зарубинецкой эпохе? Ведь языковеды, например, при решении вопроса о том, где находилась прародина славян в середине I тысячелетия до н. э., одним из важнейших доводов считают гидронимические данные, признавая тем самым древность многих из них[18].

Возвращаясь к вопросу о древних передвижениях милоградского населения, отметим несоответствие археологическим данным представлений А. И. Тереножкина о распространении подгорцевских племен на Киевщину с севера, «из припятских глубин». На самом деле, как мы убеждены, речь может идти только об обратном процессе, о чем, впрочем, мы уже довольно говорили.

Часть собственно подгорцевской группы населения под натиском южных соседей и здесь вынуждена была сдвинуться на север, в то время как остальное население подверглось ассимиляции со стороны племен скифского времени лесостепи.

Мы можем в какой-то мере судить и о причинах, вызвавших передвижение части милоградского населения на север и северо-восток, под прикрытие Припяти (в устье последней возникла цепь мощных укреплений). Это было вызвано как внутренними, так и внешними факторами. К первым относится, например, естественный в условиях бурного развития производительных сил, прирост населения. Важным внешним фактором явилось укрепление и расширение на юге скифского союза племен, ведущего постоянные войны и набеги, что нашло свое отражение в письменных источниках и археологическом материале. Это не могло не оказать влияния на племена лесостепи, где неоднократно зафиксированы типичные скифские катакомбы, и на смежные с ними области. Уже в VI в. до н. э. под натиском степняков происходит передвижение лесостепных

[17] В. В. Седов. Дреговичи. СА, 1963, № 3, стр. 123, 124, рис. 6.

[18] Большая часть повторных гидронимов принадлежит к восточнославянской гидронимике. Отдельные гидронимы могут быть признаны общеславянскими. Следует учесть, что названия меняются, древние могут иметь вид восточнославянских в результате преобразований в течение долгих веков. О праславянской основе восточнославянских гидронимов см.: T. Lehr-Spławiński. Rozmieszczenie geograficzne prasłowiańskich nazw wodnych. «Rocznik slawistyczny», XXI. Wrocław — Kraków, 1960, str. 19.

племен к северу [19], в лесную зону, что можно, как мы считаем, связывать с передвижениями скифов во время похода Дария. Этот процесс продолжается и в последующие столетия. Одним из свидетельств является упомянутое выше смешение с лесостепными элементами, а позже оттеснение и ассимиляция населения подгорцевской группы милоградской культуры и проникновение населения (носителей скифской культуры) на север от Припяти.

Стойкие многовековые связи с юго-западом, традиционные пути влияний, а временами и передвижений населения (сравни, например, с передвижением части населения комаровской культуры на Восточную Волынь), большая древность юго-западных милоградских памятников, по сравнению с северо-восточными, лужицко-высоцкое влияние, прослеживающееся на милоградских материалах Белоруссии, позволяют говорить о каком-то внешнем воздействии и со стороны лужицкой культуры, контакт с которой у милоградских племен был в верховьях Припяти и на Горыни.

Изложенные выше данные о территории распространения милоградской культуры, единстве ее на Волыни и в Южной Белоруссии, о связи истоков культуры с юго-западными и южными районами, относительной хронологии и т. д. позволяют нам судить и об историческом имени племен, оставивших памятники милоградской культуры. Точка зрения о принадлежности их неврам впервые была высказана нами в 1955 г. в докладе, специально посвященном этому вопросу [20], и позже не раз упомянута в печати[21]. Те немногочисленные сведения, которые сохранились в письменных источниках о неврах, находятся, на наш взгляд, в прямом соответствии с археологическими данными по милоградской культуре. Вспомним эти сведения. Основным источником по неврам является четвертая книга Геродота (§ 17, 18, 51, 100, 102, 105, 119, 125).

[19] В. Г. Петренко. Культура племен Правобережного Среднего Поднепровья, в IV—III до н. э. МИЛ, № 96, 1961, стр. 57.

[20] О. Н. Мельниковская. Милоградская культура. Тезисы доклада, прочитанного автором на заседании сектора славяно-русской археологии ИИМК АН СССР в 1955 г. (Архив ИА АН СССР, р. 2, № 1415).

[21] О.Н. Мельниковская. Могильник милоградской культуры в дер. Горошков в Южной Белоруссии. СА, 1962, № 1, стр. 172; Она же. Памятники раннего железного века юго-восточной Белоруссии, КСИА вып. 94, 1963, стр. 17, 18; САИ, Д1—12, стр. 7; История племен раннего железного века Южной Белоруссии. М., 1964, стр. И. Автореф. канд. дисс. Племена юга лесной зоны Поднепровья, в том числе и милоградской культуры, относит к неврам М. Гимбутас (M. Gimbutas. The Baits. London 1963).

В § 17 и 18 Геродот дает перечень племен по Гипанису — Южному Бугу (с юга на север: каллипиды, алазоны, скифы-пахари, невры), указывая, что невры занимают области на север от скифов-пахарей, к западу от Борисфена (Днепра). К северу от невров земли не заселены [22].

В § 51 говорится о том, что р. Тирас (Днестр) течет с севера и берет начало из большого озера, служащего границею земли скифов и невров.

В § 52 не дается прямых данных о неврах, тем не менее содержатся ценные сведения, помогающие определить южную границу Невриды на этом участке. Во-первых, здесь имеется указание на то, что Гипанис берет начало в земле скифов (в то время, как в § 17 живущие на север от скифов-пахарей невры перечислялись среди племен, живущих по Гипанису). Во-вторых, более точно локализуются алазоны (там, где Тирас и Гипанис сближаются) и скифы-пахари, южная граница которых проходит по Экзампею (р. Синюха?).

§ 100. Скифия граничит сперва с агафирсами, затем с неврами, далее с андрофагами и, наконец, с меланхленами.

§ 102. В связи с нашествием Дария собрались на совещание «цари тавров, агафирсов, - невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов». В перечне названий племен-соседей невров сохранен тот же порядок, что и в § 100.

§ 105. «У невров обычаи скифские; за одно поколение до похода Дария им. пришлось покинуть всю свою страну из-за змей; земля их произвела множество, змей, а еще больше явилось их сверху из пустынных земель, пока одолеваемые ими невры не поселились вместе с будинами, покинув свою родину». Здесь же приводится легенда о превращении невров раз в год на несколько дней в волков.

§ 119. Содержит сведения об отказе царей агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов и тавров (тот же порядок в перечне племен, что и выше) воевать со скифами против Дария.

§ 125. Здесь содержатся сведения о смежных со скифами племенах в ходе войны с Дарием. Скифы завели персов к меланхленам и андрофагам, затем «отступили в Невриду, а потом, расстроив и этих, бежали к агафирсам...» (та же последовательность в перечне

[22] §§ 7,31 содержат сведения об этих землях, необитаемых северных областях материка, покрытых снегом — «перьями». Вспомним в связи с этим литовскую загадку «птица летит — перья сыплятся» (Н. А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, М, 1868, стр. 560).

племен, что и § 100, 102, 119, только в обратном порядке). Меланхлены, андрофаги и невры в смятении бежали все дальше к северу, в пустыню. Скифы из Невриды повели за собою персов в свою землю.

Не приводя здесь детального анализа сведений Геродота, остановимся на наиболее ценном для нас его указании, касающемся локализации невров при описании племен по Гипанису и сопоставим его с археологическими материалами. По данным Геродота, область скифов-пахарей, по Гипанису, охватывает участок его течения вверх от Экзампея (который обычно сопоставляется с р. Синюхой). Во всяком случае, участок, где Гипанис и Тирас сближаются, занят еще алазонами. Из указаний Геродота точно неясно, как далеко на север заходила область скифов-пахарей. Но сразу над Гипанисом (§ 52) или в его верховьях (§ 17, 18) уже начинается область невров, ограниченная с севера, по Геродоту, необитаемыми областями. На Среднем Буге нам известны памятники так называемой скифообразной (по Геродоту — скифской) культуры лесостепи. Принадлежность их скифам-пахарям, в соответствии с прямыми указаниями письменного источника, у большинства исследователей не вызывает сомнений [23]. Памятники лесостепной культуры найдены и в верховьях Южного Буга, однако, здесь уже встречаются, как и следовало ожидать, синхронные им материалы иного культурного облика, характерные для более северных районов. Мы имеем в виду раскопки Куриловской курганной группы, где имеются и милоградские, и скифские (скифообразные) лесостепные комплексы [24]. Имеются в верховьях Южного Буга и непосредственно над ними и другие материалы милоградского облика, в частности из раскопок В. К. Гончарова в Луке-Райковецкой [25], В. Н. Даниленко в районе Винницы, материалы И. К. Свешникова и А. И. Тереножкина в верховьях Горыни и т. д. Несколько севернее, в верховьях Тетерева, материалы милоградской культуры носят уже массовый характер (исследования С. С. Гамченко, И. Ф. Левицкого, Е. В. Махно и др.).

Не противоречит археологическим данным и указание Геродота о западной границе невров в истоках Тираса — Днестра, которых Геродот выводит с севера, из большого озера, отделявшего невров от скифов. Как справедливо, на наш взгляд, отмечает польский археолог Б. Билинский, Геродот скорее всего имел ввиду один из верхних притоков Днестра, направленных истоками на север, в сторону Припяти [26]. Это соответствовало бы данным Геродота о том, что Тирас течет с севера (а не с запада, как было бы указано, если бы истоки Тираса понимались правильно). Более объяснимой становится и связь истоков Тираса с озером, за которое принимались заболоченные участки Полесской котловины. Насколько известно сейчас, памятники милоградской культуры доходили далеко на юго-запад, а в верхнем течении Горыни — близко к верховьям северных притоков Днестра (Збруча, Серета и др.).

Что касается других данных Геродота о локализации невров, то из приведенных выше сведений совершенно очевидны большие размеры территории, занятой этой группой племен (между агафирсами — на западе и андрофагами — на востоке). Последних, бесспорно, следует локализовать на Левобережье Днепра. Данные Геродота об отступлении скифов через земли своих соседей, приведенные в § 125, совершенно исключают локализацию андрофагов в далеких северных областях, куда их относит А. И. Тереножкин [27], отводя им земля на север от бассейна Припяти, в областях, занятых в раннем железном веке балтийскими племенами культуры штрихованной керамики (!). Косвенным свидетельством значительности территории Невриды является и не совсем ясное указание Геродота о том, что невры за одно-поколение до похода Дария покинули свои места и поселились среди будинов, поскольку будины на Дону, как и невры по Бугу, у Геродота локализованы достаточно ясно. Во всяком случае часть этих племен жила в указанных областях.

Если мы сохраним связь невров с милоградской культурой, доходившей как будто до Сейма, а возможно местами и дальше на восток [28], данные Геродота о территориальной их.

[23] Сравни: Б. Н. Греков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 63.

[24] О. Ф. Лагодовська, Р. І. Виезжев, Ф. Б. Копилов. Кургани скіфського часу у с. Курилівці АП УРСР, т. VI. Кий», 1956, стр. 20.

[25] В. К. Гончаров. Лука-Райковецкая. МИА, № 108, 1963, стр. 288-290.

[26] B. Bilinski. Drogi świata starożytnego ku ziemion słowiańkim w świetle starożytnych świadectw literackich. «Archeologia», I. Wrocław, 1948, str. 153,154.

[27] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 225, рис. 115.

[28] Так, например, близка милоградской керамика Переверзевского городища под Курском. Отчетный

близости, после перехода к будинам, не покажутся такими уж неправдоподобными. Вопрос же о соотношении с будинами при локализации невров в более западных областях (например, при сопоставлении с ними памятников высоцкой культуры) казался совсем неразрешимым. Некоторые ученые, как-то пытаясь объяснить свидетельство Геродота о соседстве этих двух групп племен, предполагали и предполагают, что будины занимали территорию Подесенья, Среднего Поднепровья и т. д. Мы позволим себе не останавливаться здесь на разборе сложного вопроса о локализации будинов, поскольку он только косвенно касается нашей темы. Обратим, однако, еще раз внимание на полное соответствие данных Геродота о времени перехода невров по направлению к будинам (есть и такое толкование текста Геродота) [29] с данными по относительной хронологии милоградской культуры. По Геродоту, передвижение это произошло за одно поколение до похода Дария на скифов (514—513 гг. до н. э.), т. е. в конце VI в. до н. э., что совпадает с исчезновением памятников милоградской культуры на Волыни и Житомирщине и появлением их в массовом количестве на Северной Киевщине и, особенно, в Южной Белоруссии.

Мы не беремся здесь судить о том, как следует понимать свидетельство Геродота о змеях. Возможно, что в этом месте текста отражен переход населения из западных, более заболоченных районов Полесья в более благоприятные условия поречья Днепра. Вспомним, что по Припяти поздние милоградские памятники известны в настоящее время только в нижнем течении, в более же западных районах обнаружены памятники типа курганов у дер. Дубой, т. е. VI —конца V в. до н. э. О реальных ли змеях, символизирующих природные условия Полесской котловины, идет здесь речь или о враждебных племенах, тотемом которых была змея [30], для нас в данном случае не имеет значения. Можно отметить, что культ змей, олицетворяющих молнии,, тесно связанный, таким образом, с культом огня, у белорусов имел самое широкое распространение. Крайне интересна связь змей-молний в культовых представлениях белорусов с представлениями о волках и волколаках (волках-оборотнях). По данным Н. А. Афанасьева, основанным на прямых указаниях «Кормчей книги» и этнографических материалах, туча, производящая молнию, символизировалась в виде волколака, рождающего змей. Это позволяет Н. А. Афанасьеву видеть в данных Геродота о змеях, прогнавших невров, отражение указанных выше культовых представлений [31]. Свидетельство Геродота о превращениях невров в волков может иметь для нас также только косвенное значение, учитывая широкую распространенность в среде индоевропейских народов преданий о волках-оборотнях [32]. В то же время не раз отмечалось, что сведения Геродота являются древнейшей письменной передачей этой легенды и что она относится к территории Правобережного Поднепровья, в первую очередь Полесья, занятого позже славянскими племенами. Действительно, легенды о волках-оборотнях находят самое широкое распространение в Полесье (что много раз отмечалось различными авторами), в Белоруссии в целом, а также в Польше [33]. При раскопках милоградских памятников на Гомельщине нам также не раз приходилось слышать от местных жителей легенды о волколаках, причем всегда человек злыми чарами был превращен в волка на один год, т.е. с некоторыми изменениями по сравнению с данными Геродота, по которым человек превращался в волка на несколько дней раз в год [34]. Повторяем, что мы не склонны переоценивать роль данных о волчьем культе в связи с вопросом о неврах, учитывая общие моменты в религиозных воззрениях и культовой обрядности у разных народов, и приводим здесь помещенные выше данные прежде всего в качестве этнографической параллели.

доклад А. Е. Алиховой о работах в Курской области, прочитанный на заседании сектора скифо-сарматской археологии ИА АН СССР 31.X 1962 г. (Архив ИА АН СССР, р-3, № 1152).

[29] К. M o s z y ń s k i. Pierwotny zasiąg jeżyka prasłowiańskiego. Wrocław — Kraków, 1957, str. 103.

[30] «Нариси стародавньоі історіі Украінськоі РСР». Кйіів, 1957, стр. 129.

[31] Н. А. А ф а н а с ь е в. Поэтические воззрения..., т. I, стр. 736—741; т. И, стр. 70, 621; т. III, стр. 529- и др.

[32] См., например: Harry E. W e d e c k. Dictionary Magic. New York, 1956, str. 56.

[33] Н. А. А ф а н а с ь е в. Поэтические воззрения..., т. HI, стр. 302, 527, 529, 549, 551—556; И. Е. З а б е л и н. История русской жизни с древнейших времен, *ч. I*. М., 1908, стр. 222; К. M o s z y ń s k i. Pierwotny zasiąg..., str. 105; I d e m. Kultura ludowa słowian. Cz. 2. Kultura duchowa. Zeszyt 1. Kraków, 1934, str. 548—551, 575—578, 1004, 1005; М. В. Д о в н а р - З а п о л ь с к и й. Белорусы. Этнографический очерк- Исследования и статьи, т. I. Киев, 1909; Ив. Ч и ч и к- Вовкулак, полесская легенда. «Минский листок», 1887, № 19; А. С а п у н о в. Река Западная Двина. Витебск, 1893, стр. 3; Ф. Б р а у н. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899, стр. 31; М. Д. Ч у л к о в. Словарь русских суеверий. СПб., 1780, стр. 52, 53 и т. д.

[34] Деревни Горошков, Защобье, Короватичи, Василевичи, Безуев Речицкого и Василевичского районов- Гомельской области.

Кроме Геродота, сведения о неврах имеются также в ряде источников римского и более поздних периодов [35], полная их сводка, например, у Мариана Плези [36]. Неточные и часто восходящие к более древним первоисточникам, эти сведения в целом нельзя одинаково высоко оценивать. Однако заслуживает внимания упорная связь невров, по многим из источников римского времени, с Днепром. Так, если Помпоний Мела (I в. н. э.), следуя за Геродотом, пишет, что «Тирас берет начало в земле невров» [37], то большая часть других римских источников (Плиний, повторяющий его Юлий Солин, Аммиан Марцеллин, Руфит Фест Авиенн и другие) упоминают, что Борисфен вытекает от невров [38]. Такая перемена в локализации невров в ранних и более поздних источниках может соответствовать, как нам представляется, и археологическим данным о передвижениях племен милоградской культуры с запада на восток.

По поводу происхождения данных, имеющихся в поздних источниках, среди комментаторов имеются разногласия. Одни относят не восходящую к Геродоту часть сведений к позднему времени. Так, Б. Билинский следует авторам, считающим, что локализация невров над Днепром идет от Саллюстия (II в. до н. э.), •опиравшегося на информацию историков и географов понтийских [39]. Другие (например, М. Плезя) возводят данные Плиния и Аммиана Марцеллина к Гекатею Милетскому (начало V в. до н. э.) [40]. К. Мошинский, посвятивший разбору вопроса о неврах большой раздел в одной из своих последних работ, рассматривая систему рассуждений М. Плези, приходит к выводу, что связь поздних источников с Гекатеем М. Плезе доказать не удалось [41]. Нам также представляется более убедительной точка зрения Б. Билинского и К. Мошинского. М. Плезя считает, что уже Гекатей связывал невров с истоками Борисфена, принимая за них истоки Припяти. Слова же Геродота о том, что никто не знает истоков Борисфена, М. Плезя рассматривает как полемику с Гекатеем. Однако, как нам кажется, в словах Геродота имеется оттенок, не позволяющий допустить такое толкование [42]. Он не содержит противопоставления другому источнику, как можно было бы ожидать от Геродота, который стремится обычно к обстоятельности и доказательности своих мнений. В то же время сопоставление верховьев Днепра с верховьями Припяти представляется чрезвычайно неубедительным [43] хотя бы потому, что сама Припять в середине I тысячелетия до н. э., как мы видим из труда Геродота, жившего позже Гекатея, еще не воспринималась как река, а только как озеро или большое болото (К. Мошинский считает возможным и такое толкование этого места в тексте Геродота, т. е. не озеро, а болото) [44]. Тем более трудно было бы, учитывая сильную заболоченность Припяти, выделить весьма невыразительные истоки ее среди большого количества притоков этой реки. Весьма слабым подтверждением точки зрения М. Плези является и сопоставление им «гор Нервиев» с поясом возвышенностей Мазурского и Литовско-Белорусского Поозерья [45]. Если уж связывать невров в верховьях Днепра с Припятью, то, бесспорно, нельзя говорить о ее верхнем течении. В крайнем случае речь может идти только о низовьях, где Припять менее заболочена. Однако и такое решение вопроса вряд ли имеет под собой значительные основания. В частности указания источников о Неврских горах настолько неясны и противоречивы [46], что различные сопоставления их

[55] ВДИ, 1947, № 3; 1948, № 1, 3, 4; 1949, № 1-4.

[56] M. P l e z i a. Neurowie w świetle historiografii starożytnej. Przegląd Zachodni, Nr 5/6. Poznań, 1952, str. 246—269.

[37] ВДИ, 1949, № l, стр. 280.

[38] Гай П л и н и й С е к у н д (I в. н. э.): «Невры, от которых вытекает Борисфен» (ВДИ, 1949, № 2, стр. 283); Аммиан М а р ц е л л и н (IV в. н. э.): «Борисфен, берущий начало на горах Нервиев, изобилующий первоначальными истоками...» (ВДИ, 1949, № 3, стр. 289); Руфит Фест А в и е н н (IV в. н. э.): «Оттуда (от невров.— *О. М.)* выносит в Эвксинское море сила реки Борисфенской» (ВДИ, 1949, № 4, стр. 239); Мартиан К а п е л л а (V в. н. э.): «Невры, у которых Борисфен» (ВДИ, 1949, № 4, стр. 280).

[39] B. B i l i ń s k i. Drogi świata starożytnego..., str. 155.

[40] M. P l e z i a. Neurowie w świetle historiografii starożytnej..., str. 246—269.

[41] K. M o s z y ń s k i. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław — Kraków, 1957, str. 110—112.

[42] Г е р о д о т, IV, 53. «Истоков только этой реки да еще Нила я не могу назвать, да, как мне кажется, и никто из эллинов» (ВДИ, 1947, № 2, стр. 267).

[43] Сравнение с данными Птолемея, не отличающимися точностью, также не убеждает. И. Е. Забелин, например, считает Верхним Днепром р. Березину, размещая по Днепру и Березине упомянутые Птолемеем города (И. Е. З а б е л и н. История русской жизни, стр. 352). О некритичном подходе М. Плези к данным Птолемея см. также: K. M o s z y ń s k i. Pierwotny zasiąg..., str. Ill, 112.

[44] K. M o s z y ń s k i. Pierwotny zagiąg..., str. 101.

[45] M. P l e z i a. Newrowie w świetle historiografii starożytnej, str. 262.

[46] Аммиан М а р ц е л л и н (IV в. н. э.). Римская история, кн. XXII, 8, 38 «...Борисфен, берущий начало на горах Нервиев...», там же кн. XXXI, 2, 13 «...Истр со множеством притоков течет мимо земли саврома-

(с Верхне-Волжской возвышенностью, с высокими берегами Днепра в районе Киева [47] и т. д.) вряд ли могут всерьез приниматься во внимание. Как нам представляется, более прав Б. Билинский, который, как и К. Мошинский и ряд других исследователей, воспринимает сведения источников о неврах в верховьях Борисфена прямым образом, т. е. считает, что часть их относится к позднему времени и местом обитания невров следует считать верхнее течение Днепра. Борисфен течет от невров, т. е. сверху, с севера [48]. В таком случае невры, «от которых вытекает Борисфен», должны были жить в последние века до н. э.— первые века н. э. в Верхнем Поднепровье, очевидно, скорее всего на южных участках Верхнего Поднепровья, где мы и находим от этого времени памятники милоградской (и зарубинецкой) культуры. Трудно предполагать, что, упоминая о неврах на Днепре, поздние авторы имели в виду истоки Припяти, если даже сведения их восходят к Гекатею. Можно полагать, что несколько раз повторенные в позднее время сведения о неврах на Днепре должны были иметь какие-то основания и должны быть связаны с реальной обстановкой этого времени в Поднепровье. Напомним хотя бы о значительном античном импорте на территории Белоруссии и более северных областей [49]. Если бы действительно удалось доказать, что поздние сведения о неврах в верхнем течении Борисфена восходят к Гекатею, положения, как нам кажется, это не изменило бы, так как сопоставление Днепра с Припятью остается недоказанным. В целом данные поздних источников о неврах в любом случае не противоречат сопоставлению с ними памятников милоградской культуры, а, наоборот, находятся в соответствии с археологическими данными.

Заключая краткий анализ сведений о неврах, упомянем о свидетельстве Аристотеля (IV в. до н. э.), согласно которому в стране невров быки имеют рога на плечах [50]. Если мы сопоставим между собой внешний вид различных представителей крупного рогатого скота, то увидим, что определение Аристотеля, при всей его неточности, применимо прежде всего к зубрам. При высокой, выдвинутой вперед, холке этого животного в сочетании с укороченной шеей, могло создаться впечатление о близком расположении рогов и плеч. Как в древности, так и сейчас, зубры распространены в Припятском Полесье (в древности шире, чем в наше время). Если признать возможность такого сопоставления, оно может послужить еще одним косвенным указанием на территорию Невриды.

Если же мы обратимся к современным исследователям, то на основании анализа письменных источников невры локализуются ими в основном в тех областях, где открыты в последнее время памятники милоградской культуры — на всей ее территории или в южных районах, где, как видим, распространены только ранние милоградские памятники. Назовем здесь Ф. Брауна, И. Забелина, Ю. Готье, Л. Нидерле, в последние десятилетия — Б. Н. Гракова, П. Н. Третьякова, А. И. Тереножкина, К. Мошинского, Я. Зборжила и др.[51] Некоторые исследователи включают в территорию Невриды также области, расположенные к западу от милоградской культуры. Большинство польских ученых считает их исходными областями в культуре невров (Л. Козловский,

тов, простирающейся до р. Танаиса, составляющей границу Азии и Европы. За ней тянутся бесконечные степи Скифии, населенные аланами, получившими свое название от гор. Они мало-помалу постоянными набегами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности, подобно персам. Между этими народами срединное положение занимают невры, «оседи высоких и обрывистых гор, на которых все коченеет от мороза и порывистых северных ветров. За ними живут видины и чрезвычайно дикие гелоны»; Филосторгий (IV в. н. э.). Церковная история. «Эти унны — вероятно, тот народ, который древние называли неврами, они жили у Рипейских гор, из которых катит свои воды Танаис» (ВДИ, 1949, № 3, стр. 303; ВДИ, 1948, № 3, стр. 281).

[47] И. Е. Забелин. История русской жизни с древнейших времен, стр. 5.

[48] B. Biliński. Drogi świata starożytnego..., str, 153, 154.

[49] В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. САИ, Г4-4 1962, стр. 96-98 и далее.

[50] Аристотель. Отрывки из неизвестных сочинений о животных. V, 27. Там же, XVI, 33. «У быков в стране невров рога и уши вырастают из одного и того же места и связаны между собой» (ВДИ, 1947, № 2, стр. 331).

[51] Ф. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899, стр. 69, 82, 83 и др.; И. Е. Забелин. История русской жизни с древнейших времен, стр. 220, 221, 341; Ю. Готье. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, 1 карта к главам I—VI и 2III; Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 31, 130; Б. Н. Граков. Основные культуры скифского времени в Причерноморье и в лесостепной зоне. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 165; Он же, Скіфи, Київ, 1947, стр. 8. Карта Скифии с VII по II в. до н. э.: П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 52, рис. 9 (карта); А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье, стр. 225, рис. 115; K. Moszyński. Pierwotny zasiąg..., str. 100; J. Zbozil. Herodotova Skythia a sousede. Slovenska archeologia, VII—2. Bratislava, 1959, str. 365, карта.

Ю. Костшевский, К. Яжджевский, Т. Лер-Сплавинский и другие) [52]. Значительным препятствием в решении проблемы о локализации невров служит неизученность в археологическом отношении большей части той территории, с которой они могут быть сопоставлены. Обычно невры сопоставляются с памятниками высоцкой культуры, занимающими небольшой участок в верхнем течении Днестра (а через нее — с лужицкой культурой), и с культурой скифского времени Правобережной лесостепи. Если рассматривать (в том виде, как это обычно делается) вопрос о принадлежности неврам памятников высоцкой культуры, то надо признать, что несмотря на территориальное совпадение с одним из указаний Геродота, другие данные: узость ее территориальных рамок, отсутствие генетически связанных с высоцкими памятников в последующие периоды и т. д., не дают удовлетворительного решения этого вопроса, что признают и сами исследователи [53]. Исчезновение или резкая смена облика высоцкой культуры относится к середине VI в. до н. э., т. е. еще до того времени, когда Геродот говорит о переселении невров[54]. Не может удовлетворить и то, что те, кто утверждает, будто невры и есть носители высоцкой культуры, стремясь выйти из тупика, связывают указания Геродота на невров над Южным. Бугом со следами влияния лужицкой культуры в Правобережном Поднепровье[55], так как в целом облик культуры на этих территориях различен. Не решает также вопроса и наличие гнезда связываемых с неврами гидронимов и топонимов на Западном Буге — существенный довод в построениях некоторых исследователей. К сожалению, территория «Нурской земли» в отношении памятников раннего железного века (часть этой территории относится к поморской культуре, часть — к культуре ятвяжских племен [56]) пока остается слабо исследованной. Косвенная связь высоцкой культуры с неврами, как непосредственных соседей на ранних этапах милоградской культуры, а возможно отчасти и родственной по далеким истокам группы, как нам представляется, не должна исключаться. Вспомним значительное количество аналогий, на которое мы ссылались выше. Во всяком случае, необходимо дальнейшее изучение этого вопроса, так как имеющихся данных далеко недостаточно.

Культуру скифского времени Правобережной лесостепи также сопоставляют с неврами (Б. Н. Граков, А. И. Тереножкин). При всем желании связать с неврами памятники лесостепной культуры нельзя. Нельзя, однако, и, не вступая в противоречие с письменными источниками, исключить из территории Невриды южные области распространения памятников милоградской культуры. Отнесение же к неврам территории, где распространены и милоградские и лесостепные скифские памятники, не позволяет с определенностью решать вопрос, какая из этих культур оставлена неврами. И на самом деле, о чем, как не об отсутствии определенности во взглядах на вопрос о неврах, может свидетельствовать, например, позиция А. И. Тереножкина? А. И. Тереножкин неправомерно сужает территорию Невриды со всех сторон, отводя неврам незначительный участок на границе милоградской и скифской (или скифообразной) культуры лесостепи [57]. Между неврами, в понимании А. И. Тереножкина, и андрофагами, размещенными им, как мы упоминали, на территории культуры городищ со штрихованной керамикой, лежит вся милоградская область, оставленная, таким образом, без этнографического определения. Такой «благоразумный» обход милоградской территории, отнесение части Волыни к территории невров, указывает, что А. И. Тереножкин стоит на нетвердой почве, однако не желает отказаться от включения невров в круг лесостепных культур. В действительности, придерживаясь взгляда, что неврам принадлежит одна из групп культуры скифского времени лесостепи, А. И. Тереножкин ставит себя в весьма затруднительное положение, так как выделить материальную культуру невров среди единой в целом культуры лесостепной полосы Среднего Поднепровья он не может. Такое понимание вопроса приводит к коренным расхождениям с данными Геродота, фактически противопоставлявшего невров, как и другие северные племена, их соседям с юга. Вспомним

[52] См. статью: S. N o s e k. Neurowie wświetle archeologii. «Przegląd zachodni», R. VIII. Poznań, 1952, Nr. 5—6, str. 270, 271.

[53] T. S u l i m i r s k i. Kultura wysoska. Kraków, 1931, str. 172.

[54] А. И. Т е р е н о ж к и н. Предскифский период на Днепровском Правобережье, стр. 223; В. И. К а н и в е ц. Вопросы хронологии высоцкой культуры. КСИА АН УССР, вып. 4, 1955, стр. 94—96.

[55] См. например: S. N o s e k. Newrowie w świetle archeologii, str. 270—278.

[56] Керамика культуры восточнопрусских курганов, часто имеющая, как и милоградская, круглые днища, по своим формам, тесту, характеру поверхности совершенно отлична от последней, как и весь облик культуры в целом (W. C h m i e l e w s k i. K. J a z d z e w s k i, J. K o s t r z e w s k i. Pradzieje Polski. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, str. 225, 226).

[57] А. И. Т е р е н о ж к и н. Предскифский период, на Днепровском Правобережье, стр. 225, рис. 115.

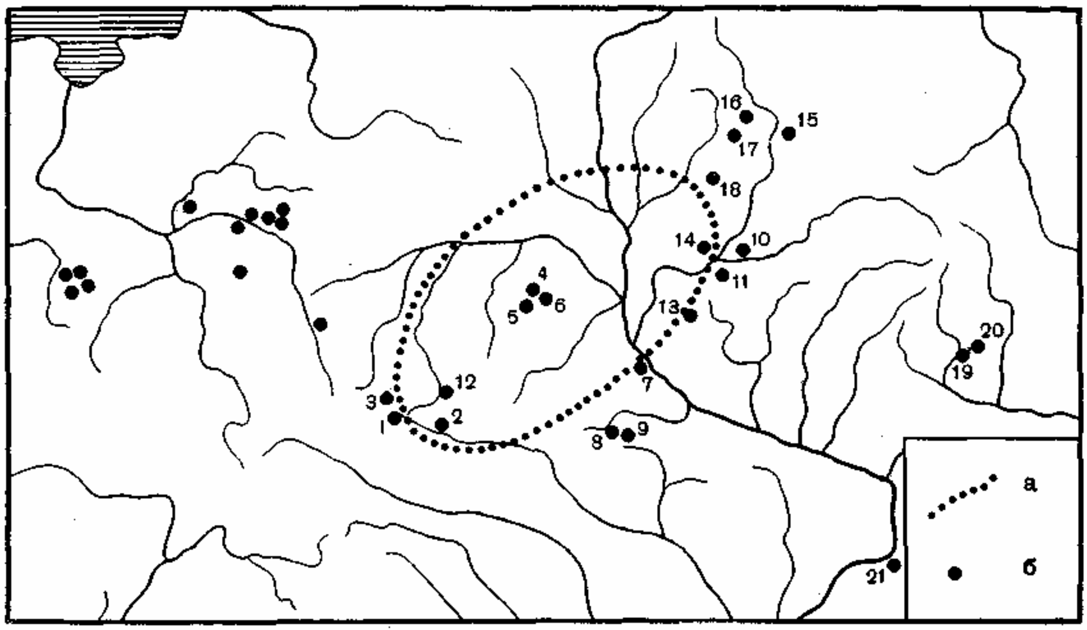

Рис. 65. Схема расположения гидронимов и топонимов, предположительно связанных с этнонимом «невры»

а — схематическая граница милоградской культуры; б — гидронимы и топонимы, предположительно связанные с этнонимом «невры»

хотя бы отказ невров от войны с Дарием. Если невры занимали лесостепные участки Волыни, а смежные территории на этих же широтах были заняты скифами-пахарями, то это должно было найти отражение и в археологических материалах, однородных на всей территории от Подолии до Ворсклы.

Наиболее логичное сопоставление с археологическими материалами раннего железного века Полесья не делалось до сих пор по той простой причине, что эти материалы не были известны. Как это ни странно, столь важная в историческом плане территория оставалась в отношении памятников раннего железного века вплоть до 50-х годов фактически белым пятном. Данные по сопоставлению материалов милоградской культуры с письменными источниками о неврах, как нам кажется, указывают логичный выход в решении важного вопроса о местонахождении Невриды, безнадежно запутанного и осложненного в связи с «модой» на невров, почти общепризнанных (хотя и без решающих пока на то данных) предков славян.

В заключение этого раздела остановимся кратко на топонимических данных, получающих при решении вопроса о неврах иногда большое значение. Общеизвестно, что значительная группа — 8 или 9 гидронимов и топонимов, которые могут быть увязаны с этнонимом «невры», расположена на Западном Буге, в его нижнем течении. Несколько названий (4) с близкими корнями имеется также на Верхней Варте. Такие же гидронимы и топонимы отмечены и на р. Уж (3), а также в бассейне Южного Буга, на северных притоках р. Синюхи (2)[58]. А. А. Вержбовский считает возможным связывать с неврами несколько гидронимов с корнем «нур» под Киевом и в бассейне Десны, на Черниговщине и Брянщине [59].

Приводим здесь составленную нами на основании перечисленных выше данных и проработанных списков населенных мест Белоруссии, Украины и смежных областей, а также атласа гидронимов Поднепровья [60], карту гидро- и топонимов, связанных или возможно связанных (точно на этот вопрос, к сожалению, не всегда могут ответить языковеды) с этнонимом «невры» (рис. 65)

[58] M. Plezia. Newrawie w świetle historiografii..., str. 250, 269, карта; S. Nosek. Newrowie w świetle archeologii, str. 276; K. Jażdżewski. Atłas do pradziejów Słowian. Łódź, 1948, str. 47.

[59] А. А. Вержбовский. Белорусско-литовские лексические взаимосвязи. Вильнюс, 1961, стр. 12. Автореф. канд. дисс.

[60] П. Л. Маштаков. Список рек Днепровского бассейна. СПб, 1913.

Список гидронимов и топонимов, которые можно предположительно связывать с этнонимом «невры» в Поднепровье и смежных областях СССР

1. Р. Норец, левый приток Полквы, правого притока Горыни, в самых ее верховьях.

2. Р. Понора, правый приток Икопоти, левого притока Случи, в самых ее верховьях.

3. Р. Понора, правый приток Иквы, правого притока Стыри в ее верховьях.

4. Р. Норин, левый приток р. Ужа (Уши).

5. С. Норинск на р. Норине Овручского района Житомирской области.

6. Сел. Норинцы Пародического района Житомирской области.

7. Р. Шнурка, правый приток Днепра, южнее Киева.

8. Р. Нурец, правый приток р. Синюхи, левого притока Южного Буга, в самых верховьях.

9. Сел. Нурец на р. Нурец, притоке р. Синюхи.

10. Р. Понурка, приток р. Шостки, левого притока Десны.

11. Х. Норица Нехаевского сельсовета Коропского района Черниговской области.

12. Сел. Понора Понорского сельсовета Славутского района Каменец-Подольской области.

13. Сел. Поноры Понорского сельсовета Дмитриевского района Черниговской области.

14. Сел. Понорница Понорницкого района Черниговской области.

15. Р. Понура, приток р. Навли, левого притока Десны, южнее Брянска.

16. Р. Понурка, приток р. Судости, правого притока Десны.

17. С. Норино Норинского сельсовета Почепского района Брянской области.

18. С. Понуровка Понуровского сельсовета Стародубского района Брянской области.

19. С. Норцивка Норцивского сельсовета Савинского района Харьковской области.

20. С. Нурове Нуровского сельсовета Савинского района Харьковской области.

21. С. Норове Норовского сельсовета Васильевского района Запорожской области[61].

При рассмотрении этой карты бросается в глаза то, что большая часть гидронимов располагается по краям милоградской территории, вблизи ее границ (не везде, в частности на западе, еще достаточно уточненных). Такое положение закономерно, оно не раз отмечалось языковедами при характеристике топонимии других территорий и отражает один из основных законов топонимики. Исключение составляет группа из четырех гидро- и топонимов на р. Уж. Характер связей западной группы топонимов и гидронимов с восточными, относительная хронология этих групп, пока неясны. М. Фасмер считает, что топонимия низовьев Западного Буга (территории «Нурской земли») может указывать на пребывание невров на этой территории в III—II тысячелетии до н. э.[62]

Однако нельзя ли видеть в группе гидро- и топонимов Западного Буга следов инфильтрации милоградского населения в эти области? Неразработанность языковедами хронологии в применении к топонимике не исключает и такой постановки вопроса. К. Мошинский высказал мнение, что сопоставление этнонима «невры» с близкими по корням гидро- и топонимами ошибочно в корне, в связи с большой их разбросанностью. Названия рек так обильны, говорит К. Мошинский, что с ними легко могут быть сопоставлены простые и короткие-этнические наименования, реки же с корнями Neur-Nur слишком незначительны и текут, к тому же, за пределами территории, указанной Геродотом (имеется в виду прежде всего группа топонимов и гидронимов на территории Польши [63]). Насколько такое мнение основательно, судить прежде всего языковедам,

Нам осталось уделить некоторое внимание вопросу о возможном этническом определении населения, оставившего памятники милоградской культуры. Сложность и глубокий интерес этнических вопросов в данном случае объясняется тем, что, по мнению многих исследователей, территория, занятая, как теперь выяснилось, памятниками милоградской культуры (или значительная часть этой территории), включается многими исследователями на соответствующих хронологических этапах — в I тысячелетии до н. э. и начале I тысячелетия н. э.— в пределы славянской прародины в том понимании, что часть предков славян могла принимать участие в жизни и развитии этой культуры (содержание понятия «прародина» до сих пор остается неопределенным: разные исследователи понимают его по-разному). Следует оговорить сразу же, что при нынешнем состоянии наших знаний как в области археологии, так и лингвистики, при неразрешенности таких основных вопросов, как соотношение

[61] Отношение некоторых из этих названий к этнониму «невры» может оказаться спорным. Гидронимы и топонимы на «нер» и «нар» в список не включены (по консультации с профессором Б. В. Горнунгом),

[62] M. F a s m e r. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. Leipzig, 1923.

[63] K. M o s z y ń s k ł. Pierwotny zasiąg.., str. 98.

археологической культуры и этноса, при отсутствии определенности в решении балто-славянской проблемы, разногласиях в определении самого понятия прародины, недостаточности археологических исследований, когда слабо освещенными остаются пока целые эпохи и т. д., рассчитывать в ближайшее время на окончательное решение проблемы происхождения славян, как нам кажется, не приходится. Особо следует подчеркнуть подчиненную роль археологии. На основании одних только археологических материалов, без привлечения данных языкознания, играющих здесь главную роль, этнические проблемы решать невозможно. В то же время, как справедливо пишет Б. В. Горнунг, без помощи археологии выводы лингвистов повисают в воздухе [64].

Лингвистические построения, которые используются для реконструкций, уходящих в дописьменные периоды, также не следует переоценивать. В распоряжении языковедов, как правило, нет надежной аргументации для датировок языковых явлений, часто встречаются затруднения и с их территориальной характеристикой [65], спорны многие этимологии, толкование гидронимов и т. д. Тем не менее, в этногенетических построениях именно эти данные играют решающую роль.

На основании лингвистических источников, касающихся интересующей нас территории (южные участки Верхнего Поднепровья и Среднее Поднепровье), можно полагать, что в раннем железном веке здесь жили балтийские и праславянские племена. По мнению некоторых ученых, отвергнутому, впрочем, большинством исследователей, для этой эпохи можно говорить также о племенах-носителях единой балто-славянской культуры с единым языком (А. Вайян, Ю. Сафаревич). Мы не можем останавливаться здесь на разборе сложного вопроса о характере балто-слааянских отношений в древности. Мнению о едином праязыке противостоит принятая большинством языковедов так называемая теория контактов, согласно которой близость балтийских и славянских языков является результатом длительного и тесного соседства этих двух этнических групп. Большинство ученых относит выделение славян к бронзовому веку: Мейе — к III тысячелетию до н. э., Нидерле, Бернштейн, Горнунг и др.— ко II тысячелетию до н. э., доводя этот процесс до середины I тысячелетия до н. э. Отметим здесь мнение П. Н. Третьякова, что мысль о племенах переходного характера имеет право на существование при любом из двух решений вопроса [66].

Вопрос о принадлежности древних племен, живших в бассейне Припяти и смежных областях, к одному из упомянутых этнических образований, находится в тесной связи с вопросом о славянской прародине как месте обитания славян до их распада. Как мы уже отмечали, лингвистические данные позволяют ставить вопрос о том, что указанные земли в I тысячелетии до н. э. входили в состав славянской прародины. Как часть прародины славян, в широком смысле этого слова, рассматривают ее исследователи, придерживающиеся разных точек зрения, не только сторонники прародины славян в Поднепровье, но и сторонники широкой территории прародины — от Одера до Сейма. Близки к этой точке зрения и представители так называемой познанской школы автохтонистов, отводящие прародине славян прежде всего западные, польские земли, откуда и шло, по их мнению, проникновение славян на восток, в Полесье и Среднее Поднепровье (исключить эти территории из пределов прародины невозможно в связи с обилием здесь славянских гидронимов). Т. Лер-Сплавинский признает, что лингвистических данных для определения прародины только на западе совершенно недостаточно [67]. Как отмечает В. Кипарский, восточные границы прародины сейчас уже ни у кого не вызывают сомнений: они включают в себя Пинские болота, Правобережье Днепра, а также левый берег его на этих участках [68].

Из последних исследований языковедов, посвященных проблемам этногенеза славян,, отметим здесь работы С. В. Бернштейна, К. Мо-

[64] Б. В. Горнунг. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963, стр. 12, 13. О взглядах лингвистов и археологов на роль археологии при решении этнических проблем смотри, например: Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М., 1962, стр. 65—75; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги. История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, стр. 7.

[66] В. П. Петров. Давні слов'яни та их походження (до проблеми слов'янського етногенеза). «Український історичний журнал», 1963, № 4, стр. 36—44.

[66] П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура, стр. 45.

[67] «Материалы к IV международному съезду славистов». ВЯ, 1958, № 2, стр. 48.

[68] Там же, стр. 49. Выводы Е. Фримана, основанные главным образом на анализе естественных условий Полесья, не могут решать вопрос, так как автор рассматривает не Полесье в целом, а лишь северо-западные, менее пригодные для жизни, участки его. (I. Frimann. Polesie nie mogło być praojczyzną Słowian. «Przegląd archeologiczny». Wrocław, 1961, str. 108—121)..

шинского, Ф. П. Филина [69]. С. Б. Бернштейн считает, что основной территорией праславянского языка в I тысячелетии до н. э. являлась область Южного Полесья и прилегающих районов — от Вислы до Днепра. К рубежу н. э. эта область значительно расширяется на запад и в меньшей степени на восток и север, занимая здесь участки северного Полесья, верхнего Поднепровья, южную часть междуречья Днепра и Десны и Левобережье Днепра до широты Киева. С. Б. Бернштейн отмечает вероятность проникновения отдельных групп праславян к северу от Припяти, так же как считает возможным и проникновение балтийцев на юг, подчеркивая тесную и постоянную связь праславян с балтийскими племенами. С. Б. Бернштейн считает, что некоторая часть славян была знакома с отдельными балтийскими диалектами [70].

К. Мошинский также сторонник прародины в Поднепровье. Местонахождение славян в I тысячелетии до н. э. и к рубежу н. э. он видит на восток от Повисленья и Поднестровья — в Полесье и Среднем Поднепровье, считая, что лишь в первых веках н. э. славяне продвинулись на Вислу. Лингвистический анализ названий рек на определяемой им территории прародины привел его к мнению, что значительная часть их является славянскими. В Среднем Поднепровье — это реки Турин, Стоход, Стубла, Горынь, Свига, Уборть, Тетерев, Ирша, Ирпень, Стугна, Рось, Трубеж, Остер, Случь, Словечна, Уж (Уша), Припять, Десна, Здвиж, Стырь [71]. На Правобережье Днепра, севернее Припяти, К. Мошинский рассматривает как славянские названия рек Березины, Птичи, Ясельды, Свислочи, Случи, Цны [72], а на Левобережье — притоки Сожа (Остер, Проню и Беседь [73]). Подводя итоги анализу номенклатуры рек бассейна Днепра, К. Мошинский отмечает, что «самое обильное скопление речных названий, которые удается объяснить из Одного только славянского лексического материала, без необходимости привлечения аналогичных материалов из других языков, выступает в обширном тупом треугольнике между Припятью и южными участками Среднего Днепра, а также непосредственно на восток отсюда (примерно в поречье Трубежа и Нижней Десны)». К. Мошинский отмечает, что территория Правобережья севернее Припяти больше тяготеет к южным, наиболее чистым «славянским» районам, чем левобережная часть [74].

Несмотря на ошибочность методологии и отдельных доводов К. Мошинского, а также невозможность на данном этапе науки дать на гидронимических материалах абсолютно достоверные этимологические сопоставления, основной вывод этого ученого о жизни славян в I тысячелетии до н. э. в Поднепровье, как уже отмечалось в советской литературе, сохраняет свою силу [75]. В гидронимических изысканиях К. Мошинского прежде всего придается значение не анализу номенклатуры рек, не всегда убедительному, а тому, что он еще раз обратил внимание на значительные отличия гидронимики Поднепровья от среднеевропейской. Большое значение придается также серии приведенных им ботанических сопоставлений [76].

Одной из последних работ языковедов, освещающих вопросы происхождения славян, в частности в интересующую нас эпоху, является книга Ф. П. Филина «Образование языка восточных славян». В своих построениях Ф. П. Филин исходит из того, что характер славянского языкового единства предполагает существование его первоначально на сравнительно ограниченной территории. Эта территория не является постоянной географической величиной, границы ее много раз менялись. Праславяне имели много прародин, начиная с эпохи своего формирования и кончая эпохой, предшествующей распаду. В книге подвергнуты всестороннему рассмотрению лингвистические данные, могущие помочь решению

[69] С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961; K. Moszyński. Pierwotny zasiąg..., 1957; Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.— Л., 1962; см. также: Б. В. Горнунг. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963 (освещает в основном более древние периоды). Краткий обзор некоторых работ по вопросу о прародине славян смотри: А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском правобережье.

[70] С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 65, карта 3, стр. 69, карта 4.

[71] K. Moszyński. Pierwotny zasiąg..., str. 202. Названия рек разбиты К. Мошинским по степени достоверности славянского происхождения их на несколько групп. Мы используем названия только первых двух групп — бесспорно славянские — и те, что без сомнения могли быть даны славянами. Т. Лер-Сплавинский отмечает неполноту данных К. Мошинского, в частности по западным районам, предлагая свой список славянских гидронимов (T. Lehr-Splawinski. Rozmieszczenie geograficzne..., str. 7—18, 20,— str. 9 (карта).

[72] K. Moszyński. Pierwotny zasiąg..., str. 205.

[73] Там же, стр. 203.

[74] Там же, стр. 205.

[75] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье, стр. 237.

[76] В. Н. Топоров. Рецензия на книгу: K. Moszyński. Pierwotny zasiąg..., str. 123.

этой важной проблемы. Приводится детальный разбор лексических материалов, рассматривается географическое распределение отдельных языковых групп в древности, связи общеславянского языка с соседними областями, данные палеоботаники, гидронимики и т. д. Анализ славянской лексики, по Ф. П. Филину, показывает, что она принадлежала единому языку. Среди названий отсутствует терминология, связанная со степью. Нет названий морских животных, рыб и растений и других слов, связанных с морем. Мало названий, связанных с горными местностями. Обильна терминология, указывающая на пребывание предков славян в лесной зоне умеренной полосы. Об этом свидетельствует разнообразие названий озер, болот, леса и различных урочищ, обычных для лесной зоны, а также названия соответствующих видов птиц. Подобные природные условия характерны для территории от Эльбы или Одера до Десны. На основании анализа связей общеславянского языка с соседними языками, палеоботанических сопоставлений (в названиях деревьев отсутствуют виды, произрастающие только в западных областях) и некоторых других данных профессор Ф. П. Филин считает возможным исключить из славянской прародины в I тысячелетии до н. э. западные участки указанной территории. Во всяком случае, говорит он, в конце I тысячелетия до н. э. славяне в большом количестве еще не появились между Одером и Вислой. Местом жительства праславян в I тысячелетии до н. э. (во второй его половине) Ф. П. Филин считает области современной Южной Белоруссии и Северной Украины — от верховьев Западного Буга до среднего течения Днепра, включая Припять с притоками, т. е. собственно Полесье. Вполне возможно, говорит Ф. П. Филин, включение в территорию прародины также Левобережья Днепра между нижним течением Десны иСожа [77].

Как видим, границы, очерченные Ф. П. Филиным для славянской прародины, почти точно совпадают с границами милоградской культуры. Нельзя ли видеть в этом факте один из тех случаев совпадения археологических и лингвистических данных, возможность которых при всем своем предубежденном отношении к роли археологии в решении проблем этногенеза не отрицает Ф. П. Филин?

Остановимся кратко на вопросе о гидронимике применительно к изучаемой территории, поскольку именно на данных гидронимики прежде всего основано высказываемое в последнее время отдельными археологами мнение о балтийской принадлежности населения, оставившего милоградские памятники. Мы имеем в виду прежде всего В. В. Седова, высказавшегося за балтийскую принадлежность милоградских племен вполне определенно [78]. К такому же мнению склонился и П. Н. Третьяков [79], считавший долгое время этот вопрос неясным и называвший прежде носителей милоградской культуры «окраинными славянами» [80]. С меньшей определенностью относятся к решению этого вопроса исследователи балтийских культур раннего железного века Х. А. Моора [81] и Е. А. Шмидт [82]. А. И. Тереножкин отказывается от определенного мнения об этносе милоградско-подгорцевских племен, высказывая, однако, мысль о разноэтничности этого населения с населением лесостепи [83].

Характерно, что лингвисты, прежде всего имеющие право на решение подобных вопросов, более осторожны в своих суждениях. Так, Б. В. Горнунг говорит: «Носители подгорцевско-милоградской культуры с известной долей вероятности отождествляются с летто-литовцами. Факт, что ареал этой культуры заходит очень далеко на юг, ставит такие отождествления под сомнение [84]».

В ряде археологических работ территория милоградской культуры дана неточно, без учета новых сведений о западно-волынской группе памятников, что отчасти оправдывает и объясняет односторонний подход при постановке этнических вопросов.

Анализу гидронимов Верхнего Поднепровья посвящена вышедшая недавно работа В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева [85].

[77] Ф. П. Филин. Образование языка... стр.147, 148. Новые данные о славяно-германских языковых контактах см.: В. В. Мартынов. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963.

[78] В. В. Седов. Гидронимика и археология средней полосы Восточной Европы. «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований, 1962 г.» М., 1963 г., стр. 28.

[78] П. Н. Третьяков. Фшшо-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги, стр. 21.

[80] П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура, стр. 45.

[81] Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958. № 2, стр. 25, 26.

[82] Е. А. Шмидт. Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий в железном веке. М., 1963, стр. 20. Автореф. канд. дисс.

[83] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье, стр. 240, 242.

[84] Б. В. Горнунг. Из предыстории..., стр. 136.

[85] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья.

К сожалению, авторы в силу поставленной перед собой задачи не произвели всестороннего анализа гидронимов более южных участков, в частности Южного Полесья и Среднего Поднепровья. В результате изучения гидронимики Верхнего Поднепровья они пришли к тем же выводам, в частности по территории Полесья, как до них М. Фасмер и К. Буга о неоднородности водной номенклатуры бассейна северных и южных притоков Припяти. Авторы отмечают обоснованность данных М. Фасмера и К. Буги[86], говоря, что установленная ими южная граница области с балтийской гидронимикой в целом не вызывает у них сомнений [87]. Границу же эту К. Буга проводит на север от р. Припяти, параллельно ее течению и далее на восток, примерно, через устье р. Сож [88]. Таким образом, Левобережье Припяти и прилегающие к нему участки правого берега Днепра не включены им в области балтийской гидронимии. К тем же выводам можно прийти и на основании карты балтийской гидронимии, представленной В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым [89]. Заслуживает внимания то, что на участке правого берега Днепра от устья Березины до устья Припяти авторами исследования отмечен всего один (!) балтийский гидроним. А ведь именно эта территория прежде всего дает обилие милоградских городищ, находки здесь наиболее характерны и, за редкими случаями, лишены северных включений (обломков посуды с штрихованной поверхностью). Севернее же, в устье Березины, штриховка, как мы уже отмечали, встречается чаще. Показательно, что и на Соже участок, занятый милоградскими памятниками (в основном они имеются на Правобережье Сожа от г. Чечерска до устья реки) дает всего два балтийских гидронима, да и далее на север, почти до Славгорода, балтийских гидронимов нет, что совпадает с северными пределами распространения памятников милоградской культуры по Сожу. Наибольший удельный вес балтийской гидронимики авторы исследования отмечают в бассейне р. Березины, т. е. в области, занятой культурой штрихованной керамики. Южная же граница этой культуры (т. е. северная граница милоградской) совпадает, по К. Буге, с границей балтийских гидронимов, как это отчетливо следует, например, из опубликованной В. В. Седовым карты [90]. Всего несколько спорадически разбросанных балтийских гидронимов отмечают В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев в нижнем течении р. Десны, также занятом памятниками милоградско-подгорцевского типа. Нет балтийских гидронимов и в нижнем течении р. Снов. На Левобережье Днепра между Десной и Сожем и выше по Днепру (на милоградской территории) показано всего четыре балтийских гидронима. Больше их в устье Сожа и выше, вдоль левого берега этой реки,— т. е. в местах, нами пока не обследованных. В областях южнее Припяти, по мнению В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, господствует древнеславянский гидронимический пласт [91], за исключением только нескольких гидронимов предположительно балтийского характера [92]. Эти гидронимы не всегда ясны, говорят авторы, они могут быть поняты по-разному и только в общем контексте наиболее вероятным представляется их балтийское происхождение [93]. Характерно, что

М., 1962. В рецензии на эту работу В. А. Никонов и Е. М. Поспелов наряду с достоинствами отмечают и ряд существенных недостатков: неполноту использованных авторами материалов и недостаточность данных по гидронимике смежных территорий, теснейшим образом связанных с изучаемым районом, то, что для многих гидронимов приведены не все формы и т. д., а также в общих принципах. В частности, В. А. Никонов считает, что авторы неправы, связывая топонимические ареалы с языковыми. Ареал слова вне топонимии может не совпадать с его топонимическим ареалом. Трудности умножаются тем, пишет В. А. Никонов, что «славянские и балтийские языки развились из индоевропейской общности. Если гидроним обладает и балтийскими и славянскими чертами, не всегда можно решить, принадлежит ли гидроним исходному балто-славянскому единству (само существование которого спорно), вторичному ли балто-славянскому языковому союзу или же он заимствован одной из сторон» (В. А. Никонов, Е. М. Поспелов. Рецензия на книгу: В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. «Известия АН СССР», серия географ., 1963, № 6, стр. 123—129.

86 Обоснованность данных К. Буги отмечают также: Ф. П. Филин. Образование языка..., стр. 149; Б. В. Горнунг. Из предыстории..., стр. 129.

87 В. Н. Топоров. О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ., стр. 7, 244.

88 Южная граница области балтийской гидронимики, по К. Буге, воспроизведена, например, в работах: Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, № 2, стр. 11, рис. 1. В. В. Седов. Дреговичи, стр. 117, рис. 2.

89 В. Н. Топоров. О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ... Приложения. Карта 3.

90 В. В. Седов. Дреговичи, стр. 117, рис. 2; П. Н. Третьяков. Локальные группы..., стр. 45.

91 В. К. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ..., стр. 244.

92 Там же. Приложения. Карта 3.

83 В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ..., стр. 232, 233, 244 и ел. В. А. Никонов в рецензии на эту работу отмечает, что вызывает сомнение правомерность разбивки топонимов на славянские, балтийские и прочие. «В слишком многих случаях отнесение остается по меньшей мере спор-

балтийские гидронимы имеются здесь прежде всего на участках, близких к Днепру, куда в I тысячелетии н. э. проникали северные племена, судя по находкам украшений балтийских типов с выемчатыми эмалями и штрихованной керамикой [94]. Далее на запад, в бассейне Горыни (кроме двух мелких самых восточных притоков Случи), в районах Западной Волыни (где археологами обнаружены древнейшие милоградские памятники), балтийских названий рек нет. Пять балтийских названий в верховьях Припяти на ее правобережье располагаются уже вне пределов области милоградской культуры.

Укажем на отсутствие точных критериев при толковании гидронимов. Объяснение отдельных гидронимов часто зависит от субъективных мнений авторов — сторонников той или иной концепции, что справедливо отметил еще Надеждин, говоря, что «слово — все в нашей власти. Оно беззащитно и из него можно вымучить всякий смысл этимологической пыткой [95]. Доказательством этого является резко противоположное толкование одних и тех же названий (Висла, Днепр и др.) разными учеными. Языковеды справедливо предостерегают против абсолютного доверия лингвистическому анализу гидро-и топонимов. Большинство этимологии можно считать только гипотетическими. Кроме того, гидронимический материал почти не поддается хронологизации [96]. Названия относятся к разным эпохам и отражают длительный и сложный исторический процесс, их нельзя рассматривать на одной плоскости, говорит Ф. П. Филин [97]. В связи с этим для темы о праславянах в I тысячелетии до н. э. наличие отдельных предположительно балтийских гидронимов на юг от Припяти теряет свою значимость. Ведь неясно, относятся ли они к глубокой подоснове или являются, наоборот, результатом относительно позднего проникновения в южное Полесье представителей балтийских племен? Кроме того, бесспорно, что присутствие отдельных иноязычных названий еще не может решать вопроса об этносе [98].

В связи со сказанным не могут не оставлять чувства неудовлетворенности доводы В. В. Седова по вопросу об этнической принадлежности милоградской культуры. Отметим, что если другие исследователи, говорящие о возможной принадлежности милогр адских памятников балтам (что, разумеется, совершенно не исключено), не приводят аргументации своих взглядов, то В. В. Седов пытается обосновать свою точку зрения и лингвистически и археологически. Он пишет: «Вопрос об этнической принадлежности городищ раннего железного века Верхнего Поднепровья и Белоруссии в настоящее время не является предметом дискусии. Все группы городищ этой территории (городища штрихованной керамики, западнодвинские, верхнеднепровские, верхнеокские, юхновские и милоградские) рассматриваются исследователями как памятники балтийских племен. Новейшие гидронимические исследования и новые археологические открытия заставили присоединиться к этому заключению и тех археологов, которые недавно считали часть этих городищ (милоградские и юхновские) славянскими или балтославянскими [99]. Как мы уже отмечали, далеко не всем археологам вопрос об этнической принадлежности милоградской культуры ясен. Новые археологические открытия, в первую очередь на Западной Волыни,— один из доводов, снижающих убедительность мнения о балтийской принадлежности милоградской культуры. Говоря о новейших гидронимических исследованиях, В. В. Седов имеет в виду книгу В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева. В то же время мы видели, что данных, приведенных в этом исследовании, совершенно недостаточно для определения этноса милоградских племен как балтийского. Мы видели, что балтийских гидронимов нет на Западной Волыни, где имеются древнейшие мил огр адские памятники. Они одиночны на Житомирщине, где милоградские памятники относятся к самым ранним этапам железного века. Ни одного балтийского гидронима нет

ным (например, хотя бы Припять). Наконец, многие гидронимы, попавшие в «балтийский» или «славянский» список, вообще едва ли подлежат такому определению, принадлежа балто-славянской общности...» (В. А. Н и к о н о в. Рецензия на книгу: В. Н. Т о п о р о в, О. Н. Т р у б а ч е в. Лингвистический анализ..., стр. 126).

[94] См., например: В. А. И л ь и н с к а я, А. И. Т е р е н о ж к и н. Новая находка блях с эмалями на Киевщине. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 145—149.

[85] Цит. по книге: Е. Ф. К а р с к и й. Белорусы, т. I. Варшава, 1903, стр. 43.

[96] Современное состояние знаний в этой области позволяет применять новые методы, прежде всего метод изучения топонимических типов. О новых методах в топонимике см.: В. В. М а р т ы н о в. Этногенез славян в свете новых лингвистических данных. Сб. «Вопросы этнографии Белоруссии». Минск, 1964, стр. 80, 81.

[97] Ф. П. Ф и л и н. Образование языка..., стр. 80.

[98] Многие топонимы балтийского происхождения могли быть усвоены славянами, а затем перенесены ими уже как собственные на территорию, где балтийского языка не было (В. А. Н и к о н о в. Рецензия на книгу: В. Н. Т о п о р о в, О. Н. Т р у б а ч е в. Лингвистический анализ..., стр. 124).

[99] В. В. С е д о в. Гидронимика и археология..., стр. 28.

на территории подгорцевской группы памятников, т. е. на юг от устья Припяти по правому и левому берегам Днепра и в устье Десны. Мало их, как мы уже говорили, и на более северных территориях. Напомним также, что милоградские памятники Южной Белоруссии не имеют пока под собой четкой местной подосновы.

На основании данных В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, В. В. Седов разделяет древних балтов на три крупные племенные группы, сопоставляя их с археологическими материалами.

Одним из слабых мест этого, в целом весьма интересного, построения является именно включение в балтийскую общность племен южной окраины лесной зоны — носителей милоградской культуры. На самом деле, считая носителей милоградской культуры балтами, В. В. Седов в то же время не может отнести их ни к одной из выделенных им трех групп: ни к голядской (названия с корнем «апе», окончанием «ея» — смоленское Поднепровье, средняя часть бассейна Западной Двины и примыкающие к Смоленщине районы Волго-Окского междуречья), ни к ятвяжской (гидронимы с окончанием «да» — Западная Белоруссия и Сувалкия) ни, наконец, к группе литовских или восточнолитовских племен (гидронимы с элементами «ия», «упе»идр.— правобережная часть Верхнего Поднепровья и бассейн Верхнего и Среднего Немана). В археологическом отношении последняя группа представлена культурой городищ со штрихованной керамикой. «Диалектная принадлежность племен юго-восточных районов древней балтийской территории (юхновская и милоградская культуры), — пишет В. В. Седов,— пока не поддается определению, что прежде всего связано с заметно меньшим числом сохранившихся здесь речных названий балтийского происхождения» [100]. Вывод В. В. Седова о балтийской принадлежности милоградской культуры противоречит и его мысли о сопоставимости гидронимических и археологических данных (на этих сопоставлениях построена работа), так как территория милоградской культуры далеко не совпадает с территорией, занятой балтийской гидронимикой, выходя на юге и юго-западе за ее пределы. Приведенная В. В. Седовым в более поздней его работе [101] по этому поводу ссылка на схематическую карту культур Верхнего Поднепровья с гладкостенной керамикой Х. А. Моора [102] ни в чем не убеждает, так как, во-первых, территория милоградской культуры в статье Х. М. Моора, еще не могла быть дана в ее уточненным виде; во-вторых, данные о южной границе балтийских гидронимов, приведенные Х. А. Моора в этой же работе [103] (по К. Буга), не подтверждают мнения В. В. Седова. О южной границе балтов вообще в раннем железном веке Х. А. Моора говорит следующее: «Между культурой балтийских и славянских племен не прослеживается резкой границы ни на юге, ни на западе. Пока мы не знаем даже того, следует ли считать наиболее южные из названных культурных групп (например, милоградскую) балтийской или славянской» [104].

К такому выводу Х. А. Моора пришел, не имея еще данных о юго-западных областях милоградской культуры. О южной границе балтийских гидронимов по работе В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, на которую прежде всего опирается В. В. Седов, мы уже достаточно говорили выше.

Характерно, что и в статье «Дреговичи» В. В. Седов, повторяя свое мнение о балтийской принадлежности милоградской культуры, приводит ряд интересных данных, относящихся уже к более поздним периодам. Так, В. В. Седов утверждает, что в I тысячелетии н. э. балтийского населения в южных районах дреговичской территории (районы, непосредственно примыкающие к Припяти) уже не было [105]. Если эти области в I тысячелетии до н. э.— начале I тысячелетия н. э. были, по мнению В. В. Седова, заселены балтами (что следует, если признать милоградскую культуру балтской), то куда же и когда бесследно пропало это население? Зарубинецкое население В. В. Седов также считает балтийским. Показательно, что приведенные здесь же данные археологии и гидронимики (В. В. Седов проводит южную границу балтийских гидронимов по К. Буге) со всей убедительностью подчеркивают стабильность области, занятой культурой городищ штрихованной керамики, вплоть до VIII в. н. э. [106] В. В. Седов избегает прямого решения вопроса о населении непосредственно поречья Припяти в ее левобережье и на примыкающих участках Поднепровья (территория милоградской культуры в Южной Белоруссии) в первой половине I тысячелетия н. э. [107], что понятно, так как об этом периоде здесь мы еще слишком мало

[100] Там же, стр. 29.

[101] В. В. Седов. Дреговичи, стр. 118, примечание.

[102] Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен, стр. 24, 25, рис. 4.

[103] Там же, стр. 11, рис. 1.

[104] Там же, стр. 25, 26.

[106] В. В. Седов. Дреговичи, стр. 119.

[106] Там же, стр. 117, рис. 2; стр. 121, рис. 4; стр. 122, рис. 5.

[107] Там же, стр. 121, 122.

знаем. Известно только, что области, расположенные в основном на юг от Припяти, были заняты в третьей четверти I тысячелетия н. э. славянским населением, археологическим наследием которого являются памятники типа Корчак.

Возвращаясь к работе В. В. Седова «Гидронимика и археология средней полосы Восточной Европы» [108], мы должны отметить неправильность самого метода, с позиций которого В. В. Седов подходит к решению важных и ответственных этнических вопросов. Нам представляется ошибочным делать столь общие выводы, основывая их только на гидронимическом материале, о недостатках которого так много говорят сами языковеды, без привлечения всего комплекса других лингвистических данных. Если вывод В. В. Седова о том, что выделить древнейший славянский ареал в Верхнем Поднепровье невозможно, очевидно справедлив для собственно верховий Днепра, то для Полесья и Среднего Поднепровья данных для такого утверждения, тем более на основании одной гидронимики, совершенно недостаточно. Еще Л. Нидерле предостерегал против возможности прийти к абсурдному выводу об отсутствии славянской прародины вообще, так как нигде нет территории с чисто славянской географической номенклатурой [109]. Так, территория милоградской культуры является одной из тех, где славянские гидронимы представлены в большом количестве и в наиболее чистом виде. Считаясь с этим, А. И. Тереножкин, как мы уже упоминали, не называет носителей подгорцевско-милоградской культуры балтийцами, говоря,,что этническую принадлежность их предстоит еще выяснить. Слово «балтийцы» на карте расселения праславян в I тысячелетии до н. э. он помещает выше Припяти, в области культуры штрихованной керамики [110]. Соглашаясь со схемой расселения древних этнических групп, изложенной В. Кипарским (согласно которой р. Припять отделяла славян от балтов), А. И. Тереножкин должен отказаться тем самым и от определения этноса как балтийского, по крайней мере для южных милоградских памятников и в том числе подгорцевской группы их. А П. Н. Третьяков, называвший, как мы упоминали ранее, носителей милоградской культуры «окраинными славянами», связывает славянизацию интересующих нас областей с зарубинецкой культурой [111].

Вернемся, однако, к докладу В. В. Седова «Гидронимика и археология средней полосы Восточной Европы», где им был выдвинут также ряд археологических «доказательств» балтийской принадлежности населения милоградской культуры. В опубликованных в печати тезисах доклада эти положения В. В. Седова остались неотражены. В то же время Б ходе прений по докладу выяснилось, что он придает им большое значение, считая их серьезными доказательствами своих положений. В частности, при постановке вопроса об этническом единстве культур Верхнего Поднепровья, в том числе и милоградской, В. В. Седов ставит во главу угла такие моменты, как характер жилищ и распространение отдельных типов булавок. Однако при анализе этих категорий (что мы достаточно подробно делали в соответствующих разделах этой работы) становится совершенно очевидной необоснованность высказанных В. В. Седовым суждений. Напомним, что милоградские однокамерные жилища с выступом выделяются своим своеобразием среди жилищ всех смежных культур Верхнего Поднепровья, часто рассчитанных на большой родовой коллектив, иногда многокамерных. Во всех этих случаях, а также в тех, когда жилища сооружались для одной семьи, они никогда не имели выступа по стене — непременного условия милоградских жилищ. Именно сравнение характера жилищ является одним из убедительных фактов, отличающих милоградскую культуру от смежной культуры городищ со штрихованной керамикой, от юхновских, смоленских, верхнеокских прибалтийских и других городищ. Сравнивая милоградские памятники с памятниками других культур раннего железного века в Верхнем Поднепровье, Е. А. Шмидт специально отмечает не только разный облик самих укреплений, резкие отличия в хозяйственной деятельности, формах керамики, орнаментации ее и т. д., но и разный характер жилищ, иные размеры их, в частности отсутствие в милоградской культуре

[108] В. В. Седов. Гидронимика и археология..., стр. 29. Общие положения В. В. Седова позже отражены в ряде опубликованных им статей. В. В. Седов. Балто-иранский контакт в Днепровском Левобережье. СА, № 4, 1965, стр. 52-62.

[109] Л. Нидерле. Славянские древности, стр. 31.

[110] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье, стр. 242, стр. 343, рис. 116. Несколько ранее А. И. Тереножкин в области, занятые древним праславянским единством, включал и южнобелорусские земли (А. И. Тереножкин. Некоторые актуальные вопросы скифоведения. «Доклады VI научной конференции ИА АН УССР». Киев, 1953).

[111] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги. История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, стр. 15, 16. Более подробно положения П. Н. Третьякова изложены в вышедшей уже после подготовки нашей работы к печати книге «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге» (М.— Л., 1966).

длинных домов — момент объединяющий, например, постройки на смоленских городищах со среднебелорусскими, верхнеокскими, прибалтийскими[112], юхновскими. С технической стороны отдельные общие приемы применялись при сооружении жилищ очень широко. В связи со сказанным, довод В. В. Седова об общности жилищ в культурах бесспорно балтийского круга и милоградской должен быть отвергнут самым решительным образом.

Другим археологическим доводом В. В. Седова за включение милоградской культуры в круг балтийских культур является распространение на ее территории, как и на территории других культур Верхнего Поднепровья, булавок с петлевидным навершием, оканчивающимся S-овидным завитком. Действительно, этот тип булавок является на милоградских памятниках одним из довольно распространенных. Однако мы уже писали выше о его центральноевропейском происхождении и широком распространении в раннем железном веке не только в Верхнем Поднепровье, но на огромных пространствах от Средней Европы и Прикарпатья, через Среднее Поднепровье и глубинные районы Левобережья, вплоть до лесостепной части бассейна Северного Донца[113]. В связи с этим совершенно неправильно использовать эти булавки как эталон при определении ареала древних балтийских племен [114]. Не более удачным представляется нам привлекать другой тип булавки (с ажурным навершием в виде заостренного книзу овала) тип, распространенный, как отмечает Р. Л. Розенфельдт, очень широко в Калужской, Смоленской, Курской, Харьковской, Полтавской областях и в Литве. Распространение этого типа булавок, по Р. Л. Розенфельдту, дает представление о сравнительно поздних этапах расселения балтийских племен — в первой половине I тысячелетия н. э.[115] Мы не останавливаемся сейчас на вопросе о том, правильно ли В. В. Седов и Р. Л. Розенфельдт определяют датировку этого типа украшений и считают его специфически балтийским.

[112] Е. А. Шмидт. Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий в железном веке. М., 1963, стр. 366. Диссертация.

[113] Б. А. Шрамко. Новые данные о добыче железа в Скифии. КСИА, вып. 91, 1962, стр. 75, рис. 28, *8*.

[114] В. В. Седов. Балто-иранский контакт..., стр. 54. Мы не согласны с высказанным здесь положением В. В. Седова о том, что «булавки... часто являются этнически определяющими предметами». Многообразие типов булавок в той же милоградской культуре — один из доводов, опровергающих это положение.

[115] Р. Л. Розенфельдт. Селище Певкин бугор. СА, 1963, № 3, стр. 224-228.

Во всяком случае, очевидно, что привлекать его в качестве одного из показателей балтийской принадлежности милоградской культуры, как это делает В. В. Седов, не следует. Ведь в раскопках милоградских памятников такая булавка не встречена ни разу, несмотря на то, что именно булавки являются здесь одним из самых распространенных типов украшений и представлены большим разнообразием типов[116].

Спорным представляется нам делать выводы этнического порядка на основании распространения грузиков «дьякова типа», которые в последнее время стали все чаще сопоставлять с балтами [117]. В. В. Седов связывает этот тип находок с восточнобалтийскими племенами [118]. Во всяком случае, мы должны отметить, что для памятников милоградской культуры грузики дьякова типа не характерны вовсе. Единственный обломок лепешкообразного грузика с насечками по краю (без выделенной ножки) обнаружен на Милоградском городище, т. е. на пограничной территории с городищами культуры штрихованной керамики. В 30 км южнее — на Горошковском городище — примерно на 600 самых разных грузиков не приходится ни одного грузика «дьякова типа» или близкого к ним обломка. В то же время в Средней Белоруссии грузики этого типа не являются такой уж редкой находкой; они широко распространены в верховьях Днепра на смоленских городищах, а также в северной части междуречья Днепра и Десны, встречаются на памятниках юхновской культуры на Верхней Десне и в верховьях Оки. Показательно, что грузики «дьякова типа» не встречены не только на мило-

[118] Опубликованный В. Н. Даниленко обломок, возможно являющийся частью булавки с плетеным навершием, происходит из сборов на Киевщине, известно еще несколько булавок близких типов из Среднего Поднепровья. Связь их с подгорцевскими памятниками, как кажется, не документирована. В этих же местах встречается керамика со следами штриховки на поверхности и ряд других изделий, относящихся к первой половине I тысячелетия н. э., найдены вещи с выемчатыми эмалями, что свидетельствует о проникновении сюда балтийских племен в послезарубинецкую эпоху (В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в Южной части Полесья УССР, стр. 201, рис. 3; В. И. Ильинская, А. И. Тереножкин. Новая находка блях с эмалями на Киевщине, стр. 145—149).

[117] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги, стр. 22, 23; см. также: П. Н. Третьяков. Рецензия на книгу: Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. СА, 1962, № 4, стр. 263.

[118] В. В. Седов. Балто-иранский контакт..., стр. 59, 60.

градских, но и зарубинецких памятниках [119]. Как методически неправильно представляется нам судить об этносе на основании одного гидронимического материала, вырванного из всего комплекса лингвистических данных, так не можем мы согласиться и с приемами В. В. Седова, которыми он пытается подтвердить свои выводы на археологическом материале. Не говоря уж о спорности положения, являются ли характер жилищ и технические приемы сооружения их, отдельные виды украшений и т. д. этническими признаками[120], отметим неправомерность сравнения не всех основных компонентов культуры, а только отдельных ее признаков. Совсем мало говорит распространение металлических (особенно из цветных металлов) типов вещей в связи с отсутствием местных источников сырья, обменом и широкими связями между отдельными группами населения в эту эпоху. Желая обосновать принадлежность милоградской культуры древним балтам, вероятность чего не отрицается и нами, В. В. Седов идет по линии отыскивания отдельных общих моментов, упуская из виду большие и принципиальные отличия во многих сторонах материальной культуры у милоградских племен с другими древними племенами Верхнего Поднепровья. Нам остается констатировать, что археологические доводы, которые приводит В. В. Седов в пользу своей точки зрения, ни в коей мере не могут решить вопроса об этническом определении милоградской культуры.

Подводя итоги раздела об этнической принадлежности милоградских племен, мы приходим к заключению, что если в нашем распоряжении нет решающих данных о принадлежности этих племен древнейшим предкам современных восточнославянских народов, то и те данные, на основании которых их сопоставляют с древними балтийскими племенами, пока недостаточно убедительны. Наоборот, наряду с важными лингвистическими доводами, ряд археологических данных, таких как далекое распространение на юго-запад милоградской территории на древнейших этапах культуры, относительная хронология милоградских памятников и др., как будто бы противоречат такому решению вопроса. Своеобразие милоградской культуры резко выделяет ее среди других культур раннего железного века Верхнего Поднепровья, связанных между собой многими общими чертами. Нет пока достаточных оснований сопоставлять ее и с западными балтийскими древностями типа восточнопрусских или мазурских древностей. Могли ли памятники милоградской культуры быть оставлены какой-то Несохранившейся, исчезнувшей еще в древности, неизвестной этнической группой, не оставившей никаких отчетливых следов ни в гидронимике, ни в других категориях лингвистических материалов? Могло ли существование совершенно чуждой славянам и балтам этнической группы пройти бесследно? П. Н. Третьяков, говоря об этнической принадлежности зарубинецкой культуры, справедливо, как нам кажется, указывает, что она не могла принадлежать ни балтам и ни славянам, а каким-то третьим, неизвестным племенам, так как «лингвисты, указывающие на длительные славяно-балтийские контакты и связи, не находят следов какого-то третьего языка, разделявшего восточных славян и балтов»[121]. То же самое рассуждение остается в силе и в применении к милоградской культуре.

Рядом исследователей зарубинецкая культура признается за славянскую, хотя прямые связи зарубинецких материалов с заведомо славянскими пока не прослежены. Такие доводы в пользу славянства зарубинецкой культуры, как «зарубинецкие поселения и; могильники не могли принадлежать древним балтийцам..., которые никогда не жили на Среднем Поднепрсвье»[122], «зарубинецкая культура... совсем не похожа на древности балтийских племен, а ее основная территория лежала вне пределов балтийской гидронимики»[123] полностью применимы и к милоградской культуре. На самом деле, почему же тогда милоградская культура, расположенная в области славянской гидронимики, частично занимающая Среднее Поднепровье (и никогда не бывшие балтийскими области Волыни) и также совсем «непохожая на балтийскую» (если допустить такое неточное определение) отнесена П. Н. Третьяковым в последнее время к древним балтам? Серьезными доводами за славянство зарубинецкой культуры является занятая ею и родственной пшеворской культурой территория и время существования

[119] П. Н. Третьяков. Рецензия на книгу: Е. И. Горюнова. Этническая история..., стр. 263. В. В. Седов ошибочно считает, что для милоградской культуры характерны типичные для юхновских памятников глиняные блоки, ссылаясь по этому поводу на наши, не подтверждающие это материалы (В. В. Седов. Балто-иранский контакт..., стр. 60).

[120] А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре. СА, 1964, № 4, стр. 3—10.

[121] П. Н. Третьяков. Рецензия на книгу: Е. И. Горюнова, Этническая история..., стр. 264.

[122] МИА, № 70, 1959, стр. 7. Введение.

[123] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги, стр. 16.

•этих памятников — в конце I тысячелетия до н. э.— начале I тысячелетия н. э., что позволяет сопоставить эти данные с первыми свидетельствами о венедах.

В связи с этим большое значение имеет вопрос о происхождении зарубинецкой культуры, о ее подоснове, в данном случае — о характере взаимоотношений милоградского и зарубинецкого населения. Этого сложного вопроса, на окончательное решение которого, в силу недостаточности материалов, рассчитывать пока не приходится, мы уже не раз касались как в этой, так и в других работах. На основании материалов, которыми мы располагаем, можно думать, что поздние этапы существования милоградских племен в Южной Белоруссии совпадают с зарубинецким временем и культурой. Памятники зарубинецкой культуры сопутствуют милоградским и на поздних этапах существования последних перекрывают их. Мы можем сейчас говорить не столько о прямой генетической преемственности, сколько о сосуществовании этих групп при значительной близости как территории, так и многих элементов в материальной кулвтуре того и другого населения, в частности близости в погребальном обряде [124]. Напомним приведенное выше совершенно обоснованное мнение П. Н. Третьякова о том, что таких тесных контактов, как у милоградских и зарубинецких племен, мы не наблюдаем ни в одной другой группе памятников Верхнего Поднепровья [125]. Действительно, характер контактов зарубинецкой культуры с этими группами (городищами штрихованной керамики, смоленскими и др.) принципиально иной, чем с милоградской культурой, где, насколько можно судить, нет оснований говорить ö приходе враждебных населению племен. В то же время это установлено для других групп Верхнего Поднепровья, где распространилась зарубинецкая культура. Например, на Смоленщине исследователи отмечают резкую смену материальной культуры, прекращение жизни на городищах или полную перестройку их [126]. То же характерно и для других культур. Не раз уже отмечалось, что северная граница распространения зарубинецких памятников в целом близка северной границе милоградской культуры[127]. Скорее всего в общем комплексе данных это следует расценивать как еще одно, дополнительное свидетельство близости, а может быть и родственности милоградскому населению зарубинецких племен и враждебных отношений тех и других с чуждыми им племенами Средней Белоруссии. Бесспорно, при более основательном изучении позднемилоградских и зарубинецких памятников роль этих племен в процессе формирования славянского населения в Поднепровье удастся значительно уточнить.

Отметим в заключение, что решение вопроса о роли тех и других в этом процессе упирается также и в трудности методического характера. Напомним мнение большинства лингвистов, упорно обращающих внимание археологов на то, что генетические связи и преемственность в материальной культуре — явления далеко не равнозначные [128]. Отрицание генетической преемственности только на основе отсутствия непрерывной линии развития в материальной культуре рассматривается ими как недопустимое упрощение при решении этногенетических проблем. В среде археологов также все чаще и чаще раздаются голоса, протестующие против слишком прямолинейной трактовки этногенётического процесса, когда последний представляется как восхождение по прямой, как нечто неизменное целое. Такой подход расценивается как антиисторический [129]. Справедливо отмечается, что «генетические корни той или иной культуры нередко расходятся в разные стороны, и какому из этих корней отдать предпочтение, как основному, связанному с языковой преемственностью, установить невозможно»[130]. П. Н. Третьяков считает, что спор о происхождении зарубинецкой культуры ведется с неверных позиций, что «на рубеже нашей эры... главным содержанием этногенетического процесса являлась не дифференциация племен и культур, а их интеграция или консолидация,

[124] Близость эта более значительна, чем, например, по сравнению с обрядом в культурах лесостепной полосы Среднего Днепра скифского времени. А. П. Смирнов считает, что резкие отличия в погребальном обряде последних от обряда зарубинецких племен делают неприемлемым тезис о происхождении зарубинецкой культуры от племен скифского времени лесостепи (А. П. Смирнов. Некоторые нерешенные задачи археологии раннего железного века. КСИА, вып. 94, 1963,-стр. 6).

[125] П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ..., стр. 40, 42.

[126] П. Н. Третьяков. Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, стр. 24, 40.

[127] П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ..., стр. 42; Он ж е. Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги, стр. 21.

[128] См., например: Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян, стр. 68.

[129] В. П. Петров. Давнi слов'яни та ix походження, стр. 44.

[130] Л. С. Клейн. Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии Академии наук УССР. СА, XXII, 1955, стр. 271.

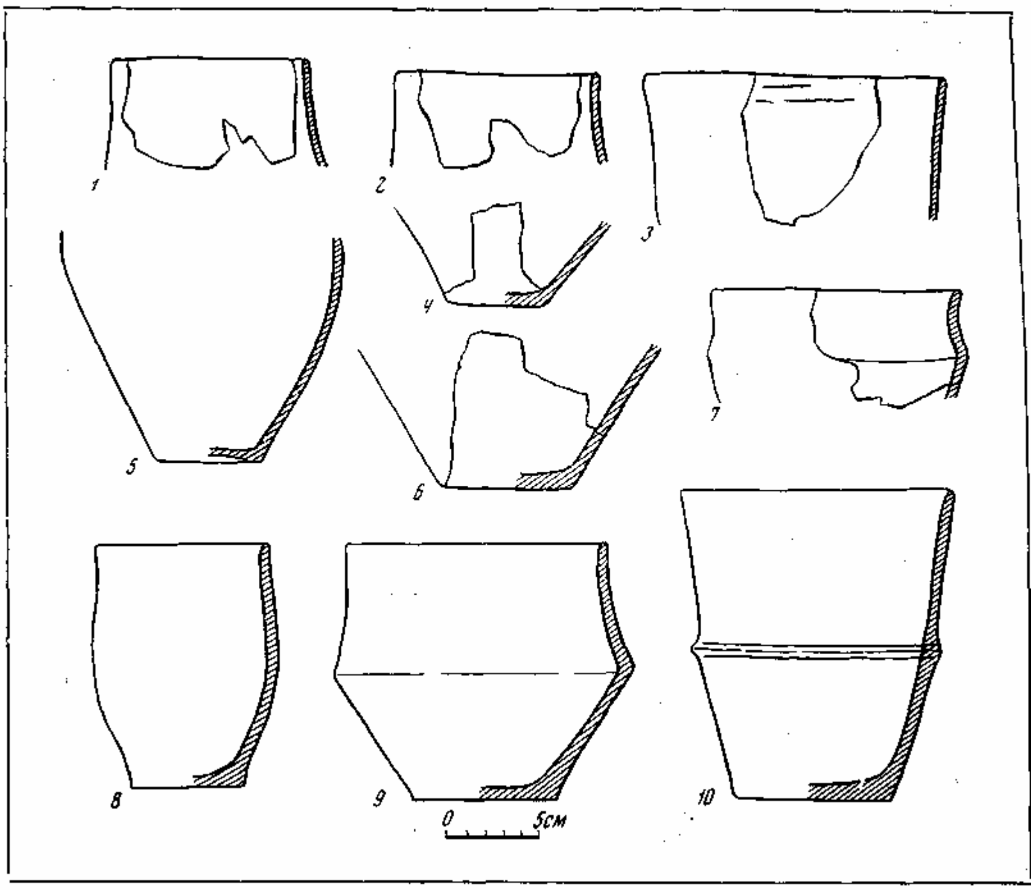

Рис. 66. Сосуды послезарубинецкого времени (типа Колочинского I городища и Ново-Быховского могильника) с милоградских памятников Южной Белоруссии

охватывающая прежде всего родственные, а иногда, при определенных условиях, и чуждые друг другу племена»[131].

Неясным остается вопрос о конкретных формах участия потомков милоградского населения в дальнейшем развитии общества, в частности в Южной Белоруссии уже в послезарубинецкоё время. Памятники II—V вв. н. э. здесь только начали изучать. Как будто бы в материальной культуре этого времени еще ощутимы не только зарубинецкие, но и милоградские традиции. К этому времени относятся материалы из раскопок белорусского археолога Л. Д. Поболя [132] на юге Могилевской области.

Трудно пока судить, в какой связи находятся эти находки с материалами II—V вв. н.э. Киевщины и других районов Северной Украины в Поднепровье, например, с памятниками типа Клепчи, откуда известны изделия с выемчатыми эмалями.

Последующий период на территории Полесья и смежных участков Поднепровья, как и в других районах, характеризуется значительными изменениями, нашедшими отражение в материальной культуре. Поселения и городища этого времени на север и юг от Припяти, насколько мы пока знаем, носят уже иной характер. На север от Припяти — на территории Гомельщины и в смежных областях Верхнего Поднепровья — получают распространение памятники типа Колочинского I городища [133] и Ново-Быховского поля погребений с трупосожжени-

[131] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги, стр. 20.

[132] Л. Д. Побаль, А. Г. Митрофанов. Проблема расселения славян на тэрыторыі Беларусі ў I тысячагоддзі н. э. «Весці Акадэміі Навук Беларускай ССР», № 2. Серыя грамадскіх навук. Мінск, 1966, стар. 43—53.

[133] Э. А Сымонович. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, № 108, 1963, стр. 97—137.

ями[134]. Керамика колочинского типа иногда присутствует в качестве незначительных включений в верхних слоях милоградских и зарубинецких городищ. Облик ее резко отличен от керамики как тех, так и других (рис. 66). Вещи, найденные при раскопках Колочинского I городища, представлены чрезвычайно скудно— явление общее почти для всего Верхнего Поднепровья в эпоху переселения народов — как следствие изоляции территории, нарушения внешних связей, более определенных и прочных на предшествующих этапах.

На юг от Припяти — на древнейшей милоградской территории в это время получают распространение памятники Корчакского типа, имеющие некоторые отличия от материальной культуры памятников типа Колочин I — Новый Быхов. Памятники типа Корчак занимают притоки Припяти с включением бассейна Тетерева, доходя на западе до верховьев Южного Буга, а на севере переходя местами за Припять[135]. Отдельные находки типичной корчакской керамики известны и в Верхнем Поднепровье, например, у Колочинского I городища[136].

Памятники типа Корчак представлены неукрепленными поселениями, курганными и бескурганными могильниками с сожжениями. Как и в более северных районах, здесь почти нет металла, что чрезвычайно затрудняет датирование. В широких рамках дата той и другой группы памятников, по-видимому, не выходит за пределы VI—VII, может быть VIII вв. н. э.[137] Как в Южной Белоруссии, так и на Украине мы не можем, разумеется, говорить ни о каких прямых генетических связях культуры милоградского населения с культурой населения столь отдаленной от них эпохи, тем более учитывая неизученность промежуточных звеньев. Однако в последнее время В. П. Петров обратил внимание на близость погребального обряда в милоградских курганах Житомирщины и курганах с погребениями типа Корчак[138]. Отмечая отсутствие признаков преемственности между зарубинецкими памятниками и памятниками типа Корчак, В. П. Петров указывает на значительную роль в сложении последних местной дозарубинецкой основы. Корчакские погребения В. П. Петров рассматривает как позднейшую модификацию милоградских. Действительно, близость погребального обряда тех и других обращает на себя внимание, во всяком случае свидетельствуя о воздействии на культуру позднего населения традиций местной культуры раннего железного века. Мы упоминали также и о близости отдельных жилищ на корчакских поселениях древним милоградским постройкам[139]— довод, который, впрочем, не следует переоценивать. Интересен факт совпадения значительной части территории милоградской культуры с территорией, занятой памятниками типа Корчак[140]— одного из восточных вариантов древней славянской культуры.

В целом вопрос о судьбах милоградского населения, по глубокому нашему убеждению, не может рассматриваться в отрыве от проблемы происхождения восточных славян, так как потомки носителей этой культуры бесспорно вошли как один из важных компонентов в состав тех древнерусских племен Полесья и Поднепровья, о которых сообщает Начальная ле^топись.

[134] К. М. Поликарпович. Археологические исследования в БССР в 1945—1953 гг. «Материалы по археологии БССР», т. I. Минск, 1957, стр. 21.

[135] В. В. Седов. О юго-западной группе восточнославянских племен. «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 199, рис. 2, стр. 202, рис. 3.

[136] Э. А. Сымонович. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, № 108, 1963, стр. 128, рис. 27, *7*.

[137] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 25; Э. А. Сымонович. Городище Колочин I на Гомельщине, стр. 135.

[138] В. П. Петров. Памятники типа Корчак. МИА № 108, 1963, стр. 34—37.

[139] О. Н. Мельниковская. Памятники раннего железного века Юго-Восточной Белоруссии. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 19.

[140] П. Н. Третьяков. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. М., 1958, стр. 10, рис. 2; В. В. Седов. Дреговичи, стр. 121, рис. 1.

Материалы к археологической карте

Ниже приводится схема расположения и перечень археологических памятников (200 пунктов), на которых обнаружены материалы милоградской культуры. В одних случаях на памятниках произведены более или менее большие исследования, в других — разведочная шурфовка, зачистка, сбор материала, позволившие определить их культурную принадлежность. Милоградская принадлежность тех памятников, на которых материала недостаточно для точного определения, отмечена с вопросительным знаком. В перечне упомянуты некоторые археологические памятники, тесно связанные с приведенными здесь милоградскими территориально; среди них прежде всего те, милоградская принадлежность которых возможна (городища, поселения с лепной керамикой). В отличие от милоградских, они не имеют порядкового номера. В то же время в материалах к археологической карте не получило никакого отражения огромное количество городищ (их в Южной Белоруссии известно пока более четырехсот при больших необследованных пока пространствах), поселений и других видов памятников, культурная принадлежность которых пока не выяснена. Напомним, что опыт работы на городищах Гомельщины показывает, что каждое городище, подвергнутое даже незначительным исследованиям, неминуемо дает в основании слоев материалы милоградской культуры. Отдельные микрорайоны, обследованные относительно детально, показывают высокую насыщенность памятниками милоградской культуры (район Горошковского и Асаревичского городищ, окрестности г. Турова и др.). Все это позволяет утверждать, что при более обстоятельном изучении Южной Белоруссии, где нами сделаны по сути дела первые шаги, количество памятников милоградской культуры будет измеряться не сотнями, а тысячами.

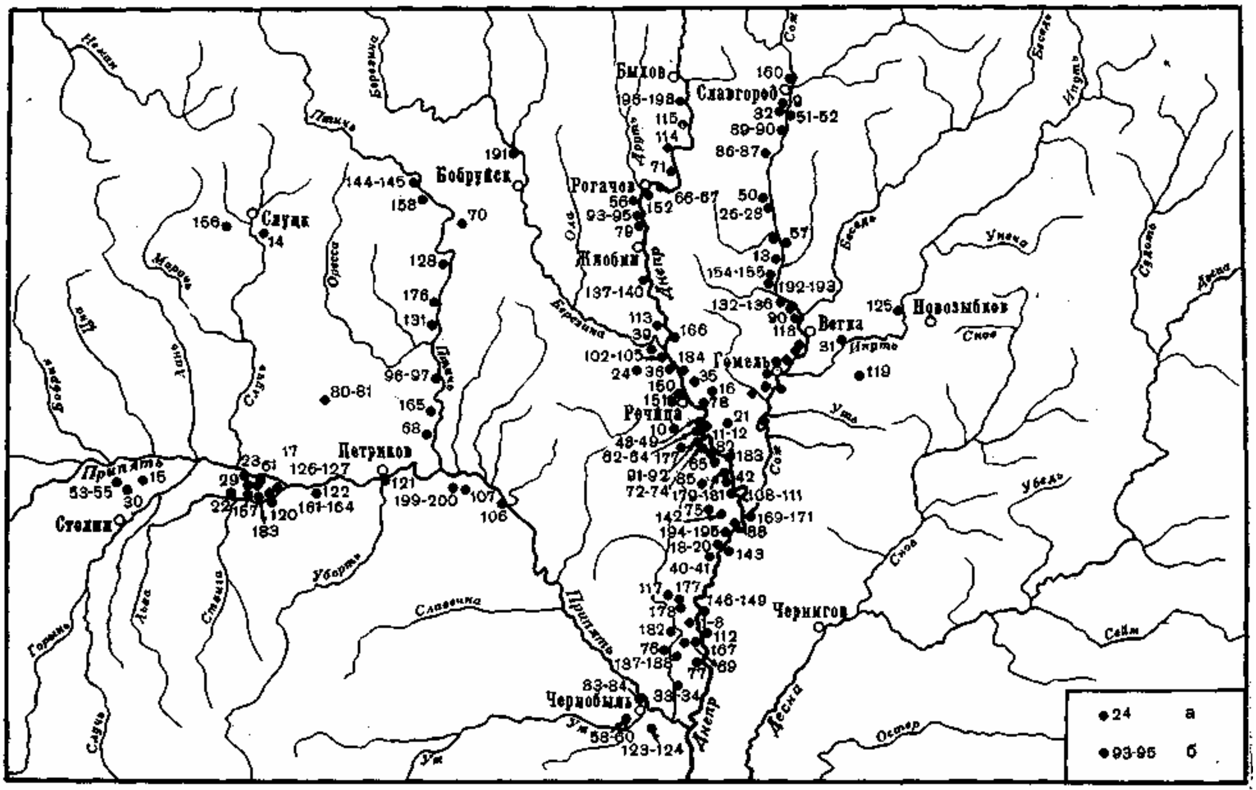

Рис. 67. Схема расположения памятников милоградской культуры на территории Южной Белоруссии
а — отдельный памятник; б — группа памятников, расположенных вблизи друг от друга

Перечень памятников составлен в алфавитном порядке. Порядковому номеру списка соответствует номер на карте. Кроме названия населенного пункта, указывается река, правый или левый берег ее (кроме глубинных районов, где приводится только название реки), название урочища, отмечается вид памятника (городище, поселение, курганный могильник, грунтовой могильник, находки керамики) и культурная принадлежность его. В тех случаях, когда это возможно, приводятся данные о наличии на памятнике не только милоградских культурных остатков, но и материальных остатков других культур и эпох, начиная с эпохи раннего железа. Эти данные приведены в краткой условной форме. Сокращение «мил», обозначает отложения милоградской культуры; «пггрих.»— культуру штрихованной керамики; «заруб.»—зарубинецкую культуру; «послезаруб».— следы культур с лепцой керамикой послезарубинецкого времени (типа Ново-Быховскогф могильника и Колочинского I городища); «К. Русь»- отложения эпохи Киевской Руси; «поздн. гончарн.»-- послекиевский период.

Кроме памятников на территории Южной Белоруссии, на карту и в список включено несколько пунктов; на прилегающих участках украинских земель, обследованных в ходе работ Славянской экспедиции или других экспедиций Института Археологии АН СССР. Естественно, что значительная группа памятников подгорцевского типа, а также милоградские памятники Волыни и других территорий, уходящие за пределы нашей темы, не могли быть включены в нашу карту.

Перечень археологических памятников милоградской культуры Южной Белоруссии

I—8. Дер. АСАРЕВИЧИ, р. Днепр, правый берег.
1. Урочище Городок. Городище. Мил.
2. Урочище Городок. Грунтовой могильник с трупосожжениями при городище. Мил.
3. Урочище Трасте. Поселение. Мил., заруб.
4. Урочище Майдан. Поселение. Мил., заруб., послезаруб.
5. Урочище Новинка. Курган. Находки керамики на поверхности. Мил.
6. Урочище Селище. Поселение. Мил., поздн. гончарн.
7. Урочище Камень. Поселение. Мил., поздн. гончарн.
8. Урочище Усох. Поселение. Мил (?).
9. Дер. БАРСУКИ (БАРСУКОВКА) р. Сож, правый берег. Урочище Лобовка. Поселение. Мил., заруб., послезаруб.
10. Дер. БЕЗУЕВ, р. Днепр. Два городища. На одном из них милоградская керамика. Аналогичное городище без находок.
II—12. Дер. БЕЛЫЙ БЕРЕГ, р. Днепр, левый берег. Урочище Озеро Святое. Два пункта с находками милоградской керамики.
13. Дер. БЕРДЫЖ, р. Сож, правый берег. Урочище Кокйвня. Находки милоградской керамики.
14. Дер. БОЛЬШАЯ СЛИВА, р. Случь, левый берег. Урочище Церковщина. Городище, Мил.
15. Дер. БОР ДУБИНЕЦКИЙ (ГРУШЕВКА), р. Горынь, левый берег. Курганы, более 20 насыпей. Мил.
16. Дер. БОРХОВ, р. Днепр, левый берег. Урочище Бобров хутор. Городище. Мил. « Другое аналогичное в дер. Борхов.
17. Дер. БУЙРАВЬ, р. Припять, правый берег. Окрестности г. Турова. Урочище Казаргать. Поселение (?) могильник. Мил., заруб.
18—20. Дер. БЫВАЛЬКИ, р. Днепр, правый берег.
18. На территории правления колхоза. Поселение Мил.
19. Урочище Катавина. Городище. Мил. (?) Урочище Катавина. Поселение при городище.
20. Южнее деревни, по направлению к дер. Тесны. Поселение. Мил (?), заруб.
21. Дер. БАВИЛЕВ, р. Днепр, левый берег. Городище. i Мил.
22. Дер. ВЕЛЕМИЧИ, р. Горынь, правый берег. Находки милоградской керамики на зарубинецком могильнике.
23. Дер. ВЕРЕСНИЦА, р. Припять, правый берег. Поселение. Мил., заруб.. К. Русь.
24. Пос. ВОЛОДАРСК. р. Днепр. Урочище Городок. Городище, Мил. Городища близ поселка в урочище Ульянин, к западу от поселка, к юго-востоку от поселка, у дер. Погулянка. Сведения не проверены.
25. Дер. ВОЛОТОВО, р. Сож, правый берег. Городище. Мил.
26—28. Дер. ВОРНОВКА (Быв. ЛЯДЦЫ), р. Сож, правый берег.
26. Урочище Гренск. Городище. Мил., заруб., штрих. (?)
27. Урочище Гренск. Поселение при городище.Мил.
28. Урочище Гренск. Могильник (?) при городище. Мил. (?) Близ дер. Ворновки в деревнях Верхи и Сапожки —. находки милоградской (?) керамики.
29. Дер. ВОРОНИНО, р. Припять, правый берег. Находки милоградской керамики на зарубинецком могильнике.
30. Хут. ВУЛЬКА ОРЕЯ, р. Горынь, левый берег. Урочище Голяшевополе. Курганный могильник, около 20 насыпей. Мил.
31. Дер. ВЫЛЕВО, р. Ипуть, правый берег. Урочище Городец. Городище. Мил.
32. Дер. ГАЙШИН, р. Сож, правый берег. Урочище Пиковарня. Находки милоградской (?) керамики. Близ деревни — городище.
33—34. Дер. ГДЕНЬ, р. Брагинка, левый берег.
33. Урочище Селище. Мил. (?)
34. Урочище Дегатны. Находки милоградской (?) керамики. Урочище Городок. Городище.
35. Дер. ГИРОВ (ГЕРОВ), р. Днепр, левый берег. Городище. Мил. (?)
36. Дер. ГЛЫБОВ, р. Днепр, правый берег. Урочище Городок. Городище. Мил.
37—38. Г. ГОМЕЛЬ, пристань, р. Сож, правый берег.
37. Городище, Мил. (?), К. Русь.
38. Урочище Астахнова гора. Мил.
39. Дер. ГОРВАЛЬ, р. Днепр, правый берег, устье р. Березины. Урочище Городок. Мил. (?), К. Русь. Другое городище близ школы. Поселок Городок, левый берег р. Березины. Городище. Близ дер. Белый Берег на левом берегу р. Березины — городище (?)
40—41. Дер. ГОРОДОК, на юг от г. Лоева, р. Днепр, правый берег.

40. Урочище Груд или Грудка. Городище. Мил., заруб.
41. Поселение при городище. Мил?, заруб., К. Русь. Могильник (?), заруб. (?)
42. Дер. ГОРОДОК, на север от г. Лоева, р. Днепр, правый берег. Урочище Городок. Городище. Мил.
43—49. Дер ГОРОШКОВ, р. Днепр, правый берег.
43. Урочище Городок. Городище. Мил., заруб., К. Русь (единичные черепки).
44. Грунтовой могильник при городище и на площадке городища. Мил. Грунтовой могильник при городище. Заруб.
45. Поселение. Мил.
46. Урочище Борки. Поселение. Мил. заруб.,
47. Близ школы. Находки милоградской керамики.
48. Урочище Гривка. Находки милоградской керамики.
49. Урочище Соснов. Находки милоградской керамики.
50. Дер. ДОБРУШ, (НОВЫЙ МЛЫН), р. Сож, правый берег. Урочище Городок. Городище. Мил.
51—52. Дер. ДУБНА, р. Сож, левый берег.
Урочище Бышарино поле и урочище Подмуглевье. Находки керамики милоградского и зарубинецкого типов.
Между дер. Дубной и дер. Старой Каменкой. Городище.
53—55. Дер. ДУБОЙ, р. Горынь, левый берег. Урочище Задубенье.
Курганный могильник из 60 насыпей. Мил.
Здесь же. Поселение. Мил. (?)
Дер. Дубой, хут. Дмитерка, три кургана. Мил. (?)
56. Дер. ЗАДРУТЬЕ, р. Днепр, правый берег. Урочище Городок. Городище. Мил (?), заруб. (?)
58—60. Дер. ЗАЛЕСЬЕ, р. Днепр, правый берег.
58. Грунтовой могильник. Мил.
59. Урочище Цегельня. Поселение. Мил.
60. Близ Залесья у дер. Гапоновичи. Грунтовой могильник или поселение. Мил.
61. Дер. ЗАПЕСОЧЬЕ, р. Припять, правый берег. Поселение. Мил.
62—64. Дер. ЗАСПА, р. Днепр, правый берег.
62. Поселок Городок. Крахмальный завод. Городище. Мил.
63. Дер. Заспа. Поселок Брагибор или Красный мост. Кирпичный завод. Городище. Мил., К. Русь.
64. Дер. Заспа. Урочище Уборок. Поселение. Мил., заруб., К. Русь.
Центр деревни. Городище.
65. Дер. ЗАУЖЕЛЬ,р. Днепр, правый берег. Городище. Мил.
66—67. Дер. ЗБОРОВО, р. Днепр, левый берег.
66. Городище. Мил., штрих., К. Русь.
67. Поселение при городище. Мил. (?), К. Русь.
68. Дер. ИВАШКОВИЧИ, р. Птичь, правый берег. Урочище Скавшинское. Поселение. Мил., К. Русь.
69. Пос. КАПОРИНКА, р. Брагинка, левый берег. Урочище Остров Городок. Городище. Мил.
70. Пос. КАСТРИЧНИК (ОКТЯБРЬ), р. Птичь, левый берег. Урочище Городок. Поселение, или городище. Мил. (?), послезаруб.
7.1. Дер. КИСТЕНИ, р. Днепр, правый берег. Городище. Мил., штрих.
72—74. Дер. КОЛОЧИН, р. Днепр, правый берег.
72. На север от дер. Колочинское I городище. Мил., заруб., послезаруб.
Поселение при городище.
73. На юг от деревни — Колочинское II городище Мил.
74. Поселение при втором Колочинском городище. Мил.
75. Дер. КОЛПЕНЬ, р. Днепр, правый берег. Урочише Рудавец. Городище. Мил.
76. Дер. КОЛЫБАНЬ, р. Брагинка, правый берег. Урочище Бабы. Поселение. Мил. (?) Городище.
77. Поселок КОМАРИН, р. Днепр, правый берег. Северная окраина. Находки керамики. Мил. (?) Заруб. (?)
78. Дер. КОПАНЬ, р. Днепр, левый берег. Городище. Мил.?
79. Дер. КРАСНАЯ ГОРКА, р. Днепр, правый берег. Городище. Мил., заруб., штрих.
80—81. Дер. КРАСНАЯ ГОРКА (БУДА) - ДЬЯКОВИЧИ, р. Припять. Два городища. Мил.
82. Дер. ЛЕВАШИ, р. Днепр, правый берег. Городище. Мил., К. Русь.
83—84. Дер. ЛЕЛЁВ, р. Припять, правый берег. Урочище Дедов ров (Городок). Городище. Мил., К. Русь.
Поселение на юг от городища. Мил., К. Русь.
85. Дер. ЛИПНЯКИ,- дер. ВОЛКОШАНКА, р. Днепр. Городище. Мил.? Городище между дер. Уборок и дер. Прокисель (возможно тоже, что у дер. Липняки).
86—87. Дер. ЛИТВИНОВИЧИ, р. Сож, правый берег.
86. Урочище Городок или Полоцкий круг. Городище. Мил.
87. Урочище Телец. Поселение. Мил (?)
88. Г. ЛОЕВ, р. Днепр, правый берег. На юго-запад от Лоева. Урочище Попова гора, Городище. Мил.
На северо-запад от Лоева. Урочище Грегорово поле. Городище.
89—90. Пос. ЛУНАЧАРСК, (Быв. Андружжа), р. Сож, правый берег.
89. Урочище Городок. Городище. Мил., заруб., штрих.
90. Поселение. Мил., штрих., К. Русь.
91—92. Пос. ЛУНАЧАРСК (Быв. Бригидов), р. Днепр, правый берег.
91. Городище. Мил., заруб., К. Русь.
92. Поселение при городище. Мил. (?), заруб. (?) К. Русь.
Урочище Курганы. Поселение.
93—95. Дер. ЛУЧИН, р. Днепр, правый берег.
93. Урочище Попова гора. Городище. Лучинское II, Мил. послезаруб. (?) К. Русь.
Городище Лучинское I. К. Русь.
94. Урочище Борок на Левом берегу р. Днепра, против деревни. Находки керамики. Мил., заруб.
95. Урочище Сосонки, правый берег Днепра, на юг от деревни. Находки керамики. Мил. (?).
96—97. Дер. ЛУЧИНА, р. Птичь, правый берег.
96. Поселение. Мил., заруб. (?).
Урочище Цитовицкое, на левом берегу р. Птичь. Городище.
97. Поселок Красное (Червоное поле), близ дер. Лучицы, правый берег. Поселение. Мил. (?), заруб. (?).
98—99. Г. ЛЮБЕЧ, р. Днепр, левый берег.
98. Урочище Замок или Замковая гора. Городище. Мил., заруб., ромен., К. Русь.
99. Урочище Лысица. Городище. Мил
Урочище Кораблище к юго-западу от г. Любеча. Городище.
Дер. Кукары близ г. Любеча. Городище.
100—101. Дер. ЛЮБНЫ, р. Сож, правый берег.
100. Городище. Мил., К. Русь.

101. Грунтовый могильник на площади городища. Мил.
102-105. Пос. МИЛОГРАД, р. Днепр, правый берег.
102. Урочище Колеевка. Городище. Мил., заруб.
103. На север от городища. Поселение. Мил., заруб.
104. На юг. от городища. Поселение. Мил. (?), заруб.
105. Между нос. Милоград и дер. Береговая слобода. Поселение. Мил. (?)
106. Г. МОЗЫРЬ, р. Припять, правый берег. Урочище Кимборовка (гора Цымбар). Городище. Мил., К. Русь.
Урочище Гора Коммунаров в центре города. Городище.
107. Дер. МОИСЕЕВКА, р. Припять, правый берег. Урочище Городок (близ Макова болота). Городище. Мил.
108—111. Дер. МОХОВ, р. Днепр, правый берег.
108. Между дер. Мохов и дер. Сутков, на север от дер. Мохов. Городище. (Моховское I) Мил.
109. При Моховском I городище, за его валами и на площадке городища. Грунтовой могильник.Мил.
110. На юг от Моховского I городища. Находки керамики. Мил.
111. На юг от дер. Мохов. Городище (Моховское II). Мил., заруб.
112. Дер. НЕДАНЧИЧИ, р. Днепр, левый берег. Урочище Городок. Городище. Мил., К. Русь.
Урочище Высокая гряда. Городище
Урочище Заводы. Городище.
Севернее дер. Неданчичи у дер. Губичи, в урочище Копачев. Городище.
113. Дер. НИЖНЯЯ ОЛБА, р. Днепр, правый берег. Урочище Поляна. Поселение. Грунтовой могильник. Мил., заруб., послезаруб., штрих.
114. Дер. НИЖНЯЯ ТОЩИЦА, р. Днепр, правый берег. Поселение. Могильник (?). Мил., заруб., послезаруб.
115. Дер. НОВЫЙ БЫХОВ, р. Днепр, правый берег. Урочище Гора Ратышева. Поселение. Мил., К. Русь.
116. Г. Новая Белица, р. Сож, левый берег. Северо-восточная окраина. Находки керамики. Мил.
117. Дер. НОВАЯ ГРЕБЛЯ — дер. ХРАКОВИЧИ, р. Брагинка, левый берег. Урочище Хистына (Хистйво), возле хут. Городище. Городище. Мил.
118. Дер. НОВОСЕЛКИ, р. Сож, правый берег. Городище. Мил. (?)
Недалеко от дер. Новоселки, в дер. Радуга. Городище.
119. Дер. ОЗАРИЧИ, р. Ипуть, левый берег. Урочище Глинище или Городок. Городище. Мил., заруб.
120. Дер. ОЗЕРАНЫ,— дер. БЕЧИ (БЕЧАНЫ), р. Припять, правый берег. Городище. Мил.
121. Г. ПЕТРИКОВ, р. Припять, правый берег. Близ кирпичного завода. Поселение. Мил. (?) К. Русь,
122. Дер. ПЕРЕРОВ, р. Припять, правый берег. Поселение. Мил.
123—124. Дер. ПЛИТОВИЩЕ, р. Днепр, правый берег. Урочище Яновка или Яновская поляна.
123. Поселение. Мил.
124. Грунтовой могильник. Мил.
125. Пос. ПОБЕДА — дер. СТАРЫЕ БОБОВИЧИ, р. Ипуть, правый берег. Урочище Студенец. (Городец). Городище. Мил. (?), юхн. (?)
Дер. Новые Бобовичи. Городище.
126—127. Дер. ПОГОСТ, р. Припять, правый берег.
126. Поселение. Мил., заруб.
127. Грунтовой могильник. Мил.
128. Дер. ПОДЛУЖЬЕ, (ПОБЛИН 2), р. Птичь, правый берег. Поселение. Мил. (?), заруб. (?).
129—130. Дер. ПОКОЛЮБИЧИ, р. Сож, правый берег.
129. С восточной стороны деревни. Городище-(Поколюбичское I). Мил., заруб. (?), штрих. (?)• При городище поселение.
130. На юго-восток от Поколюбичского I городища Поколюбичское II городище. Мил., заруб., штрих. (?)
При городище поселение.
131. Дер. ПОРЕЧЬЕ — дер. РЖАНОВ, р. Птичь, правый берег. Поселение. Мил.
Городище (?).
Грунтовой могильник (?).
132—136. Дер. ПРИСНО, р. Сож, правый берег.
132. Северный конец деревни. Городище (Присненское I) Мил.
133. Поселение при Присненском I городище. Мил.
134. Урочище Замостевье (Пески). Грунтовой могильник (?). Мил. (?).
135. Урочище Хомкин рог (Борок). Городище. (Присненское II) Мил.
136. Поселение при Присненском II городище. Мил.
137—140. Дер. ПРОСКУРНИ, р. Днепр, правый берег.
137. На север от деревни. Городище. Мил., штрих., послезаруб.
138. Поселение при городище. Мил., штрих.
139. Грунтовой могильник (?) при городище. Мил.
140. К югу от деревни. Поселение. Мил.
141. Дер. ПРУДОК, р. Сож, правый берег. Городище. Мил., заруб.
142. Пос. ПУСТАЯ ГРАДА, р. Днепр, правый берег. ,
Урочище Липов стан. Городище. Мил.
143. Дер. РАДУЛЬ, р. Днепр, левый берег. Поселение. Мил.
Городище.
144—145. Дер. РАДУТИЧИ, р. Птичь, правый берег.
144. Урочище Городок. Городище. Мил., заруб., штрих.
145. Поселение. Мил.
Грунтовой могильник (?).
146—149. Дер. РАДЬКОВКА, р. Днепр, левый берег.
146. Южная окраина деревни. Городище.
(Радьковское I). Мил. (?)
147. Озеро Речище — озеро Затон. Городище. (Радьковское П.).
148. Урочище Радьковский бор. Поселение., заруб. (?).
149. Дер. Радьковка — дер. Мысы. Поселение. Мил.
150—151. Г. РЕЧИЦА, р. Днепр, правый берег.
150. Городской парк. Городище. Мил., К. Русь.
151. Судоверфь. Городище. Мил., К. Русь. Совхоз в нос. Городок. Городище. Возможно совпадение с № 151.
Близ г. Речицы у дер. Озерщина. Городище.
152. Г. РОГАЧЕВ, р. Днепр, правый берег. Урочище Замковая гора. Городище. Мил., штрих., К. Русь.
153. Дер. РУДНЯ МАРИМОНОВА, р. Днепр, левый берег. Урочище Городок. Городище. Мил.
На юг от дер. Рудни Маримоновой в дер. Рудне Каменевой. Городище.
154—155. Дер. СЕБРОВИЧИ, р. Сож, правый берег.
154. Урочище Городок. Городище. Мил.
155. Урочище Линовка близ городища. Поселение. Мил.
156. Дер. Селище, р. Случь, правый берег. Городище. Мил., штрих. К. Русь.

157. Дер. СЕМУРАДЦЫ, р. Припять, правый берег. Поселение. Мил.
158. Дер. СИМАНОВИЧИ, р. Птичь, правый берег. Поселение. Мил.
159. Дер. СКИТОК, р. Сож, левый берег. Городище. Мил. (?).
Урочища Боров и Гать. Поселения.
160. Г. СЛАВГОРОД, р. Сож. правый берег, в устье р.Прони. Городище. Мил. (?), штрих., К. Русь. В семи км от города по дороге на Быхов. Городище.
161—164. Дер. СЛЕПЦЫ, р. Припять, правый берег.
161. По дороге в г. Туров. Поселение. Мил.
162. Урочище Слепецкие пески. Городище. Мил. варуб.
163. Урочище Слепецкие пески. Грунтовой могильник. Мил.
164. Близ. Дер. Слепцы дер. Знаменка. Городище. Мил., заруб., К. Русь.
165. Дер. СЛОБОДКА ЧЕЛЮЩЕВИЧСКАЯ, р. Птичь, правый берег. Поселение. Мил. (?).
Грунтовой могильник (?)
166. Дер. СМЫЧОК, р. Днепр, левый берег. Поселок Городок. Городище. Мил. штрих. (?) заруб.
167. Дер. СТАРАЯ ЕЛЧА, р. Брагинка, правый берег. Урочище Городок. Озеро Мачулище. Городище. Мил.
Урочища Озеро Игрище и Селище. Поселения.
.168. Дер. СТАРОЕ СЕЛО — поселок ЗОЛОТОЕ, р. Сож. правый берег. Городище, Мил.
При городище поселение.
Против центра деревни. Поселение.
169—171. Дер. СУСЛОВКА, р. Днепр, левый берег, устье р. Сож.
169. Урочище Горбаха. Поселение. Мил., заруб. (?)
170. Урочище Роговое. Находки керамики. Мил.
171. Восточная часть деревни. Находки керамики. Грунтовой могильник (?). Мил. (?), заруб. (?)
Урочище Трояк. Находки керамики.
172. Дер. УЗА, р. Сож, правый берег. Городище. Мил.
173—175. Дер. ХИЛЬЧИЦЫ, р. Ствига, левый берег.
173. Урочище Горка. Поселение. Мил., К. Русь.
174. Урочище Пристань. Поселение. Мил., заруб., послезаруб.
175. Дер. Хильчицы — дер. Хильбавичи. Урочище Городец. Городище. Мил., заруб., послезаруб.
Близ дер. Хильчицы у дер. Ричево. Урочище Городец. Городище.
176. Дер. ХОЛОПЕНИЧИ, р. Птичь, правый берег. Городище. Мил., штрих.
Близ городища — поселение.
177. Пос. ХРАБРЫЙ (Быв.РОВЕНСКАЯ СЛОБОДА)— дер. Городище, р. Днепр, правый берег. Урочище Военный городок. Городище. Мил., заруб.
178. Дер. ХРАКОВИЧИ, р. Днепр, правый берег. Урочище Храковичский бор. Поселение. Мил. Близ дер.Жиличи по направлению на Храковичский бор. Поселение. Возможно повторение.
179—181. Дер. ЧАПЛИН, р. Днепр, правый берег.
179. Урочище Березники. Городище. Мил., заруб., послезаруб., К. Русь.
180. Поселение при городище. Мил., заруб., послезаруб., К. Русь.
181. Грунтовой могильник с трупосожжениями при городище. Мил., заруб.
На современном кладбище — поселение.
Южнее дер. Чаплин в дер. Страдубка — поселение.
182. Дер. ЧЕРНЕВ, р. Днепр, правый берег. Городище или поселение (?). Мил.
183. Дер. ЧЕРНИЧИ, р. Припять, правый берег. Поселение. Мил.
184. Дер. ЧЕРНОЕ, р. Днепр, левый берег. Урочище Городок. Городище. Мил., заруб., К. Русь.
185—186. Г. ЧЕЧЕРСК, р. Сож, правый берег.
185. Урочище Замковая гора. Городище. Мил., заруб., К. Русь.
186. Г. ЧЕЧЕРСК — дер. Ипполитовка. Урочище Захарпольский луг. Поселение (уничтоженное городище (?)). Мил.
Г. Чечерск.— дер. Малыничи. Городище.
187-189. Дер. ЧИКАЛОВИЧИ, р. Брагинка, левый берег
187. Урочище Сиверск. Городище. Мил., К. Русь.
188. Дер. Чйкаловичи — дер. Карловка. Урочище Высокое (Городок). Городище. Мил.
189. Урочище Лаптево. Поселение. Мил. (?).
190. Дер. ШЕРСТИН, р. Сож, правый берег. Урочище Городище. (Ржавец). Поселение (уничтоженное городище). Мил.
Урочище Калиновый Расцяроб (Борок). Городище.
К западу от городища — поселение. К востоку от городища — другое поселение.
191. Дер. Щатково, р. Березина, правый берег. Городище. Мил., штрих., заруб.
Поселение при городище.
192—193. Дер. ШОПОТОВИЧИ, р. Сож, правый берег.
192. Городище. Мил., заруб.
193. В устье р. Липы. Поселение. Мил. (?), заруб. (?).
194—195. Дер. ЩИТЦЫ, р. Днепр, правый берег. Урочище Каплица.
194. Городище. Мил., заруб.
195. Поселение при городище. Мил. Грунтовой могильник (?).
196—198. Дер. ЯНОВО, р. Днепр, правый берег.
196. Городище. Мил., штрих.
197. На север от городища. Поселение. Мил., К. Русь.
198. Поселение на юг от городища. Мил. (?).
199—200. Дер. ЯСЕНЕЦ, р. Припять, правый берег. Два городища. Мил.
Урочище Селище. Поселение.
Урочище Загуменье. Поселение.

Список сокращений

АЛЮР — Археологическая летопись Южной России
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
ВАН БССР — Весці Акадэміі Навук БССР
ВДИ — Вестник древней истории
ВЯ — Вопросы языкознания
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИА АН УССР — Институт археологии АН УССР
ИИ БАН — Институт истории Белорусской АН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
ЛОИИМК — Ленинградское отделение ИИМК
МАР — Материалы по археологии России
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИЗ — Материалы по истории земледелия
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПОКЭ — Прибалтийская объединенная комплексная экспедиция
Працы I — Працы катэдры археологіі, т. I. Менск, 1928
Працы II — Працы археолёгічнай камісіі, т. II. Менск, 1930
Працы III — Працы сэкцыі археолёгіі, т. III. Менск, 1932
РГО — Российское географическое общество
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
Труды АС — Труды археологического съезда

Оглавление

Ольга Николаевна Мельниковская

**ПЛЕМЕНА ЮЖНОЙ БЕЛОРУССИИ
В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ**

Утверждено к печати Институтом
археологии АН СССР

Редактор В. С. Л У П А Ч
Редактор Издательства Л. С. К Р У Ч И Н И Н А
Художник А. Д. С М Е Л Я К О В
Технический редактор И. Н. Д О Р О Х И Н А

Сдано в набор 17/XI 1966 г. Подписано к печати 20/II 1967 г.
Формат 84 X 108$^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 20,79. Уч.-изд. л. 22,3 (22,2 + 1 вкл.).
Тираж 1500 экз. Т-01094. Тип. зак. 1605. Бумага машиномелованная.

Цена 1 р. 44 к.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10